

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

Том 15, № 2, 2022

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сатир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (HESS), Центр исследований индустриализации (СЕМ), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Шрёдер Антониус (Центр социальных исследований технического университета Дортмунда, Дортмунд, Германия)

Штопка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиштоф Т. Конеки, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лажнецов В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Кузнецов С.В., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Макаров В.Л., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Окрепилов В.В., академик РАН (Центр испытаний и сертификации, Санкт-Петербург, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Журнал издается с 2008 года

Периодичность выхода журнала – 6 раз в год

Решением Минобрнауки РФ журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 08.00.00 – экономические науки; 22.00.00 – социологические науки.

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала направляются в Библиотеку Конгресса США и в Германскую национальную экономическую библиотеку.

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.volnc.ru>

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 15, no. 2, 2022

The journal was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties: 08.00.00 – economic sciences; 22.00.00 – sociological sciences.

The journal is included in the following abstract and full text databases: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal's issues are sent to the U.S. Library of Congress and to the German National Library of Economics.

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.volnc.ru>

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)

Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)

Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)

Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)

P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)

Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)

Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)

Antonius Schröder (Social Research Centre, Dortmund University of Technologies, Dortmund, Germany)

Piotr Szompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)

A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)

K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)

O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

O.V. Tret'yakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)

P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)

I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)

D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia)

S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)

D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)

M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)

S.V. Kuznetsov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Problems of Regional Economics (Saint Petersburg, Russia)

E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)

G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.L. Makarov, RAS academician (Central Economic Mathematical Institute of RAS, Moscow, Russia)

A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

V.V. Okrepilov, RAS academician, (State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (Saint Petersburg, Russia)

V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Yu.Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильин В.А., Морев М.В. Рубикон пройден: 24 февраля 2022 г. наступил новый этап развития России в XXI веке	9
---	---

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Полтерович В.М. Конкуренция, сотрудничество и удовлетворенность жизнью. Часть 1. Семерка европейских лидеров	31
Гринберг Р.С., Комолов О.О. Политика протекционизма в России: новые тенденции в контексте проблемы импорта институтов	44

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Давлетшина Л.А. Демографическое образование в современной России: противоречия потребностей и возможностей	55
Шулепов Е.Б., Задумкин К.А., Щербакова А.А. Расширение методологических подходов к оценке качества стратегий социально-экономического развития крупных городов	73

ЭКОНОМИКА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Курбацкий А.Н., Шаклеина Е.И. Экономический рост и загрязнение окружающей среды в США и России: сравнительный пространственно-эконометрический анализ	92
---	----

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Попов Е.В., Семячков К.А. Методы анализа экономического и социального развития умных городов	108
Усков В.С. Развитие информационного общества в РФ: проблемы и перспективы	120

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Максимов А.М., Тутыгин А.Г., Малинина К.О., Чижова Л.А., Блынская Т.А. Проблемные вопросы методологии оценки социального благополучия населения в современной России	138
Скипин Д.Л., Юхтанова Ю.А., Крыжановский О.А., Токмакова Е.Г. Ожидаемая продолжительность жизни в регионах России	156
Короленко А.В., Калачикова О.Н. Репродуктивные установки молодых семей: факторы и условия реализации (по материалам углубленных интервью)...	172
Бурханова Ф.Б., Баймурзина Г.Р. Влияние супруга на репродуктивные установки и мотивы	190

МИРОВОЙ ОПЫТ

Нифтиев И. Интересы Китая в индустриализации Южного Кавказа: сравнительный анализ производительности труда в обрабатывающей отрасли	205
Райчев С., Стоянова Д., Димитрова Г., Маджурова Б. Влияние инноваций на экономику замкнутого цикла	223
Галкин К.А. Социальная политика активного долголетия в России и государствах всеобщего благосостояния Европы: опыт сравнительного анализа	239

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	253
Правила приёма статей	265
Информация о подписке	271

CONTENT

EDITORIAL

- Ilyin V.A., Morev M.V. The Rubicon Has Been Crossed: February 24, 2022, Russia Entered a New Stage in Its Development in the 21st Century 9

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES

- Polterovich V.M. Competition, Collaboration, and Life Satisfaction. Part 1. The Seven of European Leaders 31
- Grinberg R.S., Komolov O.O. Protectionism in Russia: New Trends in the Context of the Import of Institutions 44

PUBLIC ADMINISTRATION

- Rostovskaya T.K., Shabunova A.A., Davletshina L.A. Demographic Education in Modern Russia: Mismatch between the Needs and Opportunities 55
- Shulepov E.B., Zadumkin K.A., Shcherbakova A.A. Expanding Methodological Approaches to Assessing the Quality of Socio-Economic Development Strategies for Large Cities 73

ENVIRONMENTAL ECONOMICS

- Kurbatskiy A.N., Shakleina E.I. Economic Growth and Environmental Pollution in the USA and Russia: Comparative Spatial-Econometric Analysis 92

DEVELOPMENT OF SCIENCE, TECHNOLOGY AND INNOVATION

- Popov E.V., Semyachkov K.A. Methods for Analyzing Economic and Social Development of Smart Cities 108
- Uskov V.S. Development of the Information Society in the Russian Federation: Problems and Prospects 120

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Maksimov A.M., Tutygin A.G., Malinina K.O., Chizhova L.A., Blynskaya T.A. Issues of the Methodology for Assessing Social Well-Being in Contemporary Russia	138
Skipin D.L., Yukhtanova Yu.A., Kryzhanovskii O.A., Tokmakova E.G. Life Expectancy in Russia's Regions	156
Korolenko A.V., Kalachikova O.N. Reproductive Attitudes of Young Families: Driving Forces and Implementation Conditions (on the Basis of In-Depth Interviews)	172
Burkhanova F.B., Baimurzina G.R. Influence of the Spouse on Reproductive Attitudes and Motives	190

GLOBAL EXPERIENCE

Niftiyev I.M. China's Interests in the Industrialization of the South Caucasus: Comparative Analysis of Labor Productivity in the Manufacturing Sector	205
Raychev S., Stoyanova D., Dimitrova G., Madzhurova B. Innovation Impact on the Circular Economy	223
Galkin K.A. Social Policy of Active Aging in Russia and European Welfare States: Comparative Analysis	239

PUBLIC OPINION MONITORING

Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society	253
Manuscript Submission Guidelines	265
Subscription Information	271

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.1

УДК 354, ББК 66.03

© Ильин В.А., Морев М.В.

Рубикон пройден: 24 февраля 2022 г. наступил новый этап развития России в XXI веке

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

E-mail: ilin@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

**Михаил Владимирович
МОРЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

E-mail: 379post@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. 24 февраля 2022 г. после признания независимости Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики (21 февраля 2022 г.) Президент РФ В.В. Путин объявил о начале специальной военной операции на территории Украины. Её цель, как отметил глава государства в своём обращении к россиянам, — «защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима... демилитаризация и денацификация Украины, а также предание суду тех, кто совершил многочисленные кровавые преступления против мирных жителей, в том числе и граждан Российской Федерации». Принятое Президентом РФ решение стало началом нового этапа развития России в XXI веке. Оно запустило масштабные и необратимые изменения, касающиеся не только нашей страны, но и всего мира. Глобальное историческое противостояние между Россией и странами НАТО,

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Рубикон пройден: 24 февраля 2022 г. наступил новый этап развития России в XXI веке // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 2. С. 9–30. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. (2022). The Rubicon has been crossed: February 24, 2022, Russia entered a new stage in its development in the 21st century. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(2), 9–30. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.1

возглавляемыми США (между Россией и «коллективным Западом»), вошло в активную фазу, сопровождающуюся резким обострением международных политических отношений, санкционной политики, вооруженных столкновений. Авторы (традиционно опираясь на экспертные мнения, данные официальной статистики и социологических опросов населения) выражают свою точку зрения на происходящие в мире и непосредственно в России события, анализируют их характер, причины, возможные последствия.

Ключевые слова: специальная военная операция, Президент РФ, Украина, коллективный Запад, новый этап развития.

*Россия начала борьбу за свое будущее, за свое место в XXI веке
и за свое видение будущего XXI века.*

В. Можегов¹

В феврале 2022 г. Президентом РФ В.В. Путиным были приняты решения, которые повлекли за собой крупномасштабные последствия как для нашей страны, так и для всего мира. Без преувеличения можно сказать, что признание независимости ДНР и ЛНР² (21 февраля 2022 г.), а также начало специальной военной операции на территории Украины (24 февраля) открыли новую страницу в многовековой истории противостояния России и «коллективного Запада». Как отметил Президент, **«столкновение с этими силами неизбежно; это только вопрос времени».**

Вынужденный характер спецоперации (что неоднократно подчеркивал глава государства в своих публичных выступлениях) был обусловлен глубокими причинами, связанными с историей противостояния России и Запада, резко обострившегося в конце 2021 – начале 2022 года вследствие:

✓ нагнетания в мировых СМИ русофобской истерии вокруг якобы готовящегося вторжения российских вооруженных сил на территорию Украины (что, в частности, позволило американцам фактически открыто «накачивать» Украину оружием³);

«...на наших же исторических территориях создаётся враждебная нам «анти-Россия», которая поставлена под полный внешний контроль..., для нашей страны – это в итоге вопрос жизни и смерти, вопрос нашего исторического будущего как народа... Это реальная угроза не просто нашим интересам, а самому существованию нашего государства, его суверенитету.

...столкновение России с этими силами неизбежно. Это только вопрос времени... Россия не может чувствовать себя в безопасности, развиваться, существовать с постоянной угрозой, исходящей с территории современной Украины... Нам с вами просто не оставили ни одной другой возможности защитить Россию, наших людей, кроме той, которую мы вынуждены будем использовать сегодня... Повторю, наши действия – это самозащита от создаваемых нам угроз и от ещё большей беды, чем та, что происходит сегодня»⁴.

¹ Можегов В. Спецоперация России положила конец концу истории // Взгляд. 15.04.2022. URL: <https://vz.ru/opinions/2022/4/15/1153019.html>

² Указ Президента РФ о признании Донецкой Народной Республики. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202220002>; Указ Президента РФ о признании Луганской Народной Республики. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202220001>

³ По некоторым сведениям, данный процесс шел еще с апреля 2021 г., однако к концу года он стал совершенно открытым; на территорию Украины осуществлялись поставки оружия по несколько рейсов в день. URL: <https://www.5-tv.ru/news/382710/opublikovany-dokazatelstva-cto-ssa-nakacivali-oruziem-ukrainu-v2021-godu/>

⁴ Обращение Президента РФ к гражданам России 24 февраля 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843>

✓ игнорирования Соединенными Штатами Америки ключевых требований России по проектам договора о гарантиях безопасности и соглашения о мерах обеспечения безопасности России и стран НАТО⁵;

✓ реальной угрозы формирования на территории Украины ядерного потенциала (что, по словам Президента РФ, «кардинально изменит ситуацию в мире, в Европе и особенно для России»⁶);

✓ угрозы вступления Украины в НАТО, а следовательно – размещения на её территории вооруженных сил Альянса, что стало бы «**прямой угрозой безопасности России**»⁷;

✓ наконец, новых обстрелов Луганской и Донецкой Народных Республик со стороны вооруженных сил Украины, о степени интенсивности которых говорит тот факт, что 18 февраля 2022 г. руководство ДНР и ЛНР было вынуждено объявить об эвакуации части мирного населения (женщин, детей, стариков, всего около 700 тыс. чел.⁸) на территорию Российской Федерации.

В итоге, как отметил В.В. Путин в обращении к россиянам 24 февраля 2022 г., объявляя о начале спецоперации на Украине, нам **«просто не оставили ни одной другой возможности защитить Россию, наших людей, кроме той, которую мы вынуждены использовать сегодня»**.

После начала спецоперации, целью которой Президент объявил демилитаризацию и денацификацию Украины, а также «защиту людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима», между Россией и коллективным Западом разгорелось крупномасштабное (не только военное, но и экономическое, политическое, идеологическое) противостояние, **глобальность последствий которого для нашей**

«Обстоятельства требуют от нас решительных и незамедлительных действий. Народные республики Донбасса обратились к России с просьбой о помощи. В связи с этим в соответствии со статьёй 51 части 7 Устава ООН, с санкции Совета Федерации России и во исполнение ратифицированных Федеральным Собранием 22 февраля сего года договоров о дружбе и взаимопомощи с Донецкой Народной Республикой и Луганской Народной Республикой мною принято решение о проведении специальной военной операции. **Её цель – защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима. И для этого мы будем стремиться к демилитаризации и денацификации Украины, а также преданию суду тех, кто совершил многочисленные кровавые преступления против мирных жителей, в том числе и граждан Российской Федерации...**»⁹

страны сравнима с такими историческими событиями, как Революция 1917 г., победа в Великой Отечественной войне 1945 г. и распад СССР в 1991 г.

У мирового кризиса, наблюдаемого сегодня, есть несколько глубоких оснований, каждое из которых указывает на его **закономерность и неизбежность**. Чрезвычайный и Полномочный посол России В.В. Попов к таким основаниям относит, например, многовековое историческое противостояние между русской и англо-саксонской цивилизациями. Многие зарубежные эксперты уже давно говорят о кризисе капитализма и поднимают вопрос о том, не как реформировать эту систему, а «что придет ему на смену»¹⁰.

⁵ О российских проектах документов по обеспечению правовых гарантий безопасности со стороны США и НАТО // Официальный сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1790809/

⁶ Из Обращения Президента к россиянам 21 февраля 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67828>

⁷ Там же.

⁸ Обострение в Донбассе: что произошло 18 февраля 2022 года. URL: <https://officelife.media/news/31222-obostrenie-na-nbsp-donbasse-cto-proizoshlo-18-nbsp-fevralya-2022-goda/>

⁹ Обращение Президента РФ к гражданам России 24 февраля 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843>

¹⁰ См., например: Валлерстайн И., Коллинз Р., Манн М., Дерлугьян Г., Калхун К. (2015). Есть ли будущее у капитализма?: сб. ст. М.: Изд-во Института Гайдара. 320 с.

Попов В.В.: «...речь идет о крупнейшем водоразделе в истории XXI в. – о противостоянии между российской (ее иногда называют евразийской или православной цивилизацией) и западной цивилизацией. Исход этой конфликтной ситуации во многом зависит от нашего успеха на Украине... успех нашей военной операции на Украине вдохновит большую часть мирового сообщества на более смелое отстаивание своей самостоятельности, право самим определять свою политику и судьбу»¹¹.

Валлерстайн И.: «Капитализм – это система, а все системы имеют свой срок жизни, они не вечны... Вопрос, который теперь стоит перед миром, не в том, как правительства могут реформировать капиталистическую систему... встает вопрос о том, что придет ей на смену»¹².

С этими точками зрения трудно не согласиться, однако, на наш взгляд, корни сегодняшней напряженной мировой ситуации находятся также в специфике истории современной России, в её поступательном развитии начиная с 2000 года, когда пост главы государства занял В.В. Путин.

По сути, вся эта история (с 2000 г. по настоящее время) представляет собой доказательство того, что «крупнейшая геополитическая катастрофа XX века»¹³ – развал Советского Союза, целенаправленно спланированный американцами (как отмечают многие эксперты – А. Фурсов, К. Семин и др.) и подведший черту под итогами «холодной войны» 1946–1991 гг., несмотря на всю масштабность своих последствий для России, не оказался необратимым процессом.

Выдержка из доклада директора ЦРУ У. Кейси перед Президентом США Р. Рейганом (1981 г.): «Наступила благоприятная ситуация, чтобы нанести серьезный ущерб Советам, ввергнуть в полный хаос их экономику, а затем взять под контроль и под свое влияние дальнейшее развитие событий в обществе и государстве... у нас есть исторический шанс – и мы не должны его упустить»¹⁴.

Фурсов А.: «Капитуляция Горбачева, по сути, сдача соцлагеря и СССР, произошедшая 2–3 декабря 1989 года на Мальте, – финальный акт довольно длительного процесса взаимодействия части западной и части советской верхушек»¹⁵.

Сёмин К.: «...один из важнейших факторов, определивших гибель Советского Союза, и мы ссылаемся на этот фактор постоянно, когда обсуждаем причины, это успешная диверсионная и психологическая война нашего главного противника, нацеленная против Советского Союза»¹⁶.

И, безусловно, этот процесс (возвращения России на мировую геополитическую арену, восстановления, казалось бы, утраченной в 1990-е годы национальной идентичности) связан непосредственно с личностью и ролью Президента РФ В.В. Путина, который еще в момент своей первой инаугурации сказал о том, что берет на себя «огромную ответственность», поскольку «в России глава государства всегда был и будет человеком, который отвечает за все, что происходит в стране...»¹⁷.

¹¹ Попов В.В. Противостояние российской и западной цивилизаций / Российский совет по международным делам. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/tiadigest/protivostoyanie-rossiyskoy-i-zapadnoy-tsivilizatsiy/?sphrase_id=90100562 (Попов В.В. – Чрезвычайный и Полномочный посол России, к.и.н., аналитик Института международных исследований и Центра ближневосточных исследований МГИМО МИД России, член РСМД).

¹² Валлерстайн И., Коллинз Р., Манн М., Дерлугьян Г., Калхун К. (2015). Есть ли будущее у капитализма?: сб. ст. М.: Изд-во Института Гайдара. 320 с.

¹³ Послание Президента Российской Федерации от 25.04.2005 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36354>

¹⁴ Широинин В.С. КГБ – ЦРУ. Секретные пружины перестройки. Москва: Ягуар, 1997. URL: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=32756&page=21>

Широинин В.С. (1939–2001) – генерал-майор, начальник одного из аналитических центров КГБ, зам. начальника советской контрразведки, старший консультант при руководителях ведомства госбезопасности.

¹⁵ Удел тех, у кого нет идеологии, – пикник на обочине Истории // Официальный сайт А. Фурсова. 02.12.2014. URL: http://andreyfursov.ru/news/udel_tekh_u_kogo_net_ideologii_piknik_na_obochine_istorii/2014-12-02-384

¹⁶ Причины крушения СССР. К. Сёмин и Е. Спицын. 17.03.2017. URL: <https://aftershock.news/?q=node/499037&full>

¹⁷ Инаугурационная речь Владимира Путина 7 мая 2000 года. URL: https://www.mn.ru/blogs/blog_reference/80928

В последующие десятилетия Президент неоднократно подтверждал тот факт, что несет личную ответственность за положение дел в России и за судьбу страны в целом. Это не просто звучит в его публичных выступлениях¹⁸, но и зафиксировано в ключевых стратегических документах национального развития¹⁹. По сути, вся система государственного управления выстроена им таким образом, что конкретная личность является в ней главным «арбитром»²⁰.

При этом лично В.В. Путин обладает наиболее высоким уровнем доверия среди населения по сравнению со всеми основными государственными и общественными институтами (рисунок), и это доверие возникло не на пустом месте, а является отражением общественной поддержки его деятельности и озвучиваемых им стратегических ориентиров развития России.

В целом за период с 2000 по 2022 год ни к

одному из основных государственных и общественных институтов в стране уровень доверия населения не снизился, а по большинству из них (13 из 21) замечен ощутимый рост (5 п. п. и более; табл. 1). Это наглядно характеризует отношение людей ко всей системе государственного управления, созданной Президентом. Поэтому можно сказать, что вся история развития России при В.В. Путине — это история реализации поддерживаемого обществом его представления о будущем страны, которое он изложил еще в своей первой программной статье «Россия на рубеже тысячелетий» (1999 г.): государство, основанное трех столпах — «Российская идея. Сильное государство. Эффективная экономика»²¹.

Путь, начатый Президентом в 2000 г., изначально был рассчитан на длительный период, и та настойчивость, которую глава государства проявлял в достижении своих целей на протяжении многих лет, в некотором смысле свидетельствует о пассионарном характере его личности.

Динамика уровня доверия Президенту РФ, % от числа опрошенных

* Представлены среднегодовые данные по периодам президентских сроков:
 2000–2003 гг. – I президентский срок В.В. Путина;
 2004–2007 гг. – II президентский срок В.В. Путина;
 2008–2011 гг. – президентский срок Д.А. Медведева;
 2012–2017 гг. – III президентский срок В.В. Путина.

** Данные за апрель 2022 г.

Источник: мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.

¹⁸ См., например: Большая пресс-конференция В. Путина 18.12.2014 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47250>

¹⁹ См., например: Стратегия национальной безопасности 2015 (ст. 108) // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/40391/page/1>

²⁰ Арбитраж Путина // Независимая газета. 17.11.2016. URL: https://www.ng.ru/editorial/2016-11-17/2_6861_red.html

²¹ Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 30.12.1999. URL: https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html

Таблица 1. Динамика уровня доверия государственным и общественным институтам, % от числа опрошенных

Вариант ответа*	Год	Среднегодовые данные				Год					Изменение (+/-), п. п.
	2000	2000–2003	2004–2007	2008–2011	2012–2017	2018	2019	2020	2021	2022**	
Церкви	42,3	42,6	44,3	47,8	44,7	50,0	46,5	45,5	46,6	47,5	+5
Прокуратуре	30,9	28,9	31,9	36,8	39,5	47,1	43,6	43,1	44,6	47,3	+16
Правительству РФ	42,7	39,3	39,3	51,7	45,5	47,3	41,0	41,0	40,1	45,2	+3
Суду	31,6	30,9	33,9	37,4	39,1	45,3	39,4	38,1	42,1	44,7	+13
ФСБ	34,2	32,6	33,4	37,5	38,5	45,2	41,0	42,7	43,9	44,3	+10
Полиции	27,2	26,0	27,0	33,6	37,2	44,4	40,7	41,6	43,9	44,3	+17
Армии	37,0	33,8	27,8	35,0	39,6	47,2	40,8	38,5	43,0	43,5	+7
Руководству области	31,3	28,6	35,3	40,3	36,6	35,4	33,5	34,2	35,6	37,5	+6
Органам местного самоуправления	н.д.	н.д.	29,5	35,9	32,9	34,4	31,6	30,3	32,3	35,4	+6
Научным организациям	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	32,8	30,3	30,3	36,1	34,8	+2
Совету Федерации	28,3	27,9	31,7	39,3	37,4	37,4	32,2	31,9	30,3	33,4	+5
Государственной Думе	23,0	22,5	27,6	35,3	33,1	33,8	28,6	27,7	29,0	32,5	+10
Общественной палате РФ	н.д.	н.д.	н.д.	27,3	31,2	31,0	27,4	27,8	28,3	31,5	+4
СМИ	30,2	29,1	29,1	30,5	28,0	29,8	26,7	26,9	29,5	30,7	+1
Общественной палате области	н.д.	н.д.	н.д.	25,3	28,1	28,3	25,6	25,9	27,6	30,2	+5
Профсоюзам	28,4	26,0	27,6	31,0	27,4	33,3	29,7	28,4	31,8	29,9	+2
Общественным организациям	н.д.	н.д.	11,1	27,5	25,5	28,1	24,9	24,7	28,5	28,6	+18
Директорам, руководителям предприятий	19,6	20,1	23,8	24,5	23,0	25,1	20,5	21,2	24,4	23,9	+4
Банковским, предпринимательским кругам	12,4	13,9	20,5	22,2	19,4	20,7	17,6	18,9	22,8	22,5	+10
Политическим партиям, движениям	20,4	12,9	17,2	23,1	19,5	22,3	19,7	18,7	20,0	20,4	0

* Варианты ответа «Общественной палате РФ» и «Общественной палате области» включены в список в 2010 г., варианты ответа «Общественным организациям» и «Органам местного самоуправления» – в 2006 г., вариант ответа «Научным организациям» – в 2018 г.
** Данные за апрель 2022 г.
Источник: мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН. Ранжировано по данным за 2022 г.

Пассионарность, как писал автор данной теории Л. Гумилев, является «движущей силой... истории», а пассионарность как характеристика личности — это «способность к сверхнапряжению ради достижения поставленной цели».

«Пассионарность – это способность к сверхнапряжению ради достижения поставленной цели; непреодолимое внутреннее стремление (осознанное или чаще неосознанное) к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели... Цель эта представляется пассионарной особи ценнее даже собственной жизни...»²²

Каждый шаг этого пути реализовывался последовательно и методично, с учетом внешних политических условий и внутреннего состояния российского общества и государства. Так, например, выступление В.В. Путина на «мюнхенской конференции» в 2007 г. произошло не «вдруг», а именно тогда, когда Россия набрала достаточную силу для того, чтобы публично выразить и в случае необходимости отстаивать свою позицию на международной арене, то есть после экономического подъема 2004–2007 гг. (табл. 2); после формулирования в администрации Президента идеи «суверенной демократии» как «нашей российской модели», противопоставляемой западной модели «управляемой демократии»²³; после укрепления

²² Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2001. С. 269.

²³ Мы строим суверенную демократию // Российская газета. 29.06.2006. URL: <https://rg.ru/2006/06/29/kreml.html>

Таблица 2. Среднегодовые темпы прироста основных социально-экономических показателей
(стоимостные показатели в сопоставимых ценах), % к предыдущему году

Показатель	1991–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2008
Среднегодовая численность занятых в экономике	-2,7	-0,5	0,7	0,8
Фактическое конечное потребление домашних хозяйств		0,1	8,7	10,5
Реальные денежные доходы населения	-8,0	-2,1	11,6	10,2
Реальная начисленная заработная плата	-18,2	-3,8	12,6	14,3
Реальный размер назначенных пенсий (1993–2001 гг. – с учетом компенсации)	-12,5	-5,4	11,3	9,1
Валовой внутренний продукт		1,6	6,2	7,1
Расходы на конечное потребление	н.д.	0,5	7,6	9,6
Основные фонды в экономике	1,2	0,0	1,3	3,0
Ввод в действие основных фондов	-20,5	-1,5	12,3	12,0
Промышленное производство [*]	-13,0	1,0	5,6	4,9
Продукция сельского хозяйства	-7,7	-1,3	3,1	5,9
Ввод в действие общей площади жилых домов	-12,1	-8,2	7,0	15,3
Оборот розничной торговли	-1,8	1,0	11,0	14,5
Инвестиции в основной капитал	-22,1	-8,6	9,2	17,4
Внешнеторговый оборот	н.д.	-1,1	19,8	27,4

^{*} Данные приведены по индексу производства, рассчитанному по видам экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды». С учетом поправки на неформальную деятельность.
Источник: Среднегодовые темпы прироста основных социально-экономических показателей // Российский статистический ежегодник – 2009 / Росстат. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b09_13/lssWWW.exe/Stg/html1/01-03.htm

в стране гражданского общества (в частности за счет учреждения Общественной палаты РФ в 2005 г. и последующего процесса организации её представительств во всех регионах страны).

В период своего второго президентского срока (2004–2007 гг.) В.В. Путин, даже вопреки мнению большинства россиян, которые хотели бы видеть его в должности главы государства в 2008 году (по данным социологических опросов, эту точку зрения разделяли 60% населения страны²⁴), не стал инициировать изменения в Конституцию РФ, проявив себя, таким образом, как человека, уважающего и не собирающегося нарушать действующее в стране законодательство.

Период 2008–2011 гг., когда пост главы государства занимал Д.А. Медведев (человек, который, как отмечают эксперты, «не любил при-

нимать на себя ответственность за сложные решения..., не играл стратегической роли в системе правительства», на «премьерство которого пришлось самое длительное падение доходов населения»²⁵); когда страна проходила через мировой финансовый кризис 2008 года и когда руками «пятой колонны» коллективно Западу удалось организовать массовые протестные выступления на Болотной площади (по сути, то же самое испытание, которое не смогла выдержать украинская государственность и которое позже «апробировалось» на территориях Белоруссии и Казахстана), был, пожалуй, самым «уязвимым» для страны. Однако, после того как российское общество поддержало В.В. Путина на президентских выборах 4 марта 2012 г.²⁶, начался второй этап движения России к достижению национального суверенитета.

²⁴ По данным опроса Romir Monitoring, проведенного в 2005 году, 65% россиян говорили о том, что не видят достойных кандидатур на пост Президента РФ в 2008 году. 28% россиян поддерживали идею изменения Конституции РФ таким образом, чтобы В. Путин смог выдвинуть свою кандидатуру на третий президентский срок (источник: Россияне хотят видеть в 2008 г. президентом В. Путина // РБК. 08.05.2005. URL: <https://www.rbc.ru/politics/08/09/2005/5703bb289a7947afa08c8771>

²⁵ Время Дмитрия Медведева: нерешительность, зависимость, стабилизация // Ведомости. 16.01.2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/01/16/820713-vremya-medvedeva>

²⁶ За В.В. Путина на выборах Президента в 2012 г. проголосовало 64% избирателей (45,6 млн чел.).

В этот период под личным контролем главы государства (что было зафиксировано в Стратегии национальной безопасности 2015 г.²⁷) начался активный процесс восстановления российской армии, в результате которого «произошел настоящий прорыв в сфере создания новых вооружений, пионерских разработок, которых нет ни у кого в мире... серьезный прорыв, который обеспечивает России безопасность и не позволяет втянуть ее в гонку вооружений»²⁸.

Реальные «плоды» этого прорыва, позволяющие России иметь «такую систему обороны, которая надёжно обеспечит её безопасность на длительную перспективу»²⁹, Президентом были визуально продемонстрированы в ходе Послания Федеральному Собранию РФ 2018 г.

«Все эти годы после одностороннего выхода США из Договора по ПРО [13 декабря 2001 г.] мы напряжённо работали над перспективной техникой и вооружением. Это позволило нам сделать стремительный, большой шаг в создании новых образцов стратегического оружия»³⁰.

Таким образом, на протяжении всех последних десятилетий шел процесс формирования российских вооруженных сил как современной армии, обладающей передовым вооружением, реальным боевым опытом³¹, способной в случае необходимости обеспечить защиту суверенитета России.

Другим ключевым условием реализации обозначенных В.В. Путиным в 1999 году ориентиров национального развития являлась подготовка

внутреннего состояния российского общества к потенциальному (а теперь уже свершившемуся) факту эскалации конфликта с «коллективным Западом». С этой целью Президент продолжил осуществлять конкретные шаги, направленные на укрепление традиционных морально-нравственных ценностей, гражданского общества и национальной идентичности.

6 мая 2011 г. на межрегиональной конференции партии «Единая Россия» В.В. Путин выступил с инициативой о создании Общероссийского народного фронта (ОНФ) — «широкого общественного движения»³², через которое, в том числе, шло «обновление партии „Единая Россия“»³³. 11–12 июня 2013 г. состоялся учредительный съезд ОНФ, на котором В.В. Путин был избран лидером ОНФ.

В 2013 году в ходе выступления на международном Валдайском форуме Президентом РФ была предпринята **первая масштабная попытка сформулировать новую политическую идеологию для России после распада Советского Союза**, а также рассмотреть в критическом ключе вопрос о ценностях, которые должны лечь в основание новой российской идентичности, Евразийского мира и международных отношений»³⁴. При этом сам В.В. Путин, как отметили эксперты, выступил в роли «критика всей современной модели развития западной цивилизации»³⁵.

Во *вкладке 1* мы приводим прямые выдержки из этого выступления В.В. Путина. Мы считаем это крайне важным, поскольку то, о чем говорил Президент в 2013 году, то есть почти 10 лет назад, на фоне происходящих в 2022 году событий не утратило, а лишь усилило свою актуальность.

²⁷ Ст. 108. «Реализация государственной политики Российской Федерации в сфере обеспечения национальной безопасности осуществляется путем согласованных действий всех элементов системы ее обеспечения **под руководством Президента Российской Федерации** и при координирующей роли Совета Безопасности Российской Федерации».

²⁸ Мнение политолога В. Шаповалова. URL: <https://news.rambler.ru/other/44139899-glavnye-resheniya-putina-zachetvertyyu-prezidentskiy-srok/>

²⁹ Послание Президента Федеральному Собранию РФ 01.03.2018 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>

³⁰ Там же.

³¹ С 2015 г. по официальному запросу президента Сирии Б. Асада российские вооруженные силы участвуют в боевых действиях на территории Сирийской Арабской Республики на стороне правительственных войск.

³² Выступление В. Путина на учредительном съезде ОНФ 12 июня 2011 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/18328>

³³ Стенограмма выступления В. Путина на съезде «Единой России» // Российская газета. 24.09.2011. URL: <https://rg.ru/2011/09/24/putin-stenogramma.html>

³⁴ Махмудов Р. Валдайская речь Владимира Путина: критический анализ // Информационный портал. URL: <http://www.12news.uz/news/2013/09/30/валдайская-речь-владимира-путина/>

³⁵ Акопов П.Э. Валдай после Мюнхена // Взгляд. 20.09.2013. URL: <http://vz.ru/politics/2013/9/20/651345.html>

*Вкладка 1***Выдержки из выступления Президента РФ В.В. Путина на Валдайском форуме 19 сентября 2013 г.**

- 1. Для россиян, для России вопросы «кто мы?», «кем мы хотим быть?» звучат в нашем обществе всё громче и громче... Наше движение вперёд невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения, иначе мы не сможем противостоять внешним и внутренним вызовам, не сможем добиться успеха в условиях глобальной конкуренции...**
- 2. После 1991 года была иллюзия, что новая национальная идеология, идеология развития, родится как бы сама по себе. Государство, власть, интеллектуальный и политический класс практически самоустранились от этой работы... отсутствие национальной идеи, основанной на национальной идентичности, было выгодно той квазиколониальной части элиты, которая предпочитала воровать и выводить капиталы и не связывала своё будущее со страной, где эти капиталы зарабатывались...**
- 3. Суверенитет, самостоятельность, целостность России безусловны. Это те «красные линии», за которые нельзя заходить...**
- 4. Практика показала, что новая национальная идея не рождается и не развивается по рыночным правилам. Самоустройство государства, общества не сработало, так же как и механическое копирование чужого опыта. Такие грубые заимствования, попытки извне цивилизовать Россию не были приняты абсолютным большинством нашего народа, потому что стремление к самостоятельности, к духовному, идеологическому, внешнеполитическому суверенитету — неотъемлемая часть нашего национального характера. К слову сказать, не сработывает такой подход и во многих других странах. Прошло то время, когда готовые модели жизнеустройства можно было устанавливать в другом государстве просто как компьютерную программу.**

Вкладка 1 (продолжение)

5. Мы видим, как многие евроатлантические страны фактически пошли по пути отказа от своих корней, в том числе и от христианских ценностей, составляющих основу западной цивилизации. Отрицаются нравственные начала и любая традиционная идентичность: национальная, культурная, религиозная или даже половая. Проводится политика, ставящая на один уровень многодетную семью и однополое партнёрство, веру в бога или веру в сатану... **Убеждён, это прямой путь к деградации и примитивизации, глубокому демографическому и нравственному кризису. Что ещё может быть большим свидетельством морального кризиса человеческого социума, как не утрата способности к самовоспроизводству?**

6. Россия, как образно говорил философ Константин Леонтьев, всегда развивалась как «цветущая сложность», как государство-цивилизация, скреплённая русским народом, русским языком, русской православной церковью и другими традиционными религиями России. Именно из модели государства-цивилизации вытекают особенности нашего государственного устройства. Оно всегда стремилось гибко учитывать национальную, религиозную специфику тех или иных территорий, обеспечивая многообразие в единстве. Христианство, ислам, буддизм, иудаизм, другие религии — неотъемлемая часть идентичности и исторического наследия России в настоящей жизни её граждан.

7. Формирование именно гражданской идентичности на основе общих ценностей, патриотического сознания, гражданской ответственности и солидарности, уважения к закону, сопричастности к судьбе Родины без потери связи со своими этническими, религиозными корнями — необходимое условие сохранения единства страны.

8. Годы после 91-го принято называть постсоветским этапом. Мы пережили, преодолели это бурное драматическое время. Россия, как это уже бывало в истории не раз, пройдя через ломки, испытания, возвращается к самой себе, возвращается в собственную историю. Упрочив свою национальную самобытность, укрепив свои корни, оставаясь открытыми и восприимчивыми к лучшим идеям и практикам Востока и Запада, мы должны и будем идти вперёд.

Источник: Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243>

Одним из ключевых шагов, предпринятых главой государства для укрепления национальной идентичности российского общества, стало вхождение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации, что произошло в результате неприятия жителями этих территорий результатов государственного переворота в Киеве в феврале 2014 г. и общекрымского референдума (16 марта 2014 г.), на котором 96,77% граждан Крыма (1,2 млн чел.) и 95,6% жителей Севастополя (262 тыс. чел.) высказались за воссоединение с Россией³⁶.

«Внешнеполитическая позиция президента, воссоединение с Крымом, отношение к восставшему Донбассу, категорическое неприятие любых революционных сценариев смены власти внутри страны сформировали **новый социальный организм, который сегодня принято называть „Крымский консенсус“ или „Путинский консенсус“**. Единство данного консенсуса постоянно укрепляется в результате общественной рефлексии и расширения понимания сути геополитической и исторической ситуации»³⁷.

«Крымская весна» 2014 года, как отмечает политолог Д.Е. Куликов, сформировала в России «новый социальный организм... Крымский или Путинский консенсус», фактически разделив общественно-политическую жизнь страны на «до» и «после».

Дальнейшая жизнеспособность и развитие этого консенсуса во многом зависели от возможностей главы государства продолжать линию национально ориентированного развития страны, то есть от возможности продления срока его президентских полномочий, закан-

чивающегося (согласно Конституции РФ) в 2024 году. Поэтому следующим важным шагом Президента стало инициирование изменения Конституции РФ, о чем он объявил в Послании Федеральному Собранию 15 января 2020 г.

Социально и патриотически ориентированные поправки в Конституцию РФ фактически «конституционализировали социальное государство»³⁸ в России, а также способствовали укреплению государственного устройства; в частности, за счет введения нового понятия «публичной власти» и «обнуления» президентских сроков В.В. Путина. Это законодательно даёт ему возможность баллотироваться на пост главы государства ещё два раза, то есть потенциально возглавлять страну до 2036 года.

Важно отметить, что по итогам общероссийского голосования по внесению изменений в Конституцию РФ (25 июня – 1 июля 2020 г.) инициативу главы государства поддержало подавляющее большинство избирателей (78%, или почти 58 млн чел.), что даже больше, чем поддержка В.В. Путина на президентских выборах 2018 года (77%, или 56 млн чел.).

В целях укрепления внутреннего, духовно-ценностного состояния российского общества Президентом было принято еще немало важных решений:

- ✓ активизирована деятельность по нивелированию возможностей дестабилизации политической и общественной ситуации в стране со стороны «пятой колонны»³⁹;

- ✓ внесены изменения в Стратегию национальной безопасности 2021 г. (как отметили эксперты, в ней «впервые была выпукло отмечена система национальных ценностей или нравственных, нравственно-духовных ценностей»⁴⁰);

³⁶ История воссоединения Крыма с Россией // ТАСС. 15.03.2019. https://tass.ru/info/6222164?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru

³⁷ Куликов Д.Е. Крымский консенсус: политический смысл и значение // РИА-новости. 24.03.2015. URL: <https://ria.ru/20150324/1054181774.html>

³⁸ Скоробогатый П. Путин создает в России «глубинное государство» (материалы интервью с политологом, преподавателем МГИМО МИД РФ А. Зудиным) // Эксперт. № 13. 23.03.2020. С. 44.

³⁹ В частности, в 2021 году все штабы А. Навального* были включены в «Перечень организаций, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму», а спустя почти год Президент подписал Федеральный закон от 04.06.2021 № 157-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации“ и статью 4 Федерального закона „О выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации“», согласно которому их деятельность (причем на основаниях, не противоречащих российскому законодательству) была фактически прекращена.

* Деятельность штабов А. Навального признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

⁴⁰ Мнение директора Центра военно-политических исследований МГИМО А. Подберезкина (источник: Эксперты оценили перемены в подписанной Путиным стратегии нацбезопасности // РБК. 03.07.2021. URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/07/2021/60e0a1c79a7947a36edadc3d>

✓ в декабре 2021 г. появился проект указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» — **«межотраслевого документа стратегического планирования в сфере национальной безопасности Российской Федерации**, определяющего систему целей, задач и инструментов реализации стратегического национального приоритета «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» в части, относящейся к защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁴¹.

Все эти последовательные решения и инициативы, исходящие непосредственно от Президента, «медленно, но верно» сформировали в общественном сознании понимание того, что «Россия никогда не станет частью западного мира, ибо мы религиозный и цивилизационный антипод англо-саксонского единства»⁴². И это, на наш взгляд, являлось важной задачей, реализованной Президентом, для укрепления российской государственности и достижения полного национального суверенитета.

Таким образом, мы видим, что действия В.В. Путина по достижению обозначенных им в 1999 г. ориентиров развития страны носили системный и последовательный характер. Что немаловажно, на протяжении всего этого периода российское общество поддерживало главу государства, о чем свидетельствовали не только итоги прошедших за этот период президентских и парламентских голосований (а также общероссийского голосования по поправкам к Конституции), но и регулярные опросы общественного мнения (*вкладка 2*).

Постепенное движение к достижению полного национального суверенитета, усиление геополитического статуса и роли России в международном пространстве никак не могли устраивать «коллективный Запад» в лице США и возглавляемых ими стран-участниц Североатлантического альянса⁴³, поэтому ими была активизирована системная работа по сдерживанию развития нашей страны. Фактически, таким образом была развязана гибридная война против России, которую некоторые эксперты охарактеризовали как «Холодная война 2.0».

Комплекс мер в рамках фактически открытой, публичной, указанной в официальных стратегических документах США (в частности Национальной военной стратегии США 2015 г. и Национальной оборонной стратегии США 2018 г.) внешней политики, направленной на сдерживание развития России, достаточно широк и разнообразен.

В предисловии к Национальной военной стратегии США 2015 г.⁴⁴ указано, что основными угрозами для США являются «ревизионистские государства, бросающие вызов международным нормам», и экстремистские группировки. **К странам, вызывающим обеспокоенность у военного руководства США, стратегия относилась Россию, Китай, Иран и КНДР⁴⁵.**

В Национальной оборонной стратегии США 2018 г. (National Defense Strategy, NDS) **главными нарушителями мирового спокойствия и угрозами американской безопасности названы четыре страны: Китай, Россия, КНДР и Иран⁴⁶.**

⁴¹ Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей / Цифровая платформа «Стратегия 24». 09.02.2022. URL: <https://strategy24.ru/rf/culture/projects/osnovy-gosudarstvennoy-politiki-po-sokhraneniyu-i-ukrepleniyu-traditsionnykh-rossiyskikh-dukhovnonravstvennykh-tsennostey>

⁴² Одинцов А.В. 30 лет реформ: как капитализм уничтожает Россию // Центр Сулакшина. 25.12.2020. URL: <https://rusrand.ru/analytics/30-let-reform-kak-kapitalizm-unichtojaet-rossiyu>

⁴³ В настоящее время в состав НАТО входят 30 стран: США, Великобритания, Германия, Франция, Италия, Испания, Канада, Бельгия, Дания, Исландия, Норвегия, Нидерланды, Люксембург, Португалия, Греция, Турция, Венгрия, Польша, Чехия, Болгария, Латвия, Литва, Румыния, Словакия, Словения, Эстония, Албания, Хорватия, Черногория, Северная Македония (источник: Официальный сайт организаций Североатлантического договора. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_52044.htm)

⁴⁴ The National Military Strategy of the United States of America 2015. URL: http://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/2015_National_Military_Strategy.pdf

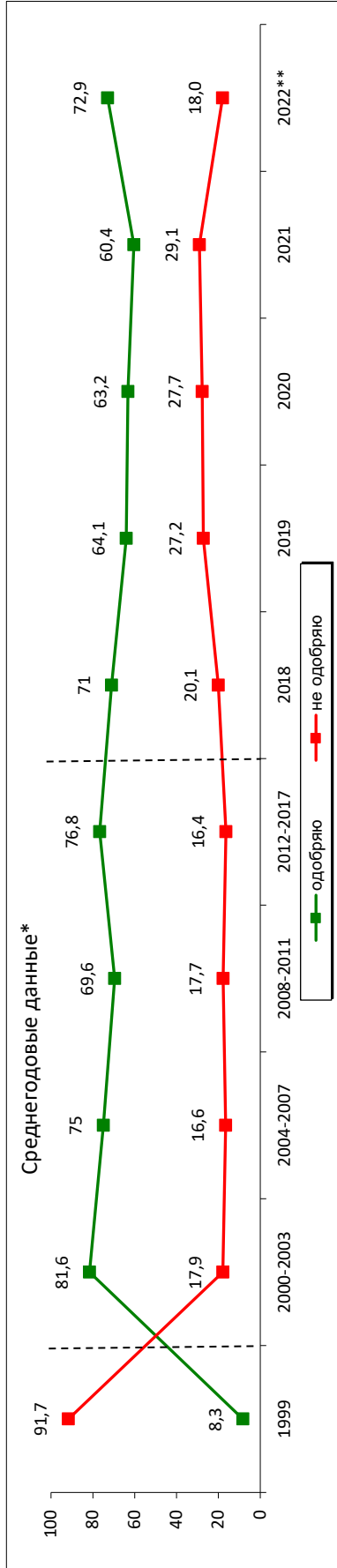
⁴⁵ США включили Россию в пятерку угроз национальной безопасности // РБК. 19.01.2018. URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/01/2018/5a61ccc09a7947061eb2ed36>

⁴⁶ National Defense Strategy Will Enhance Deterrence / U.S. Department of defense. 19.01.2018. URL: <https://www.defense.gov/News/Article/Article/1419045/dod-official-national-defense-strategy-will-rebuild-dominance-enhance-deterrence/>

Вкладка 2

Динамика оценки деятельности Президента РФ

Данные ВЦИОМ (в % от числа опрошенных)

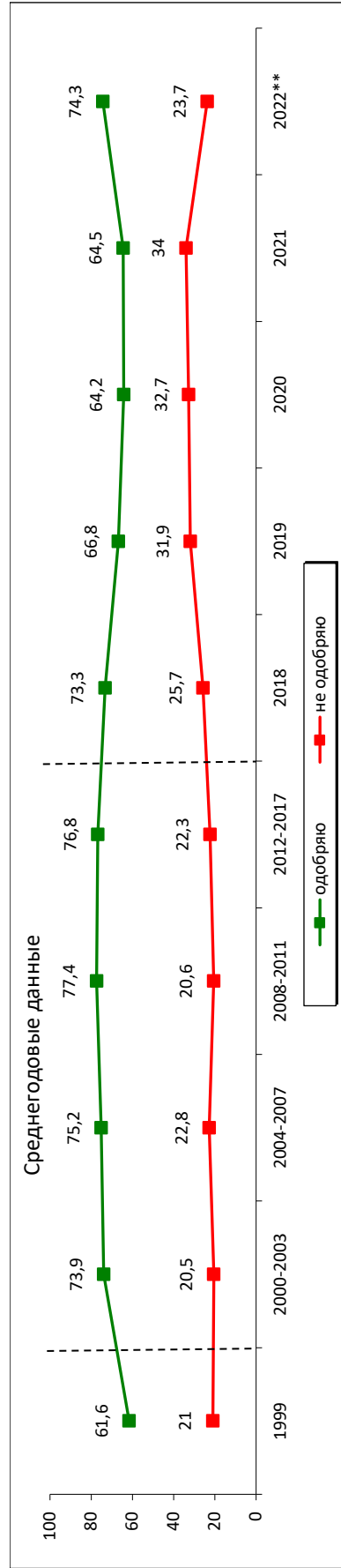
* Представлены среднегодовые данные по периодам президентских сроков:

2000–2003 гг. – I президентский срок В.В. Путина, 2004–2007 гг. – II президентский срок В.В. Путина,

2008–2011 гг. – президентский срок Д.А. Медведева, 2012–2017 гг. – III президентский срок В.В. Путина.

** Данные за 2022 г. – среднее за период с января по 10 апреля 2022 г.

Данные Левада-Центра* (в % от числа опрошенных)

* Внесен в реестр иностранных агентов.

** Данные за 2022 г. – среднее за январь – март 2022 г.

По данным регулярных опросов ВЦИОМ и Левада-Центра (внесен в реестр иностранных агентов), на протяжении всех президентских сроков В.В. Путина большинство россиян (более 60%) давали положительную оценку его деятельности. Удельный вес отрицательных суждений не превышал 30–34%.

Он включал в себя тактические (продиктованные текущей геополитической ситуацией и внутренней политической ситуацией в нашей стране) и стратегические (работающие «вдолгую», рассчитанные на многолетнюю перспективу) меры воздействия, причем не только политические, но и экономические, информационные, военные... Как отмечают российские эксперты, для США «Китай продолжит оставаться экономическим соперником, Россия – врагом»⁴⁷. «При этом... для Вашингтона очень важное значение имеет идеологическое противостояние с нашей страной. Россия стала тем „другим“ государством, которое американская пропаганда наделяет самыми негативными чертами. Что касается Китая, то он представляет собой серьезного конкурента в сфере экономики, но для политического противопоставления Китай слишком далек и плохо известен американцам»⁴⁸.

По сути, проект «Украина» и то, что сегодня мы видим на мировой политической арене, – это часть плана «коллективного Запада» по «ликвидации России как реального и потенциального субъекта стратегического действия и превращения нашей страны в политический объект, в инструмент для правящих элит Запада»⁴⁹. На территории Украины целенаправленно, через систему образования, наполненные натовскими искажающими правду и формирующими антироссийские настроения учебники⁵⁰, на протяжении многих лет воспитывалось целое поколение людей, которые не просто отреци-

ваются от всего русского, а люто и агрессивно его ненавидят.

Это, конечно, не всё поколение и даже не большинство украинцев, но идеологически, политически и финансово подготовленная группировка, оказавшаяся достаточно многочисленной и мощной для того, чтобы при поддержке «коллективного Запада» совершить государственный переворот в 2014 году и в последующем захватить власть, продолжая устранять (во всех смыслах этого слова) всякое инакомыслие, в том числе среди мирных граждан собственного народа.

На территории Украины, таким образом, создавалось (и фактически создано) государство – «анти-Россия», полностью поставленное (как отметил Президент РФ) «под полный внешний контроль» США и их союзников (вкладки 3, 4). Рано или поздно этот проект был бы запущен, и это случилось после того, как возможности дипломатического урегулирования напряженных отношений между Россией и США были фактически исчерпаны, что показали результаты переговоров по обеспечению правовых гарантий безопасности со стороны США и НАТО.

В своих обращениях 21 и 24 февраля Президент РФ В.В. Путин логично и убедительно объяснил россиянам и всему миру суть сложившейся политической ситуации, отметил: «Весь ход развития событий и анализ поступающей информации показывает, что столкновение России с этими силами неизбежно. Это только вопрос времени...»⁵¹

⁴⁷ Мнение специалиста по национальной безопасности проф. Д. Йончева (источник: Итоги выборов в США: Россия – враг, Китай – соперник, Европа – конкурент // Информационный сайт Inosmi.info 07.11.2020. URL: <http://www.inosmi.info/itogi-vyborov-v-ssha-rossiya--vrag-kitaj--sopernik-evropa--konkurent-bnr.html>)

⁴⁸ Полонский И. Кто главный враг США: Китай или Россия? // Военное обозрение. 11.10.2018. URL: <https://topwar.ru/148186-kto-glavnyj-vrag-ssha-kitaj-ili-rossija.html>

⁴⁹ Овчинский В., Ларина Е. Холодная война 2.0. // Изборский Клуб. 11.11.2014. URL: <https://izborsk-club.ru/4224>

⁵⁰ Авторская программа Н. Михалкова «Бесогон». Выпуск № 203 «Откуда ноги растут» (эфир от 01.04.2022) // Официальный сайт «Бесогон ТВ». URL: <https://besogontv.ru/videos/otkuda-rastut-nogi/>

⁵¹ Обращение Президента РФ к гражданам России 24 февраля 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843>

Обращение Президента РФ к гражданам России 21 февраля 2022 г.

1. ...Украина для нас — это не просто соседняя страна. Это неотъемлемая часть нашей собственной истории, культуры, духовного пространства...
2. ...украинские власти изначально, хочу это подчеркнуть, именно с первых шагов стали строить свою государственность на отрицании всего, что нас объединяет, стремились исковеркать сознание, историческую память миллионов людей, целых поколений, живущих на Украине... Свою роль сыграли и внешние силы, которые с помощью разветвлённой сети НКО и спецслужб выращивали на Украине свою клиентуру и продвигали её представителей во власть...
3. С появлением у Украины оружия массового поражения ситуация в мире, в Европе, особенно для нас, для России, изменится самым кардинальным образом.
4. В Киеве давно провозгласили стратегический курс на вступление в НАТО. Да, безусловно, каждая страна имеет право выбирать собственную систему обеспечения безопасности..., но в международных документах прямо зафиксирован принцип равной и неделимой безопасности, которая, как известно, включает в себя обязательства не укреплять свою безопасность за счёт безопасности других государств..., а вступление Украины в НАТО — это прямая угроза безопасности России.
5. ...предлог для очередной санкционной атаки всегда будет найден или попросту сфабрикован, причём вне зависимости от ситуации на Украине. Цель одна — сдержать развитие России.
6. Россия сделала всё для сохранения территориальной целостности Украины, все эти годы настойчиво и терпеливо боролась за исполнение Резолюции Совета Безопасности ООН 2202 от 17 февраля 2015 года, закрепившей минский Комплекс мер от 12 февраля 2015 года по урегулированию ситуации на Донбассе. Всё тщетно... В этой связи считаю необходимым принять уже давно назревшее решение — незамедлительно признать независимость и суверенитет Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики...

Источник: Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67828>

Обращение Президента РФ к гражданам России 24 февраля 2022 г.

1. Всё, что не устраивает гегемона, власть придерживающихся, объявляется архаичным, устаревшим, ненужным. И наоборот: всё, что кажется им выгодным, преподносится как истина в последней инстанции, продавливается любой ценой, хамски, всеми средствами... **Это касается всей системы международных отношений... В этом ряду и обещания нашей стране не расширять ни на один дюйм НАТО на восток...**

2. ...До последнего времени не прекращались попытки использовать нас в своих интересах, разрушить наши **традиционные ценности** и навязать нам свои псевдоценности, которые **разъедали бы нас, наш народ изнутри**, те установки, которые они уже агрессивно насаждают в своих странах и которые **прямо ведут к деградации и вырождению, поскольку противоречат самой природе человека.** Этому не бывать, никогда и ни у кого этого не получалось. Не получится и сейчас.

6. ...**На наших же исторических территориях создаётся враждебная нам «анти-Россия»...** для нашей страны — это в итоге вопрос жизни и смерти, вопрос нашего исторического будущего как народа... Это реальная угроза не просто нашим интересам, а самому существованию нашего государства, его суверенитету. Это и есть та самая красная черта, о которой неоднократно говорили. Они её перешли.

7. Весь ход развития событий и анализ поступающей информации показывает, что столкновение России с этими силами неизбежно. **Это только вопрос времени...**

8. Нам с вами просто не оставили ни одной другой возможности защитить Россию, наших людей, кроме той, которую мы вынуждены будем использовать сегодня... мною принято решение о проведении специальной военной операции. Её цель — защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима. И для этого мы будем стремиться к демилитаризации и денацификации Украины, а также преданию суду тех, кто совершил многочисленные кровавые преступления против мирных жителей, в том числе и граждан Российской Федерации... Повторю, наши действия — это самозащита от создаваемых нам угроз и от ещё большей беды, чем та, что происходит сегодня.

Источник: Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67828>

Таким образом, открывая, острая, доведенная до вооруженной фазы стадия глобального противостояния между Россией и «коллективным Западом», начавшаяся в феврале 2022 г., была обусловлена не только такими историческими процессами, как нарастающий кризис капитализма, смена однополярной на многополярную модель мироустройства и многовековое «ментальное» противостояние русской и англо-саксонской цивилизаций, но и закономерной логикой восстановления суверенного статуса России на международной политической арене.

Все эти причины, на самом деле, взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга. В феврале 2022 г. на территории Украины они сошлись в одну точку, в одно время и в одном месте, запустив масштабный процесс глобальных перемен для всего мира и для каждой страны в отдельности.

«Февраль 2022-го положил этому сценарию [сценарию «великой перезагрузки» К. Шваба] конец: глобализация кончилась, постмодерн кончился, время снова пошло, история вновь началась. Можно сказать и так: 24 февраля 2022 года Россия начала борьбу за свое будущее, за свое место в XXI веке и за свое видение будущего XXI века. И это будущее сильно отличается от того, как его видят Шваб, Сорос и Демпартия США. Вот почему так внимательно наблюдают за Россией во всем мире, который отнюдь не ограничивается Западом и его СМИ, находящимися в руках горстки международных олигархов. Россия возвращает миру будущее. Такова главная суть происходящего сегодня»⁵².

С неизбежностью международные процессы, начавшиеся после 24 февраля 2022 г., приводят к необратимым изменениям и внутри нашей страны. Это особенно важно в контексте глубоких внутренних противоречий и «застойных» проблем, во многом возникших вследствие деятельности «пятой» и, особенно, «шестой» колонн, продолжавших существовать на протяжении всего постсоветского периода.

До сих пор, как отмечают эксперты, «мы мерили свою успешность по другой шкале, по шкале выгоды бизнеса. Считалось, если бизнесу выгодно, значит выгодно и стране»⁵³. Однако теперь ситуация складывается так, что все перечисленные аспекты будут ставиться в зависимость от того, насколько они «независимы от зарубежного влияния»: «Пришло время, когда мы должны сами для себя начать создавать все по максимуму»⁵⁴. Доверие между властью, обществом и бизнесом становится «необходимым условием, которое может обеспечить успешное решение тех сложнейших проблем, которые предстоит решать органам государственного управления. Прежде всего в сфере экономики»⁵⁵.

В.В. Путин 16 марта 2022 г. сказал, что в России начался процесс «естественного и необходимого самоочищения общества», который «только укрепит нашу страну, нашу солидарность, сплочённость и готовность ответить на любые вызовы»⁵⁶. Многие представители культурных и бизнес элит, не видящие возможности связать свою личную жизнь с судьбой России, покинули страну⁵⁷. Складываются условия для вынужденного и мобилизационного реформирования

⁵² Можегов В. Спецоперация России положила конец концу истории // Взгляд. 15.04.2022. URL: <https://vz.ru/opinions/2022/4/15/1153019.html>

⁵³ Веденева Н. Учёным объявили научную мобилизацию: президент РАН рассказал о противодействии санкциям (интервью с Президентом РАН А. Сергеевым) // Московский комсомолец. 2022. 20 марта.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Кавецкий А. Доверие – продукт репутации. Возможно ли обновление взаимодействия правительства и общества // Независимая газета. 24.03.2022. URL: https://www.ng.ru/ideas/2022-03-23/7_8398_reputation.html

⁵⁶ Выступление В. Путина на совещании о мерах социально-экономической поддержки регионов 16 марта 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67996>

⁵⁷ Среди них: бизнесмены и предприниматели (М. Фридман, А. Панов, М. Прохоров), политики (А. Чубайс, А. Дворкович), деятели культуры (И. Ургант, Ч. Хаматова, А. Пугачева, М. Галкин, Р. Литвинова, Т. Бекмамбетов), представители СМИ (Л. Гильдеева, Г. Пьяных, Т. Лазарева, А. Васильев) и др.

матирования основных принципов государственного управления, включая управление экономикой, социальным развитием, системой образования и воспитания новых поколений россиян, культурой и т. д., то есть для того, что на протяжении последних 20 лет часто декларировалось, но так и не удавалось реально осуществить.

«Складываются хорошие возможности для нашего контрнаступления в мировой гибридной войне... Западный мир сегодня стоит на грани катастрофы, к которой вплотную приблизился из-за самоубийственных для Европы антироссийских санкций и развязанной британскими и американскими спецслужбами войны на Украине. **Нам нужно только выстоять...**

Если грамотно воспользоваться положительными для России результатами американской агрессии, то вместо планируемого Вашингтоном падения экономической активности на 10% ВВП в этом году мы можем получить 10% его прироста. Но для этого нужно перестраивать всю систему управления развитием российской экономики на основе принципов нового мирохозяйственного уклада. В том числе денежно-кредитная политика должна стать частью стратегического планирования, так же как и банковская система должна работать на инвестирование в достижение запланированных государством целей социально-экономического развития»⁵⁸.

Однако, для того чтобы воспользоваться этими условиями, сегодня, как отмечает С.Ю. Глазьев, «нам нужно выстоять». Выстоять, прежде всего, России, а вместе с ней и всем государствам, разделяющим представления о многополярном мире как неизбежном будущем мировой цивилизации.

Речь идет, по-видимому, о годах, и это сравнительно небольшой срок для истории и для потенциальных фундаментальных изменений, к которым может привести сегодняшняя ситуация. Но это достаточно значительный период для конкретной страны и конкретных людей.

Как отмечают эксперты, само начало, экономические и социальные последствия спецоперации «словно парализовали общество»⁵⁹; «многие люди в России сегодня растеряны»⁶⁰. **Однако, несмотря на это, уровень поддержки главы государства, а также принятого им решения о начале специальной военной операции, в российском обществе растет.** Так, по данным ВЦИОМ, за период с февраля по апрель 2022 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ увеличился на 14 п. п. (с 65 до 79%); по данным Левада-Центра* (за период с февраля по март 2022 г.) – на 12 п. п. (с 71 до 83%; *вкладка 5*). Доля россиян, поддерживающих решение Президента о начале спецоперации, с 25 февраля по 24 марта, по данным ВЦИОМ, возросла на 11 п. п. (с 65 до 76%); по данным Фонда «Общественное мнение» (с 27 февраля по 20 марта) – на 8 п. п. (с 65 до 73%; *вкладка 6*).

⁵⁸ Глазьев С.Ю. Победать и строить новый мирохозяйственный уклад // Завтра. 15.04.2022. URL: https://zavtra.ru/blogs/lyubopitnij_tekst_glaz_eva

⁵⁹ Разобщенное общество потеряло способность к протесту // Независимая газета. 03.04.2022. URL: https://www.ng.ru/editorial/2022-04-03/2_8407_editorial.html

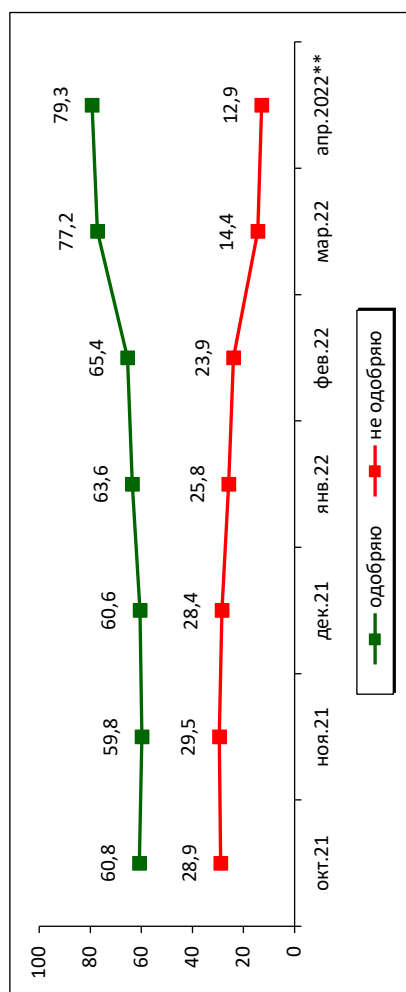
⁶⁰ Можегов В. Спецоперация России положила конец концу истории // Взгляд. 15.04.2022. URL: <https://vz.ru/opinions/2022/4/15/1153019.html>

* Внесен в реестр иностранных агентов.

Вкладка 5

Оценка деятельности Президента в период начала специальной военной операции (в % от числа опрошенных)

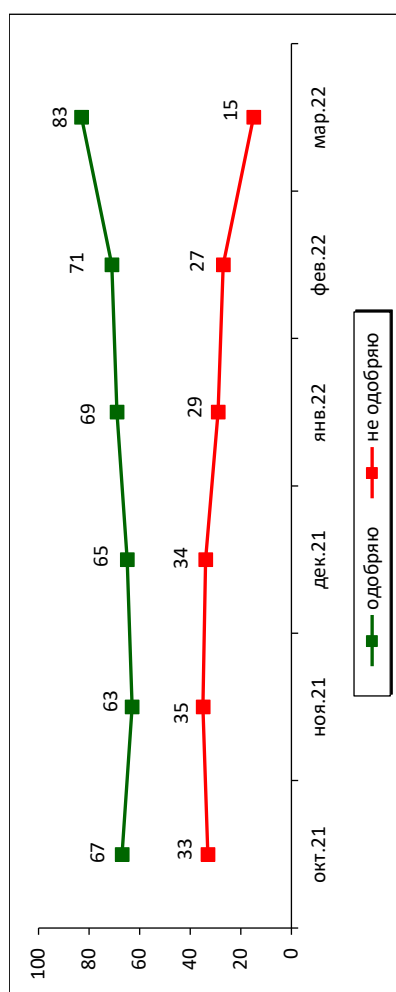
Оценка деятельности Президента РФ (данные ВЦИОМ)

Представлены последние 3 месяца 2021 г. (для сравнения) и первые 4 месяца 2022 г. Данные за апрель 2022 г. – среднее за два опроса (03.04, 10.04).
 Источник: ВЦИОМ. Рейтинги. Деятельность государственных институтов. URL: <https://wciom.ru/ratings/dejatelnost-gosudarstvennykh-institutov/>

По данным ВЦИОМ, до февраля 2022 г. (когда Президент объявил о начале специальной военной операции на территории Украины) доля положительных оценок деятельности главы государства составляла 60–64%. С февраля по апрель 2022 г. удельный вес положительных оценок возрос на 14 п. п. (с 65 до 79%).

Оценка деятельности Президента РФ (данные Левада-Центра*)

Представлены последние 3 месяца 2021 г. (для сравнения) и первые 3 месяца 2022 г. Источник: Левада-Центр*. Индикаторы. URL: <https://www.levada.ru/indikator/>

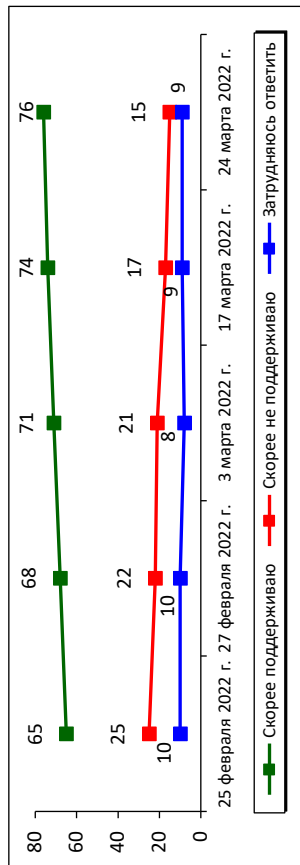
По данным Левада-Центра*, с октября 2021 г. по январь 2022 г. уровень одобрения деятельности главы государства существенно не изменился и составил 67–69%.

С февраля по март 2022 г. доля россиян, положительно оценивающих деятельность Президента, увеличилась на 12 п. п. (с 71 до 83%).

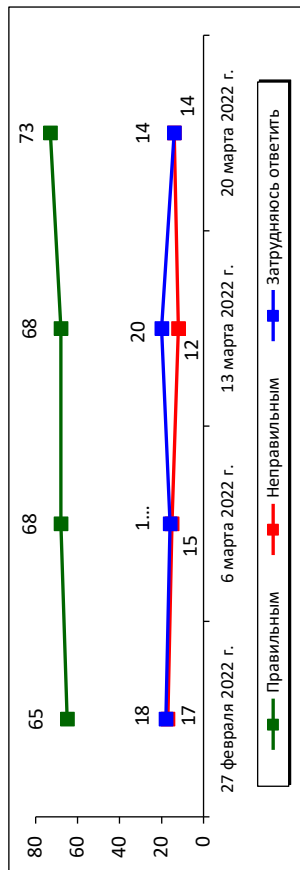
* Внесен в реестр иностранных агентов.

Вкладка 6

Отношение россиян к спецоперации на территории Украины (в % от числа опрошенных)

«Скажите, пожалуйста, решение провести специальную военную операцию России в Украине Вы поддерживаете или не поддерживаете?»
 Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-monitoring-20220330>

«В конце февраля началась военная операция на Украине. Как Вы считаете, решение о проведении военной операции было правильным или неправильным?»

Источник: данные ФОМ. URL: <https://fom.ru/Politika/14706>

Отношение к спецоперации в разрезе основных социально-демографических категорий (ВЦИОМ)

Категория населения	Скорее поддерживаю			Скорее не поддерживаю			Затрудняюсь ответить			Изменение (+/-), 24.03. к 25.02.		
	25.02	17.03	24.03	25.02	17.03	24.03	25.02	17.03	24.03			
Пол	Мужской	68,7	71,6	79,1	25,1	22,1	18,2	12,7	6,2	6,9	8,2	+2
	Женский	62,3	65,5	74,2	25,8	22,2	16,9	17,4	11,8	12,3	8,9	-3
	До 30 лет	37,4	40,7	48,9	47,1	47,3	35,8	31,3	15,6	12,0	15,2	+1
Возраст	30-55 лет	62,4	64,4	73,3	28,6	24,7	17,7	15,2	9,0	10,9	9,0	0
	Старше 55 лет	80,4	84,4	85,7	12,5	8,8	10,2	9,5	7,1	6,7	4,1	-2
	Среднее общее и ниже	69,5	61,4	80,3	20,6	26,3	15,7	16,7	9,9	12,3	4,0	+2
Образование	Среднее специальное	71,9	73,1	76,7	19,4	17,5	14,5	11,0	8,7	9,4	8,8	-2
	Незаконченное высшее, Высшее, послевузовское	58,5	68,8	70,0	32,2	23,0	20,5	18,5	9,3	8,2	9,5	0
	Хорошее	70,0	75,0	80,4	24,5	15,1	13,9	8,7	5,6	9,9	5,7	1
Материальное положение семьи	Среднее	66,2	69,7	76,6	24,7	20,9	15,5	15,7	9,1	9,4	8,0	-1
	Плохое	55,8	58,7	62,7	29,8	31,9	27,1	19,9	14,4	9,4	10,2	-3

Доля россиян, поддерживающих решение Президента РФ о начале специальной военной операции на территории Украины, за период с 25 февраля по 24 марта увеличилась, по данным ВЦИОМ, на 11 п. п. (с 65 до 76%), по данным Фонда «Общественное мнение» — на 8 п. п. (с 65 до 73% за период с 27 февраля по 20 марта 2022 г.). Причем значительный рост поддержки (на 10 п. п. и выше) отмечается почти во всех основных социально-демографических категориях населения (ВЦИОМ).

Тем не менее у многих экспертов возникают опасения по поводу «раскола внутри элит, где спецоперация — лишь повод для аппаратных разборок»⁶¹, в то время как в сложившихся условиях «внутриэлитные конфликты должны уйти глубоко под ковер»⁶², а «каждое слово публичного человека из власти — это оружие пострашнее „Калибра”»⁶³.

Следует отметить, что опасения экспертов небезосновательны. Вызвавшие широкий общественный резонанс неосторожные высказывания помощника Президента В. Мединского (в ходе переговоров в Стамбуле⁶⁴) и пресс-секретаря главы государства Д. Пескова (в интервью французскому изданию LCI⁶⁵), участие в переговорном процессе олигарха и бизнесмена Р. Абрамовича и ряд других фактов свидетельствуют о том, что «от задачи „самоочистения” российского общества зависит слишком многое»⁶⁶.

Таким образом, опасения экспертов обоснованы и небеспочвенны. Комплексные и активные мобилизационные изменения (в системе государственного управления, в экономике, политике, культуре) требуют мощного идеологического сопровождения со стороны государства. На всех уровнях публичной власти требуется эффективность и стратегическая дальновидность от лиц, принимающих управленческие решения. Ведь всегда есть риск «увлечься» па-

триотическим популизмом и повторить ошибки советской системы управления, так и не найдшей эффективного ответа на реализацию потребностей, растущих «снизу». Или повторить ошибки совсем недавнего прошлого, когда в целом правильные и необходимые решения, принимаемые Президентом, в конечном итоге так и оставались нереализованными.

Однако в любом случае сегодня у России другого пути, кроме как до полной победы, просто нет. Министр иностранных дел РФ С. Лавров отметил: «Идет бой не на жизнь, а на смерть за право России быть на политической карте мира». Рубикон — ту грань, после которой запущенные процессы становятся необратимыми и приводят к необратимым последствиям, сегодня прошли и Россия, и весь мир.

С. Лавров: «Речь идет совсем не об Украине, речь идет об агрессии против всего русского — интересы, религия, культура, язык, безопасность и прочее. И сейчас, конечно, реакция Запада на наши действия такая совершенно остервенелая, я бы сказал, простите меня за грубое слово, она показывает, что, действительно, это идет бой не на жизнь, а на смерть за право России быть на политической карте мира при полном уважении своих законных интересов»⁶⁷.

⁶¹ «Он не голубь мира»: политологи назвали «расколом элит» нападки на Пескова (мнение главы «Политической экспертной группы» К. Калачева. Источник: <https://rtvi.com/news/on-ne-golubmira-politologi-nazvali-raskolom-elite-napadki-na-peskova/>).

⁶² Там же.

⁶³ Там же (мнение первого вице-спикера Совета Федерации, секретаря Генсовета «Единой России» А. Турчака).

⁶⁴ «Во вторник [29 марта] Мединский так пересказал суть переговоров, прошедших в Стамбуле, что слушатели и зрители сделали вывод: Россия сдает позиции. Во-первых, снижает активность на киевском и черниговском направлениях, во-вторых, вроде собирается обсуждать, да еще на уровне президентов двух стран, вопросы Крыма и Донбасса» (источник: Приходько Н. Владимир Мединский усвоил урок: Крым остается российским // Независимая газета. 30.03.2022. URL: https://www.ng.ru/cis/2022-03-30/1_8404_ukraine.html).

⁶⁵ «6 апреля президентский пресс-секретарь дал интервью французскому новостному телеканалу LCI. В частности, он рассказал об отводе ВС РФ с позиций на севере Незалежной, специально акцентируя внимание на роли Владимира Путина в принятии данного решения: „Мы решили пойти на такой шаг в качестве жеста доброй воли для создания благоприятных условий для переговоров. Мы можем принять серьезные решения во время переговоров, поэтому президент Путин дал приказ нашим войскам уйти из региона”. Уважительно величая Зеленского „президентом Украины”, Песков подчеркнул: „Через переговоры мы хотим положить конец военной операции”...Для Пескова беглый лицедей Ургант — „большой патриот”, атака на нефтебазу в Белгороде „не способствует проведению переговоров”, он там к чему-то призывает Украину и заявляет, что отвод войск из-под Киева — это жест доброй воли. Вчера он говорил одно, сегодня — другое. Складывается впечатление, что Песков всегда оставляет возможность дезавуировать любую ранее высказанную политическую позицию; но то, что приемлемо в мирное время, сейчас просто дезориентирует общество и государственные институты. Если бы Песков говорил от своего имени, — кого бы это волновало. Но он говорит от имени высшего руководства России...» (Источник: Иванов А. А Песков точно пресс-секретарь Президента России? // Завтра. 08.04.2022. URL: https://zavtra.ru/events/a_peskov_tochno_press-sekretar_prezidenta_rossii)

⁶⁶ Доктор политических наук С. Обухов // Сайт КППФ. URL: https://kprf.ru/ros_crisis/209510.html

⁶⁷ Российская газета. 10.03.2022. URL: <https://rg.ru/2022/03/10/lavrov-rf-vedet-boj-ne-na-zhizn-a-na-smert-za-mesto-na-politicheskoy-karte.html>

* * *

В заключение отметим, что мы в своих идеологических взглядах всегда придерживались и продолжаем придерживаться государственнических позиций. Представленный в данной статье краткий анализ процессов и конкретных решений Президента РФ, предшествующих началу спецоперации, на наш взгляд, убедительно доказы-

вает, с одной стороны, закономерность и неизбежность возникшего мирового кризиса, с другой стороны – способность России и лично Президента РФ преодолевать подобные трудности для целей национального развития, конвертируя западные меры сдерживания в новые возможности экономического роста и механизмы консолидации российского общества.

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V.

The Rubicon Has Been Crossed: February 24, 2022, Russia Entered a New Stage in Its Development in the 21st Century

Abstract. February 24, 2022, after the recognition of the independence of the Donetsk People's Republic and the Luhansk People's Republic (February 22, 2022), Russian President Vladimir Putin announced the beginning of a special military operation on the territory of Ukraine. The head of state noted in his address to Russians that the purpose of the operation was "to protect people who, for eight years now, have been facing humiliation and genocide perpetrated by the Kiev regime. To this end, we will seek to demilitarize and denazify Ukraine, as well as bring to trial those who perpetrated numerous bloody crimes against civilians, including against citizens of the Russian Federation". The RF President's decision announced the beginning of a new stage in Russia's development in the 21st century and launched large-scale and irreversible changes concerning not only our country, but also the whole world. The global historical confrontation between Russia and the US-led NATO countries (between Russia and the Collective West) has entered an active phase, accompanied by a sharp aggravation of international political relations, sanctions policy, and armed clashes. We (relying, as usual, on expert opinions, official statistics and sociological surveys) express our own point of view on the events taking place in the world and in Russia, analyze their nature, causes, and implications.

Key words: special military operation, President of the Russian Federation, Ukraine, Collective West, new stage of development.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, scientific director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, deputy head of department, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

Конкуренция, сотрудничество и удовлетворенность жизнью Часть 1. Семерка европейских лидеров

Виктор Меерович

ПОЛТЕРОВИЧ

Центральный экономико-математический институт РАН
Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация

e-mail: polterov@cemi.rssi.ru

ORCID: 0000-0001-6092-6823; ResearcherID: B-2258-2017

Аннотация. В первой части работы демонстрируется, что группа из семи европейских стран существенно опередила другие государства Запада, включая Соединенные Штаты, в развитии экономических и политических институтов. В состав Семерки входят Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, Исландия, Швейцария и Нидерланды. Они занимают первые места по индексу удовлетворенности жизнью (индексу счастья) и одновременно являются лидерами по интегральному индексу качества жизни, уровня гражданской культуры и эффективности институтов, который сформирован путем агрегации десяти важнейших показателей. В их число входят продолжительность здоровой жизни при рождении, индекс восприятия коррупции, индекс демократии, индекс человеческого развития, индекс Джини и ряд других. При использовании интегрального индекса для кластеризации множества развитых стран Семерка оказывается передовым кластером. Этот результат позволяет предположить, что достижение высоких значений предложенного индекса способствует выдвиганию страны на лидирующие позиции по удовлетворенности жизнью. Из проведенного анализа динамики институциональных индикаторов следует, что отставание США от Семерки со временем увеличивается. За последние годы США оказались в числе несовершенных демократий, снижаются уровни доверия граждан США друг к другу, к политическим институтам и правительству. Уменьшаются преимущества США по показателю мировой конкурентоспособности и душевому ВВП. Во второй части работы будет рассмотрен вопрос о

Для цитирования: Полтерович В.М. (2022). Конкуренция, сотрудничество и удовлетворенность жизнью. Ч. 1. Семерка европейских лидеров // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 2. С. 31–43. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.2

For citation: Polterovich V.M. Competition, collaboration, and life satisfaction. Part 1. The Seven of European leaders. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(2), 31–43. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.2

том, какие качественные особенности социально-экономических и политических механизмов обеспечивают лидерство и как полученные выводы могут быть использованы при разработке стратегий догоняющего развития.

Ключевые слова: индекс счастья, нордическая исключительность, отставание США, сотрудничество, кластеризация, метод ближайшего соседа.

Введение

Западные политические системы и механизмы государства всеобщего благосостояния находятся в глубоком кризисе. С этим тезисом согласны многие специалисты. В частности, нобелевские лауреаты Абхиджит Банерджи и Эстер Дюфло в книге, вышедшей в 2019 году, пишут о том, что во многих странах «...общественные дискуссии между левыми и правыми превращаются во все более и более громкую ругань. ... В США ... голосование ... на выборах ... достигло наименьших значений за всю историю наблюдений. 61% демократов считает республиканцев расистами, сектантами и фанатиками... Треть всех американцев расстроятся, если ... член их семьи вступит в брак с представителем другой партии». «Существует четкое ощущение, что цивилизация..., основанная на демократии и дискуссиях, находится под угрозой», «...нам грозят тяжелые времена», «имущие сталкиваются с растущим отчуждением неимущих, и решения этой проблемы не видно» (Банерджи, Дюфло, 2021, с. 11, 12, 14).

В работах (Полтерович, 2015; Полтерович, 2018b; Полтерович, 2021a) показано, что корень проблемы состоит в исчерпании возможностей и, более того, в деградации институтов политической и экономической конкуренции. Придя на смену сословным политическим системам и цеховой экономике позднего средневековья, конкуренция между политическими партиями и между производителями позволила вовлечь в процесс управления более широкий слой граждан и создать экономику технического прогресса. Благодаря возможности наращивать экономический потенциал за счет создания новых технологий и методов хозяйствования резко снизилась роль конкуренции радикального типа между государствами – войны. Однако в процессе развития все резче проявляются органические недостатки экономических и политических конкурентных механизмов, прежде всего высокие транзакционные издержки конкурентных взаимодей-

ствий и встроенный механизм отрицательно-го отбора политических лидеров, вследствие которого победа в политическом соревновании оказывается слабо связанной с управленческими способностями. В связи с этим наблюдается процесс постепенного «замещения» механизмов конкуренции и власти механизмами сотрудничества в экономической и политической сферах. Однако эта трансформация происходит весьма медленно, оказываясь неспособной предотвратить кризисные явления. В работе (Полтерович, 2021a) продемонстрировано, что ряд западных государств пытается противодействовать кризису, проводя реформы, направленные на смягчение конкуренции и усиление роли сотрудничества. В настоящей статье этот тезис будет разработан более детально. А именно будет показано, что лидерами в этом процессе являются семь европейских стран и что результаты избранной ими стратегии позволяют рассчитывать на преодоление кризиса.

В состав Семерки европейских лидеров входят Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, Исландия, Швейцария и Нидерланды. Они систематически занимают первые места по индексу счастья (Happiness index) – интегральной характеристике социального, экономического и политического состояния общества, указывающей, насколько удовлетворены жизнью граждане страны. Их лидирующие позиции по этому и многим другим культурным и институциональным показателям связаны, прежде всего, с тем, что они заметно опередили другие государства Запада в упомянутом выше процессе становления механизмов сотрудничества. На противоположном полюсе в этом отношении находятся США. Страна, еще недавно демонстрировавшая, казалось бы, незыблемые преимущества институтов конкуренции, испытывает кризис в наиболее явной и тяжелой форме, постепенно теряя экономическое и институциональное лидерство.

Тот факт, что скандинавские страны (Дания, Норвегия и Швеция) отличаются высоким качеством институтов, высоким уровнем социального обеспечения и низким неравенством, был отмечен давно и послужил основанием для возникновения концепции скандинавской исключительности. Развивая эту концепцию, многие авторы включали в рассмотрение также и Финляндию (см., например, (Pratt, 2008), где содержатся ссылки на более ранние работы). В современных исследованиях чаще используется термин «нордическая исключительность» или «нордическая модель», при этом наряду со скандинавскими странами рассматривается не только Финляндия, но и Исландия (см., в частности, (Iqbal, Todi, 2015; Martela et al., 2020)). Статья (Martela et al., 2020) содержит обзор соответствующих исследований. В ней подчеркивается связь между удовлетворенностью жизнью¹ и высоким качеством институтов и гражданской культуры.

В работе (Helliwell et al., 2019, p. 23) выделены факторы, тесно связанные с уровнем счастья. Наряду с показателем душевого ВВП авторы указывают наличие социальной поддержки со стороны родных и друзей, продолжительность здоровой жизни, индикаторы свободы жизненного выбора, благотворительности и уровня коррупции. Результаты панельной регрессии индекса счастья на эти шесть переменных демонстрируют их значимость и способность «объяснить» значительную часть дисперсии. При этом, однако, остается без ответа вопрос о том, являются ли нордические страны «первыми среди равных» или действительно «исключениями».

Сопоставляя 15 наиболее богатых стран по ряду показателей, авторы работы (Martela et al., 2020, p. 134) обнаруживают, что тезис о нордической исключительности не вполне точен: Нидерланды и Швейцария очень близки к нордическим странам. Однако этим двум государствам в статье не уделяется внимания.

В настоящей работе я использую указанное наблюдение и рассматриваю вопрос об исключительности Семерки европейских лидеров. С этой целью в следующем разделе будет сфор-

мирован агрегированный индекс ЖКИ-10, отражающий качество жизни, уровень гражданской культуры и эффективность институтов, с помощью которого осуществляется кластеризация развитых стран. Будет продемонстрировано, что Семерка не только занимает первые места по этому индексу, но и образует самостоятельный кластер. Несколько более слабый результат получается при расширении числа агрегируемых показателей, хотя и в этом случае страны Семерки остаются на лидирующих позициях.

Удовлетворенность жизнью: Семерка европейских лидеров

Начиная с 2012 года под эгидой ООН выходит в свет ежегодный Всемирный доклад о счастье (World Happiness Report, см., в частности, (Helliwell et al., 2019, 2020, 2021a)). В этих сборниках группа исследователей анализирует результаты опросов Института Гэллапа, в которых респондентам из разных стран (в последних опросах их около 150) предлагается ответить на следующий вопрос: «Представьте себе лестницу, ступеньки которой пронумерованы от нуля до десяти. Предположим, что верхняя ступень лестницы представляет собой для Вас наилучшую возможную жизнь, а нижняя — наихудшую. Если номер верхней ступеньки равен 10, а нижней — 0, то на какой ступеньке лестницы, по Вашему мнению, вы находитесь в настоящее время?»².

Страны обычно ранжируются по средним результатам ответов за предшествующие три года (средний уровень счастья меняется в пределах от 8,9 до 2,6). При таком ранжировании в последние годы страны Семерки занимают лидирующие позиции.

В работе Helliwell, Huang, Wang, Norton (Helliwell et al., 2021b) приведены результаты регрессий индекса счастья на шесть значимых факторов, в совокупности неплохо объясняющих вариацию зависимой переменной по 149 странам. Речь идет о следующих индикаторах: ВВП ППП на душу населения, продолжительность здоровой жизни, социальная поддержка, свобода персонального выбора, интенсивность коррупции и щедрость. Социальная поддержка измеряется как доля респондентов, ответивших

¹ Обзор альтернативных подходов к измерению уровня счастья и работ российских авторов по этой проблеме содержится в статье (Шматова, Морев, 2015).

² См. <https://news.gallup.com/poll/122453/understanding-gallup-uses-cantril-scale.aspx>

положительно на вопрос анкеты Гэллапа «Если у Вас неприятности, есть ли у Вас родственники или друзья, на помощь которых вы можете рассчитывать, когда бы они Вам ни понадобились, или нет?». Этот индикатор характеризует социальные отношения малого радиуса, которые могут играть меньшую роль в хорошо организованных системах. Так, человек может меньше нуждаться в помощи родственников и друзей, если доступны официальные организации, оказывающие такую помощь. Возможно, в этом причина того, что согласно данным, использованным авторами, Швеция по уровню социальной поддержки оказалась на 25 месте. Аналогичный недостаток характерен и для показателя щедрости, который измеряется по результатам ответов на вопрос «Жертвовали ли вы деньги на благотворительность за последний месяц?». К тому же следует учесть, что щедрость в этих странах реализуется в виде государственной помощи бедным странам. Не случайно ранги Семерки по этому показателю невысоки: Исландия – 6, Нидерланды – 11, Норвегия – 23, Швеция – 26, Швейцария – 27, Дания – 34, Финляндия – 91. Между тем, по уровню официальной помощи развивающимся странам (official development assistance) в процентах ВВП пять стран Семерки входят в первую десятку, Финляндия занимает 11-е место, а Исландия – 14-е³.

Показатель свободы выбора, также измеряемый путем анкетирования, зависит от представлений граждан о свободе. Иначе трудно объяснить тот факт, что Объединенные Арабские Эмираты оказались впереди Семерки за исключением Норвегии, а США – на 64-м месте (Martela et al., 2020, p. 135).

Для того чтобы продемонстрировать «исключительность» Семерки, мы выбираем другой набор показателей, стремясь более полно отразить качество институтов и уровень развития страны. Приведем их перечень: продолжительность здоровой жизни при рождении, индекс восприятия коррупции, индекс демократии, индекс человеческого развития, индекс Джини, индекс обобщенного доверия, доверие

правительству, эффективность правительства, ВВП на душу населения в ППП, верховенство закона.

Сопоставим Семерку с другими развитыми государствами. К их числу МВФ относит 40 стран⁴, однако лишь 36 из них ранжировались по индексу счастья. Соответствующий список в порядке возрастания ранга приведен во втором столбце *таблицы 1*. В дальнейшем считаем, что ранг страны по индексу счастья совпадает с ее номером в этом списке. Аналогичным образом осуществляется переранжировка стран по 10 показателям, перечисленным выше: в каждом случае страны упорядочиваются от наилучшей по соответствующему индексу, которой присваивается ранг 1, к наихудшей, получающей ранг 36. Особый случай возникает, если при исходном рейтинговании двум или более странам был присвоен одинаковый ранг, так что при составлении списка каждая из них может расположиться на одном из двух или нескольких мест, следующих друг за другом. В этом случае каждой стране приписывается ранг, равный сумме номеров соответствующих мест, деленной на их число. Например, согласно исходным данным Финляндия, Швейцария, Швеция и Сингапур имели одинаковый индекс восприятия коррупции и в нашем списке занимали места от 3-го до 6-го. При переранжировке каждой из этих стран присвоен ранг 4,5 (см. четвертый столбец табл. 1). В столбцах 3–12 таблицы 1 указаны ранги, полученные таким образом по исходным данным.

Отметим, что исходные ранги зависят от численности стран, подвергавшихся ранжированию по тому или иному индексу. Переранжировка позволяет избавиться от этой зависимости.

В последнем, 13-м, столбце таблицы 1 указан средний по всем десяти показателям ранг каждой страны. Этот индикатор, обозначенный как ЖКИ-10, мы называем интегральным индексом качества жизни, уровня гражданской культуры и эффективности институтов. С его помощью проведена кластеризация исследуемой группы стран (*табл. 2*).

³ См. <https://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/development-finance-data/ODA-2020-detailed-summary.pdf>

⁴ См. <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/October/select-countries?grp=110&sg=All-countries/Advanced-economies>

Таблица 1. Семерка европейских лидеров среди развитых стран

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Индекс счастья ¹⁾	Страна	Продолжительность здоровой жизни при рождении ²⁾	Индекс восприятия коррупции ³⁾	Индекс демократии ⁴⁾	Индекс человеческого развития ⁵⁾	Индекс Джинни ⁶⁾	Обобщенное доверие ⁷⁾	Доверие правительству ⁸⁾	Эффективность правительства ⁹⁾	ВВП в ППП на душу населения ¹⁰⁾	Индекс верховенства закона ¹¹⁾	Интегральный индекс ЖКИ-10 ¹²⁾ (среднее рангов 3–12)
1	Финляндия	19	4,5	6	11,5	8	4	4	3	16	1	7,7
2	Дания	19	1,5	7	10	7	3	7	5	8	5	7,25
3	Швейцария	4	4,5	12	2,5	14	7	1	2	4	6	5,7
4	Исландия	9	17,5	2	4,5	4	10	14	16	10	9	9,6
5	Нидерланды	14,5	8	9,5	8,5	11	5	5	6	9	11	8,75
6	Норвегия	14,5	7	1	1	6	1	2	4	5	2	4,35
7	Швеция	10,5	4,5	3	7	10	2	8	8	13	8	7,4
8	Люксембург	12	9,5	13	22,5	20	22	6	7	1	10	12,3
9	Новая Зеландия	27	1,5	4	14,5	21,5	6	10	14	18	3	11,95
10	Австрия	22,5	15,5	16	17	9	16	11	9	11	7	13,50
11	Австралия	22,5	12,5	9,5	8,5	21,5	9	21	12	14	13	14,35
12	Израиль	5,5	28	23,5	19,5	28	27	25	26	25	28	23,55
13	Германия	22,5	9,5	14	6	12	15	9	20	12	15	13,50
14	Канада	16	12,5	5	16	15	8	13	11	17	12	12,55
15	Ирландия	17	20	8	2,5	13	13	15	17	3	17	12,55
16	Великобритания	28	12,5	15	13	31	14	28	19	21	18	19,95
17	Чехия	30	32	27	26	2	23	29	30	26	27	25,2
18	США	34	22	21	17	32	12	17	22	6	21	20,4
19	Бельгия	26	15,5	30	14,5	5	17	32	25	15	20	20,0
20	Франция	7,5	21	20	25	16	26	23	23	20	22	20,35
21	Мальта	13	34	26	27	-	30	-	28	23	31	26,5
22	Тайвань	-	23	11	-	-	20	-	15	-	23	18,4
23	Испания	7,5	24	18	24	24	19	26	31	30	32	23,55
24	Италия	10,5	33	25	28,5	23	21	27	36	24	36	26,40
25	Словения	25	28	29	21	3	32	19	24	29	26	23,6
26	Сингапур	2	4,5	35	11,5	29	33	3	1	2	4	12,50
27	Словакия	31	36	34	35	1	31	30	34	33	33	29,8
28	Литва	32	28	33	32	30	24	16	27	28	29	27,9
29	Кипр	5,5	30	28	31	-	35	-	32	27	34	27,81
30	Эстония	29	17,5	23,5	28,5	17	25	18	21	31	19	22,95
31	Латвия	33	31	32	33	26	29	31	33	34	30	31,2
32	Япония	1	19	17	19,5	25	11	22	13	22	16	16,55
33	Португалия	19	25,5	22	34	19	34	12	29	32	24	25,05
34	Ю. Корея	3	25,5	19	22,5	27	18	20	18	19	25	19,7
35	Греция	22,5	35	31	30	18	28	24	35	35	35	28,0
36	Гонконг	-	12,5	36	4,5	-	-	-	10	7	14	14,0

Источники:

¹⁾ Данные за 2018–2020. Helliwel et al., 2021a, p. 20.

²⁾ Данные за 2019 г. URL: <https://apps.who.int/gho/data/view.main.SDG2016LEXV?lang=en>

³⁾ Данные за 2020 г. URL: https://images.transparencycdn.org/images/CPI2020_Report_EN_0802-WEB-1_2021-02-08-103053.pdf

⁴⁾ Данные за 2020 г. In sickness and in health? (2021). The Economist Intelligence Unit Limited.

⁵⁾ Данные за 2019 г. URL: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020.pdf>, p. 343.

⁶⁾ Данные за 2020 г. URL: <https://data.oecd.org/inequality/income-inequality.htm>

Новая Зеландия – за 2018 г. URL: <https://knoema.com/atlas/New-Zealand/topics/Poverty/Income-inequality/GINI-index>

Сингапур – за 2020 г. URL: <https://www.statista.com/statistics/951976/singapore-gini-coefficient-after-tax/>

К данным OECD по 39 странам добавлены Новая Зеландия и Сингапур. Ранжирована 41 страна.

⁷⁾ Ранжировано по усредненным данным опросов WVS от ранних 1980-х гг. по 2009 год (Svendsen, Svendsen, 2015, p. 95).

Данные по Коста Рике. URL: <https://socialcapitalgateway.org/sites/socialcapitalgateway.org/files/data/paper/2012/09/07/pc.pdf>, p.18.

⁸⁾ Данные OECD, 2017–2020. URL: <https://data.oecd.org/gga/trust-in-government.htm>

О Сингапуре. URL: <https://www.straitstimes.com/singapore/politics/singaporeans-have-high-level-of-confidence-in-government-but-politically>

К данным OECD по 42 странам добавлен Сингапур. Ранжированы 43 страны.

⁹⁾ Данные Всемирного банка за 2020 г. URL: https://www.theglobaleconomy.com/rankings/wb_government_effectiveness/

¹⁰⁾ Данные Всемирного банка за 2020 г. URL: https://www.theglobaleconomy.com/rankings/gdp_per_capita_ppp/

По Японии взята цифра за 2019 г.

¹¹⁾ URL: https://www.theglobaleconomy.com/rankings/wb_ruleoflaw/

¹²⁾ Интегральный индекс качества жизни, уровня культуры и эффективности институтов; рассчитан как среднее десяти показателей 3–12.

Таблица 2. Разбиение множества развитых стран на кластеры, 10 и 12 факторов*

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Ранг по индексу ЖКИ-10	Индекс счастья, ранг	Страна	Интегральный индекс ЖКИ-10	Расстояние до «ближайшей» страны с меньшим ЖКИ-10	Индекс социальной поддержки ¹⁾ , ранг	Индекс персональной свободы ²⁾ , ранг	Интегральный индекс ЖКИ-12 ³⁾ (среднее рангов: 4 с весом 10; 6 и 7)	Расстояние до «ближайшей» страны с меньшим ЖКИ-12
Кластер 1.10			Кластер 1.12					
1	6	Норвегия	4,35		9	5,5	4,83	-
2	3	Швейцария	5,70	1,35	8	9,5	6,21	1,38
3	2	Дания	7,25	1,55	4	9,5	7,17	0,96
4	7	Швеция	7,40	0,15	18	1	7,75	0,12
5	1	Финляндия	7,70	0,30	11	3,5	7,63	0,46
6	5	Нидерланды	8,75	1,05	19	2	9,04	1,29
7	4	Исландия	9,60	0,85	1	13	9,17	0,13
Кластер 2.10			Кластер 2.12					
8	9	Новая Зеландия	11,95	2,35	3	3,5	10,50	1,33
9	8	Люксембург	12,30	0,35	12	5,5	11,71	1,21
10	26	Сингапур	12,50	0,20	-	36	-	-
11-12	14	Канада	12,55	0,05	7	11	11,96	0,25
11-12	15	Ирландия	12,55	0,00	2	19	12,21	0,25
13-14	10	Австрия	13,50	0,95	15	7,5	13,13	0,92
13-14	13	Германия	13,50	0,00	16	7,5	13,21	0,08
15	36	Гонконг	14,00	0,50	-	27,5	-	-
16	11	Австралия	14,35	0,35	6	12	13,46	0,25
Кластер 3.10			Кластер 3.12					
17	32	Япония	16,55	2,20	20	27,5	17,75	4,29
18	22	Тайвань	18,40	1,85	-	17	-	-
19	34	Ю. Корея	19,70	1,30	31	22	20,83	0,5
20	16	Великобритания	19,95	0,25	5	20	18,71	0,96
21	19	Бельгия	20,00	0,05	13	14	18,92	0,21
22	20	Франция	20,35	0,35	17	29,5	20,83	0,00
23	18	США	20,40	0,05	14	26	20,33	1,41
Кластер 4.10			Кластер 4.12					
24	30	Эстония	22,95	2,55	25	15,5	22,5	1,67
25-26	23	Испания	23,55	0,60	10	29,5	22,92	0,42
25-26	12	Израиль	23,55	0,00	24	35	24,54	0,12
27	25	Словения	23,60	0,05	22	23	23,42	0,50
28	33	Португалия	25,05	1,45	27	15,5	24,42	1,00
29	17	Чехия	25,20	0,15	26	18	24,67	0,13
30	24	Италия	26,40	1,20	23	31	26,50	1,83
31	21	Мальта	26,50	0,10	-	24	-	-
32	29	Кипр	27,80	1,30	-	33	-	-
33	28	Литва	27,90	0,10	28	25	27,67	1,17
34	35	Греция	28,00	0,10	30	34	28,67	1,00
35	27	Словакия	29,80	1,80	21	32	29,25	0,58
36	31	Латвия	31,20	1,4	29	21	30,17	0,92

* Прочерк означает, что для данной страны соответствующие данные отсутствуют.

Источники:

¹⁾ Индекс социальной поддержки. URL: <https://data.oecd.org/healthrisk/lack-of-social-support.htm>
OECD (2021), Lack of social support (indicator). DOI: 10.1787/0cfbe26f-en (Accessed 07 October 2021).

²⁾ Индекс персональной свободы 2021. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/freedom-index-by-country>

³⁾ Интегральный индекс качества жизни, уровня культуры и эффективности институтов; рассчитан как среднее двенадцати показателей: 3–12 (табл. 1) и 5, 6 (табл. 2). Очевидно, ЖКИ-12 = [10 ЖКИ-10 + (ранг 5) + (ранг 6)]/12

Расчет основан на идеях простейшего метода кластеризации – метода ближайшего соседа (называемого также методом одиночной связи)⁵.

В качестве меры расстояния между странами принимаем модуль разности соответствующих значений ЖКИ-10. Будем говорить, что некоторое подмножество S стран (не совпадающее со всем их множеством и содержащее не менее двух стран) образует кластер в слабом смысле, если выполнены два условия: а) S содержит все такие и только такие страны, ближайшие соседи которых принадлежат S ; б) расстояние между любыми двумя странами из S меньше хотя бы одного из расстояний этих стран до любой страны, не принадлежащей S . Подмножество S назовем кластером в сильном смысле, или просто кластером, если оно является кластером в слабом смысле и выполнено следующее условие: расстояние от каждой страны из S до ее ближайшего соседа меньше расстояния от любой страны из S до любой страны, не принадлежащей S .

Нетрудно проверить, что метод ближайшего соседа генерирует кластеры в сильном смысле.

В рассматриваемой ситуации граф связей между вершинами (странами) можно представить как нагруженную цепь, где веса ребер равны соответствующим расстояниям.

Вершины этой цепи расположены по возрастанию значения ЖКИ-10 (см. столбцы 1, 3 и 4 табл. 2), а веса соединяющих их ребер равны разностям соответствующих значений (см. столбец 5 табл. 2). Например, вес первого в цепи ребра Норвегия – Швейцария равен $5,70 - 4,35 = 1,35$; вес ребра Исландия – Новая Зеландия определяется аналогично как разность $11,95 - 9,60 = 2,35$ и т. д. Расстояние между любыми двумя странами равно сумме весов соединяющих их ребер. Например, расстояние между Австралией и Великобританией вычисляется по данным столбца 5 следующим образом: $2,20 + 1,85 + 1,30 + 0,25 = 5,60$.

Если значение ЖКИ-10 у нескольких стран одинаково, как это имеет место, например, для Австрии и Германии, то они располагаются в одной вершине, а их порядок в столбце 3 выбирается произвольно.

⁵ См. <http://www.aiportal.ru/articles/autoclassification/single-link.html>

Нетрудно убедиться в том, что при принятых предположениях Семерка образует кластер. В рассматриваемой ситуации процесс кластеризации можно осуществить, последовательно удаляя ребра с максимальным весом. В соответствии с данными столбца 5 максимальный вес имеет ребро США – Эстония. Удаляя его, получаем разбиение нашей совокупности стран на два кластера: кластер 4.10 и все остальные страны. На следующем шаге, удаляя ребра Исландия – Новая Зеландия и Австралия – Япония, получаем разбиение множества развитых стран на 4 кластера. Если оценивать уровень развития по значению ЖКИ-10, то Семерка оказывается кластером с наивысшим уровнем⁶. При этом в каждой стране из первого кластера удовлетворенность жизнью выше, чем в любой стране из остальных кластеров. Легко проверить также, что среднее значение удовлетворенности жизнью во втором кластере выше, чем в третьем, а в третьем выше, чем в четвертом.

Тот факт, что Семерка образует самостоятельный кластер, где каждая из стран превосходит представителей других кластеров не только по удовлетворенности жизнью, но и по интегральному индексу, можно рассматривать как серьезный аргумент в пользу ее «исключительности»: страны Семерки существенно опережают все остальные государства, в том числе США, по уровню развития. Подчеркнем, что ни тройка скандинавских стран, ни пятерка нордических стран не образует кластер.

Полученные результаты позволяют предположить, что ощущение удовлетворенности жизнью связано с уровнем ЖКИ-10. Было бы интересно путем опроса респондентов проверить наличие причинной связи между показателями, входящими в состав ЖКИ-10, и уровнем счастья.

Разумеется, выводы могут зависеть от метода кластеризации и, в частности, от выбранного набора параметров, формирующих интегральный индекс. Если, например, к использованным 10 параметрам добавить индексы социальной поддержки и персональной свободы, отвергнутые ранее по содержательным соображениям, то картина меняется: Семерка пере-

⁶ Используемый алгоритм не содержит правила останова. Для нас важно, что Семерка образует кластер на каком-либо шаге.

стает быть кластером. При разбиении множества стран посредством нового интегрального индекса ЖКИ-12 на два кластера она входит в первый наряду с еще семью странами (см. столбцы 6–9 табл. 2). Тем не менее она остается во главе списка и, как легко проверить, образует кластер в слабом смысле. При этом США оказываются во втором кластере.

О динамике основных показателей: Семерка и США

По ЖКИ-10 США заняли 23 место, оказавшись еще ниже, чем по индексу счастья. Важно отметить, что увеличение отставания США от ряда стран и сокращение отставания многих других стран от США – это тенденция, характерная для последних десятилетий.

В докладе «Corruption perceptions index 2020»⁷ отмечается, что в 2020 году позиция США по уровню восприятия коррупции оказалась минимальной с 2012 года. Авторы связывают это с необходимостью выделения и распределения средств на борьбу с ковидом. Подчеркивается высокий ранг Дании, Финляндии, Швеции и Швейцарии. Из семи европейских лидеров только Исландия вышла за пределы десятки по этому показателю, но и она существенно опережает США.

Индекс демократии (Democracy Index) рассчитывается аналитическим отделом Economist Intelligence Unit британского журнала Economist на основе экспертных оценок и опросов общественного мнения в 167 странах. Полученные таким образом 60 показателей агрегируются для выделения пяти индикаторов, каждый из которых характеризует одну из фундаментальных составляющих демократического механизма: избирательный процесс и плюрализм, деятельность правительства, политическое участие граждан, политическую культуру и гражданские свободы. Эти индикаторы оцениваются в десятибалльной шкале, а индекс демократии является их средним арифметическим. В зависимости от его значения различают четыре типа власти: полная демократия, несовершенная (flawed) демократия, гибридный режим и

авторитарный режим⁸. Опубликованы данные за 2006–2020 гг.⁹ За этот период значения индекса снизились почти для всех стран, отнесенных первоначально к полным демократиям. К немногим исключениям принадлежит Норвегия. Кроме нее еще четыре страны из семерки сохранили значения индекса выше девяти; индексы оставшихся двух – Нидерландов и Швейцарии – весьма близки к девятке. В то же время значение индекса демократии для США монотонно падало с уровня 8,22, оказавшись ниже восьми в 2016 г. Тем самым США перешли в класс несовершенных демократий. От большинства полных демократий они особенно отстают по качеству правительства и уровню политической культуры¹⁰.

Индекс человеческого развития (ИЧР) является агрегатом четырех показателей: ожидаемой продолжительности жизни при рождении, среднего числа лет обучения для граждан 25 лет и выше, ожидаемого числа лет обучения для детей, поступающих в школу, и валового национального продукта на душу населения¹¹.

В 1990 году США занимали 7-е место по ИЧР, опережая Нидерланды, Данию и Финляндию¹². В 2005 году они оказались уже на 12-м месте, обогнав из стран Семерки только Данию¹³. В 2019 году США переместились на 17-е место, в то время как страны Семерки заняли места не ниже 12-го (см. табл. 1). По темпу роста ИЧР за период 1990–2017 гг. США проигрывают подавляющему большинству стран.

⁸ См. <https://countryeconomy.com/hdi?year=2006>

⁹ Democracy Index 2012. Democracy at a standstill (2013). The Economist Intelligence Unit Limited 2013. Pp. 1–40. URL: <https://civitanaorg.files.wordpress.com/2014/05/democracy-index-2012.pdf>; Democracy Index 2020. In sickness and in health? (2021). The Economist Intelligence Unit Limited. Pp. 1–70. Недавно опубликована обновленная версия индекса (Рейтинг стран мира по уровню демократии (2021). Гуманитарный портал: Исследования. Центр гуманитарных технологий, 2006–2021 (последняя редакция 10.03.2021). URL: <https://gtmarket.ru/ratings/democracy-index>).

¹⁰ Democracy Index 2020. In sickness and in health? (2021). The Economist Intelligence Unit Limited. Pp. 1–70. Tables 3, 12.

¹¹ См. <http://hdr.undp.org/en/content/human-development-index-hdi>

¹² См. http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/220/hdr_1991_en_complete_nostats.pdf, p. 15.

¹³ См. http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/268/hdr_20072008_en_complete.pdf, p. 229.

⁷ Corruption perceptions index 2020 (2021). Transparency International. Berlin. 30 p. URL: https://images.transparencycdn.org/images/CPI2020_Report_EN_0802-WEB-1_2021-02-08-103053.pdf

Среди стран, занимавших в 2017 году первые 100 мест, более низким темпом рос только ИЧР Украины¹⁴.

Как следует из таблицы 1, неравенство доходов в США существенно выше, нежели в странах Семерки. На самом деле это верно по отношению ко всем европейским странам, причем аналогичное утверждение справедливо и для имущественного неравенства. По сравнению с 1980 годом неравенство в США выросло гораздо значительнее, нежели в Западной Европе (Alvaredo et al., 2018; Полтерович, 2021a).

Одним из факторов, существенно влияющих на уровень неравенства в стране, является социальная мобильность. Естественно предполагать, что она тем выше, чем менее коррелированы уровни доходных групп, к которым принадлежат дети и их родители. В работе (Jäntti et al., 2006) показано, что в США корреляция значимо выше, чем в Великобритании, где она существенно превосходит корреляцию, наблюдаемую в Дании, Финляндии, Норвегии и Швеции. Так, сын бедного отца с большей вероятностью останется бедным в США, чем в нордических странах. Авторы отмечают, что их исследование развеивает миф об американской исключительности в отношении социальной мобильности.

Аналогичный вывод следует также из результатов (Alesina et al., 2018, p. 532). По оценке авторов, если родители ребенка принадлежат нижнему доходному квантилю, то вероятность, что он останется в том же квантиле, равна 26,7% для Швеции, что меньше, чем для Италии (27,3), Франции (29,2), Великобритании (30,3), США (33,1). Цифры подтверждают, что в США мобильность ниже, а в Швеции выше, чем в ведущих европейских странах. В статье показано, что европейцы представляют себе реальность в отношении социальной мобильности существенно хуже, чем она есть, а в представлениях граждан США социальная мобильность в их стране значимо выше реальной.

Институциональные особенности тесно связаны с культурными. Замечательным при-

мером этой взаимосвязи является различие между американцами и норвежцами, экспериментально обнаруженное в работе (Almäs et al., 2016). Норвежцы гораздо более негативно относятся к высокому неравенству, нежели американцы, при этом различий в отношении к эффективности у них не наблюдается. Можно предположить, что гражданам Норвегии в большей мере свойственно чувство ответственности за исполняемую работу, не связанное с материальными стимулами. Оно является важнейшей предпосылкой эффективного сотрудничества.

В качестве индикатора обобщенного доверия принимают долю респондентов, которые полагают, что «большинству людей можно доверять». Данные, приведенные в таблице 1, отражают результаты опросов, проведенных начиная с ранних 1980-х по 2009 год. В работе (Min, 2020) содержатся относительно новые данные по несколько иному индикатору – синтетическому показателю социального доверия. Он характеризует доверие респондентов и к ближнему, и к дальнему кругу, в частности к членам семьи и к людям, встреченным впервые. Здесь ранжирование выглядит иначе, однако все семь европейских лидеров входят в первую десятку, Великобритания, Новая Зеландия и Австралия занимают позиции 7, 8 и 9, а США находятся на 17-м месте.

Достаточно высокий уровень доверия граждан друг другу – важнейшая предпосылка эффективности механизмов сотрудничества. Не менее важен высокий уровень доверия граждан правительству. Только в этом случае появляется возможность, борясь с кризисом, трансформировать командные иерархии в совещательные или коллаборативные (Полтерович, 2021b).

Следует отметить, что уровень обобщенного доверия в США существенно падал в последние десятилетия. Так, доля респондентов, полагающих, что большинству людей можно доверять, составляла в 1972 году около 45%, а в 2014 – чуть более 30%. Уровень доверия правительству граждан США снизился с 30% в 1996 году до 19% в 2015. В 1958 году он был выше 70% (Ortiz-Ospina, Roser, 2016).

Интересно проследить динамику еще одного индикатора, рейтинга мировой конкурентоспособности (The World Competitiveness Ranking (PMK)), характерную для Семерки и США. PMK рассчитывается с 1989 года специалистами

¹⁴ Human Development Indices and Indicators. 2018 Statistical Update (2018). The United Nations Development Programme, New York. 112 p. Pp. 26–29. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update.pdf.

Таблица 3. Динамика рангов мировой конкурентоспособности

№	Страна/год	2017	2018	2019	2020	2021
1	Дания	7	6	8	2	3
2	Норвегия	11	8	11	7	6
3	Швеция	9	9	9	6	2
4	Финляндия	15	16	15	13	11
5	Исландия	20	24	20	21	21
6	Швейцария	2	5	4	3	1
7	Нидерланды	5	4	6	4	4
8	Новая Зеландия	16	23	21	22	20
9	Великобритания	19	20	23	19	18
10	Австрия	25	18	19	16	19
11	Канада	12	10	13	8	14
12	Австралия	21	19	18	18	22
13	Германия	13	15	17	17	15
14	США	4	1	3	10	10
15	Сингапур	3	3	1	1	5

Источник: <https://www.imd.org/centers/world-competitiveness-center/rankings/world-competitiveness/>

Института развития менеджмента (the Institute for Management Development), базирующегося в Швейцарии, и является агрегатом 334 показателей, полученных на основе статистических данных и опросов. Эти показатели, по утверждению авторов, так или иначе влияют на способность страны к долгосрочному экономическому росту. Как следует из *таблицы 3*, за последние пять лет все страны Семерки за исключением Исландии повысили свой рейтинг. Пять из них в 2021 году входили в десятку

лучших, а Финляндия занимала 11-е место. Рейтинг США в 2017–2019 гг. был не ниже 4, а в 2020 и 2021 гг. США оказалисьдесятыми.

Преимущества Семерки по отношению к США, отраженные в уровне и эволюции рассмотренных выше индексов, сказались на динамике душевого ВВП (*табл. 4*). Сегодня Норвегия и Швейцария обгоняют США по уровню этого ключевого экономического показателя, а другие члены Семерки уверенно сокращают отставание.

Таблица 4. ВВП ППП на душу населения страны, % от уровня США

№	Страна/год	C1	C2	C2/C1
1	Дания	78,3	92,9	1,19
2	Норвегия	92,1	105,1	1,14
3	Швеция	80,1	85,4	1,07
4	Финляндия	72,5	79,5	1,10
5	Исландия	85,2	90,7	1,06
6	Швейцария	100,9	112,7	1,12
7	Нидерланды	85,7	92,3	1,08
8	Новая Зеландия	59,2	69,1	1,17
9	Великобритания	71,9	73,3	1,02
10	Австрия	80,8	89,2	1,10
11	Канада	80,6	77,7	0,96
12	Австралия	78,2	82,4	1,05
13	Германия	76,8	85,9	1,12
14	США	100	100	1,00

C1 – ВВП ППП на душу населения страны, % от уровня США, среднее за 1998–2000 гг.
C2 – ВВП ППП на душу населения страны, % от уровня США, среднее за 2018–2020 гг.
C2/C1 – рост среднего отношения ВВП ППП на душу населения страны к уровню США за 20 лет.
Рассчитано по: https://stats.oecd.org/index.aspx?DataSetCode=PDB_LV#

Индекс верховенства закона рассчитывается Всемирным банком на основе статистических данных, а также опросов населения и экспертов¹⁵. Он отражает масштабы насилия и организованной преступности в стране, степень защиты прав собственности, обеспеченность исполнения контрактов, уровень доверия граждан полиции и судебным органам и т. п. По этому индексу США существенно отстают не только от Семерки, но и от Новой Зеландии, Канады, Австралии, Германии (см. столбец 12 табл. 1).

Заключение

Тот факт, что США постепенно теряют позиции самой передовой социально-экономической системы, отмечался многими авторами, в частности сторонниками теории нордической исключительности. Выше было показано, что эта теория не вполне точна: в настоящее время в группу лидеров наряду с нордическими странами входят также Швейцария и Нидерланды. Наши результаты демонстрируют, сколь существенно Семерка опережает США не только по индексу счастья, но и по совокупности важнейших характеристик гражданской культуры, экономических и политических институтов. Возникает вопрос о том, какие качественные особенности социально-экономических и политических механизмов обеспечивают это лидерство.

Процесс потери лидерства Соединенными Штатами еще не завершен. Во-первых, к настоящему времени лишь Норвегия и Швейцария опережают США по уровню душевого ВВП. Во-вторых, США по-прежнему опережают Европу в создании новых технологий, о чем

свидетельствуют данные по числу заявок на патенты. Согласно статистике за 2010–2020 гг., доля Азии в общем числе заявок растет, доля Северной Америки и Европы снижается, но при этом снижение для Северной Америки происходит медленнее, чем для Европы¹⁶. В-третьих, доллар остается основной мировой резервной валютой. Его доля в резервах центральных банков уменьшается, но опять-таки за счет азиатских стран.

Будут ли США и дальше терять свои позиции или сумеют их восстановить? Этот вопрос приобрел особую актуальность в связи с недавними событиями на Украине, одним из результатов которых явилось невиданное ранее сплочение европейских стран вокруг США. Ответ на него связан с вопросом о том, насколько существенно качественное различие в социально-экономических и политических механизмах, обусловивших превосходство Семерки над США по уровням институциональных индикаторов, и если оно существенно, то каковы шансы на их заимствование другими западными, прежде всего европейскими, странами. Ответу на него будет посвящена вторая часть работы. В частности, будет показано, что страны Семерки вышли на лидирующие позиции благодаря коллаборативным преимуществам – более развитым механизмам сотрудничества в экономической, социальной и политической сферах и что ряд других европейских государств следует их примеру. Будет также рассмотрен вопрос о том, как результаты настоящего исследования могут быть использованы при разработке стратегий догоняющего развития.

Литература

- Банерджи А., Дюфло Э. (2021). Экономическая наука в тяжелые времена. М.: Издательство Института Гайдара. 616 с.
- Полтерович В.М. (2015). От социального либерализма – к философии сотрудничества // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 41–64.
- Полтерович В.М. (2018а). К общей теории социально-экономического развития. Ч. 1. География, институты или культура? // *Вопросы экономики*. № 11. С. 5–26.
- Полтерович В.М. (2018б). К общей теории социально-экономического развития. Ч. 2. Эволюция механизмов координации // *Вопросы экономики*. № 12. С. 77–102.

¹⁵ См. <http://info.worldbank.org/governance/wgi/pdf/rl.pdf>. Иную методологию использует World Justice Project, однако в соответствующем списке стран отсутствуют Исландия и Швейцария.

¹⁶ См. https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_941_2021.pdf, p. 15.

- Полтерович В.М. (2021a). Кризис институтов политической конкуренции, интернет и коллаборативная демократия // Вопросы экономики. № 1. С. 52–72.
- Полтерович В.М. (2021b). Коллаборативные иерархии // Вопросы экономики. Вып. 7. С. 31–48.
- Шматова Ю.Е., Морев М.В. (2015). Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 3. С. 141–162.
- Alesina A., Stantcheva S., Teso E. (2018). Intergenerational mobility and preferences for redistribution. *American Economic Review*, 108(2), 521–554.
- Almäs I., Cappelen A.W., Tungodden B. (2016). Cutthroat capitalism versus cuddly socialism: Are Americans more meritocratic and efficiency-seeking than Scandinavians? *Discussion Paper No. 18/2016, NHH Dept. of Economics*.
- Alvaredo F., Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G. (Eds.). (2018). *World Inequality Report 2018*. Paris: World Inequality Lab.
- Helliwell J.F., Layard R., Sachs J. (Eds.). (2019). *World Happiness Report 2019*. New York: Sustainable Development Solutions Network.
- Helliwell J.F., Layard R., Sachs J., De Neve J.-E. (Eds.). (2020). *World Happiness Report 2020*. New York: Sustainable Development Solutions Network.
- Helliwell J.F., Layard R., Sachs J., De Neve J.-E. (Eds.). (2021a). *World Happiness Report 2021*. New York: Sustainable Development Solutions Network.
- Helliwell J.F., Huang H., Wang S., Norton M. (2021b). *Statistical Appendix 1 for Chapter 2 of World Happiness Report 2021*. Available at: <https://happiness-report.s3.amazonaws.com/2021/Appendix1WHR2021C2.pdf>
- Iqbal R., Todi P. (2015). The Nordic model: Existence, emergence and sustainability. *Procedia Economics and Finance*, 30, 336–351.
- Jäntti M., Bratsberg B., Røed K. et al. (2006). American exceptionalism in a new light: A comparison of intergenerational earnings mobility in the Nordic Countries, the United Kingdom and the United States. *IZA Discussion Paper 1938*.
- Martela F., Greve B., Rothstein B., Saari J. (2020). The Nordic exceptionalism: What explains why the Nordic countries are constantly among the happiest in the world. In: Helliwell J.F., Layard R., Sachs J.D., De Neve J.E. (Eds.). (2020). *World Happiness Report 2020*. New York: Sustainable Development Solutions Network.
- Min J. (2020) Does social trust slow down or speed up the transmission of COVID-19? *PLoS ONE*, 15(12): e0244273. Available at: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0244273>
- Ortiz-Ospina E., Roser M. Trust. Available at: <https://ourworldindata.org/trust>
- Pratt J. (2008). Scandinavian exceptionalism in an era of penal excess. Part I: The nature and roots of Scandinavian exceptionalism. *The British Journal of Criminology*, 48(2), 119–137.
- Svendsen G.L.H., Svendsen G.T. (2015). The puzzle of the Scandinavian welfare state and social trust. *Issues in Social Science*, 3(2), 90–99.

Сведения об авторе

Виктор Меерович Полтерович – доктор экономических наук, профессор, академик РАН, руководитель научного направления, Центральный экономико-математический институт РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: polterov@cemi.rssi.ru), заместитель директора, Московская школа экономики, МГУ им. М.В. Ломоносова (119234, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 61)

Polterovich V.M.

Competition, Collaboration, and Life Satisfaction Part 1. The Seven of European Leaders

Abstract. The first part of this paper demonstrates that a group of seven European countries is significantly ahead of other Western states, including the United States, in the development of economic and political institutions. The Seven are Denmark, Norway, Sweden, Finland, Iceland, Switzerland, and the Netherlands. They rank first in the life satisfaction index (happiness index) and are leaders in the integral index of quality of life, civic culture, and institutional effectiveness which is formed by aggregating ten most important indicators. These include healthy life expectancy at birth, the corruption perception index, the democracy index, the human development index, the Gini index and a number of others. When this index is used to cluster the set of developed countries, the Seven appears to be the leading cluster. This result suggests that the achievement of high values of the proposed index contributes to the country's advancement to the leading positions in life satisfaction. An analysis of the dynamics of institutional indicators showed that the U.S. lagging behind the Seven has been increasing over time. In recent years, the U.S. has been among the flawed democracies, the levels of generalized trust of U.S. citizens as well as trust in political institutions and in the government are decreasing, the U.S. advantages in terms of global competitiveness and per capita GDP are diminishing. The second part of the paper will consider what qualitative features of socio-economic and political mechanisms provide leadership, and how our findings can be used to develop catch-up strategies.

Key words: happiness index, Nordic exceptionalism, U.S. lagging behind, collaboration, clustering, nearest neighbor method.

Information about the Author

Victor M. Polterovich – Doctor of Sciences (Economics), Professor, RAS Academician, head of scientific field, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: polterov@cemi.rssi.ru), deputy director, Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory, building 61, Moscow, 119234, Russian Federation)

Статья поступила 09.03.2022.

Политика протекционизма в России: новые тенденции в контексте проблемы импорта институтов

Руслан Семёнович

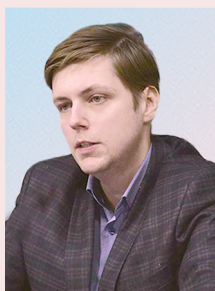
ГРИНБЕРГ

Институт экономики РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: grinberg@inecon.ru

ResearcherID: H-8175-2016

Олег Олегович

КОМОЛОВ

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Финансовый университет при Правительстве РФ

Институт экономики РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: oleg_komolov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6944-7925; Researcher ID: D-8347-2018

Аннотация. В статье рассматривается институциональный аспект государственного регулирования внешнеэкономической деятельности в России. Теоретической основой исследования являются концепция «воспитательного протекционизма» Ф. Листа, которая предполагает возвращение «юных отраслей промышленности» под защитой покровительственных таможенных тарифов до обретения ими конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках, и теория «отделения» С. Амина, которая рассматривает протекционизм как метод выхода стран периферии мировой экономики из отношений неэквивалентного обмена с промышленно развитыми странами: экономическая политика государства должна быть направлена на удовлетворение потребностей внутреннего развития, а не повышение международной конкурентоспособности (продоволь-

Для цитирования: Гринберг Р.С., Комолов О.О. (2022). Политика протекционизма в России: новые тенденции в контексте проблемы импорта институтов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 2. С. 44–54. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.3

For citation: Grinberg R.S., Komolov O.O. (2022). Protectionism in Russia: New trends in the context of the import of institutions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(2), 44–54. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.3

ственная безопасность, полная занятость, установление минимального размера оплаты труда и т. п.). Такие меры были устойчивым элементом социально-экономической модели СССР и выступали источником накопления капитала для развития промышленности и ВПК. Авторы приходят к выводу, что механическое заимствование (трансплантация) институтов фритрейдерства и протекционизма в России в 1990-е годы, не сопровождавшееся постановкой и реализацией государством стратегических планов развития российской экономики, привело к формированию «мутантной» экономической модели. С одной стороны, полный отказ от политики государственной монополии на внешнюю торговлю способствовал наводнению отечественного рынка импортными товарами и, как следствие, массовому разорению отечественных предприятий обрабатывающей промышленности. С другой — целью фрагментарного применения инструментов протекционистской политики была не столько поддержка национального производителя, сколько создание комфортной среды для распределения государственной собственности между узкой группой приближенных к власти лиц, а также благоволение монопольному капиталу в ряде отраслей отечественной экономики.

Ключевые слова: протекционизм, институты, фритрейдерство, Россия, сельское хозяйство.

Введение

Понимание роли протекционизма в современной экономике невозможно без учёта институциональной среды, в которой государство реализует такую практику. Так, в ходе рыночных реформ 1990-х гг. постсоветская Россия импортировала институты государственного регулирования экономики через их трансплантацию¹. Попытка прямого заимствования чужеродных элементов из внешней среды — капиталистических стран западного мира, вследствие приватизации и экономической свободы хозяйствующих субъектов, политики «жёсткой экономии», смягчения налоговой нагрузки на капитал, либерализации валютного регулирования, отказа от монополии на внешнюю торговлю и т. д., вступала в противоречие с традициями хозяйственной деятельности плановой экономики. В результате такой симбиоз породил «чудовище Франкенштейна» — социально-экономические отношения, в которых институт государственного регулирования выполнял функцию передела общественной собственности и защиты интересов узкой группы приближенных к власти лиц от внешней конкуренции. В этих условиях политика протекционизма не будет приносить традиционно ожидаемых результатов, таких как возвращение конкурентоспособного национального производителя, обеспечение экономического роста и полной занятости, по-

скольку их работа изначально была подчинена другим целям. Таким образом, цель исследования — рассмотреть особенности развития политики протекционизма в современной России в контексте особенностей институциональной среды, сформированной под влиянием атрофии и перерождения институтов либерализма, а также дисфункции институциональной макроструктуры, когда свобода предпринимательства обернулась всевластием монопольного капитала, приватизация привела к массовым банкротствам предприятий, политика невмешательства государства вылилась в отказ от значительной части социальных обязательств.

Протекционизм по Ф. Листу и С. Амину

Экономический словарь определяет протекционизм как экономическую политику государства, которая проявляется «в целенаправленном ограждении внутреннего рынка своей страны от проникновения на него иностранных товаров. Такая политика ставит своей задачей поощрение развития национальной экономики и ее защиту от иностранной конкуренции путем установления высоких пошлин на ввозимые в страну товары или запрещение ввоза товаров»². Таким образом, протекционизм — явление, свойственное рыночной модели экономики. Идеи протекционизма в экономической теории развивали авторы разных экономических

¹ О проблеме трансплантации институтов на примере стран постсоветского пространства см. (Гринберг, Комолов, 2020).

² Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. (2021). Современный экономический словарь. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М. 335 с.

школ. Наиболее известными являются работы Ф. Листа, сформулировавшего теорию «воспитательного протекционизма». Она предполагает возвращение «юных отраслей промышленности» под защитой покровительственных таможенных тарифов до обретения ими конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках. Торговые ограничения при этом не должны касаться закупки оборудования и технологий. Связанные с политикой протекционизма издержки вынуждены нести потребители, что Лист называл «платой за обучение». Они с избытком будут компенсированы будущим экономическим ростом. Покровительственные или «воспитательные» пошлины, по Листу, должны быть временными и отменяться по мере достижения национальной промышленностью той стадии, когда она может вступать в открытую конкуренцию с иностранными производителями. «Таможенная система как средство, способствующее экономическому развитию нации при помощи регулирования иностранной торговли, должна постоянно иметь в виду принцип промышленного воспитания нации», — пишет Лист в предисловии к «Национальной системе» (Лист, 2017). При этом Ф. Лист был противником «запретительных пошлин» и считал, что прибегать к ним можно лишь в исключительных случаях, например во время войны.

Схожие идеи, но уже применительно к анализу центрo-периферических отношений современной экономики, содержатся в работах С. Амина. В центре его исследований лежит проблема экономической зависимости: страны периферии мировой экономики специализируются на нескольких экспортоориентированных, трудоемких производствах с низкой добавленной стоимостью (добыча полезных ископаемых, сельское хозяйство, обрабатывающие производства низкой степени передела). При этом отрасли с высокой добавленной стоимостью располагаются преимущественно в странах центра. Перераспределение прибавочной стоимости периферии в пользу центра происходит через снижение уровня оплаты труда на периферии, контроль над ценами со стороны стран центра и закрепление за ними наукоемких технологий через систему патентов, а также потери отдельных стран периферии в связи с девальвацией национальных валют, чистым оттоком капитала и уплатой процентов по внешнему долгу.

С. Амин утверждал, что освободить от экономической зависимости страны, существующие по правилам глобальной капиталистической системы, невозможно. Единственным условием догоняющего развития для них является «отделение» (delinking) от сложившихся отношений международного разделения труда (Amin, 1990). Отделение не означает автаркию. Основная идея этой теории заключается в том, что периферийные государства должны перераспределять ресурсы и прибавочный продукт в соответствии с вкладом работников каждой из отраслей в общий выпуск. Это, например, приведет к росту цен на сельскохозяйственную продукцию и повышению благосостояния сельского населения. Экономическая политика государства должна быть направлена на удовлетворение потребностей внутреннего развития, а не повышение международной конкурентоспособности (продовольственная безопасность, полная занятость, установление минимального размера оплаты труда и т. п.). Амин признает, что осуществить полное отделение от экономической зависимости невозможно, однако даже частичное продвижение по этому пути можно считать успехом для страны (Amin, 1996).

В практике государственного регулирования внешнеэкономической деятельности протекционистские меры могут являться ответом на демпинг со стороны иностранного производителя. Выделяют три формы демпинга:

1) случайный демпинг, т. е. эпизодическая реализация товара на внешних рынках по цене ниже стоимости. Такое может случаться, например, в ситуации перепроизводства и потребности во что бы то ни стало сбыть произведенный товар на любых условиях. Такая форма демпинга не является опасной и не требует ответных государственных мер (Маслов, 2019);

2) преднамеренный демпинг — сознательная попытка вытеснить конкурента с национального рынка за счёт продажи товара по искусственно заниженной цене. Последующая монополизация рынка позволяет с лихвой компенсировать понесённые потери;

3) устойчивый демпинг, основанный на принципе ценовой дискриминации третьей степени и представляющий наибольшую опасность. Для борьбы с таким явлением от государства требуется реализация продуманной стратегии, которая, с одной стороны, не ли-

шит потребителя доступа к импортному товару, реализуемому по доступной цене, а с другой — поможет создать достаточные условия для развития и укрепления национального конкурента импортёру.

Наиболее распространённой протекционистской мерой во внешней торговле выступает таможенный тариф, т. е. ставка пошлины, взимаемой с товара при пересечении им таможенной границы (Feenstra, 1992). Данный инструмент имеет ряд преимуществ: позволяет ограничить поступление импортного товара на рынок в тех отраслях, которые требуют поддержки, обычно новых, малоразвитых отраслях промышленности, не способных вступить в открытую конкуренцию с импортёром; обеспечивает поступление бюджетных доходов; выступает в роли аргумента в политическом противостоянии государств на международной арене. При этом применение таможенного тарифа является эффективным только тогда, когда вся таможенная политика представляет собой часть тщательно проработанной стратегии развития национальной экономики, учитывающей межотраслевые пропорции и нацеленной на достижение чётко обозначенных целей экономического развития. В противном случае спорадическое, бессистемное применение таможенного тарифа как протекционистской меры может привести к негативным последствиям: вызывать торговые войны между странами, ограничивать доступ населения и компаний к качественным импортным товарам и прогрессивным технологиям, приводить к снижению конкурентоспособности национальных производителей ввиду отсутствия конкурентных стимулов к росту и развитию.

Становление протекционизма в современной России. Противоречия переходного периода

Развитие экономики современной России происходило на основе производственного и институционального фундамента, унаследованного от советского периода. В Советском Союзе внешнеэкономическая деятельность была частью плановой хозяйственной системы. В отсутствие экономической независимости предприятий таможенная политика советского государства не выполняла функцию регулятора внешнеторговых операций, поэтому термин «протекционизм» применять к ней было

бы некорректно. Её роль была вспомогательной и ограничивалась преимущественно фискальной функцией: таможенные пошлины выступали источником пополнения государственного бюджета. Кроме того, государственная монополия на внешнюю торговлю позволяла стабилизировать экономику, во-первых, обеспечивая плановый сбыт товаров советских предприятий за рубежом (с использованием в т. ч. политических инструментов обеспечения внешних рынков сбыта), во-вторых, восполняя недостаток товаров национального производства за счёт импортных поставок (Gruzinov, 1978). Введение госмонополии внешней торговли в 1918 году Ленин считал одной из главных командных высот советского государства для преодоления экономической разрухи в стране в условиях враждебного внешнего окружения: только так можно оградить молодую республику от вторжения иностранного капитала и успешно решать задачи социалистического строительства; «без такой монополизации мы не сможем «отделаться» от иностранного капитала платёжом «дани» (Ленин, 1974). Принцип монополии внешней торговли предполагал осуществление внешнеэкономической деятельности в соответствии с общегосударственным планом. Пропорции внешнеторгового оборота становились частью единого народнохозяйственного плана, подчинялись его целям и задачам. Правительство централизованно определяло номенклатуру необходимых стране товаров импортного происхождения и формировало фонд экспортных товаров для реализации за рубежом по мере восстановления нормальных условий для внешней торговли (Якуб, 2018).

Период рыночных трансформаций в России совпал с развитием неолиберального этапа в истории капитализма. Институты регулируемого капитализма в западном мире были заменены принципами рыночного саморегулирования. Они нашли отражение в положениях «вашингтонского консенсуса» — рекомендованного Всемирным банком и МВФ типа макроэкономической политики, основанной на приватизации, стабилизации и либерализации. Последнее означало значительное сокращение государственного регулирования финансового рынка или отказ от него (процентные ставки, установленные рынком, отказ от пониженных

ставок привилегированным заёмщикам); отмену барьеров для притока прямых иностранных инвестиций и обеспечение прямой конкуренции местных производителей с иностранными); дерегулирование, облегчающее создание новых предприятий, смягчение мер антимонопольной политики; либерализацию торговли через замену квот тарифами и постепенное снижение самих тарифов.

США в период президентства Р. Рейгана и Дж. Буша значительно ограничили активность протекционистской политики, сократили торговые квоты, поддерживали принципы ГАТТ (ВТО), предусматривавшие отказ от экономических барьеров на пути движения товаров и факторов производства. Также США стали инициатором создания Северо-Американской зоны свободной торговли – НАФТА, куда вошли Канада и Мексика. Создание интеграционного объединения явилось попыткой США расширить рынки сбыта для товаров национального производства. Общее движение мировой экономики по пути глобализации стало ответом на кризис «стагфляции» 1970-х: перенос производств в регионы с низкой оплатой труда с одновременным ростом импорта товаров развитыми странами из новых индустриальных экономик позволил сократить издержки американских и европейских производителей, что обеспечило высокие темпы экономического роста в последующие два десятилетия.

Центром рыночных реформ 1990-х гг. в России стала приватизация государственной собственности. Этот процесс повлиял и на государственную политику регулирования внешнеэкономических связей. В целом господствующая в те времена идеология рыночного фундаментализма предполагала, что самоустранение государства из экономики само по себе является достаточным условием благоденствия: естественные механизмы рыночной конкуренции запустятся сами собой. При этом правительству остаётся лишь ограничивать монополизацию посредством довольно мягкого антитрестовского законодательства.

Отмена монополии государства на внешнюю торговлю стала одним из ключевых решений, направленных на интеграцию России в международное разделение труда через интернационализацию национальной экономики.

Ожидалось, что конкурентные преимущества страны: богатый научный потенциал, образованное население, природные ресурсы, диверсифицированная промышленность – будут активно привлекать зарубежные инвестиции (Кнжжжфи, У фифмлу фи, 2009). Однако этого не произошло, в т. ч. потому, что сам российский правящий класс не был в полной мере заинтересован в таком развитии событий. В отличие от бывших советских республик Центральной и Восточной Европы, избравших путь безоговорочного подчинения и открытости перед западным миром (быстрое вступление в ВТО и ЕС), российская власть не желала делиться привлекательными активами с внешним миром (Evenett, Vines, 2012). Наоборот, 1990-е годы ознаменовались возрождением политики протекционизма, но в уродливой, искажённой форме, направленной на защиту собственности от внешних посягательств, а не развитие национального производителя. Условия привлечения к приватизации прямых иностранных инвестиций были закреплены в законе об иностранных инвестициях от 04.07.1991 и Гражданском кодексе. В отношении зарубежных инвесторов применялся «национальный режим», что уравнивало статус иностранных компаний с отечественными. Закон «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РФ» от 03.07.1991 никак не регламентировал приобретение государственной собственности иностранцами. Уточнения появились лишь в тексте Государственной программы приватизации государственного и муниципального имущества от 24 декабря 1993 г. Документ содержал в себе несколько ограничений на участие иностранцев в приватизации:

1) для приватизации организаций торговли, транспорта, общепита, бытового обслуживания, а также малых предприятий строительства и промышленности (с численностью работников до 200 человек) иностранному инвестору необходимо было получить разрешение местных органов власти;

2) в случае отсутствия других участников торгов продажа имущества иностранному резиденту была возможна только после процедуры специальной оценки имущества предприятия Министерством финансов России;

3) Федеральная служба контрразведки наделалась правом обращаться в Правительство РФ с ходатайством об отказе в приобретении иностранцами активов в ряде отраслей: оборонной промышленности, транспорте, связи, нефтегазовом секторе, добыче стратегических материалов и драгоценных металлов и камней;

4) иностранный капитал не допускался к приобретению активов, расположенных на территориях закрытых территориальных образований³.

Эти барьеры нельзя назвать непреодолимыми. Напротив, условия для допуска иностранцев к покупке российских активов были смягчены в сравнении с первой редакцией программы, принятой Верховным Советом в 1992 году. Однако, несмотря на это, участие иностранного капитала в приватизации оказалось незначительным, особенно в сравнении другими бывшими странами соцлагеря. Так, в период 1992–1994 гг. нерезиденты выкупили лишь 10% приватизированных активов (Сулейманов, 2003). Главной причиной была неготовность организаторов процесса приватизации делить собственность с внешними покупателями. Выбранная властями специфическая – ваучерная – форма приватизации сильно ограничивала участие иностранного капитала. Тесная связь власти с бизнесом стала источником протекционизма особого рода, когда роль государства сводится к защите национального покупателя от внешней конкуренции.

В декабре 1993 года в «Независимой газете» была опубликована статья с призывом в заголовке «Отказ от протекционизма»⁴. В ней автор утверждает, что на фоне формального движения по пути интернационализации экономики России на самом деле государство препятствует проникновению на рынок иностранных игроков посредством валютного контроля, импортных пошлин и налогов. В итоге в экономике сохраняется высокая степень монополизации, преодолеть которую следовало бы через при-

³ О Государственной программе приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 24 декабря 1993 г. № 2284 (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/10101974/>

⁴ Теперман В. Отказ от протекционизма // Независимая газета. 15.12.1993. № 240 (664). С. 4.

влечение на рынок иностранных инвесторов. Однако такие призывы оставались без внимания, а тандем государства и бизнеса продолжал укрепляться. В результате этого синтеза в России сложилась специфическая бизнес-среда, которая пронесла свои родовые пятна через десятилетия. К таковым можно отнести следующие особенности.

1) Рентоориентированное поведение крупного бизнеса. Источником богатства большинства российских миллиардеров стало присвоение сверхприбыли от природной ренты и торговли на совершенно свободном, неосвоенном и нетребовательном к качеству товаров внутреннем рынке (Dzarasov, 2010). И если в розничную торговлю иностранный капитал начал постепенно проникать в форме крупных ритейлерских сетей, то извлечение сырьевой ренты было и остаётся привилегией национального капитала, а также государства.

2) Сверхдоходы как обязательное условие капиталовложений. Протекционизм и отсутствие конкуренции, а также отсутствие гарантий прав собственности и незначимость репутационных рисков оставили пространство лишь для инвестиционных стратегий, подразумевающих быструю, преимущественно спекулятивную прибыль. Эта проблема неразрывно связана с офшоризацией экономики России: утечка капитала становится инструментом защиты извлечённой прибыли от перераспределения рыночными методами.

3) Нерыночные методы конкуренции: административная поддержка регионального бизнеса местными органами власти за вознаграждение; политика вертикально-интегрированных компаний, завышающих цены на свою продукцию; монополизм в отдельных отраслях и регионах, вызванный особенностями производственного процесса, состоянием размещением производительных сил (например, в производстве узлов и агрегатов для машиностроения) (Апокин, 2011).

4) Низкое качество управленческих кадров, кумовство, недостаток предпринимательской инициативы. Он проявляет себя, в частности, в том, что российский бизнес оказался неспособен достичь успеха на зарубежных рынках, в т. ч. тех, которые отличаются благоприятным деловым климатом, низким уровнем коррупции и устойчивой правовой системой.

5) Низкая оплата труда, социальное неравенство и имущественное расслоение. Доля зарплат в себестоимости российских товаров и услуг в России составляет 20–25%, ЕС – 50–60%, США – 75–80% (Аксёнова, 2016).

Низкая эффективность протекционистской политики в России как проявление институциональной дисфункции

Указанные черты отечественного бизнеса стали результатом специфической политики, проводимой государством в постсоветский период. Новый российский протекционизм не выполнил «воспитательных» функций по Ф. Листу: не создавал благоприятных условий для развития производства (наоборот, низкий уровень доходов населения, высокие налоги, девальвированный рубль делали прямые инвестиции непривлекательными), но ограждал крупный бизнес от внешней конкуренции. Такая ситуация стала следствием дисфункции институтов государственного регулирования рыночной экономики. Как отмечает О.С. Сухарев, дисфункция представляет собой функциональное расстройство, нарушение, неисполнение (частичное исполнение) функций институциональной макроструктуры, которая сопровождается утратой наполнения включённых в неё подсистем. Искажённо функционирующие институты обеспечивают стабильность такого состояния, а преодоление накапливаемых противоречий становится возможным только при соответствующих модификациях институтов (Сухарев, 2021). В России функциональное расстройство трансплантированных институтов либерализма происходило в форме их атрофии и перерождения. По оценке В.М. Полтеровича, трансплантат оказался невостребованным, поскольку его использование стало несовместимым с культурными традициями и институциональной структурой реципиента. Атрофирующийся институт в таком случае становится источником более серьёзной дисфункции: активизируются деструктивные возможности его применения, подавлявшиеся особенностями институциональной среды реципиента (Полтерович, 2008). Таким образом, проблемы экономики СССР, где государство по крайней мере управляло экономикой в соответствии со стратегическими планами, преодолены не были: тепличные условия для крупного бизнеса, отсутствие конкуренции, а также нежелание и,

вероятно, неспособность российского государства сформулировать и претворить в жизнь стратегические планы развития экономики в целом и приоритетных отраслей в частности привели к противоречивым результатам.

В качестве примера можно рассмотреть ситуацию в российском сельском хозяйстве. Применение протекционистских мер в этой отрасли традиционно объясняется неблагоприятными климатическими условиями, следствием которых является повышенная энергоёмкость, невысокая урожайность и низкий уровень производительности труда. Ещё одним аргументом в пользу защиты национального производителя тарифными мерами является апелляция к практике США и европейских стран. Однако механическое заимствование протекционистских практик во внешней торговле привело к неоднозначным результатам. С одной стороны, объёмы производства с.-х. продукции, а также её экспорт выросли в несколько раз в 2000–2010-е гг. (Эпштейн, 2017). В то же время экспортоориентированный характер производства наряду с заниженным курсом рубля, который государство поддерживает через накопление избыточных международных резервов, приводит к росту продуктовой инфляции. В результате такого протекционизма производителю становится выгоднее направить продукцию на экспорт и продать за валюту, чем пускать в реализацию на внутреннем рынке. Стремительный рост цен на продовольствие способствует дальнейшему падению реальных доходов населения и заставляет президента и правительство прибегать к методам ручного управления, для того чтобы сдерживать рост цен на социально значимые товары⁵. В такой ситуации проявлением разумной протекционистской практики стало бы влияние государства на объёмы экспорта российской сельхозпродукции. Ограничение на вывоз зерна и прочих культур позволило бы снизить цены внутреннего рынка. Одновременно это означало бы ограничение валютной выручки экспортёров и, как следствие, снижение чистого оттока капитала – ещё одного канала неэквивалентного обмена в мировой экономике по С. Амину.

⁵ Путин прокомментировал рост цен на продукты // РИА. 30.06.2021. URL: <https://ria.ru/20210630/produkty-1739200839.html> (дата обращения 18.07.2021).

Также побочными эффектами отечественного протекционизма в АПК являются засилье посредников и монополистическая власть компаний, занимающихся переработкой сырья. Так, к первоначальной цене производителя в процессе транспортировки, упаковки, хранения моркови добавляется 195%, картофеля – 160%, гречки – 135%, молока – 91%, капусты – 73%, говядины – 51%, мяса – 40%⁶. Отсутствие иностранных конкурентов вкупе с неэффективной антимонопольной политикой позволяет бизнесу извлекать высокие прибыли без достаточных капиталовложений (так, степень износа основных фондов в сельском хозяйстве РФ на 2020 год составила 40,5%). В результате в досанкционные времена наценка в разы превышала размер защитной таможенной пошлины, которая теряет свою защитную функцию: завышенные цены на продукты ограничивали внутренний спрос и в ещё большей степени перераспределяли товар в пользу иностранного покупателя (табл.).

Низкий уровень потребления подрывает воспроизводство рабочей силы, а также усиливает зависимость отрасли от конъюнктуры внешних рынков (Afanasyev et al., 2015). Кроме того, на данную ситуацию влияет такая традиционная протекционистская мера, как девальвация рубля. Политика дешёвого рубля, проводимая ЦБ и Минфином, не позволяет

российским компаниям осуществлять импорт машин, оборудования станков и иных элементов основного капитала, необходимых для выполнения амортизации и обновления материальной базы производства. На фоне постоянно растущего показателя степени износа основных фондов российская экономика находится в состоянии устойчиво положительного чистого экспорта. В допандемийном 2019 году торговый баланс составил 105 млрд долл. (Толкачёв, Бржезинский, 2018). Это обстоятельство свидетельствует, что в условиях девальвации российские предприятия оказываются неспособными обеспечить свои потребности в импортном оборудовании, поскольку вынуждены нести чрезмерные рублевые издержки при покупке иностранной валюты на внутреннем рынке. Вместе с тем необходимо отметить, что низкая эффективность протекционистской политики российского государства на фоне слабого экономического роста в период с 2014 по 2020 год вынуждает правительство пересматривать роль России в международных экономических отношениях, в частности ВТО, целесообразность членства в котором всё чаще ставится под сомнение представителями высшей власти РФ (Оболенский, 2018). В последние годы вектор российского протекционизма вынужденно поворачивается в сторону защиты национального производителя с целью повы-

Торговые наценки и ввозные пошлины на отдельные продовольственные товары накануне начала политики импортозамещения, 2013 г.

	Превышение розничных цен над ценами производств, %	Ставки импортных пошлин, %
Морковь (кг)	131	15
Молоко (л)	122	15
Свинина (кг)	93	0–65
Капуста (кг)	93	15
Говядина (кг)	92	0–15
Картофель (кг)	79	0–15
Мука (кг)	62	10
Масло подсолнечное (л)	51	15
Гречка (кг)	41	0
Яйцо куриное (10 шт.)	36	0
Помидоры (кг)	18	15
Источник: составлено авторами на основании данных (Цедилин, 2014).		

⁶ Разница между ценами производителей и сетей доходит до 195% // Известия. 11.02.2015. URL: <https://iz.ru/news/582914> (дата обращения 12.07.2021).

шения его конкурентоспособности. Несмотря на то, что уровень протекционистской защиты отечественного внутреннего рынка за время членства в ВТО несколько снизился, начиная с 2016 года Россия по степени тарифного протекционизма заметно опережает многие развитые страны. Как утверждает В.П. Оболенский, «среднеарифметическая ставка импортной пошлины по режиму наибольшего благоприятствования (7,6%) примерно вдвое выше, чем в США, Японии и Канаде, в полтора раза выше, чем в ЕС (Оболенский, 2018). Правительство, несмотря на бюджетные трудности, находит способы отчасти компенсировать потери отечественных производителей. К ним можно отнести утилизационный сбор на колесные транспортные средства, антидемпинговые пошлины на легкие коммерческие автомобили из ЕС, запрет на ввоз свинины, а также повышение пошлин на бытовую технику и некоторые товарные группы АПК. Однако такие шаги являются всё ещё недостаточными и отражают собой лишь естественное стремление российского государства следовать в русле общемирового тренда на усиление протекционистской политики.

Выводы

В данном исследовании авторами рассмотрены противоречия протекционистской политики российского государства через призму проблемы импорта институтов в период с 1990-х гг. по н. в. Новизна исследования, таким образом, заключается в применении политико-экономического метода, основанного на анализе развития производственных отношений специфической модели капитализма, установившейся на территории постсоветского пространства. Можно утверждать, что механическое заимствование (трансплантация) институтов протекционизма в России в 1990-е гг., не сопровождавшееся постановкой и реализацией государством стратегических планов разви-

тия российской экономики, привело к формированию «мутантной» экономической модели. С одной стороны, полный отказ от политики государственной монополии на внешнюю торговлю способствовал наводнению отечественного рынка импортными товарами и, как следствие, массовому разорению отечественных предприятий обрабатывающей промышленности. С другой – целью фрагментарного применения инструментов протекционистской политики была не столько поддержка национального производителя, сколько создание комфортной среды для распределения государственной собственности между узкой группой приближенных к власти лиц, а также благоволение монопольному капиталу в ряде отраслей отечественной экономики. Российский протекционизм не выполняет «воспитательных» функций, сформулированных Ф. Листом, а также не позволяет, следуя идеям С. Амина, обеспечить самодостаточность экономики России, преодолеть её зависимость от внешнего мира и периферийное состояние. Данные обстоятельства создают существенные барьеры для развития национального производства и реализации программы импортозамещения, сформулированной правительством. Тенденции деглобализации, свойственные современному этапу развития мировой экономики, требуют от государства пересмотреть основополагающие принципы протекционистской политики. Результаты исследования показывают, что целью государственной политики должно стать расширение потребительского спроса и перенаправление товарных потоков с внешнего на внутренний рынок. В условиях обострения глобального противостояния национальных экономик такая стратегия становится залогом успешной концентрации ресурсов на развитии приоритетных отраслей отечественной экономики, составляющих основу современного, шестого технологического уклада.

Литература

- Аксёнова А.О. (2016). Оплата труда работников в США – можно ли использовать этот опыт в России? // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 4. URL: <https://publikacia.net/archive/2016/4/2/1> (дата обращения 12.09.2021).
- Апокин А. (2011). Повышение стимулов для инвестиций в основной капитал и технологии: основные направления экономической политики // Вопросы экономики. № 6. С. 12–21.

- Гринберг Р.С., Комолов О.О. (2020). Импорт институтов: теоретический аспект и практический опыт // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 3. С. 17–27. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.2
- Дзарасов Р.С., Новоженев Д.В. (2009). Крупный бизнес и накопление капитала в современной России. Изд. 2-е. М.: Либроком. 512 с.
- Ленин В.И. (1974). Очередные задачи Советской власти, 1918 // Ленин В.И. Полное собрание сочинений Т. 36. М: Издательство политической литературы. С. 241–280.
- Лист Ф. (2017). Национальная система политической экономии. М.: Социум. 456 с.
- Маслов Г.А. (2019). Техничко-экономическое развитие и возвращение протекционизма // Проблемы современной экономики. № 1. С. 43–47.
- Оболенский В.П. (2018). От легитимного протекционизма к торговым войнам? // Мировая экономика и международные отношения. Т. 62. № 9. С. 18–25.
- Полтерович В.М. (2008). Современное состояние теории экономических реформ // Пространственная экономика. № 2. С. 6–45.
- Сулейманов С.В. (2003). Участие иностранных лиц в приватизации в Российской Федерации // Законодательство. № 8. С. 9–17.
- Сухарев О.С. (2021). Функциональный подход в принятии решений: дисфункция и эффективность правил и систем // Управленец. Т. 12. № 1. С. 2–17. DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-1-1
- Толкачев С.А., Бржезинский В.Г. (2018). Инструменты государственной поддержки промышленности сквозь призму институционального подхода // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. № 1 (31). С. 97–106.
- Цедилин Л.И. (2014). Протекционизм в российской экономической политике: институциональный исторический опыт. М.: Институт экономики РАН. 163 с.
- Эпштейн Д.Б. (2017). Темпы роста цен на импорт продовольствия и рост отечественного сельского хозяйства // Никоновские чтения. № 22. С. 45–48.
- Якуб А.В. (2018). Монополия внешней торговли в политике РСФСР в 1917–1922 гг. // Вестник Омского университета. Серия: исторические науки. № 1. С. 167–171.
- Afanasyev V.S., Medvedeva Y.M., Abdulov R.E. (2015). Niels Bohr's principle of complementarities in political economy. *European Research Studies Journal*, 18(4), 275–292.
- Amin S. (1990). *Delinking: Towards a Polycentric World*. London: ZED Books.
- Amin S. (1996). The challenge of globalization. *Review of International Political Economy*, 3(2), 216–259.
- Dzarasov S. (2010). Critical realism and Russian economics. *Cambridge Journal of Economics*, 34(6), 1041–1056.
- Evenett S., Vines D. (2012). Crisis-era protectionism and the multilateral governance of trade: An assessment. *Oxford Review of Economic Policy*, 28(2), 195–210.
- Feenstra R. (1992). How costly is protectionism? *The Journal of Economic Perspectives*, 6(3), 159–178.
- Gruzinov V.P. (1979). *The USSR's Management of Foreign Trade*. White Plains: M. E. Sharpe Inc.

Сведения об авторах

Руслан Семёнович Гринберг – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, научный руководитель, Институт экономики РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: grinberg@inecon.ru)

Олег Олегович Комолов – кандидат экономических наук, доцент, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., д. 36), доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ (125993, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский пр., д. 49), старший научный сотрудник, Институт экономики РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: oleg_komolov@mail.ru)

Grinberg R.S., Komolov O.O.

Protectionism in Russia: New Trends in the Context of the Import of Institutions

Abstract. The article examines the institutional aspect of state regulation of foreign economic activity in Russia. Theoretical basis of the research is the concept of “educational protectionism” by F. List, which involves the cultivation of “young industries” under the shelter of protective customs tariffs until they become competitive in domestic and foreign markets; as well as the theory of “delinking” by S. Amin, who considers protectionism as a method for the countries, which are on the periphery of the world economy, to exit the relations of unequal exchange with industrialized countries: national economic policy should be aimed at meeting the needs of domestic development, rather than promoting international competitiveness (food security, full employment, minimum wage, etc.). Such measures were a stable element of the socio-economic model of the USSR and acted as a source of capital accumulation for the development of industry and the military-industrial complex. We come to the conclusion that the mindless borrowing (transplantation) of institutions of free trade and protectionism in Russia in the 1990s, which was not accompanied by the formulation and implementation of state strategic plans for the development of the Russian economy, led to the formation of a “mutant” economic model. On the one hand, the complete abandonment of the policy of state monopoly on foreign trade led to the flooding of the domestic market with imported goods and, as a consequence, massive ruin of domestic manufacturing enterprises. On the other hand, the purpose of the fragmentary application of protectionist policy instruments was not so much to support national producers as to create a comfortable environment for the distribution of state property among a narrow group of people close to the authorities, as well as favoring monopoly capital in a number of sectors of the domestic economy.

Key words: protectionism, institutions, free-trade, Russia, agriculture.

Information about the Authors

Ruslan S. Grinberg – Doctor of Sciences (Economics), RAS Corresponding Member, Scientific Director, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: grinberg@inecon.ru)

Oleg O. Komolov – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation), Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradsky Avenue, Moscow, 125993, Russian Federation), Senior Researcher Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: oleg_komolov@mail.ru)

Статья поступила 23.09.2021.

Демографическое образование в современной России: противоречия потребностей и возможностей

**Тамара Керимовна
РОСТОВСКАЯ**

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1629-7780; ResearcherID: F-5579-2018

**Александра Анатольевна
ШАБУНОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: aas@vscc.ac.ru
ORCID: 0000-0002-3467-0921; ResearcherID: E-5968-2012

**Лейсан Анваровна
ДАВЛЕТШИНА**

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Москва, Российская Федерация
e-mail: davletshina.la@rea.ru
ORCID: 0000-0002-1497-1751; ResearcherID: AAF-1194-2021

Для цитирования: Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Давлетшина Л.А. (2022). Демографическое образование в современной России: противоречия потребностей и возможностей // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 2. С. 55–72. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.4

For citation: Rostovskaya T.K., Shabunova A.A., Davletshina L.A. (2022). Demographic education in modern Russia: Mismatch between the needs and opportunities. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(2), 55–72. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.4

Аннотация. Негативные тренды основных демографических процессов, усугубленные последствиями пандемии коронавируса, требуют не только активной демографической политики, но и вдумчивых, хорошо обоснованных управленческих решений. Это повышает требования к квалификации работников в сфере науки, образования и управленческих кадров в части понимания ими сложных и многофакторных демографических процессов. Следовательно, увеличивается и потребность в подготовке и переподготовке соответствующих специалистов-демографов. Цель данной работы состоит в проведении оценки состояния демографического образования в России и возможностей его развития. В статье представлен обзор зарубежной и национальной учебной и научной практики в области демографического образования. Выявлено, что направление «Демография» входит в укрупненную группу «3. Социальные науки, бизнес и право», поэтому большинство учебных заведений реализуют образовательные программы в рамках направления «Социология», чаще это программы магистратуры. Научные учреждения как ориентируются на союз с учебными заведениями, комплексно выстраивая образовательно-научную траекторию (например, США), так и действуют автономно, отвечая на потребности государства и общества (Франция, Германия). Изучена и отечественная практика реализации образовательного процесса по программе «Демография». Выявлено, что только три вуза ведут образовательную деятельность по данной программе. Однако научный и образовательный потенциал для подготовки специалистов-демографов с учетом «непрофильных» вузов и академических исследовательских организаций имеется и в столице, и в регионах. Тем не менее наличие лабораторий, специализирующихся на демографических исследованиях, доказывает востребованность демографических знаний в различных регионах России. Анализ педагогического состава кафедр подтвердил их высокий образовательный и научный потенциал. Ознакомление с деятельностью научных учреждений и подразделений при вузах свидетельствует о том, что в России ведется активная научная и исследовательская работа по направлению «Демография». Проведенный анализ показал, что в современной России вопросы стандартизации данного направления трудовой деятельности и образования проработаны пока не в полной мере. Обоснована система последовательных этапов разработки образовательного стандарта по направлению «Демография» и утверждения профессионального стандарта «Демограф».

Ключевые слова: демограф, рынок труда, образование, системный подход, профессиональный стандарт, образовательный стандарт, многоуровневая система образования, отечественный опыт, зарубежный опыт.

Благодарность

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России».

Введение

Существование любого государства невозможно представить себе без населения, проживающего на его территории. Сложившаяся геополитическая и социально-экономическая ситуация, географические особенности и экологические параметры, войны и революции, а также культурологические, религиозные условия и обстоятельства предопределяют демографическую ситуацию.

Знание закономерностей изменения численности и структуры населения, понимание параметров формирования демографической

конъюнктуры являются неотъемлемыми условиями для стратегического планирования и обеспечения национальной безопасности.

В России вопросам народосбережения на уровне федерального законодательства уделяется значительное внимание. Одним из основных документов в этой сфере в истории новой России можно назвать Указ Президента Российской Федерации от 17 мая 2012 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации», в котором определены основные приоритеты и направ-

ления демографической политики страны на среднесрочную перспективу¹. В нем обозначены очень амбициозные цели-ориентиры, в том числе «повышение к 2018 году суммарного коэффициента рождаемости до 1,753» и «увеличение к 2018 году ожидаемой продолжительности жизни в Российской Федерации до 74 лет». С учетом параметров демографической ситуации, которая сложилась в России к началу XXI века, обеспечить выполнение перечисленных целевых ориентиров в полном объеме и *удержать результат* было невозможно.

Подписанный Президентом России 21 июля 2020 г. Указ о национальных целях развития России до 2030 года содержит национальную цель «сохранение населения, здоровье и благополучие людей». Его целевые показатели очень амбициозны, например: «...повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет; снижение уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 года; увеличение доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, до 70 процентов»². Одной из главных целей в данном документе обозначено «обеспечение устойчивого роста численности населения Российской Федерации», включая параметры как естественного, так и миграционного движения.

Указ Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» содержит раздел «Сбережение народа России и развитие человеческого потенциала». В документе говорится о государственной политике в сфере сбережения народа России через «устойчивый естественный рост численности и повышение качества жизни населения». Среди задач, позволяющих достигнуть цель, представлены следующие: «повышение рождаемости, формирование мотивации к многодетности; увеличение ожидаемой продолжительности

жизни, снижение смертности и уровня инвалидизации населения, профилактика профессиональных заболеваний»³.

В двух стратегических документах, посвященных развитию и сохранению России, принятых с разницей в год, пристальное внимание уделяется вопросам народосбережения. В то же время наблюдается некое несоответствие: в национальных целях развития речь идет об устойчивом росте численности населения, а в Стратегии национальной безопасности — об устойчивом естественном росте численности населения. Представляется, что в ближайшее время более вероятно достижение первой цели, вторая же цель, предполагающая повышение рождаемости и снижение смертности, требует больших усилий и времени для реализации.

Показатели демографического развития как индикаторы результативности деятельности органов власти также включены во многие документы: Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»⁴, Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 года, подготовленный Минэкономразвития России в 2018 г.⁵, Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов, подготовленный Минэкономразвития России в 2021 г.⁶, Приказ Минтруда от 31 марта 2021 года № 191н «Об утверждении методики определения потребности субъектов Российской Федерации, отраслей экономики и крупнейших работодателей в

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения 24.12.2021).

⁴ О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420204138#7DE0K6> (дата обращения 24.12.2021).

⁵ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 года. URL: <https://cheladmin.ru/sites/default/files/n/page/25381/upload/dolgosrochnnyyprognozrf.pdf> (дата обращения 24.12.2021).

⁶ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402874898/> (дата обращения 24.12.2021).

¹ О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 17.05.2012 № 606. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201205070019> (дата обращения 24.12.2021).

² Указ о национальных целях развития России до 2030 года от 21.07.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения 24.12.2021).

профессиональных кадрах на среднесрочную и долгосрочную перспективу»⁷.

Отдельного внимания заслуживают национальные проекты, отвечающие за народосбережение. С 2007 года они являются ключевыми инструментами демографической политики, определяя ее цели, ресурсы и методы.

Краткий обзор стратегических документов национального уровня позволяет сделать три важных вывода: во-первых, на национальном уровне сохранение народонаселения осознается как важнейший фактор национальной безопасности; во-вторых, в России уделяется должное внимание формированию законодательных основ в сфере демографической политики, но целевые установки стратегических документов не всегда согласованы. В-третьих, формируя демографическую политику, принимая стратегические документы развития страны, крайне важно учитывать особенности и закономерности демографического развития, знать и понимать потребности территорий для достижения демографического оптимума, формирования благоприятной демографической ситуации (увеличение рождаемости, снижение смертности, привлечение рабочей силы и т. д.). Эти знания дают возможность выстраивать адекватную, жизнеспособную стратегию, включать в нее жизнеспособные, актуальные параметры и получать результаты, в том числе направленные на народосбережение.

Однако возникает закономерный вопрос: где в нашей стране готовят специалистов, способных выстраивать грамотную демографическую стратегию, проводить анализ текущих демографических параметров, понимать сущность потребностей региональных рынков труда в рабочей силе и степень дифференциации территорий по течению демографических процессов, знающих, как строить прогнозные модели и умеющих их интерпретировать? Достаточно ли таких специалистов?

Именно проблеме подготовки специалистов-демографов в условиях сложной демогра-

фической ситуации посвящена наша статья. Основная цель работы заключается в оценке состояния демографического образования в России и возможностей его развития. Для достижения цели будет проведен анализ образовательной и научной деятельности в мире и России по направлению «Демография», оценен кадровый потенциал, обозначены этапы разработки и внедрения образовательного стандарта по направлению «Демография», инициированного ожидаемым утверждением профессионального стандарта «Демограф».

Обзор литературы

Проблема подготовки кадров в сфере демографического развития в образовательных организациях высшего образования в научной литературе освещена крайне скупо. Значительное число работ посвящено вопросам, касающимся развития системы образования в условиях активно глобализирующегося мирового сообщества и наступающей информационной эпохи. Исследователи обращают внимание на необходимость учитывать при выстраивании образовательного процесса изменения содержания социализации и форм коммуникации; на важность повышения коммуникативной компетентности при формировании человеческого потенциала. При этом оцениваются перспективы и представляются футурологические прогнозы развития системы образования в условиях информационно-технологической эпохи (Егорычев, Ростовская, 2021; Ярных и др., 2021). Доказывается, что в современных условиях инновационной экономики возникает потребность в новой системе непрерывного образования, которая не столько распространяет, тиражирует знания, сколько открывает доступ к ним самым различным социальным группам. В результате образование становится инструментом социальных трансформаций (Голенкова, Голиусова, 2016).

В зарубежных исследованиях внимание уделяется новым тенденциям в развитии системы образования, демографической конъюнктуры общества и их взаимосвязи. Исследователи обосновывают, почему образование следует рассматривать как ценность во всех социальных и индивидуальных взаимодействиях, особенно в ситуации экономических изменений, глобализации и демографического перехода (Rajović, Bulatović, 2017; Marszowski et al., 2020),

⁷ Об утверждении методики определения потребности субъектов Российской Федерации, отраслей экономики и крупнейших работодателей в профессиональных кадрах на среднесрочную и долгосрочную перспективу: Приказ Минтруда от 31.03.2021 № 191н. URL: <https://docs.cntd.ru/document/603934331#6500IL> (дата обращения 24.12.2021).

и подчеркивают, что комплексный системный подход к решению проблем устойчивости возможен с помощью инструментов сетевой науки (Tran et al., 2018; Weber et al., 2021). Отдельно рассматриваются подходы в управлении учебными заведениями и организации учебного процесса в сфере высшего образования. Особую актуальность подобные исследования обретают в непростой период пандемии коронавирусной инфекции (Fletcher et al., 2021; Ashour, 2021; Beal Krause, 2021).

Много внимания в научных работах уделяется системному подходу к выстраиванию образовательного процесса в высших учебных заведениях в связи с потребностями общества и переходом к компетентно-ориентированному подходу (Голенкова и др., 2018). Исследователи подчеркивают, что в современном мире решающую роль в развитии общества приобретают не только и не столько знания, сколько люди, которые ими обладают, умеют применять их на практике к решению конкретных задач, количество и качество квалифицированных специалистов (Константиновский, Попова, 2016). Важно, чтобы образовательные программы учитывали проблемы глобального и регионального масштаба, требования рынка труда, специфику и возможности учебного заведения, индивидуальные особенности будущего специалиста (Romanova et al., 2016). Современные исследования показывают, что потребители образовательных услуг чутко реагируют на глобальные тренды модернизации производств, спрос на рабочую силу возрастает для профессий с низким риском автоматизации, которые требуют высококвалифицированных работников, что очередной раз доказывает высокую востребованность качественного образования (Ramos et al., 2021). Именно это определяет необходимость объективных процедур независимой оценки квалификаций, отвечающих потребностям всех заинтересованных сторон (Kicherova et al., 2021).

В различных странах сформированы или находятся на этапе формирования подходы к содержанию учебных программ и организации учебного процесса в высшем образовании исходя из приоритетов и целей: инвестиционная политика государства (Wang et al., 2021), прямые иностранные инвестиции (Alshubiri, 2021), системный подход (Serrano-Aguilera et al., 2021),

с учетом ЦУР (Serrano-Aguilera et al., 2021), инклюзивность (Zabeli, Kaçaniku, 2021; Buitrago et al., 2021), компетентный подход (Brauer, 2021).

В то же время проблема недостаточной системной подготовки специалистов в области демографического развития, как мы уже упоминали, на страницах научной печати освещается крайне слабо. Однако недостаток профессионалов в области фундаментальных и прикладных демографических исследований, а также управленцев, разбирающихся в законах и закономерностях демографических процессов, осознается научным сообществом.

Обращаясь к этой проблеме, Михаил Денисенко, будучи еще заместителем директора Института демографии ГУ ВШЭ, в своем интервью отметил: «...демографических центров в такой стране, как Россия, должно быть не два, а как минимум пять-шесть ...где работали бы около 200 профессионалов в области демографии. А сейчас – в несколько раз меньше необходимого. Учитывая возрастной состав ученых, может получиться так, что лет через 5–10 демографов придется сравнивать ... с исчезающими видами из Красной книги...»⁸.

О востребованности демографического образования говорят и результаты интерактивного опроса «Кому нужна и кому не нужна демография?», опубликованные в № 317-318 Демоскопа Weekly. Опрос проводился представителями студенческого пула издания в интерактивном режиме. Авторы отмечают, что многие участники исследования говорят о желании и важности более глубоко изучать предмет «Демография» и сетуют на его отсутствие в списках предметов, преподаваемых в вузах⁹.

В то же время значительная часть выпускников школ, абитуриентов испытывают затруднения в понимании практического применения демографического образования, и не только в России. Например, на сайте Карлова Университета в Чехии для привлечения студентов написано: «...Демография затрагивает события, которые касаются каждого человека». Будущим студентам важно знать, что демографы могут

⁸ Денисенко М. Профессия: демограф. URL: <https://ecsocman.hse.ru/>

⁹ URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0323/student01.php> //Кому нужна демография?

успешно решать маркетинговые задачи (например, сегментирование и прогноз развития рынка) или в сфере страхования, или в пенсионных фондах, а также в аналитических и кадровых службах на крупных предприятиях. Знания о тенденциях развития населения в стране, регионах, крупных и малых городах востребованы в политике, бизнесе, работе научных и общественных организаций.

Обобщая изложенные в научных трудах мысли и гипотезы, учитывая представленные в стратегических документах целевые индикаторы и показатели, подчеркнем следующее. Во-первых, современный рынок труда характеризуется быстрым устареванием знаний, потребностью в их расширении и актуализации. Во-вторых, представляется важным создание единой системы непрерывного образования кадров для различных отраслей, опирающейся на системный подход. В-третьих, в стране назрела потребность в подготовке квалифицированных специалистов, способных адекватно и обоснованно оценивать текущие демографические параметры, умеющих выстраивать актуальную демографическую политику, формировать методы и подходы к ее реализации.

Материалы и методы

В основу методологии представленного исследования положен системный подход (Микешина, 2005), при котором образовательная система рассматривается в качестве совокупности взаимосвязанных подсистем. Системный подход, как наиболее конструктивный, позволяет всесторонне рассмотреть процесс становления демографического образования в России с позиций упорядоченности и последовательности этапов его развития (Ильясов и др., 2017).

Для понимания современного состояния демографического образования мы использовали ретроспективный анализ, а также сбор и обобщение информации об учебных программах и дисциплинах, представленной на сайтах российских и зарубежных вузов.

Разработка и последующее утверждение профессионального стандарта «Демограф» стало начальным этапом удовлетворения существующего спроса в специалистах-демографах. Опираясь на каноны системного подхода, в статье представлены порядок и содержание последующих этапов, необходимых для фор-

мирования образовательного стандарта по направлению «Демография».

В первую очередь следует выявить и сформулировать проблемную ситуацию, провести ее анализ. Потребность в грамотных специалистах-демографах обоснована во вводной части данной статьи – наличие несоответствий в государственной демографической политике и стратегических документах страны, постановка невыполнимых задач, отсутствие / невключение первостепенных индикаторов демографического развития территорий. Анализ текущей ситуации в части высшего образования в России и за рубежом будет проведен ниже (в разделе «Результаты»).

На следующем этапе нужно определить круг заинтересованных участников. Их привлечение поможет в решении сформулированной проблемы, а также учтёт интересы каждой из представленных сторон.

На третьем этапе формулируются и определяются цели и интересы всех участников проекта. Подобный подход позволит в проблемосодержащей системе спроектировать лучшую модель (Карамзина, Сильнова, 2021).

Четвертый этап включает в себя формирование критериев оценки и содержательной части разрабатываемого образовательного стандарта по направлению «Демография».

На пятом этапе происходит процесс согласования и утверждения в соответствующих органах разрабатываемого образовательного стандарта по направлению «Демография».

Заключительный, шестой, этап включает реализацию и внедрение принятого решения, а именно начало набора обучающихся на образовательные программы по направлению «Демография».

Принятие профессионального стандарта «Демограф», обоснованное потребностью в специалистах данной отрасли, ставит перед образовательным и научным сообществом вопрос о возможности открытия и реализации основных образовательных программ по направлению «Демография». Для ответа на него необходимо провести системный анализ в двух аспектах:

– во-первых, изучить мировой опыт реализации образовательных и научно-исследовательских программ по направлению «Демо-

графия»; для этого был проведен анализ деятельности 60 образовательных организаций зарубежных стран, реализующих подготовку специалистов и исследования в сфере демографии, подробно проанализированы 14 доступных к ознакомлению образовательных программ;

— во-вторых, оценить реализацию образовательных программ по направлению «Демография» в России и спектр читаемых на кафедрах отечественных вузов демографических дисциплин, а также кадровый потенциал профессорско-преподавательского состава.

Первое позволит определить степень актуальности данного направления подготовки специалистов в мире, в том числе с учетом потребности демографической политики зарубежных стран (Сюпова, 2018), второе — степень готовности образовательной системы России к подготовке демографов.

Результаты исследования

Мировой опыт в реализации образовательных и научно-исследовательских программ по направлению «Демография». В Международной стандартной классификации образования, разработанной и принятой Институтом статистики ЮНЕСКО (2011 г.), направление «Демография» входит в укрупненную группу «3. Социальные науки, бизнес и право», подгруппу «31. Социальные и бихевиористские науки» наравне с экономикой, политологией, социологией, психологией и т. д.¹⁰

Стоит напомнить, что формирование демографии как науки произошло в XVII веке в Великобритании. С тех пор демография как отрасль научной, образовательной и практической деятельности претерпела существенные изменения и трансформации. Расцвет ее приходится на стык XIX–XX веков, когда в результате научно-технического прорыва, с одной стороны, повысился уровень жизни населения, что привело к снижению смертности и увеличению рождаемости, с другой стороны, большое количество войн и революций искусственно сокращало популяцию на различных территориях. Несмотря на некую схожесть в течении

демографических процессов в этот временной отрезок, каждой стране были присущи свои особенности, что также способствовало росту внимания к демографическому анализу. Среди ведущих зарубежных демографических институтов на сегодняшний день можно отметить следующие.

*Франция. Институт национальных демографических исследований (INED)*¹¹. Общественная исследовательская организация, специализирующаяся на изучении населения, выступает партнером научных кругов и исследований на национальном и международном уровне. Основан в 1945 году, в 1986 году стал государственным научно-техническим учреждением (EPST). Основные задачи института: исследовать население Франции и зарубежных стран, широко распространять полученные знания и оказывать поддержку обучению в области демографических исследований и посредством исследований.

*Германия. Институт демографических исследований Макса Планка (MPIDR)*¹². Изучает структуру и динамику численности населения. Основан в 1948 году. Сотрудники института исследуют вопросы, имеющие политическое значение, такие как демографические изменения, старение, рождаемость и перераспределение рабочей силы (включая возрастные особенности), а также проводят цифровую обработку исторических демографических данных и осуществляют поиск новых источников данных, в том числе для оценки миграционных потоков.

*США. Ассоциация центров народонаселения (APC)*¹³. Основана в 1991 году. Представляет собой независимую группу университетов и исследовательских групп, миссия которой — способствовать совместным демографическим исследованиям и обмену данными; проводить фундаментальные демографические исследования для лиц, принимающих решения в сфере государственной политики; предоставлять возможности для получения образования и обучения в области демографических исследований;

¹¹ URL: <https://www.ined.fr/fr/> (дата обращения 26.12.2021).

¹² URL: <https://www.demogr.mpg.de/en> (дата обращения 26.12.2021).

¹³ URL: <https://www.popcenters.org/> (дата обращения 26.12.2021).

¹⁰ Международная стандартная классификация образования МСКО 2011. URL: <http://uis.unesco.org/sites/default/files/documents/iscsed-2011-ru.pdf> (дата обращения 24.12.2021).

способствовать расширению возможностей финансирования исследований в области народонаселения и поддерживать принципы объективной и тщательной оценки заявок на гранты и научной достоверности результатов. В состав APC в 2021 году входили 27 научных центров и лабораторий ведущих вузов США из 10 штатов.

В процессе изучения информации о деятельности мирового образовательного сообщества были проанализированы более 60 вузов. Информационно-аналитическая база ограничена полнотой данных, представленных на сайтах высших учебных заведений. Наиболее полная информация была получена по 14 образовательным программам, большая часть — это программы магистратуры¹⁴ (почти 2/3 от общего числа), меньшая — бакалавриат¹⁵.

Анализ деятельности образовательных учреждений дает понимание, что подготовка специалистов-демографов в мире наиболее распространена на уровне «магистратура», чаще всего в рамках направления «Социология». Такое распределение предопределено тем, что согласно МСКО «демограф» относится к укрупненной группе «3. Социальные науки, бизнес и право».

Таким образом, подготовка специалистов в области демографии и народонаселения в мире ведется в различных учебных заведениях (с точки зрения территорий, рейтинга и т. д.); в страновом разрезе демографическая политика затрагивает основные демографические процессы — рождаемость и смертность, учитывает возрастающую роль миграции, направлена на регулирование численности и структуры населения, но также учитывает специфику страны, ее социально-экономические и культурологические особенности, различный путь в достижении демографического оптимума. В целях поддержки учебных заведений (США) или автономно от них (Франция, Германия) действуют академические исследовательские институты, изучающие текущие демографические параметры конкретной страны и стран мира в целом, ведущие научную и научно-популяризационную деятельность и иные исследования.

Изучение и оценка хода реализации образовательных программ по направлению «Демография» в России показывают, что, хотя в стране имеется потребность в специалистах в области демографии, обучение ведется всего в трех вузах и только по программам магистратуры.

¹⁴ Оксфорд, программа «Магистр социологии и демографии». URL: <https://www.ox.ac.uk/admissions/graduate/courses/mphil-sociology-demography> (дата обращения 26.12.2021); Лондонская школа гигиены и тропической медицины, программа «Магистр демографии и здоровья». URL: <https://www.lshtm.ac.uk/study/courses/masters-degrees/demography-health> (дата обращения 26.12.2021); Гронингенский университет, программа «Магистр демографических исследований». URL: <https://www.rug.nl/masters/population-studies/> (дата обращения 26.12.2021); Гронингенский университет, программа «Социальная демография DDM». URL: <https://www.rug.nl/masters/ddm-social-demography> (дата обращения 26.12.2021); Гронингенский университет, программа «Демография DDM и социальное неравенство». URL: <https://www.rug.nl/masters/ddm-demography-and-social-inequality/> (дата обращения 26.12.2021); Тилбургский университет, программа «Социология и демографические исследования» (двойная степень). URL: <https://www.tilburguniversity.edu/education/masters-programmes/sociology-and-population-studies> (дата обращения 26.12.2021); Гамильтон, Тауранга, программа «Развитие человека» (Магистр образования, Магистр социальных наук). URL: <https://www.waikato.ac.nz/study/subjects/human-development> (дата обращения 26.12.2021); Гамильтон, Тауранга, программа «Демографические исследования» (Магистр образования, Магистр социальных наук). URL: <https://www.waikato.ac.nz/study/subjects/population-studies> (дата обращения 26.12.2021); Гамильтон, Тауранга, программа «Демографические исследования и демография» (Магистр социальных наук, Магистр философии, Доктор философии). URL: <https://www.waikato.ac.nz/study/subjects/demography> (дата обращения 26.12.2021); Техасский университет в Сан-Антонио, программа «Прикладная демография» (доктор философии). URL: <https://graduateschool.utsa.edu/programs/applied-demography-ph.d/> (дата обращения 26.12.2021).

¹⁵ Гамильтон, Тауранга, программа «Развитие человека» (Бакалавр искусств; Бакалавр социальных наук). URL: <https://www.waikato.ac.nz/study/subjects/human-development> (дата обращения 26.12.2021); Гамильтон, Тауранга, программа «Демографические исследования» (Бакалавр искусств; Бакалавр социальных наук). URL: <https://www.waikato.ac.nz/study/subjects/population-studies> (дата обращения 26.12.2021); Государственный университет Портленда, программа «Прикладная социальная демография». URL: <https://www.pdx.edu/academics/programs/graduate/applied-social-demography> (дата обращения 26.12.2021).

Анализируя текущую ситуацию, не стоит забывать о развитии демографии как науки в отечественной истории. Одним из первых на проблемы сохранения и приумножения народа обратил внимание М.В. Ломоносов¹⁶. Расцвет демографии пришелся на времена СССР и связан с такими именами, как В.А. Борисов, Д.И. Валентей, А.Я. Кваша, О.А. Квиткин, С.А. Новосельский, В.В. Паевский, С.Г. Струмилин, Б.Ц. Урланис и другие ученые, внесшие существенный вклад в развитие и становление отечественной демографической мысли.

Ранее демографическое образование реализовывалось как минимум в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова и Московском экономико-статистическом институте.

С 2009 года обучать специалистов-демографов начали в Высшей школе экономики с реализации магистерской программы «Демография» по направлению «Социология», чуть позже открыв второй трек для направления «Экономика»¹⁷. В ВШЭ с 2015 года открыта англоязычная магистратура «Население и развитие» по направлению «Государственное и муниципальное управление»¹⁸. Обе магистерские программы относятся к Институту демографии имени А.Г. Вишневого и реализуются на кафедре демографии.

С 2018 года в Высшей школе современных социальных наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова на кафедре демографии открыта и успешно реализуется магистерская программа «Социальная демография» на отделении «Социология»¹⁹. С 2019 года открыта магистерская программа

«Управление демографическими процессами» на отделении «Менеджмент»²⁰.

Кафедра демографической и миграционной политики МГИМО, относящаяся к факультету управления и политики, реализует магистерскую программу «Управление человеческими ресурсами», ориентированную на подготовку специалистов в области управления человеческими ресурсами с акцентом на методы демографических и миграционных исследований, а также анализа лучших международных практик в области человеческого развития²¹.

Таким образом, в 2021 году обучение специалистов по направлению «Демография» реализовывалось только в трех вузах, входящих в топ различных отечественных и зарубежных рейтингов и имеющих определенные свободы и возможности выбора траектории работы и развития.

Для оценки возможности открытия и реализации образовательных программ по направлению «Демография» рассмотрены кафедры, на которых читаются дисциплины данной направленности, в ряде ведущих отечественных вузов (табл. 1).

Наиболее многочисленной является кафедра демографии Института демографии имени А.Г. Вишневого ВШЭ – 40% от общего числа ППС. Обращает на себя внимание тот факт, что на кафедре ВШЭ отсутствуют доктора наук, большая часть – это кандидаты наук (экономических, социологических, географических и проч.) и четыре сотрудника без ученой степени (двое из которых имеют стаж более 10 лет, двое – менее 5 лет).

Следующие по численности сотрудников (с равным числом ППС) – кафедра народонаселения экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и кафедра демографической и миграционной политики факультета управления и политики МГИМО – по 9 сотрудников. Уровни остепененности их сотрудников близки, но имеется небольшое различие – на кафедре народонаселения больше на одного доктора наук, а на кафедре демографической и

¹⁶ Ломоносов М.В. О сохранении русского народа / сост. и отв. ред. О.А. Платонов; Институт русской цивилизации. 2011. URL: https://rusinst.su/docs/books/M.V.Lomonosov-O_sohranenii_russkogo_naroda.pdf

¹⁷ ВШЭ, магистерская программа «Демография» по направлению «Социология». URL: <https://www.hse.ru/ma/demography/> (дата обращения 26.12.2021).

¹⁸ ВШЭ, магистерская программа «Население и развитие» по направлению «Государственное и муниципальное управление». URL: <https://www.hse.ru/ma/pd/> (дата обращения 26.12.2021).

¹⁹ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, магистерская программа «Социальная демография». URL: <https://www.demography-msu.ru/> (дата обращения 26.12.2021).

²⁰ Там же.

²¹ МГИМО, магистерская программа «Управление человеческими ресурсами». URL: <https://sgp.mgimo.ru/master/hr> (дата обращения 26.12.2021).

Таблица 1. Кадровый потенциал кафедр демографии и народонаселения в российских вузах

Вуз, кафедра	Профессорско-преподавательский состав (ППС), чел.	Доктора наук		Кандидаты наук		Без ученой степени	
		Чел.	% от всего состава	Чел.	% от всего состава	Чел.	% от всего состава
ВШЭ, Институт демографии имени А.Г. Вишневого, кафедра демографии ¹⁾	20	0	0,0	16	80,0	4	20,0
МГУ имени М.В. Ломоносова, экономический факультет, кафедра народонаселения ²⁾	9	3	33,3	5	55,6	1	11,1
МГИМО, Факультет управления и политики, кафедра демографической и миграционной политики ³⁾	9	2	22,2	6	66,7	1	11,1
МГУ имени М.В. Ломоносова, Высшая школа современных социальных наук, кафедра демографии ⁴⁾	8	3	37,5	4	50,0	1	12,5
МГУ имени М.В. Ломоносова, социологический факультет, кафедра социологии семьи и демографии ⁵⁾	4	2	50,0	2	50,0	0	0,0
ВСЕГО	50	10	20,0	33	66,0	7	14,0

¹⁾ ВШЭ, Институт демографии имени А.Г. Вишневого, кафедра демографии. URL: <https://www.hse.ru/demo/kdemo/> (дата обращения 26.12.2021).
²⁾ МГУ имени М.В. Ломоносова, экономический факультет, кафедра народонаселения. URL: <https://demography.econ.msu.ru/> (дата обращения 26.12.2021).
³⁾ МГИМО, факультет управления и политики, кафедра демографической и миграционной политики. URL: <https://mgimo.ru/study/faculty/sgp/kdmp/> (дата обращения 26.12.2021).
⁴⁾ МГУ имени М.В. Ломоносова, Высшая школа современных социальных наук, кафедра демографии. URL: <https://www.demography-msu.ru/> (дата обращения 26.12.2021).
⁵⁾ МГУ имени М.В. Ломоносова, социологический факультет, кафедра социологии семьи и демографии. URL: <https://www.socio.msu.ru/index.php/> (дата обращения 26.12.2021).

миграционной политики – на одного кандидата наук. На каждой кафедре есть по одному неостепенённому сотруднику.

Далее следует кафедра демографии Высшей школы современных социальных наук МГУ имени М.В. Ломоносова. Из восьми сотрудников трое – доктора наук, четверо – кандидаты и один – без ученой степени (заместитель заведующего по учебным вопросам).

Самой компактной является кафедра социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Из четырех сотрудников – два доктора наук и два кандидата наук.

Помимо данных о численности сотрудников с ученой степенью и уровне остепененности персонала демографических кафедр вызывает интерес возрастной состав работников, их научно-педагогический стаж.

Информация о научно-педагогическом стаже профессорско-преподавательского состава не представлена на сайтах кафедр народона-

селения экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и кафедры демографической и миграционной политики факультета управления и политики МГИМО, поэтому они из дальнейшего анализа исключены.

Научно-педагогический стаж профессорско-преподавательского состава кафедр разбит на четыре группы исходя из следующих критериев:

- стаж 1–5 лет – молодые специалисты, ассистенты или преподаватели кафедр, обучающиеся или недавно закончившие обучение в аспирантуре и допущенные к преподавательской деятельности; это потенциал, будущее кафедр при должном обучении, работе с ними и наставничестве;
- стаж 5–10 лет – молодые кандидаты наук или молодые преподаватели, готовящиеся к защите; специалисты, изучившие широкий круг научного и практического материала, набирающие опыт как педагогической, так и научной деятельности;

- стаж 10–20 лет – движущая сила кафедр, как правило, защищенные кандидаты или «молодые» доктора наук; имеют существенный опыт педагогической и научно-исследовательской деятельности;

- стаж 20 и более лет – «аксакалы» кафедр, имеющие большой профессиональный и жизненный опыт, формирующие научные школы и направления, наставники молодого поколения.

Информация сформирована по открытым данным, представленным на сайтах кафедр (табл. 2).

Исходя из критериев научно-педагогического стажа, представленного в таблице 2, и уровня остепененности, кафедрой-наставником можно назвать кафедру социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Две трети сотрудников кафедры имеют стаж более 20 лет, один преподаватель – 10–20 лет. Аналогичная

ситуация на кафедре демографии Высшей школы современных социальных наук МГУ имени М.В. Ломоносова – 75%, или 6 из 8 сотрудников имеют стаж более 20 лет и по одному сотруднику 5–10 лет и 10–20 лет.

Кафедра демографии Института демографии имени А.Г. Вишневского ВШЭ интересна тем, что на ней, при отсутствии докторов наук, прослеживается преемственность поколений – в каждом из выделенных интервалов по стажу работы есть не менее двух-трех преподавателей.

Анализ дисциплин, читаемых на кафедрах, дает понимание текущих направлений работы, а также, в совокупности с информацией о ППС кафедр демографии, возможность оценить потенциал кафедр с позиции открытия новых образовательных программ по направлению подготовки «Демография». Данные о читаемых дисциплинах по уровням подготовки представлены в таблице 3.

Таблица 2. Научно-педагогический стаж профессорско-преподавательского состава российских вузов

Вуз, кафедра	ППС, чел.	Научно-педагогический стаж, лет			
		1–5	5–10	10–20	20 и более
ВШЭ, Институт демографии имени А.Г. Вишневского, кафедра демографии	20	3	2	7	8
МГУ имени М.В. Ломоносова, Высшая школа современных социальных наук, кафедра демографии	8	0	1	1	6
МГУ имени М.В. Ломоносова, социологический факультет, кафедра социологии семьи и демографии	4	0	0	1	3
ВСЕГО	32	3	3	9	17

Таблица 3. Дисциплины, читаемые по уровням подготовки на кафедрах демографии и народонаселения в российских вузах

Вуз, кафедра	Число дисциплин, ед.	Уровень «бакалавриат»		Уровень «магистратура»	
		Ед.	% от количества всех дисциплин	Ед.	% от количества всех дисциплин
ВШЭ, Институт демографии имени А.Г. Вишневского, кафедра демографии	29	11	37,9	18	62,1
МГУ имени М.В. Ломоносова, экономический факультет, кафедра народонаселения	15	4	26,7	11	73,3
МГИМО, факультет управления и политики, кафедра демографической и миграционной политики	35	19	54,3	16	45,7
МГУ имени М.В. Ломоносова, Высшая школа современных социальных наук, кафедра демографии	33	6	18,2	27	81,8
МГУ имени М.В. Ломоносова, социологический факультет, кафедра социологии семьи и демографии	17	10	58,8	7	41,2
ВСЕГО	129	50	38,8	79	61,2

Наибольшее число читаемых дисциплин зафиксировано на кафедре демографической и миграционной политики факультета управления и политики МГИМО (35), из них большая часть читается на уровне подготовки «бакалавриат» (19 дисциплин, или 54,3%). Следующая по числу читаемых дисциплин демографической направленности — кафедра демографии Высшей школы современных социальных наук МГУ имени М.В. Ломоносова, где большая часть дисциплин реализуется на уровне подготовки «магистратура» (27, 81,8%). Кафедра демографии Института демографии имени А.Г. Вишневого ВШЭ реализует 29 дисциплин, большая часть которых читается магистрам (18, 62,1%). Подобное распределение в трех вузах вполне закономерно и, в первую очередь, отражает реализуемые на кафедре образовательные программы, по которым она является выпускающей.

Кафедра социологии семьи и демографии социологического факультета и кафедра народонаселения экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудники которых обеспечивают потребности собственного факультета, а также читают межфакультетские дисциплины, представлены широким числом дисциплин (17 и 15 соответственно).

На каждой из рассмотренных кафедр помимо образовательной деятельности ведется активная научная и популяризаторская работа или имеются отраслевые лаборатории и центры. Среди наиболее значимых направлений можно выделить проведение научно-практических конференций, научно-исследовательские проекты, поддержанные различными фондами (РФФИ, РНФ, Министерство науки и высшего образования России и проч.), чтение открытых лекций, участие в фестивалях науки, развитие и поддержку международного сотрудничества, совместную деятельность с академическим сообществом и работодателями.

Помимо численной характеристики кафедр необходимо понимать, кто ими заведует, какие научные школы и направления развиваются на каждой кафедре, т. к. именно эти параметры формируют будущее любого научного направления.

При экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в 1960-е годы и открыта в на-

стоящее время успешно функционирует научно-исследовательская лаборатория экономики народонаселения и демографии²², которая включает в себя три сектора (сектор воспроизводства населения и демографической политики; сектор региональной демографии, расселения и миграции; сектор историко-демографических и библиографических исследований). В лаборатории насчитываются 16 сотрудников, являющихся как штатными работниками, так и внутренними совместителями.

Институт демографии имени А.Г. Вишневого ВШЭ — научное и образовательное учреждение. Его цели: проведение фундаментальных научных исследований, совершенствование их методологии, подготовка научных кадров. В составе Института демографии имени А.Г. Вишневого ВШЭ кроме кафедры демографии функционируют следующие подразделения: научно-учебная лаборатория социально-демографической политики; редакция средства массовой информации — электронного журнала «Демографическое обозрение»; Центр демографических исследований²³. В 2017 году создана международная лаборатория исследований населения и здоровья, которая занимается разработкой новых и совершенствованием существующих методов изучения здоровья населения, проведением на их основе научных исследований в области здоровья и смертности населения²⁴.

Кафедра демографической и миграционной политики, возглавляемая ведущим демографом, членом-корреспондентом РАН С.В. Рязанцевым, вносит огромный вклад в укрепление позитивного имиджа МГИМО в средствах массовой информации через выступления ее сотрудников по проблемам демографической и миграционной политики. Помимо учебного процесса и научной деятельности кафедра занимается практическими вопросами совер-

²² МГУ имени М.В. Ломоносова, Научно-исследовательская лаборатория экономики народонаселения и демографии. URL: <https://www.econ.msu.ru/departments/cps/> (дата обращения 26.12.2021).

²³ ВШЭ, Институт демографии имени А.Г. Вишневого. URL: <https://www.hse.ru/demography/> (дата обращения 26.12.2021).

²⁴ ВШЭ, Международная лаборатория исследований населения и здоровья. URL: <https://demogr.hse.ru/> (дата обращения 26.12.2021).

шенствования демографической и миграционной политики России путем широкой имплементации результатов научных исследований в деятельность российских агентств и международных организаций. Ученые кафедры активно оказывают консультационные услуги российским государственным структурам и международным организациям.

На базе Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС открыта лаборатория исследований демографии и миграции²⁵. Тематика ее исследований включает в себя анализ современных тенденций воспроизводства населения России, эффектов социальной и демографической политики и выработку рекомендаций по их совершенствованию.

На базе УрФУ в 2014 году открыта научная лаборатория «Международный центр демографических исследований»²⁶, основной целью деятельности которой является развитие в университете новых перспективных направлений с привлечением иностранных ученых, а также организация и проведение историко-демографических исследований.

В Северо-Восточном федеральном университете имени М.К. Аммосова действует лаборатория экономики народонаселения и демографии²⁷. Основными направлениями исследований лаборатории являются изучение процессов воспроизводства населения, демографического потенциала, семьи и домохозяйства, миграции населения, экономико-демографических факторов сбалансированности регионального рынка труда, разработка региональных демографических прогнозов.

В дополнение к проведенному обзору необходимо отметить, что в ряде российских вузов также читаются отдельные демографические дисциплины, проводится научная работа со студентами, осуществляются исследования, ППС кафедр выступает с докладами и публи-

кует статьи по актуальным проблемам народосбережения. Среди наиболее активных регионов выделяются Республика Башкортостан, Вологодская, Волгоградская, Ивановская, Нижегородская, Новосибирская, Свердловская, Ставропольская области, Республика Татарстан и др. В ряде регионов имеются академические организации, ведущие образовательную деятельность дополнительно с научно-исследовательской. Так, Вологодский научный центр РАН в рамках программ подготовки магистров и бакалавров по направлению «Экономика» реализует курс «Экономическая демография» силами сотрудников отдела исследований уровня и образа жизни населения. «Демографический ликбез» включен и в курсы повышения квалификации для преподавателей и представителей органов власти.

Говоря о проводимой на национальном уровне работе по направлению «Демография», стоит отметить Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, занимающий особое место²⁸. Он создан на базе Центра социальной демографии Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН приказом № 55 от 1 июня 2020 г. Возглавляет Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН ведущий ученый, демограф, член-корреспондент РАН С.В. Рязанцев, который имеет свою научную школу в области демографического и миграционного развития. Основные направления работы ИДИ ФНИСЦ РАН: развитие и систематизация теоретических и практических положений отечественной демографической школы, повышение качества научных исследований и обоснованности результатов ее деятельности; внедрение результатов демографических исследований в практическую деятельность федеральных и региональных органов власти РФ; популяризация результатов демографических исследований в средствах массовой информации и повышение общественной значимости демографической науки в России; развитие и совершенствование системы демографического образования в РФ, организация курсов повышения квалификации и научно-практических семинаров, посвященных ключевым

²⁵ РАНХиГС, Лаборатория исследований демографии и миграции. URL: <https://www.ranepa.ru/social/ob-institute/laboratoriya-issledovaniy-demografii-i-migratsii/> (дата обращения 26.12.2021).

²⁶ УрФУ, научная лаборатория «Международный центр демографических исследований». URL: <https://idun.urfu.ru/ru/sotrudniki/> (дата обращения 26.12.2021).

²⁷ СВФУ им. М.К. Аммосова, лаборатория экономики народонаселения и демографии. URL: <https://www.svfu.ru/universitet/rukovodstvo-i-struktura/instituty/niires/demography/> (дата обращения 26.12.2021).

²⁸ Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН. URL: <https://idrras.ru> (дата обращения 26.12.2021).

проблемам демографического развития страны. Среди образовательных и научных организаций России и зарубежных стран-партнеров института 9 отечественных учебных заведений и 10 зарубежных образовательных и научных организаций²⁹.

Проведя обзор учебных заведений России, реализующих образовательные программы по профилю «Демография» (по различным направлениям обучения), можно сделать вывод о том, что научный и образовательный потенциал для подготовки специалистов-демографов имеется не только в столичных вузах, но и в регионах. Однако нельзя не отметить существенное «проседание» в субъектах РФ – отсутствие специализированных кафедр. Тем не менее наличие лабораторий, специализирующихся на демографических исследованиях, доказывает востребованность соответствующих знаний в различных регионах России.

Благодаря инициативе ИДИ ФНИСЦ РАН, в 2021 году разработан и находится на стадии утверждения профессиональный стандарт (ПС) «Демограф»³⁰, в котором представлен вид профессиональной деятельности по МСКЗ-08: «Разработка мер, направленных на регулирование количественных и качественных параметров демографического развития для принятия управленческих решений» (код 03. Социальное обслуживание) (Ростовская, Золотарева, 2021). Профстандарт выступает вектором, определяющим укрупненную группу специальностей (УГС), в рамках которой будет разработан образовательный стандарт³¹.

ИДИ ФНИСЦ РАН, исходя из потребностей рынка труда и общества в квалифицированных специалистах в области демографии, на 2022 год поставил перед собой целью разра-

ботку Федеральных государственных образовательных стандартов поколения 3++ (ФГОС ВО 3++) по уровням подготовки «бакалавриат» и «магистратура» в рамках УГС 39.00.00 «Социология и социальная работа». Для достижения поставленной цели планируется решение следующих задач:

- формирование рабочей группы, включающей ведущих отечественных ученых-демографов, представителей академического сообщества и образовательных учреждений, потенциальных работодателей, представителей органов исполнительной и законодательной власти;
- составление и утверждение графика работ по разработке ФГОС ВО 3++ по направлению «Демография» в рамках УГС 39.00.00 «Социология и социальная работа» по уровням подготовки «бакалавриат» и «магистратура»;
- разработка первичных проектов ФГОС ВО 3++ по направлению «Демография» в рамках УГС 39.00.00 «Социология и социальная работа» по уровням подготовки «бакалавриат» и «магистратура»;
- проведение профессионально-общественного обсуждения первичных проектов ФГОС ВО 3++ по направлению «Демография» в рамках УГС 39.00.00 «Социология и социальная работа» по уровням подготовки «бакалавриат» и «магистратура»;
- доработка проектов ФГОС ВО 3++ по итогам профессионально-общественного обсуждения;
- направление разработанных проектов стандартов в соответствующие уполномоченные органы для рассмотрения и утверждения.

Основная цель деятельности профстандарта «Демограф» – «решение задач, направленных на анализ и прогноз демографической ситуации на микро- и макроуровне, учёт демографического фактора в социальном и экономическом развитии, разработку социально-демографической политики государства, региона, отрасли, организации, направленной на регулирование количественных и качественных параметров населения (социально-демографических групп, домохозяйств, работников, трудовых коллективов), исследование факторов демографической динамики и решения прикладных демографических задач (для макроэкономического регулирования, страхования, логистики,

²⁹ Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН. URL: <https://idrras.ru/presentation/> (дата обращения 26.12.2021).

³⁰ Об утверждении профессионального стандарта «Демограф»: проект Приказа Минтруда России (по состоянию на 24.11.2021); подготовлен Минтрудом России, ID проекта 01/02/11-21/00122735. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PNPA&n=78220#EvcyngSpXzyfQKAJ> (дата обращения 26.12.2021).

³¹ Правила разработки, утверждения федеральных государственных образовательных стандартов и внесения в них изменений: Постановление от 12 апреля 2019 года № 434. URL: <https://docs.cntd.ru/document/554229840> (дата обращения 26.12.2021).

маркетинга, размещения услуг и производительных сил, политических исследований)» (Ростовская, Золотарева, 2021). Данная формулировка максимально полно и широко раскрывает виды профессиональной деятельности специалиста-демографа в различных отраслях и видах деятельности как на федеральном, так и региональном или муниципальном уровне.

Содержащиеся в ПС «Демограф» обобщенные трудовые функции нацелены на три уровня подготовки: бакалавриат – магистратура – аспирантура, с возможностью реализации на каждом уровне программ дополнительного профессионального образования. Благодаря такому подходу становится возможным осуществление системы непрерывного образования в области демографии в стране.

Во время работы над ФГОС ВО 3++ по направлению «Демография» в рамках УГС 39.00.00 «Социология и социальная работа» по уровням подготовки «бакалавриат» и «магистратура» будут определены области профессиональной деятельности и (или) сферы профессиональной деятельности выпускника; типы задач профессиональной деятельности, которые выпускники готовы решать; универсальные и общепрофессиональные компетенции, сформированные выпускником в процессе обучения; требования к условиям реализации образовательных программ, включающие в себя общесистемные требования, требования к материально-техническому и учебно-методическому обеспечению, требования к кадровым и финансовым условиям реализации программ.

Обсуждение и заключение

Изучение и обобщение действующих в России нормативно-правовых документов, в том числе в сфере демографической политики, национальных целей развития, стратегии национальной безопасности демонстрируют, что в стране уделяется должное внимание формированию законодательства по вопросам народонаселения и народосбережения. Настораживает только тот факт, что не всегда ставятся актуальные или выполнимые задачи, используются индикаторы, реально характеризующие ключевые параметры демографического оптимума.

Ответом на решение данной проблемы в 2021 году стали разработка и утверждение профессионального стандарта «Демограф» (Ростовская, Золотарева, 2021), который позволит

сформировать новую модель кадрового потенциала в области демографии, выявить возможности развития подготовки высококвалифицированных специалистов-демографов, а в рамках управленческой деятельности сделает возможным удовлетворение потребности в демографической экспертизе и консалтинге. Проект стандарта для ознакомления размещен в открытом доступе³².

Обзор отечественных и зарубежных научных трудов, посвященных вопросам образования, развития человеческого и кадрового потенциала, реализации специалистов на рынке труда, дает понимание, что современный, востребованный специалист на рынке труда тот, кто помимо качественного образования имеет обновляемую, многоуровневую и актуальную базу знаний, отвечающую запросам общества, отраслей и видов деятельности. Для специалистов-демографов данные требования также актуальны и применимы.

Для того чтобы оценить потенциал образовательного сообщества России и ситуацию в мире в целом, был проведен анализ деятельности учебных и научных организаций по направлению «Демография». В результате выявлено, что в странах мира, наряду с автономной работой учебных заведений и научно-исследовательских учреждений, существуют их коллаборации.

В России всего три вуза ведут образовательную деятельность по программам, относящимся к демографии (т. к. отдельного образовательного направления на сегодняшний день нет, программы осваиваются в рамках других направлений). В трех вузах работают пять кафедр демографии и народонаселения. Образовательным потенциалом обладают и столичные, и региональные учебные заведения, в которых действуют лаборатории или научные центры, проводящие исследования по актуальным проблемам демографии, а также вузы, чьи преподаватели читают отдельные демографические дисциплины, проводят исследования, публикуют статьи и выступают с докладами.

³² Об утверждении профессионального стандарта «Демограф»: проект Приказа Минтруда России (по состоянию на 24.11.2021); подготовлен Минтрудом России, ID проекта 01/02/11-21/00122735. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PNPA&n=78220#EvcynsSpXzyfQKAJ> (дата обращения 24.12.2021).

В целях создания и утверждения образовательных стандартов по направлению «Демография» в рамках УГС 39.00.00 «Социология и социальная работа» по уровням подготовки «бакалавриат» и «магистратура» в инициативном порядке Институтом демографических исследований ФНИСЦ РАН проведен ряд работ. Среди них: разработка план-графика деятельности на 2022 год, создание рабочей группы, определение области и сферы профессиональной деятельности выпускника, типов задач профессиональной деятельности, которые выпускники готовы решать. На каждом этапе будет сохранен принцип системного подхода в подготовке специалиста-демографа, основанный на критериях и параметрах, заложенных в профессиональном стандарте «Демограф».

Литература

- Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. (2016). Российский прекариат: проблемы накопления человеческого капитала // Вестник Института социологии. № 18. С. 57–69. DOI: <https://doi.org/DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.412>
- Голенкова З.Т., Кошарная Г.Б., Кошарный В.П. (2018). Влияние образования на повышение конкурентоспособности работников на рынке труда // Интеграция образования. № 22 (2). С. 262–273. DOI: [10.15507/1991-9468.091.022.201802.262.-273](https://doi.org/10.15507/1991-9468.091.022.201802.262.-273)
- Егорычев А.М., Ростовская Т.К. (2021). Перспективы развития профессионального образования в условиях глобализации мирового сообщества // ЦИТИСЭ. № 1. С. 55–64. DOI: <http://doi.org/10.15350/2409-7616.2021.1.05>
- Ильясов Б.Г., Герасимова И.Б., Макарова Е.А. [и др.] (2017). Основы теории систем и системного анализа / РИК УГАТУ.
- Карамзина А.Г., Сильнова С.В. (2021). Системный анализ и моделирование процесса разработки программ дополнительного профессионального образования // Вестник ВГУ. Серия: Системный анализ и информационные технологии. № 2. С. 94–98. DOI: <https://doi.org/10.17308/sait.2021.2/3507>
- Константиновский Д.Л., Попова Е.С. (2016). Отношение молодежи к образованию в современной России // Общественные науки и современность. № 1. С. 5–19. URL: https://ecsocman.hse.ru/data/2018/11/18/1251870868/5_19_Konstantinovskiy
- Микешина Л.А. (2005). Философия науки. М.: Прогресс-Традиция. 464 с.
- Ростовская Т.К., Золотарева О.А. (2021). Профессиональный стандарт «Демограф» как фактор формирования новой модели кадрового потенциала // Социологическая наука и социальная практика. № 2 (9). С. 82–95. DOI: [10.19181/snsp.2021.9.2.8106](https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.2.8106)
- Сюпова М.С. (2018). Демографическая политика: опыт зарубежных стран // Ученые заметки ТОГУ: электронное научное издание. № 9 (1). С. 272–278.
- Ярных Э.А., Давлетшина Л.А., Агентова Г.В. (2021). Перспективы развития образовательной системы в России // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. № 3. С. 44–55. DOI: [10.21686/2413-2829-2021-3-44-55](https://doi.org/10.21686/2413-2829-2021-3-44-55)
- Alshubiri F.N. (2021). Analysis of financial sustainability indicators of higher education institutions on foreign direct investment: Empirical evidence in OECD countries. *International Journal of Sustainability in Higher Education*, 22(1), 77–99. DOI: [10.1108/IJSHE-10-2019-0306](https://doi.org/10.1108/IJSHE-10-2019-0306)
- Ashour S. (2021). How COVID-19 is reshaping the role and modes of higher education whilst moving towards a knowledge society: The case of the UAE. *Open Learning: The Journal of Open, Distance and e-Learning*. DOI: [10.1080/02680513.2021.1930526](https://doi.org/10.1080/02680513.2021.1930526)
- Beal Krause A.L. (2021). The aged population and social spending in Latin America: Comparing the demographic functionalist theories and political pressure arguments. *Politics and Policy*, 49(5), 1061–1091. DOI: [10.1111/polp.12429](https://doi.org/10.1111/polp.12429)
- Brauer S. (2021). Towards competence-oriented higher education: A systematic literature review of the different perspectives on successful exit profiles. *Education and Training*, 63(9), 1376–1390. DOI: [10.1108/ET-07-2020-0216](https://doi.org/10.1108/ET-07-2020-0216)
- Buitrago R., Salinas J., Boude O. (2021). Designing and representing learning itineraries: A systematic review of the literature. *Interaction Design and Architecture(s)*, 47, 94–122.

- Fletcher J., Gillum D., Moritz R., Schwartz A. (2021). Demographic and salary trends of the 2020 biosafety workforce. *Applied Biosafety*, 26(3), 164–174. DOI: 10.1089/apb.20.0066
- Kicherova M.N., Semenov M.Yu., Zyuban E.V. (2021). Qualification assessment practices: New possibilities and constraints. *Obrazovanie i Nauka*, 23(7), 71–98. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-7-71-98
- Marszowski R., Drobek L., Hetmańczyk P., Markowska M. (2020). Education in the times of demographic change and globalization. Case study on the example of the Silesian Voivodeship. *Sustainability*, 12(14). DOI: 10.3390/su12145688
- Rajović G., Bulatović J. (2017). Geography education research in Serbia: A teacher's perspective. *European Journal of Contemporary Education*, 6(1), 100–125. DOI: 10.13187/ejced.2017.1.100
- Ramos M.E., Garza-Rodríguez J., Gibaja -Romero D.E. (2021). Automation of employment in the presence of industry 4.0: The case of Mexico. *Technology in Society*, 68(1), 101837. DOI: 10.1016/j.techsoc.2021.101837
- Romanova G., Maznichenko M., Neskoromnyh N. (2016). Systematic approach to the goalsetting of higher education in the field of tourism and hospitality. *European Journal of Contemporary Education*, 17(3), 344–356. DOI: 10.13187/ejced.2016.17.344
- Serrano-Aguilera J.J., Tocino A., Fortes S. et al. (2021). Using peer review for student performance enhancement: Experiences in a multidisciplinary higher education setting. *Education Sciences*, 11(2), 1–21. DOI: 10.3390/educsci11020071
- Tran L.T., Le Thanh Phan H., Marginson S. (2018). The 'advanced programmes' in Vietnam: Internationalising the curriculum or importing the 'best curriculum' of the west? *Higher Education Dynamics*, 51, 55–75. DOI: 10.1007/978-3-319-78492-2_4.
- Wang T.-C., Phan B.N., Nguyen T.T.T. (2021). Evaluating operation performance in higher education: The case of Vietnam public universities. *Sustainability (Switzerland)*, 13(7), 4082. DOI: 10.3390/su13074082
- Weber J.M., Lindenmeyer C.P., Liò P., Lapkin A.A. (2021). Teaching sustainability as complex systems approach: a sustainable development goals workshop. *International Journal of Sustainability in Higher Education*, 22(8), 25–41. DOI: 10.1108/IJSHE-06-2020-0209
- Zabeli N., Kaçaniku F. (2021). Policy analysis for mapping the discourse of inclusion in higher education system in Kosovo. *Journal for Critical Education Policy Studies*, 19(2), 452–483.

Сведения об авторах

Тамара Керимовна Ростовская — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru)

Александра Анатольевна Шабунова — доктор экономических наук, доцент, директор, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: aas@vscc.ac.ru)

Лейсан Анваровна Давлетшина — кандидат экономических наук, доцент кафедры, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: davletshina.la@rea.ru)

Rostovskaya T.K., Shabunova A.A., Davletshina L.A.

Demographic Education in Modern Russia: Mismatch between the Needs and Opportunities

Abstract. Negative trends in major demographic processes, aggravated by the impact of the COVID-19 pandemic, require not only an active demographic policy, but also thoughtful and well-grounded management decisions. This raises the requirements for the qualifications of employees in the field of science, education and management personnel in terms of their understanding of complex and multifactor demographic processes. Consequently, the need for training and retraining of demographers is also

increasing. The purpose of the work is to assess the current state of demographic education in Russia and the possibilities of its development. The article presents an overview of foreign and national educational and scientific practice in the field of demographic education. We find that the “Demography” field is included in the enlarged group “3. Social sciences, business and law”; therefore, most educational institutions implement educational programs in the “Sociology” field; more often these are master’s degree programs. Scientific institutions focus on collaborating with educational institutions and pursue an educational and scientific trajectory (for example, the USA); they can also work autonomously by responding to the needs of the state and society (France, Germany). We also review Russian practice of implementing the educational process under the program “Demography”. We find out that only three universities conduct educational activities under this program. However, the scientific and educational potential for training demographers, taking into account “non-core” universities and academic research organizations, is available in the capital and in the regions. Nevertheless, the presence of laboratories specializing in demographic research proves the relevance of demographic knowledge in various regions of Russia. The analysis of departments’ teaching staff confirms their high educational and scientific potential. An overview of the work of scientific institutions and departments at universities indicates that vigorous scientific and research activity in the “Demography” field is being conducted in Russia. The analysis shows that in modern Russia, the issues of standardization of this area of work and education have not yet been fully worked out. We substantiate a system of successive stages for development of an educational standard in the “Demography” field and approval of the “Demographer” professional standard.

Key words: demographer, labor market, education, system approach, professional standard, educational standard, multilevel education system, domestic experience, foreign experience.

Information about the Authors

Tamara K. Rostovskaya – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, deputy director for science, Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation); e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru)

Aleksandra A. Shabunova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: aas@vscc.ac.ru)

Leysan A. Davletshina – Candidate of Sciences (Economics), associate professor of department, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation; e-mail: davletshina.la@rea.ru)

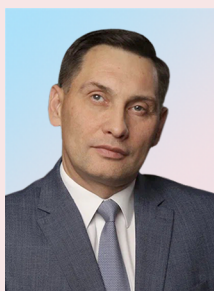
Статья поступила 26.02.2022.

Расширение методологических подходов к оценке качества стратегий социально-экономического развития крупных городов

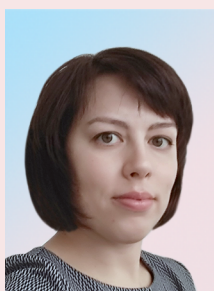
**Евгений Борисович
ШУЛЕПОВ**

Законодательное собрание Вологодской области
Вологда, Российская Федерация
e-mail: op.r35@edinros.ru
ORCID: 0000-0001-6731-1653

**Константин Алексеевич
ЗАДУМКИН**

Вологодское городское отделение Союза промышленников и предпринимателей Вологодской области
Вологда, Российская Федерация
e-mail: zk00@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5313-0835

**Анна Александровна
ЩЕРБАКОВА**

Вологодский государственный университет
Вологда, Российская Федерация
e-mail: annascherbakova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3733-1909

Для цитирования: Шулепов Е.Б., Задумкин К.А., Щербакова А.А. (2022). Расширение методологических подходов к оценке качества стратегий социально-экономического развития крупных городов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 2. С. 73–91. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.5

For citation: Shulepov E.B., Zadumkin K.A., Shcherbakova A.A. (2022). Expanding methodological approaches to assessing the quality of socio-economic development strategies for large cities. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(2), 73–91. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.5

Аннотация. В статье авторами обоснованы направления совершенствования инструментов, предназначенных для оценки качества стратегий социально-экономического развития крупных городов. В частности, разработана и апробирована собственная методика оценки качества стратегий социально-экономического развития крупных городов, базирующаяся на принципах стратегического планирования и социального корпоратизма. На первом этапе она предполагает проведение анализа динамики ключевых показателей социально-экономического развития крупных городов, отражающих темпы роста численности жителей города (комплексно характеризует динамику развития и целевые установки городского сообщества «Citizens»); количества зарегистрированных предприятий и организаций в городе (комплексно характеризует динамику развития и целевые установки предпринимательского сообщества «Business»); объемов жилищного строительства (комплексно характеризует эффективность муниципального управления через землепользование, взаимодействие с жителями, строительными компаниями «Municipality»), а также веру людей и инвесторов в город и его будущее. На втором этапе осуществляется оценка использования пяти основных механизмов социального корпоратизма в стратегиях развития крупных городов на основе контекстного анализа: проектное управление, социология города, территориальное общественное самоуправление, муниципально-частное партнерство, инициативное бюджетирование. На каждом этапе предполагается группировка крупных городов в соответствии с рассматриваемыми критериями. На заключительном этапе методика предусматривает построение матрицы «Стратегия – Развитие» и формирование предложений по доработке стратегий крупных городов с учетом их особенностей. Апробация методики показала неоднородность качества стратегического планирования и динамики социально-экономического развития крупных городов России. Это может свидетельствовать, что все они находятся на разных этапах эволюции развития социального корпоратизма. Следовательно, необходимо использовать различные подходы, инструменты и направления при разработке стратегий городов с учетом их особенностей и потенциала.

Ключевые слова: оценка качества, стратегия, развитие, крупный город, проектное управление, социология города.

Введение в проблематику

Сегодня «полюсами роста» российской экономики являются крупнейшие города. Однако, по мнению некоторых авторов, такими полюсами могут стать и крупные города, так как в них сконцентрирован значительный экономический, управленческий и интеллектуальный потенциал (Douay, 2008). Они характеризуются емкими рынками, развитой инфраструктурой, наличием квалифицированных кадров (Ямшиков и др., 2017; Львов и др., 2005; Николова и др., 2008). Комплексным показателем такой концентрации может служить способность городов генерировать инновации и доходы бюджетов всех уровней (Богомолова, 2016; Ignatyevskiy, Sovetova, 2020).

Сегодня обладающие значительным экономическим потенциалом крупные города не в полной мере используют возможности для развития, появляющиеся в последние годы, в том числе в силу слабой проработки своих стратегий (Schlingmann, Nordström, 2015; Jacobs, 1961). Это подтверждается экспертами Центра

стратегических разработок А.Л. Кудрина, которые указывают следующие причины низкой эффективности стратегических документов в части их разработки: недостаточная проработка самих стратегий, размытость полномочий и ответственности, декларативность документов и другие.

Основная цель успешного социально-экономического развития любого города состоит в том, чтобы город стал комфортным «домом» для жителей, перспективной площадкой для развития бизнеса, благоприятным и интересным местом для туристов. Основная идея проста – в городе, в котором хорошо, комфортно, уютно, безопасно, спокойно и интересно, люди счастливы. Такой город ценишь и любишь, им гордишься, о нем заботишься и стремишься обеспечить его процветание. Из такого города не хочется уезжать, в нем хочется жить, создавать семью и рожать детей. А для этого нужны уютные парки и набережные; современные детские сады, школы и спортивные объекты;

благоустроенные дворы, улицы и тротуары; надежные системы тепло-, газо-, водо- и электроснабжения; качественная уборка мусора и снега; удобный и безопасный общественный транспорт; развитые системы связи и множество других подсистем, без которых невозможна комфортная жизнь в современном городе. Следствием положительных изменений в городе, показателем того, что жизнь в нем становится лучше и комфортней, что он развивается в правильном направлении, как раз и должен стать рост численности населения. Нужны общие цели, смыслы, общее привлекательное будущее и вовлеченность в большую стройку. Качество жизни населения в одном городе может разительно отличаться. Это корень вражды и противоречий, поэтому следует стремиться обеспечивать равнодоступность городских сервисов.

Городская жизнь отличается уровнем свободы, то есть жизненными сценариями, которые человек может реализовать (Jacobs, 1970; Jacobs, 1984). Главный ресурс города – человеческий капитал – совокупность компетенций людей, позволяющая удовлетворять потребности города. В традиционном смысле города конкурируют за людей и ресурсы. Однако концепция социального корпоратизма¹ (Шулепов, 2014; Шулепов и др., 2020а) предполагает дополнение конкуренции разноплановым сотрудничеством городов, людей и компаний, внедрением и распространением лучших практик.

Обзор литературы

К настоящему времени разработано множество методик оценки уровня развития городов. Большинство из них опираются на данные статистики, экспертные оценки и социологические опросы жителей и представителей бизнес-сообщества. Наиболее известными являются рейтинг городов мира по версии The Economist's «Global Liveability Ranking»; рейтинг городов мира Mercer's «Quality of living survey»; рейтинг городов России Domofond.ru;

¹ В авторской трактовке социальный корпоратизм на муниципальном уровне – это система институтов и механизмов согласования интересов, целей и действий участников партнерства (органов власти, жителей и предпринимательского сообщества), основанная на равном и взаимовыгодном сотрудничестве с целью разработки и реализации стратегии социально-экономического развития города.

индекс качества городской среды²; методика оценки качества городской среды проживания Министерства регионального развития РФ³; опросы (например, сотрудники Финансового университета при правительстве РФ провели опрос в городах с населением более 250 тысяч человек с целью изучить удовлетворенность качеством жизни); методика Фонда «Институт развития городов»; методика Международного центра социально-экономических исследований «Леонтьевский центр» (Колчинская, 2013; Жихаревич и др., 2017); авторские методики (Н.В. Щербаковой (Щербакова, 2009), Е.Л. Чеклауковой⁴, И.В. Манаевой (Манаева, 2020) и др.).

Большинство методик трудоемки и включают оценку десятков различных частных социально-экономических показателей, которые в дальнейшем сводятся в интегральный показатель, на основании чего осуществляется ранжирование городов. Но для стратегического планирования использование данных методик является не вполне целесообразным, так как при таком подходе нарушается важнейшее условие – концентрация на главном.

Практика стратегического планирования в России насчитывает более 30 лет⁵. За это время стратегическое планирование стало распространенным и обязательным инструментом, стратегии активно разрабатывались и принимались на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Был принят Федеральный закон от 28.06.2014 № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации», регламентирующий эту сферу. Большую работу по исследованию практики стратегического планирования на муниципальном уровне проводит научная школа под руководством директора ресурсного центра по стратегическому планированию МЦСЭИ «Леонтьевский центр» Б.С. Жихаревича.

² Информационная система «Индекс качества городской среды»: индекс-городов.рф.

³ Об утверждении методики оценки качества городской среды проживания: Приказ Министерства регионального развития Российской Федерации от 09.09.2013 № 371.

⁴ Чеклаукова Е.Л. Инструменты оценки стратегии социально-экономического развития города: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Иркутск, 2009. 23 с.

⁵ МЦСЭИ «Леонтьевский центр» создан в 1991 году.

Рассмотрим основные результаты исследования стратегий российских городов периода 2014–2019 гг., полученные научным коллективом МЦСЭИ «Леонтьевский центр». В группу наблюдения включены 168 городов с населением более 100 тыс. чел. Не учитывались города федерального значения – Москва, Санкт-Петербург и Севастополь. В работе (Жихаревич, Прибышин, 2019) приведены формализованные результаты анализа текстов 82 стратегий социально-экономического развития, разработанных и принятых в городах с населением более 100 тыс. чел. за пять лет с начала действия Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (с середины 2014 по середину 2019 года). В ходе исследования проведен поиск и сформирован массив текстов официальных городских стратегий. За исследуемый период 75 из 168 городов, входящих в изучаемую размерную группу, разработали новые стратегии (45%). Каждый текст охарактеризован с помощью анкетно-кодификатора содержания. Для каждой стратегии получены характеристики преобладания, сбалансированности, амбициозности, выделены заявленные и реальные приоритеты, флагманские проекты, оценен масштаб намеченных преобразований в структуре экономики, зафиксированы отраслевые приоритеты. Отдельное внимание уделено вопросам отражения в стратегиях аспектов пространственного развития. Анализ частоты использования слов-маркеров в формулировках главных целей стратегий и миссий городов показал, что ведущим словосочетанием остается «качество жизни» – оно используется в 69% главных целей. Доказано, что методика контекстного анализа официально утвержденных документов стратегического планирования городов позволяет достаточно точно оценить качество муниципального управления. Этот метод исследования положен в основу авторской методики оценки качества стратегий социально-экономического развития крупных городов.

Материалы и методы

На основе вышеизложенного обозначим научно-практические проблемы, которые требуют решения:

1) отсутствует целостная методологическая основа для оценки качества стратегий социально-экономического развития городов;

2) в условиях активного развития стратегического управления на уровне городов научным сообществом не установлена связь между содержанием принятых документов стратегического планирования и темпами социально-экономического развития городов;

3) документы стратегического планирования, принятые на уровне крупных городов, не учитывают современные тенденции развития социального партнерства между основными стейкхолдерами территорий.

В связи с этим в статье ставится цель разработать новый методологический подход к оценке качества стратегий социально-экономического развития крупных городов и обосновать потенциальную возможность его применения на практике. Последовательно решаются следующие научные задачи:

– разработать алгоритм оценки качества стратегий крупных городов;

– проанализировать динамику ключевых показателей социально-экономического развития крупных городов России;

– выполнить оценку использования пяти основных механизмов социального корпоратизма (наиболее апробированных и распространенных в российской практике) в стратегиях крупных городов России на основе контекстного анализа;

– построить матрицу «Стратегия – Развитие» и сформировать предложения по доработке стратегий крупных городов с учетом их особенностей. Сегодня практика стратегического управления городами развивается быстрыми темпами, поэтому требуется устранить отставание от нее стратегического планирования.

Научная новизна заключается в разработке нового методологического подхода к оценке качества стратегий социально-экономического развития крупных городов с учетом современных механизмов социального корпоратизма.

По нашему мнению, при разработке стратегии число целевых показателей должно быть минимальным, но наиболее информативным, при этом важно учитывать не их абсолютное значение, а в первую очередь динамику. Исходя из этого посыла, авторами разработана и апробирована собственная методика оценки качества стратегий социально-экономического развития крупных городов, базирующаяся на принципах стратегического планирования и

социального корпоратизма (Колчинская, 2013), предполагающая три этапа (рис. 1).

На первом этапе анализируются следующие ключевые показатели (при положительной динамике присваивается балл; максимальный рейтинг равен 3 баллам) согласно подсистемам, отображенным на рисунке 1:

- темп роста численности жителей города (комплексно характеризует динамику развития и целевые установки городского сообщества «Citizens»);

- темп роста количества зарегистрированных предприятий и организаций в городе (комплексно характеризует динамику развития и целевые установки предпринимательского сообщества «Business»);

- темп роста объемов жилищного строительства (комплексно характеризует эффективность муниципального управления через землепользование, взаимодействие с жителями,

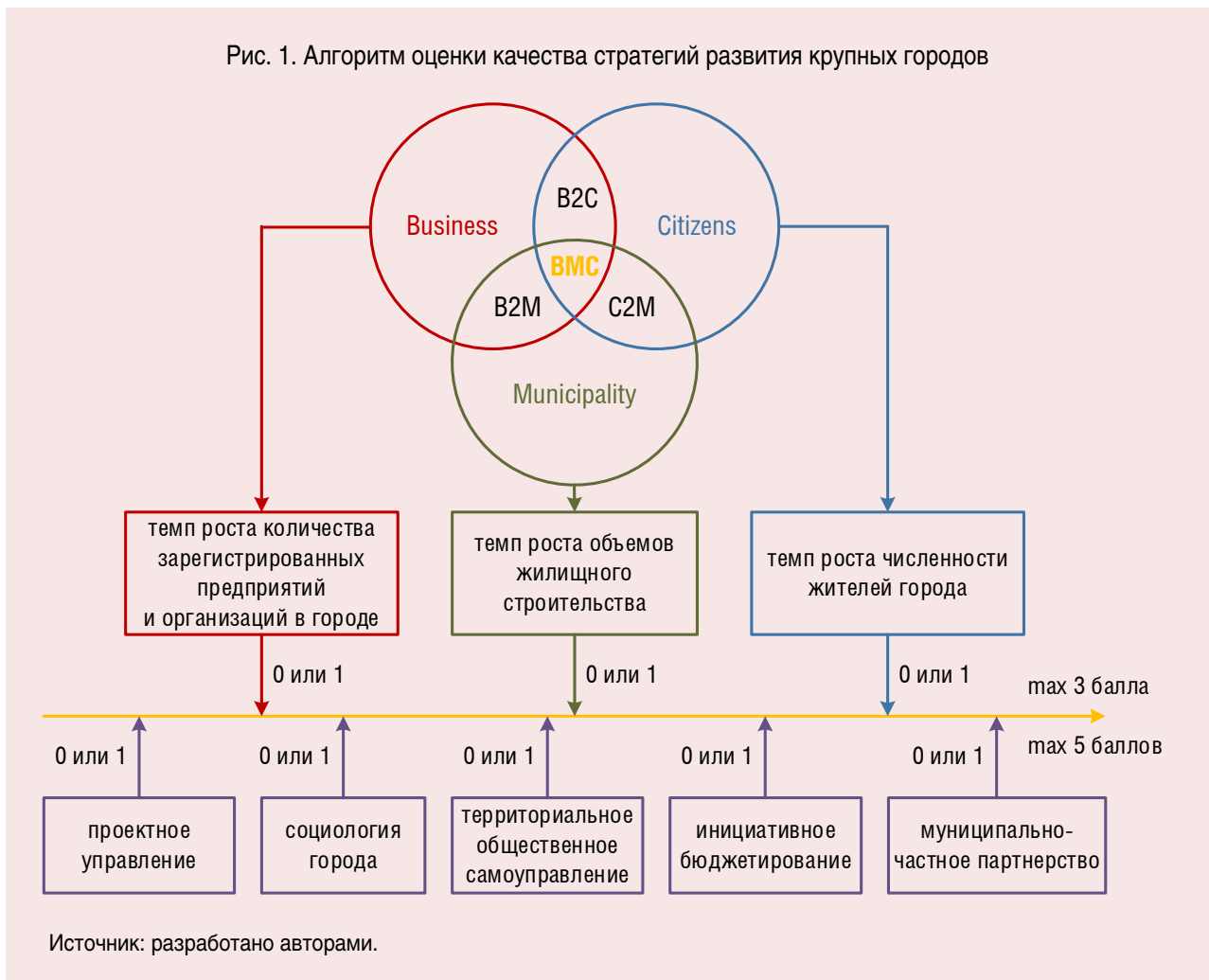
строительными компаниями «Municipality») – вера людей и инвесторов в город и его будущее.

По этим показателям крупные города России разделяются на три группы:

- лидеры (увеличение рассматриваемого показателя более чем на 10%);
- середняки (увеличение показателя в интервале от 0 до 10%);
- аутсайдеры (уменьшение показателя за анализируемый период).

Градации выбрана исходя из следующей гипотезы: уменьшение значения показателя свидетельствует, что город деградирует, развития нет; за исследуемый период в среднем все рассматриваемые города развиваются в пределах значений показателей от 0 до 10% (нормальное распределение), а динамика показателя более 10% – выше среднего по выборке и опыт социально-экономического развития таких городов будет интересен.

Рис. 1. Алгоритм оценки качества стратегий развития крупных городов

С целью повышения объективности исследования проанализирована динамика удельных показателей количества предприятий и организаций, приходящегося на 1000 человек жителей крупного города, и ввода в действие жилых домов (на 1000 человек жителей города).

На втором этапе по всем крупным городам России проводится поиск официальных документов долгосрочного социально-экономического планирования. Для поиска используются Реестр документов стратегического планирования, входящий в ГАС «Управление», сайты городских администраций и городских законодательных органов, сайты справочных правовых систем, региональные базы стратегических документов. Стратегия считается найденной и соответствующей критериям поиска, если удастся обнаружить местный нормативно-правовой акт, определяющий официальный статус документа.

Разработанная методология исследования основывается на оценке использования в принятых текстах стратегий пяти основных механизмов социального корпоратизма⁶:

– проектное управление (слова-маркеры: проект, проектная деятельность) – метод управления стратегическими задачами в рамках проектов и в условиях временных и ресурсных ограничений для достижения заявленных результатов и поставленных целей (сектор ВМС);

– социология города – исследование генезиса, сущности и общих закономерностей развития и функционирования города как элемента целостной системы социально-пространственной и экономической организации общества (сектор ВМС) (Savage, Warde, 1993);

– территориальное общественное самоуправление (слова-маркеры: ТОС) – комплекс формальных и неформальных принципов, норм, правил, обуславливающих и регулирующих самоорганизацию жителей города по самостоятельному и под свою ответственность осуществлению собственных инициатив по вопросам местного значения (сектор С2М)⁷;

⁶ Выбраны основные пять из рассмотренных авторами 39 механизмов социального корпоратизма (Шулепов и др., 2020а).

⁷ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021).

– муниципально-частное партнерство (слова-маркеры: государственно-частное партнерство, МЧП, ГЧП) – совокупность форм и механизмов средне- и долгосрочного взаимовыгодного сотрудничества между муниципальным образованием, с одной стороны, и хозяйствующими субъектами, с другой стороны, с целью реализации общественно значимых проектов на территории муниципального образования (сектор В2М);

– инициативное бюджетирование (слова-маркеры: партисипаторное бюджетирование) – это форма непосредственного участия жителей в осуществлении местного самоуправления путем выдвижения инициатив по целям расходования части бюджетных средств с применением механизма софинансирования (сектор С2М).

По текстам стратегий проводится контекстный поиск основных механизмов социального корпоратизма. При наличии в стратегических документах соответствующего механизма городу присваивается один балл. Максимальный рейтинг равен 5 баллам.

На третьем этапе строится матрица «Стратегия – Развитие» и разрабатываются рекомендации по усовершенствованию стратегий социально-экономического развития крупных городов с учетом их особенностей.

Результаты апробации методики

Сегодня в России насчитывается 1117 городов, в том числе 62 крупных города⁸ (городских округа). Именно они составляют выборку данного исследования, поскольку обладают значительным потенциалом и в то же время для них не характерно монопольное положение, присущее мегаполисам.

Одним из основных индикаторов развития города выступает численность его жителей, рассматриваемая в динамике. Прирост жителей города – увеличение численности горожан благодаря определенным факторам, в зависимости от которых выделяют естественный и миграционный приросты. Для выявления демографических тенденций в городе иссле-

⁸ Согласно своду правил «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений» Минстроя РФ к крупным городам относятся города с численностью населения от 250 тыс. до 1 млн чел.

дователи, как правило, учитывают показатели рождаемости, смертности, число выбывших и прибывших жителей. Однако для стратегического планирования целесообразным и достаточным является рассмотрение темпов изменения численности жителей городов, так как этот индикатор отражает как естественный прирост (люди остаются в комфортном для жизни, отдыха и работы городе и расширяют свои семьи), так и миграционный прирост (люди готовы переезжать в комфортный город на постоянное место жительства). Больше людей – больше рынок, больше идей, больше бизнеса и денег, больше разнообразия и возможностей для развития.

Рассмотрим изменение численности населения крупных городов России за последние 10 лет. За этот период в 48 крупных городах⁹ (77,4%) России наблюдалось увеличение численности жителей (включая городское и сельское население), в 14 – снижение. В целом количество населения крупных городов России в период с 2010 по 2019 год увеличилось с 26,1 до 28,0 млн чел. (на 1,9 млн чел., или 7,3%). Данные факты указывают, что процессы урбаниза-

ции в российских крупных городах идут достаточно активно, но неравномерно. В *таблице 1* отражены результаты оценки численности населения в крупных городах России. Здесь и далее представлены города-лидеры по рассматриваемому показателю (первые 10 крупных городов рейтинга) и города-аутсайдеры (последние 10).

В ходе анализа выявлено, что отток населения идет в основном из северных городов (Архангельск, Мурманск) и тех, которые имеют в непосредственной близости крупнейшие или более комфортные крупные города (Тольятти, Владикавказ, Волжский и другие). Наибольшие темпы роста показали города – спутники Москвы (Балашиха, Подольск, Химки), курортные города (Сочи, Новороссийск, Калининград, Севастополь), «добывающие» города (Сургут, Якутск). Балашиха добилась самого высокого прироста населения по сравнению с другими крупными городами России. Здесь следует дать пояснение. В 2015 году к Балашихе был присоединен город Железнодорожный, в котором на тот момент проживало почти 152 тысячи человек. Благодаря этому население самой Бала-

Таблица 1. Оценка численности населения крупных городов России (городское и сельское население)

Города-лидеры		Темпы изменения 2019 г. / 2010 г., %		Города-аутсайдеры		Темпы изменения 2019 г. / 2010 г., %	
Балашиха		245,8 (152,3 с учетом г. Железнодорожного)		Архангельск		99,6	
Подольск		179,5 (137,4 с учетом г. Климовска)		Иваново		99,1	
Тюмень		132,8		Волжский		98,9	
Севастополь*		132,0		Орёл		97,4	
Сочи		125,8		Владикавказ		97,3	
Химки		124,3		Тольятти		97,2	
Сургут		123,4		Брянск		96,8	
Якутск		118,4		Нижний Тагил		96,3	
Калининград		113,4		Курган		93,9	
Новороссийск		113,4		Мурманск		93,7	
Лидеры (увеличение более 10%)		14 крупных городов		Средняки (увеличение от 0 до 10%)		36 крупных городов	
				Аутсайдеры (снижение)		12 крупных городов	
* Темпы изменения 2019 г. / 2015 г., %.							
Источник: База данных показателей муниципальных образований РФ. URL: https://www.gks.ru/dbscripts/munst/ (дата обращения 16.11.2021).							

⁹ Здесь и далее под термином «город» понимаются также и городские округа.

шихи резко возросло с 260,7 тысячи человек в 2015 году до 428,4 тысячи человек в 2016 году. Таким образом, прирост населения Балашихи за последние 10 лет составил 52,3% (с учетом жителей Железнодорожного). В 2015 году город Климовск (56,2 тысячи человек) был включен в состав укрупненного городского округа Подольск. Если учитывать жителей Климовска, то динамика роста численности населения Подольска является значительной (увеличение на 37,4%).

Можно предположить, что в основном рост жителей крупных городов обеспечили миграционные процессы. Это подтверждают результаты исследования миграционных настроений россиян в пределах страны, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ)¹⁰. О переезде на постоянное место жительства в другой город России сейчас задумываются 25% россиян, преимущественно от 25 до 34 лет (40%). Среди выражающих желание переехать в другой населенный пункт России 61% хотели бы переехать в город, а 34% – в загородную местность. Причины, по которым хотят переехать россияне: фактор безработицы или удаленности работы (18%), более высокий уровень жизни в другом населенном пункте (15%), экологические причины (13%), а также предпочтение более благоприятного климата (12%). Некоторые респонденты хотели бы переехать, потому что им не нравится их город или им больше импонирует другой (7%), другие предпочли бы переехать за более качественным образованием (7%) или в попытках расширить горизонт собственных перспектив (7%). Таким образом, потенциальные мигранты должны видеть перспективы развития крупного города, заложенные в качественной стратегии. Важным фактором является закрепление в городе активных жителей, которые могут создавать импульсы для его социально-экономического развития.

Качественная городская бизнес-среда создает и объединяет в себе такие условия для долгосрочного развития города, при которых лю-

дям и бизнесу интересно и выгодно вкладывать время и деньги именно в эту территорию. Она определяется безопасностью, благоустроенностью и дизайном городской среды, экологией, логистикой, доступностью и качеством человеческих ресурсов и специализированного сервиса, инвестиционными стимулами, предсказуемостью и профессионализмом местной политики, системой социальной защиты, функциональным разнообразием и др. Также на бизнес-среду значительное влияние оказывают долгосрочные цели развития города, изложенные в стратегии. Результаты выражаются в создании новых рабочих мест, увеличении налоговых отчислений в муниципальный бюджет, привлечении внебюджетных инвестиций, что в итоге способствует улучшению общей социально-экономической ситуации в городе и росту благосостояния его жителей.

В связи с этим вторым важнейшим индикатором уровня развития города выступает число предприятий и организаций, так как динамика этого критерия показывает, насколько благоприятная бизнес-среда сформирована в городе.

Данные, представленные в *таблице 2*, свидетельствуют, что благоприятная среда для развития бизнеса на сегодняшний день сформирована в 14 российских крупных городах (22,6%). Большую динамику роста показывают города – спутники Москвы (Балашиха, Подольск, Химки). В 48 крупных городах из 62 количество зарегистрированных предприятий и организаций снижалось. В целом по выборке данный показатель за период с 2010 по 2019 год уменьшился на 14,1%¹¹, что говорит о недостаточности усилий, предпринимаемых органами власти в целях создания комфортного предпринимательского климата и популяризации предпринимательства.

Значительные темпы снижения числа предприятий и организаций по данным государственной регистрации за рассматриваемый период наблюдаются в Улан-Удэ (на 50,9%), Махачкале (на 58,2%), Владикавказе (на 66,4%).

¹⁰ Исследование миграционных настроений россиян в пределах страны Всероссийского центра изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9976> (дата обращения 16.11.2021).

¹¹ Пандемия коронавируса в России началась с 02.03.2020.

Таблица 2. Количество предприятий и организаций (по данным государственной регистрации) в крупных городах России

Города-лидеры		Темпы изменения 2019 г. / 2010 г., %		Города-аутсайдеры		Темпы изменения 2019 г. / 2010 г., %	
Балашиха		156,4		Сургут		78,3	
Грозный		129,0		Киров		76,1	
Смоленск		126,6		Йошкар-Ола		75,5	
Химки		125,4		Волжский		74,9	
Набережные Челны		117,2		Тверь		72,3	
Севастополь*		116,0		Мурманск		60,9	
Симферополь*		115,0		Иркутск		51,5	
Якутск		108,8		Улан-Удэ		49,1	
Саранск		108,3		Махачкала		41,8	
Подольск		107,6		Владикавказ		33,6	
Лидеры (увеличение более 10%)	7 крупных городов	Средняки (увеличение от 0 до 10%)	7 крупных городов	Аутсайдеры (снижение)	48 крупных городов		
* Темпы изменения 2019 г. / 2015 г., %. Источники: Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2020: стат. сб. / Росстат. М., 2020. 456 с.; Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. 443 с.; Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016. 442 с.; Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2014: стат. сб. / Росстат. М., 2014. 433 с.; Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2011: стат. сб. / Росстат. М., 2011. 397 с.							

То, каких результатов можно добиться, системно выстраивая партнерство власти, жителей и бизнеса на базе городской стратегии по принципу «выиграл – выиграл», хорошо видно на примере третьего показателя – темпов развития сферы жилищного строительства. Когда жители понимают и разделяют видение будущего города; замечают положительную динамику в развитии инфраструктуры; уверены, что власть открыта к диалогу и уважает горожан, то и свое будущее, а также будущее своих детей и внуков они связывают с городом и вкладываются в покупку (строительство) жилья. Бизнес, основываясь на растущем спросе на недвижимость, начинает развивать производственные мощности и торговлю. Органы власти и управления в результате вовлекают в оборот земельные ресурсы, наращивают капитализацию городской земли (повышая тем самым доступность жилья), обеспечивают качество жилья через согласование проектно-сметной документации, получают новые рабочие места и объекты налогообложения. В итоге растут налоговые отчисления в бюджеты, которые можно направлять на дальнейшее развитие инфраструктуры, благоустройство и повышение качества жизни

горожан. Последовательно раскручивая такой «маховик» из года в год, можно существенно повысить темпы социально-экономического развития города, даже имея ограниченные ресурсы, и наоборот, когда в самых благоприятных условиях жители, бизнес и власть действуют по принципу «лебедь, рак и щука», город будет деградировать, терять население и перспективы.

В таблице 3 приведена оценка ввода в действие жилых домов в крупных городах России. В 39 рассматриваемых городах (62,9%) за 2010–2019 гг. наблюдается увеличение темпов строительства, следовательно, можно говорить о том, что люди планируют связать свою жизнь с этими городами. Однако в 23 городах (37,1% от выборки) ввод в действие жилых домов снижается, что в стратегическом плане является неблагоприятной тенденцией. Незначительные темпы увеличения отмечаются только в трех городах России.

В результате проведенного анализа трех показателей (Citizens – Business – Municipality) хорошо видны направления приложения усилий в стратегическом планировании для разных городов.

Таблица 3. Оценка ввода в действие жилых домов в крупных городах России

Города-лидеры		Темпы изменения 2019 г. / 2010 г., %	Города-аутсайдеры		Темпы изменения 2019 г. / 2010 г., %
Грозный		1386,7	Владивосток		68,8
Севастополь*		541,8	Кострома		66,3
Оренбург		298,7	Томск		56,7
Стерлитамак		291,4	Орёл		56,6
Симферополь*		268,2	Чита		53,2
Йошкар-Ола		229,8	Белгород		39,6
Нижний Тагил		211,7	Улан-Удэ		38,9
Якутск		205,4	Астрахань		35,6
Калуга		205,4	Мурманск		25,6
Курган		205,3	Подольск		10,8
Лидеры (увеличение более 10%)	36 крупных городов	Средняки (увеличение от 0 до 10%)	3 крупных города	Аутсайдеры (снижение)	23 крупных города
* Темпы изменения 2019 г. / 2015 г., %. Источник: База данных показателей муниципальных образований РФ. URL: https://www.gks.ru/dbscripts/munst/ (дата обращения 16.11.2021).					

Для большего обоснования сделанного вывода целесообразно рассмотреть относительные показатели, характеризующие социально-экономическое развитие городов с позиции стратегического планирования. В таблице 4 оценена динамика изменения количества

предприятий и организаций, приходящегося на 1000 жителей города. По сопоставимому показателю лидирующие позиции сохранили города Смоленск и Грозный, тройка аутсайдеров по уровню развития бизнес-среды осталась неизменной.

Таблица 4. Оценка количества предприятий и организаций, приходящегося на 1000 человек жителей крупного города

Города-лидеры		Темпы изменения 2019 г. / 2010 г., %	Города-аутсайдеры		Темпы изменения 2019 г. / 2010 г., %
Смоленск		127,0	Тверь		68,8
Грозный		114,8	Йошкар-Ола		68,6
Симферополь*		114,4	Балашиха		68,3
Набережные Челны		112,8	Мурманск		65,0
Стерлитамак		106,2	Сургут		63,5
Череповец		103,5	Подольск		61,0
Тольятти		101,2	Иркутск		48,7
Химки		100,9	Улан-Удэ		45,5
Саранск		100,9	Махачкала		40,1
Вологда		100,1	Владикавказ		34,5
Лидеры (увеличение более 10%)	4 крупных города	Средняки (увеличение до 10%)	6 крупных городов	Аутсайдеры (снижение)	52 крупных города
* Темпы изменения 2019 г. / 2015 г., % Источники: База данных показателей муниципальных образований РФ. URL: https://www.gks.ru/dbscripts/munst/ (дата обращения 16.11.2021); Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2020: стат. сб. / Росстат. М., 2020. 456 с.; Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. 443 с.; Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016. 442 с.; Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2014: стат. сб. / Росстат. М., 2014. 433 с.; Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2011: стат. сб. / Росстат. М., 2011. 397 с.					

Таблица 5. Оценка ввода в действие жилых домов на 1000 жителей города

Города-лидеры		Темпы изменения 2019 г. / 2010 г., %		Города-аутсайдеры		Темпы изменения 2019 г. / 2010 г., %	
Грозный		1233,9		Орёл		58,2	
Севастополь		410,5		Сочи		56,7	
Стерлитамак		288,5		Томск		51,9	
Оренбург		287,2		Балашиха		49,3	
Симферополь		266,9		Чита		49,1	
Нижний Тагил		219,8		Улан-Удэ		36,0	
Курган		218,8		Белгород		35,9	
Йошкар-Ола		208,7		Астрахань		35,0	
Калуга		200,3		Мурманск		27,3	
Ярославль		195,6		Подольск		6,1	
Лидеры (увеличение более 10%)	32 крупных города	Средняки (увеличение до 10%)	7 крупных городов	Аутсайдеры (снижение)	23 крупных города		
Источник: База данных показателей муниципальных образований РФ. URL: https://www.gks.ru/dbscripts/munsti/ (дата обращения 16.11.2021).							

В таблице 5 представлена оценка динамики изменения ввода в действие жилых домов в квадратных метрах на одного жителя города. По данному относительному показателю основные города-лидеры и города-аутсайдеры практически остались неизменны.

Далее выполним группировку городов по динамике важнейших для стратегического планирования показателей за 2010–2019 гг. (табл. 6). За основу была взята балльная оценка. Если за анализируемый период наблюдалась положительная динамика показателя, то городу присва-

ивался один балл. При противоположной тенденции городу балл не ставился. Таким образом, сформировано 4 группы крупных городов:

- эффективно развивающиеся или успешные города (3 балла; 10 городов);
- города, которые имеют отдельные проблемы в своем развитии, или «догоняющие города» (2 балла; 26 городов);
- города, входящие в зону риска (1 балл; 21 город);
- «умирающие» города (0 баллов; 5 городов).

Таблица 6. Рейтинг крупных городов по динамике важнейших для стратегического планирования показателей за 2010–2019 гг.

Город	Ввод в действие жилых домов	Численность населения	Число предприятий и организаций	Общий балл
Успешные города (3 балла)				
Набережные Челны	1	1	1	3
Севастополь	1	1	1	3
Симферополь	1	1	1	3
Якутск	1	1	1	3
Саранск	1	1	1	3
Грозный	1	1	1	3
Стерлитамак	1	1	1	3
Химки	1	1	1	3
Балашиха	1	1	1	3
Череповец	1	1	1	3
«Догоняющие» города (2 балла)				
Саратов	1	1	проблема	2
Ижевск	1	1	проблема	2
Ульяновск	1	1	проблема	2
Ярославль	1	1	проблема	2

Окончание таблицы 6

Город	Ввод в действие жилых домов	Численность населения	Число предприятий и организаций	Общий балл
Оренбург	1	1	проблема	2
Кемерово	1	1	проблема	2
Рязань	1	1	проблема	2
Чебоксары	1	1	проблема	2
Калининград	1	1	проблема	2
Тула	1	1	проблема	2
Тамбов	1	1	проблема	2
Петрозаводск	1	1	проблема	2
Тюмень	1	1	проблема	2
Барнаул	1	1	проблема	2
Пенза	1	1	проблема	2
Калуга	1	1	проблема	2
Вологда	проблема	1	1	2
Киров	1	1	проблема	2
Белгород	проблема	1	1	2
Сургут	1	1	проблема	2
Тверь	1	1	проблема	2
Подольск	проблема	1	1	2
Нижевартовск	1	1	проблема	2
Новороссийск	1	1	проблема	2
Йошкар-Ола	1	1	проблема	2
Магнитогорск	1	1	проблема	2
Города зоны риска (1 балл)				
Тольятти	1	проблема	проблема	1
Липецк	1	проблема	проблема	1
Хабаровск	проблема	1	проблема	1
Владивосток	проблема	1	проблема	1
Махачкала	проблема	1	проблема	1
Курск	проблема	1	проблема	1
Кострома	проблема	1	проблема	1
Ставрополь	проблема	1	проблема	1
Сочи	проблема	1	проблема	1
Чита	проблема	1	проблема	1
Нижний Тагил	1	проблема	проблема	1
Архангельск	1	проблема	проблема	1
Смоленск	проблема	проблема	1	1
Иркутск	проблема	1	проблема	1
Томск	проблема	1	проблема	1
Новокузнецк	проблема	1	проблема	1
Астрахань	проблема	1	проблема	1
Улан-Удэ	проблема	1	проблема	1
Владимир	проблема	1	проблема	1
Курган	1	проблема	проблема	1
Владикавказ	1	проблема	проблема	1
«Умирающие» города (0 баллов)				
Мурманск	проблема	проблема	проблема	0
Брянск	проблема	проблема	проблема	0
Иваново	проблема	проблема	проблема	0
Волжский	проблема	проблема	проблема	0
Орёл	проблема	проблема	проблема	0
Источник: составлено авторами.				

Таким образом, анализ социально-экономического развития крупных городов России показал, что 10 из них, или только 16,1%, за 2010–2019 гг. можно отнести к эффективно развивающимся. «Догоняющие» лидеры города также занимают значительную долю (42%). Однако все же критичным остается процент (33,9%) городов, которые входят в зону риска и без активизации процессов по их стратегическому развитию могут стать «умирающими». К «умирающим» городам по разработанной автором методике можно отнести пять городов. Все три важнейших показателя их социально-экономического развития за анализируемый период имеют отрицательную динамику.

На втором этапе рассмотрим сформированную базу стратегических документов, в которую

вошли 60 стратегий развития крупных городов (96,8% от всех городов исследуемой группы). Не были найдены стратегические документы у Владикавказа и Балашихи. В контексте социального корпоратизма это обстоятельство является показательным моментом, так как доступность содержания стратегии для жителей города и его бизнес-сообщества выступает необходимым условием при использовании механизмов социального корпоратизма.

Дадим оценку стратегических документов крупных городов России с позиции применения механизмов социального корпоратизма: 4 балла – 6 стратегий (10% из 60 стратегий); 3 балла – 15 стратегий (25%); 2 балла – 19 стратегий (31,6%); 1 балл – 16 стратегий (26,7%); 0 баллов – 4 стратегии (6,7%) (табл. 7). Далее

Таблица 7. Оценка стратегических документов крупных городов России с позиции использования механизмов социального корпоратизма

Город	Дата принятия стратегии	Баллы	Механизмы социального корпоратизма, заложенные в стратегии				
			Проектное управление	Социология города	ТОС	МЧП	Инициативное бюджетирование
Ярославль	03.06.2010 (изм. 07.11.2016)	4	1	1	1	1	нет
Череповец	29.11.2016	4	1	1	1	1	нет
Сочи	проект до 2030 г.	4	1	1	1	1	нет
Киров	24.11.2010	4	1	нет	1	1	1
Брянск	проект до 2030 г.	4	1	нет	1	1	1
Белгород	30.01.2007 (изм. 27.02.2018)	4	1	нет	1	1	1
Чита	22.11.2018	3	1	1	нет	1	нет
Ульяновск	08.09.2015	3	1	нет	1	1	нет
Сургут	08.06.2015	3	1	нет	1	1	нет
Смоленск	проект до 2030 г.	3	1	нет	1	1	нет
Пенза	29.09.2017	3	1	нет	1	1	нет
Новокузнецк	25.12.2018	3	1	1	нет	1	нет
Нижний Тагил	31.01.2019	3	1	нет	1	1	нет
Курган	24.12.2014	3	1	1	нет	1	нет
Иваново	26.12.2008 (изм. 01.07.2015)	3	1	1	1	нет	нет
Владимир	проект до 2030 г.	3	1	1	1	нет	нет
Владивосток	проект до 2030 г.	3	1	нет	1	1	нет
Архангельск	13.02.2019	3	1	нет	1	1	нет
Оренбург	06.09.2011	3	1	нет	1	1	нет
Мурманск	30.05.2012	3	1	1	нет	1	нет
Орёл	03.10.2011	3	1	1	нет	нет	1
Тула	проект до 2030 г.	2	1	нет	нет	1	нет
Томск	27.06.2006 (изм. 07.07.2020)	2	1	нет	нет	1	нет
Тверь	проект до 2030 г.	2	1	нет	нет	1	нет

Окончание таблицы 7

Город	Дата принятия стратегии	Баллы	Механизмы социального корпоратизма, заложенные в стратегии				
			Проектное управление	Социология города	ТОС	МЧП	Инициативное бюджетирование
Стерлитамак	проект до 2030 г.	2	1	1	нет	нет	нет
Севастополь	24.06.2016 (изм. 25.10.2017)	2	1	нет	нет	1	нет
Саратов	16.02.2017	2	1	нет	1	нет	нет
Саранск	30.04.2013 (изм. 27.07.2016, 24.05.2017)	2	1	нет	нет	1	нет
Набережные Челны	07.04.2016 (изм. 07.10.2019)	2	1	нет	нет	1	нет
Магнитогорск	27.11.2018	2	1	нет	нет	1	нет
Липецк	02.08.2016	2	1	1	нет	нет	нет
Курск	19.11.2019	2	1	нет	нет	1	нет
Калуга	21.02.2018	2	1	нет	1	нет	нет
Йошкар-Ола	28.02.2018	2	1	нет	1	нет	нет
Ижевск	14.04.2016	2	1	1	нет	нет	нет
Грозный	30.09.2016	2	1	нет	нет	1	нет
Вологда	30.05.2019 (изм. 27.06.2019)	2	1	нет	1	нет	нет
Астрахань	29.12.2011 (изм. 27.06.2017)	2	1	1	нет	нет	нет
Якутск	06.02.2019	2	1	нет	нет	1	нет
Петрозаводск	18.02.2015	2	1	нет	нет	1	нет
Чебоксары	27.10.2009	1	1	нет	нет	нет	нет
Химки	30.07.2014	1	1	нет	нет	нет	нет
Хабаровск	31.01.2017	1	1	нет	нет	нет	нет
Улан-Удэ	20.12.2018	1	1	нет	нет	нет	нет
Ставрополь	21.07.2017	1	1	нет	нет	нет	нет
Симферополь	проект до 2030 г.	1	1	нет	нет	нет	нет
Рязань	26.03.2009 (изм. 22.04.2010, 18.07.2013, 29.10.2015, 28.01.2016, 26.05.2016, 22.02.2017, 27.04.2017)	1	1	нет	нет	нет	нет
Подольск	28.11.2019	1	1	нет	нет	нет	нет
Махачкала	27.12.2012	1	1	нет	нет	нет	нет
Кострома	28.11.2019	1	1	нет	нет	нет	нет
Кемерово	27.12.2019	1	1	нет	нет	нет	нет
Калининград	09.10.2013	1	1	нет	нет	нет	нет
Иркутск	22.02.2018	1	1	нет	нет	нет	нет
Барнаул	19.12.2013 (изм. 31.08.2017)	1	1	нет	нет	нет	нет
Тюмень	проект до 2030 г.	1	1	нет	нет	нет	нет
Нижевартовск	26.12.2014	1	1	нет	нет	нет	нет
Тамбов	23.05.2012 (изм. 28.05.2015)	0	нет	нет	нет	нет	нет
Тольятти	25.01.2019	0	нет	нет	нет	нет	нет
Новороссийск	16.07.2019	0	нет	нет	нет	нет	нет
Волжский	29.11.2019	0	нет	нет	нет	нет	нет
Владикавказ	–	0	Стратегии развития этих городов не найдены				
Балашиха	–	0					

Источник: составлено авторами.

рассмотрим механизмы социального корпоратизма, заложенные в исследуемых стратегических документах:

а) проектное управление – 56 стратегий (93,3% из 60 стратегий);

б) социология города – 14 стратегий (23,3%);

в) территориальное общественное самоуправление – 20 стратегий (33,3%);

г) муниципально-частное партнерство – 29 стратегий (48,3%);

д) инициативное бюджетирование – 4 стратегии (6,7%).

Таким образом, ни одна из рассмотренных стратегий не получила максимальный балл, равный 5, что говорит о необходимости повышения качества стратегического планирования на уровне крупных городов.

Наиболее часто используемым механизмом социального корпоратизма является проектное управление¹². Наименее часто в стратегиях крупных городов упоминается инициативное бюджетирование. Как было обозначено ранее, практически не применяется социология города (Столбов, Староста, 2017). В этом плане данные социологических исследований разрознены, муниципальная статистика не позволяет получать корректную обратную связь от жителей и бизнеса, проводить качественный анализ происходящих в городе процессов и принимать эффективные управленческие решения. Это направление может и должно стать в ближайшие годы ключевым для применения современных информационных технологий в муниципальном управлении, тем более что сбор первичных данных от жителей и бизнеса из различных источников и баз данных постоянно растет. Инициативное бюджетирование является достаточно распространенной практикой, однако в стратегических документах не находит должного отражения.

Далее рассмотрим, как в стратегических документах крупных городов России соотносятся обозначения механизмов социального корпоратизма с уровнем социально-экономического развития города. Корреляция между этими двумя блоками недостаточно исследована, так как развитие города зависит и от других факторов –

¹² Полученные авторами результаты коррелируют с выводами Б.С. Жихаревича (Жихаревич, Прибышин, 2019).

природно-климатических характеристик, географического расположения и прочих. Однако наглядный вариант представления полученных результатов достаточно интересен (рис. 2).

Таким образом, сформированная авторами матрица показывает неоднородность качества стратегического планирования и динамики социально-экономического развития крупных городов России. Это может свидетельствовать, что все они находятся на разных этапах эволюции развития социального корпоратизма. Следовательно, необходимо использовать различные подходы, инструменты и направления при разработке стратегий городов с учетом их особенностей и потенциала. Так, например, городам, характеризующимся высоким уровнем социально-экономического развития и относительно высоким уровнем социального корпоратизма (зеленый квадрант), в документах стратегического планирования рекомендуется сосредоточиться на формировании собственной идентичности через разработку и реализацию джекпот-проектов¹³. Городам из желтого квадранта целесообразно обратить внимание на повышение качества стратегического планирования, развитие диалога власти, бизнеса и общества путем разработки и реализации городских социально значимых проектов. Города из красных квадрантов характеризуются отрицательной динамикой двух и более ключевых показателей социально-экономического развития и находятся в зоне риска. Они требуют разработки стратегий, являющихся по своей сути антикризисными.

Обсуждение и заключение

Стратегия является важнейшим документом социально-экономического развития крупного города, поэтому она должна разрабатываться на принципах социального корпоратизма, то есть совместно с властью, жителями и бизнесом.

В науке и практике применяются различные методики оценки стратегий развития крупных городов, с использованием как количественных, так и качественных данных. Однако в силу чрезвычайно скудной информационной базы муниципальной статистики и городской социо-

¹³ В статье авторов (Шулепов и др., 2020b) показано, как один (или серия) удачных проектов кардинально изменяют к лучшему условия жизни и динамику развития в городе.

Рис. 2. Матрица «Стратегия – Развитие» крупных городов России

5	–	–	–	–
4	Брянск	Сочи	Ярославль, Белгород, Киров	Череповец
3	Мурманск, Орел, Иваново	Владимир, Курган, Новокузнецк, Владивосток, Чита, Нижний Тагил, Архангельск, Смоленск	Оренбург, Ульяновск, Сургут, Пенза	
2	–	Астрахань, Томск, Липецк, Курск	Ижевск, Йошкар-Ола, Саратов, Тверь Тула, Петрозаводск, Калуга, Вологда, Магнитогорск	Грозный, Набережные Челны, Саранск, Якутск, Севастополь, Стерлитамак
1	–	Иркутск, Улан-Удэ, Хабаровск, Махачкала, Кострома, Ставрополь	Калининград, Кемерово, Рязань, Чебоксары, Барнаул, Подольск, Тюмень, Нижневартовск	Симферополь, Химки
0	Волжский	Владикавказ, Тольятти	Новороссийск, Тамбов	Балашиха
	0	1	2	3

Оценка уровня социально-экономического развития крупного города

Источник: разработано авторами.

логии и ряда других факторов эти инструменты не дают объективного результата, в связи с чем существует необходимость совершенствовать инструменты оценки качества стратегий. В статье авторами предпринята попытка решения этой задачи.

Разработанная методика оценки качества стратегий социально-экономического развития крупных городов способствует применению комплексного подхода – выполняется комплексная оценка по двум уровням: а) применение механизмов социального корпоратизма на основе контекстного анализа; б) социально-

экономического развития крупного города на основе номинального набора показателей. Предлагаемая к применению методика не лишена недостатков, которые авторы видят, но с учетом отдельных допущений она позволяет решать необходимые задачи и является современной.

Сформированная авторами матрица показывает неоднородность качества стратегического планирования и динамики социально-экономического развития крупных городов России. Это подразумевает использование различных подходов, инструментов и направлений

при разработке стратегий городов с учетом их особенностей и потенциала.

Качество стратегий городов разное, при этом можно сделать вывод, что оно в целом характеризует компетентность, интеллектуальный уровень и открытость городской администрации во главе с мэром. В настоящее время в большинстве стратегий сделан упор на анализ и описание текущего состояния города. Явно прослеживается намерение развивать все направления одновременно. Отсюда объемные и сложные документы с большим количеством показателей и отсутствие выделения главного. При этом слабо прописаны пути достижения поставленных целей. Часто муниципальные власти вообще не имеют возможности влиять на заявленные показатели.

Использование различных форм социального корпоратизма в муниципальном стратегическом планировании во многих крупных городах находится на начальном уровне, что ставит вопрос об их разработке (что делать?) и апробации (как делать?).

Предложенный авторами методологический подход соответствует мировым тенденциям развития стратегического планирования, ориентированного на цели устойчивого развития¹⁴.

Разработанный методологический подход к оценке качества стратегий социально-экономического развития крупных городов может применяться для разных муниципальных образований. Однако в сельских поселениях дополнительно к рассмотренным группам добавляется сообщество дачников.

Литература

- Богомолова И.В. (2016). Стратегическое планирование устойчивого развития крупных городов индикативным методом: опыт и перспективы модернизации. Волгоград: ВолГТУ. 253 с.
- Жихаревич Б.С., Лебедева Н.А., Русецкая О.В., Прибышин Т.К. (2017). Стратегии малых городов: территория творчества. СПб.: Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр». 68 с.
- Жихаревич Б.С., Прибышин Т.К. (2019). Стратегии развития городов: российская практика 2014–2019 гг. // *Пространственная экономика*. Т. 15. № 4. С. 184–204.
- Колчинская Е.Э. (2013). Роль стратегического планирования в развитии города: подходы к оценке // *Региональная экономика: теория и практика*. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/ubgtgar2mu/direct/108535368> (дата обращения: 16.11.2021).
- Львов Д.С. [и др.] (2005). Стратегическое управление: Регион. Город. Предприятие. Москва: Экономика. 602 с.
- Манаева И.В. (2020). Формирование методологии стратегирования пространственного развития городов России. СПб: СЗИУ РАНХиГС. 362 с.
- Никонова Я.И., Каркавин М.В., Димаков Е.С. (2008). Организация стратегического планирование устойчивого развития крупных городов: теоретические и методологические аспекты. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 233 с.
- Столбов В. П., Староста П. Ю. (2017). Социология городской среды. М.: ИНФРА-М. 173 с.
- Шулепов Е.Б. (2014). Социальный корпоратизм: теоретические основы и опыт реализации. Вологда: ИСЭРТ РАН. 154 с.
- Шулепов Е.Б., Задумкин К.А., Щербакова А.А. (2020а). Роль социального партнерства в развитии городов и механизмы его формирования // *Проблемы развития территории*. № 4 (108). С. 20–36. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.2
- Шулепов Е.Б., Задумкин К.А., Щербакова А.А. (2020б). К вопросу использования проектного подхода в стратегическом управлении крупным городом // *Проблемы развития территории*. № 2 (106). С. 19–33. DOI: 10.15838/ptd.2020.2.106.2
- Щербакова Н.В. (2009). Методика оценки эффективности развития крупного города // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета*. Экономические

¹⁴ Цели устойчивого развития ООН. URL: <https://sdgs.un.org/goals> (дата обращения 25.02.2022).

науки. № 1 (71). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-otsenki-effektivnosti-razvitiya-krupnogo-goroda> (дата обращения 16.11.2021).

Ямшиков А.С., Руйга И.Р., Землянко М.П. (2017). Инструменты и технологии управления стратегическим развитием крупного города. Новосибирск: ЦРНС. 170 с.

Douay N. (2008). *La planification urbaine à l'épreuve de la métropolisation: enjeux, acteurs et stratégies à Marseille et à Montréal*. Montréal.

Ignatyevskiy V.A., Sovetova N.P. (2020). Social and economic development of the region municipalities in the conditions of digitalization of the economy. In: *Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference "Modern Management Trends and the Digital Economy: from Regional Development to Global Economic Growth" (MTDE 2020)*. DOI: 10.2991/aebmr.k.200502.018

Jacobs J. (1961). *The Death and Life of Great American Cities*. New York: Vintage Books.

Jacobs J. (1970). *The Economy of Cities*. New York: Vintage.

Jacobs J. (1984). *Cities and the Wealth of Nations: Principles of Econ. Life*. New York: Random House, Cop.

Savage M., Warde A. (1993). *Urban Sociology, Capitalism and Modernity*. London: Macmillan.

Schlingmann P., Nordström K. (2015). *Urban Express: 15 Urban Rules to Help You Navigate the New World That's Being Shaped by Women & Cities*. Available at <https://www.bokus.com/bok/9789137146522/urban-express-15-urban-rules-to-help-you-navigate-the-new-world-thats-being-shaped-by-women-cities/>

Сведения об авторах

Евгений Борисович Шулёпов — депутат, Законодательное собрание Вологодской области (160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Пушкинская, д. 1; e-mail: op.r35@edinros.ru)

Константин Алексеевич Задумкин — кандидат экономических наук, доцент, исполнительный директор, Вологодское городское отделение Союза промышленников и предпринимателей Вологодской области (160025, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Конева, д. 15; e-mail: zk00@mail.ru)

Анна Александровна Щербакова — кандидат экономических наук, доцент кафедры, Вологодский государственный университет (160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: annascherbakova@mail.ru)

Shulepov E.B., Zadumkin K.A., Shcherbakova A.A.

Expanding Methodological Approaches to Assessing the Quality of Socio-Economic Development Strategies for Large Cities

Abstract. We substantiate areas of improving the tools designed to assess the quality of socio-economic development strategies for large cities. In particular, we developed and tested a methodology for assessing the quality of socio-economic development strategies for large cities based on the principles of strategic planning and social corporatism. At the first stage, it involves analyzing the dynamics of key indicators of socio-economic development in large cities, reflecting the growth rates of the number of city residents ("Citizens" indicator, provides a comprehensive assessment of the dynamics of development and targets of the urban community); the number of registered enterprises and organizations in the city ("Business" indicator, provides a comprehensive assessment of the dynamics of development and targets of the entrepreneurial community); the volume of housing construction ("Municipality" indicator, provides a comprehensive assessment of the effectiveness of municipal management through land use, interaction with residents and construction companies), as well as the faith of people and investors in the city and its future. At the second stage, we assess the use of five main mechanisms of social corporatism in the development strategies of large cities via contextual analysis: project management, urban sociology, territorial public self-government, municipal-private partnership, participatory budgeting. At each stage,

we arrange large cities into groups in accordance with the criteria under consideration. At the final stage, we design a “Strategy – Development” matrix and put forward proposals for finalizing the strategies of large cities, taking into account their features. The approbation of the methodology has shown the heterogeneity of the quality of strategic planning and the dynamics of socio-economic development in Russia’s large cities. This may indicate that they are all at different stages of development of social corporatism. Therefore, it is necessary to use different approaches, tools and directions when developing city strategies, taking into account their characteristics and potential.

Key words: quality assessment, strategy, development, large city, project management, urban sociology.

Information about the Authors

Evgenii B. Shulepov – Deputy, Vologda Oblast Legislative Assembly (1, Pushkinskaya Street, Vologda, 160000, Russian Federation; e-mail: op.r35@edinros.ru)

Konstantin A. Zadumkin – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, executive director, Vologda City Branch of the Union of Industrialists and Entrepreneurs of the Vologda Oblast (15, Konev Street, Vologda, 160025, Russian Federation; e-mail: zk00@mail.ru)

Anna A. Shcherbakova – Candidate of Sciences (Economics), associate professor of department, Vologda State University (15, Lenin Street, Vologda, 160000, Russian Federation; e-mail: annascherbakova@mail.ru)

Статья поступила 17.11.2021.

Экономический рост и загрязнение окружающей среды в США и России: сравнительный пространственно-эконометрический анализ

**Алексей Николаевич
КУРБАЦКИЙ**

Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация
e-mail: akurbatskiy@gmail.com
ORCID: 0000-0001-6478-8034; ResearcherID: K-4309-2013

**Екатерина Игоревна
ШАКЛЕИНА**

Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация
e-mail: kateshkl99@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5872-6179

Аннотация. Одной из насущных проблем двадцать первого века является загрязнение окружающей среды, неблагоприятное как в локальном, так и глобальном масштабе. Загрязняющие вещества, выбрасываемые в почву, воздух, водные стоки, загрязняют питьевую воду, что приводит к росту количества эпидемических вспышек. Более того, загрязняющие вещества влияют на местные экосистемы. А при изменении динамики экосистемы баланс организмов, которые обеспечивают нас чистым воздухом, нарушается. Основной причиной проблемы загрязнения выступает экономический рост. Он стимулирует интенсивное использование энергии, что приводит к увеличению выбросов CO₂. Необходимо понимать, как при сохранении темпа экономического роста уменьшить уровень выбросов. К текущему моменту страны – лидеры по выбросам имеют принципиально разные структуры экономик, в связи с чем представляется необходимым про-

Для цитирования: Курбацкий А.Н., Шаклеина Е.И. (2022). Экономический рост и загрязнение окружающей среды в США и России: сравнительный пространственно-эконометрический анализ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 2. С. 92–107. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.6

For citation: Kurbatskiy A.N., Shakleina E.I. (2022). Economic growth and environmental pollution in the USA and Russia: Comparative spatial-econometric analysis. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(2), 92–107. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.6

вести для них сравнительный анализ влияния экономического роста на выбросы загрязняющих веществ. В работе рассмотрена ситуация, характерная для регионов России и штатов США за период с 2004 по 2018 год. Для выявления зависимостей использовались пространственные эконометрические модели. Доказано существование пространственной корреляции по уровню выбросов загрязняющих веществ в регионах России и штатах США, подтверждена гипотеза о том, что зависимость выбросов от экономического роста в регионах России имеет вид перевернутой U-образной кривой. Значение поворотной точки ВРП, после достижения которой уровень выбросов загрязняющих веществ будет уменьшаться, показало, что лишь в 10 регионах России при росте ВРП выбросы сокращаются, а большинство регионов находятся на возрастающей части кривой. Для США полученные оценки не являются значимыми, что доказывает первостепенную важность структуры экономики страны в вопросе взаимосвязи загрязнения окружающей среды и экономического роста.

Ключевые слова: выбросы загрязняющих веществ в атмосферу, экономический рост, экологическая кривая Кузнецца, пространственная эконометрика, индекс Морана.

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-68-47030 «Эконометрические и вероятностные методы для анализа финансовых рынков сложной структуры».

Введение

Экономический рост является одной из важнейших характеристик общественного производства в любой хозяйственной системе. После промышленной революции страны мира стремятся к достижению всё более высоких темпов экономического роста с помощью использования существующих, в том числе невозобновляемых, природных ресурсов (Jian et al., 2019). Это приводит к уничтожению лесов, исчезновению рек, загрязнению морей, снижению качества питьевой воды, масштабным изменениям в землепользовании, увеличению выбросов парниковых газов, особенно углекислого газа (CO₂), который играет важную роль в глобальном потеплении и разрушении озонового слоя¹. Стоит отметить, что насыщенность углекислым газом в атмосфере Земли за последние 150 лет выросла с 280 до 400 ppm (частиц на миллион), столь высокого уровня не наблюдалось за последние 400 тыс. лет². В течение XX века средняя глобальная температура поверхности увеличилась на 0,6 °C, уровень моря поднялся на 10–20 см, снежный покров и протяжённость льда уменьшились на 10% (Canas et al., 2003). Таким образом, в настоящее время

перед человечеством стоят две важнейшие задачи — устойчивое экономическое развитие и сохранение окружающей среды.

Экономический прогресс, осуществляемый через поступательное экономическое развитие, является одним из факторов развития страны и представляет собой экономический рост, характеризующийся следующими показателями: рост валового внутреннего продукта и душевого дохода, рост промышленного производства и производительности труда, изменение социальной структуры общества и всей экономики в целом, наличие рынков сбыта и ряд других (Журавлева и др., 2017). При этом на экономический рост оказывают влияние выбросы оксида углерода в атмосферу. Соответственно, для достижения устойчивого развития мы должны учитывать взаимосвязь между экономической деятельностью и качеством окружающей среды (Shikwambana et al., 2021).

Наиболее широко используемым методом анализа взаимосвязи между экономическим ростом и загрязнением окружающей среды является экологическая кривая Кузнецца — перевернутая U-образная зависимость выбросов от экономического роста, рассмотренная в работе (Grossman, Krueger, 1991).

Экологическая кривая Кузнецца (ЭКК) была представлена в докладе World Development Report (1992) как зависимость между концен-

¹ Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC). AR5 synthesis report: Climate change 2014.

² Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC). AR5 synthesis report: Climate change 2015.

трацией диоксида серы в окружающей среде и ВВП на душу населения в 47 городах, расположенных в 31 стране³. ЭКК соответствует перевёрнутой U-образной форме связи между доходом населения и концентрацией диоксида серы.

Теория экологической кривой Кузнецца основывается на эффекте перехода от сельскохозяйственного производства к промышленному. По мере того как промышленное производство в городских районах становится всё более интенсивным, загрязнение среды увеличивается. С повышением уровня доходов тяжёлая промышленность постепенно сворачивается в пользу более высокотехнологичного производства. Данный переход должен сократить загрязнение окружающей среды. Благодаря высокотехнологичному и эффективному производству снижаются выбросы и увеличивается спрос на чистую окружающую среду со стороны потребителей, а также возникает высокий политический интерес в отношении благополучия окружающей среды (Dinda, 2004).

В нашей работе будет проведён сравнительный анализ проблемы взаимосвязи выбросов и экономического роста на примере Соединённых Штатов Америки и России. Согласно данным Всемирного банка, США и Россия занимают лидирующие места по выбросам загрязняющих веществ в пересчёте на душу населения, опережая Китай, Евросоюз и Индию⁴. США является одной из самых развитых экономик мира, Россия представляет собой страну с формирующимся рынком, следовательно, экономическая модель формирования ВВП в них отличается. Однако при этом по уровню выбросов загрязняющих веществ на душу населения страны расположены на соседних позициях. Таким образом, в силу актуальности проблемы экологического загрязнения для России и США сформулирована цель исследования — провести сравнительный анализ взаимосвязи выбросов и экономического роста на региональных данных России и США.

Для достижения поставленной цели были решены следующие исследовательские задачи: проведён сравнительный анализ экологических

проблем в России и США, оценена пространственная корреляция по уровню выбросов загрязняющих веществ на региональных данных для США и России, проверены гипотезы о существовании экологической кривой Кузнецца в двух странах на региональном уровне, выявлены факторы снижения экологической нагрузки, отмечены направления развития экологической политики в США и России.

Далее необходимо отметить работы, которые послужили отправной точкой для нашего исследования.

Обзор литературы

Теме взаимосвязи уровня загрязнения и экономического роста посвящено достаточно много книг и статей. Например, гипотеза о данной взаимосвязи проверялась по 217 странам за период с 1990 по 2014 год (Кудрявцева и др., 2017). Проблема выбросов углекислого газа является одной из актуальных, что также отражено в Киотском протоколе (1997). Именно поэтому уровень выбросов диоксида углерода (CO₂) был взят в качестве меры загрязнения окружающей среды. Исследователи подтвердили гипотезу о существовании перевёрнутой U-образной зависимости экономического роста от выбросов. Таким образом, существует критическая точка перелома между положительным и отрицательным характером зависимости экономического роста от уровня выбросов CO₂. При этом гипотеза принимается для развивающихся стран, для развитых стран зависимость линейная отрицательная. Для проверки гипотез использовалась следующая спецификация уравнения:

$$\ln y_{it} = \alpha + \rho \times \ln y_{i,t-1} + x'_{it} \times \beta + y_1 \times CO_{2it} + y_2 \times CO_{2it}^2 + h_i + \varepsilon_{it}, \quad (1)$$

где y_{it} — ВВП на душу населения, x_{it} — матрица регрессоров, CO_{2it} — выбросы диоксида углерода, h_i — индивидуальные страновые эффекты.

Стоит также отметить, что в качестве метода для эконометрического анализа был выбран обобщённый метод моментов, предложенный (Arellano, Bond, 1991) и используемый для оценки динамических моделей панельных данных. Заметим, что метод позволяет получить достоверные и состоятельные оценки коэффициентов. Основываясь на полученных резуль-

³ World Bank. World development report 1992: Development and the environment.

⁴ URL: <https://data.worldbank.org/>

татах, авторы статьи (Кудрявцева и др., 2017) установили наличие взаимосвязи между уровнем загрязнений и экономическим ростом.

Существуют работы, в которых исследуется гипотеза о существовании экологической кривой Кузнеця и её поворотной точки на данных по России. Так, например, гипотеза была проверена за период с 1998 по 2013 год в работе (Yang et al., 2017). В качестве загрязнителя выступали объемы выбросов парниковых газов. В данной работе рассматривались выбросы от потребления энергии, промышленного производства, сельскохозяйственного производства и неорганические выбросы, также оценены удельные выбросы от чёрной металлургии, производства первичного алюминия и производства цемента. Проверено наличие перевёрнутой U-образной зависимости между ВВП на душу населения и связанными с экономикой выбросами парниковых газов на душу населения. Модель ЭКК, используемая в данном исследовании, выглядит как:

$$Y = \alpha + \beta X + \gamma X^2 + \varepsilon, \quad (2)$$

где Y – показатель изменения окружающей среды, X – показатель экономического развития (ВВП на душу населения в USD в 2005 г.), α, β, γ – коэффициенты X .

Отмечается, что с 1998 по 2008 год общий объем выбросов парниковых газов постепенно увеличивался с 2230 до 2605 млн т CO_2 , ежегодно – на 1,6%. Полученные результаты подтвердили гипотезу экологической кривой Кузнеця. Авторы, основываясь на расчётах, предполагают, что Россия достигнет переломного момента через 10 лет при стабильности темпов экономического развития.

Проблема взаимосвязи выбросов углекислого газа и потребления энергии, реального дохода, международной торговли, уровня образования населения и урбанизации была рассмотрена на российских данных с 1991 по 2016 год. Построена эмпирическая зависимость объема выбросов CO_2 от других факторов (Ketenci, 2018). В работе была подтверждена гипотеза экологической кривой Кузнеця, согласно которой загрязнение окружающей среды снижается после достижения определенного уровня доходов.

Для оценки краткосрочных и долгосрочных взаимосвязей была использована авторегрессионная модель с распределенным лагом. Стоит отметить, что данная модель позволяет анализировать влияние шоков независимых переменных на зависимую при помощи динамических коэффициентов (аналогия с функциями импульсивного отклика в VAR моделях). Основываясь на полученных результатах, авторы исследования сделали вывод о том, что реальные доходы, потребление энергии, уровень образования населения и урбанизации влияют на уровень выбросов углерода, а открытость торговли является незначимым фактором.

Также проблема влияния экономики на окружающую среду была рассмотрена в работе (Дружинин и др., 2018). Авторы проанализировали взаимосвязь выбросов и экономического развития на примере России и Финляндии за период 1990–2017 гг. При этом для учета был взят показатель SO_2 . В работе использовалась мультипликативная функция, связывающая экономические и экологические показатели:

$$E(t) = A(t) \times X_1^\mu(t) \times X_2^{-\eta}(t) \times X_3^v(t), \quad (3)$$

где $E(t)$ – исследуемый экологический показатель (влияние на окружающую среду – отношение выбросов SO_2 к ВВП); $X_j(t)$ – факторы, $A(t)$ – нейтральный экологический прогресс (он показывает снижение уровня загрязнений за счет не включенных в уравнение факторов, прежде всего структурных сдвигов); μ, η, v – постоянные параметры (факторные эластичности); t – год.

Стоит отметить, что в качестве независимых переменных в отношении РФ применялись показатели динамики инвестиций в основной капитал, новое строительство, модернизацию, на охрану атмосферного воздуха, в машины и оборудование и доли промышленности в ВВП. В результате выявлено, что рост доли промышленности в ВВП на 1% приводит к повышению соотношения выбросов SO_2 и ВВП на 0,15%, рост кумулятивных инвестиций в охрану атмосферного воздуха на 1% приводит к снижению соотношения выбросов SO_2 и ВВП на 0,15%, рост инвестиций в машины и оборудование на 1% оказывает влияние на уменьшение соотношения выбросов SO_2 и ВВП на 0,32%.

В качестве независимых переменных в модели для Финляндии взяты показатели динамики промышленного производства, инвестиций в экономику, на охрану атмосферного воздуха, в машины и оборудование и доли промышленности в ВВП в докризисный (1996–2008 гг.) и послекризисный (2009–2015 гг.) периоды. Получено, что рост доли промышленности в ВВП на 1% приводит к увеличению соотношения выбросов SO_2 и ВВП на 2,35%, рост кумулятивных инвестиций в охрану атмосферного воздуха на 1% приводит к снижению соотношения выбросов SO_2 и ВВП на 0,39%, в первом периоде рост инвестиций в экономику на 1% привёл к уменьшению соотношения выбросов SO_2 и ВВП на 1,08%, во втором периоде рост инвестиций в машины и оборудование на 1% способствовал уменьшению соотношения выбросов SO_2 и ВВП на 1,07%.

Влияние экологии на экономический рост в последнее время привлекает внимание исследователей. Загрязнение окружающей среды негативно сказывается на производительности труда. Соответственно, в некоторых работах рассматриваются следующие проблемы: последствия экономического развития для окружающей среды и влияние изменений климата на развитие определенных отраслей экономики. Например, в одной из статей изучена проблема взаимосвязи выбросов вредных веществ от стационарных источников и экономического роста на примере России и ее регионов за период 2000–2011 гг. (Дружинин, Шкиперова, 2014). Сделан вывод о том, что рост экономики приводит к увеличению выбросов парниковых газов, в то время как модернизация и структурные сдвиги в экономике уменьшают их на 4,9% ежегодно.

Для регионов расчеты проводились по линейной и мультипликативной функциям. Результаты показали, что гипотеза ЭКК по выбросам парниковых газов и вредных веществ, отходящих от стационарных источников, для большинства регионов России не подтверждается. Авторы делают вывод, что большая часть регионов по основным показателям экологической нагрузки находится далеко от положения максимума на ЭКК и потенциальный экономический рост может сопровождаться усилением деградации окружающей среды.

Далее рассмотрим проблему взаимосвязи выбросов загрязняющих веществ, потребления энергии и развития экономики на примере стран БРИК за период 1971–2005 гг. (для России 1990–2005 гг.) (Рао, 2010). В статье было выявлено, что в долгосрочной перспективе существует взаимосвязь между выбросами, потреблением энергии и выпуском для стран БРИК. В долгосрочной перспективе эластичность потребления энергии является статистически значимой и оценивается выше для каждой из четырёх стран. Эта эластичность означает высокую чувствительность потребления энергии к изменениям в выбросах. Полученные результаты подтверждают гипотезу экологической кривой Кузнецца, согласно которой выбросы увеличиваются вместе с реальным объемом производства, стабилизируются и затем снижаются. Следовательно, после достижения критического уровня производства увеличение выпуска может привести к сокращению выбросов и росту спроса на качество окружающей среды. Авторы показали, что потребление энергии и реальный объем производства дополняют друг друга, а деградация окружающей среды оказывает лишь случайное воздействие на экономический рост. Таким образом, наилучшая экологическая политика заключается в увеличении инвестиций в энергоснабжение, повышение энергоэффективности и в активизации политики энергосбережения для сокращения ненужных потерь энергии.

Стоит также заметить, что данная проблема была исследована на примере Соединённых Штатов Америки с учётом потребления энергии. Так, в статье (Soytas, et al., 2007) изучено влияние потребления энергии и выпуска продукции на выбросы CO_2 за период с 1960 по 2004 год. Необходимо подчеркнуть, что более ранние исследования в основном были сосредоточены на проверке существования кривой Кузнецца без учёта потребления энергии. В работе (Мотренко, 2011) рассматривалась причинность по Гренджеру между доходом, потреблением энергии и выбросами CO_2 , включая рабочую силу и валовое накопление основного капитала.

Исследователи делают вывод о том, что доход не является причиной выбросов CO_2 в США в долгосрочной перспективе, в отличие от по-

ребления энергии, поэтому США не нужно снижать доходы для сокращения выбросов. Стоит подчеркнуть, что важным аспектом выступает уменьшение потребления энергии. Авторы отмечают отсутствие причинно-следственной связи между потреблением энергии и доходом и делают вывод о том, что в США сокращение потребления энергии может рассматриваться как серьёзная экологическая политика, которая не наносит ущерба долгосрочным перспективами экономического роста (Soytas et al., 2007).

Проблема взаимосвязи загрязнения окружающей среды и экономического роста на примере российских данных с учетом трёх различных видов загрязнителей (CO_2 , SO_2 , NO_2) была проведена в работе (Михалишев, Раскина, 2016). Рассмотрена информационная база данных 79 субъектов Российской Федерации с 2000 по 2013 год, проверена гипотеза о существовании ЭКК.

Внимание было уделено индикатору, характеризующему социально-экономическое положение, ВРП на душу населения, в качестве характеристик экологического уровня рассматривались показатели объемов диоксида азота, диоксида серы, оксидов углерода. В целях оценки влияния внешних факторов и изменчивости экономической конъюнктуры в модель интегрированы коэффициент Джини и доля вклада добавленной стоимости отрасли в совокупный ВРП. В результате эконометрическая модель имеет следующий вид:

$$Y_{it} = \alpha_i + \beta_1 X_{it} + \beta_2 X_{it}^2 + \beta_3 X_{it}^3 + \beta_4 GINI_{it} + \beta_5 STRUCT_{it} + \varepsilon_{it}, \quad (4)$$

где $i = 1, \dots, N$ – регионы, $t = 1, \dots, T$ – годы, $GINI$ – коэффициент Джини, $STRUCT$ – вектор переменных, отвечающих за структуру ВРП.

Полученные посредством моделирования результаты позволили сформулировать следующие выводы:

- лишь малая часть субъектов РФ находится вне области восходящей кривой Кузнеця;
- снижение выбросов сопровождается ростом неравенства (коэффициент Джини);
- зафиксирована эконометрическая незначимость непроизводительного сектора ВРП.

Резюмируя, можно отметить, что социально-экономическое положение субъектов РФ характеризуется низкой устойчивостью в долгосрочной перспективе и несущественно способствует снижению оказываемого экологического давления.

Таким образом, мы видим, что работы о взаимосвязи выбросов CO_2 и экономического роста относительно дискуссионные и противоречивые. В них не рассматривается пространственная автокорреляция факторов на региональном уровне, в том числе факторов загрязнения окружающей среды и региональных доходов.

В большинстве исследований применялись панельные данные для анализа взаимосвязи между экономическим развитием и загрязнением окружающей среды в отношении группы развитых и/или развивающихся государств. Но для корректной оценки необходим учет пространственных корреляций, особенно для крупных стран.

Имеется несколько работ, где использованы пространственно-эконометрические модели. Так, в статье (Xu et al., 2018) проблема была исследована на примере 30 провинций Китая за период 2000–2012 гг. Для проверки гипотезы ЭКК применялось следующее уравнение:

$$\ln CE_{it} = \alpha_0 + \alpha_1 \ln EG_{it} + \alpha_2 \ln EG_{it}^2 + \alpha_3 \ln PSI_{it} + \alpha_4 \ln UR_{it} + \varepsilon_{it}, \quad (5)$$

где CE – выбросы углерода, выраженные в тоннах, UR – уровень урбанизации, выраженный в процентах, EG – валовый внутренний продукт на душу населения, выраженный в 100 000 Yuan/km², PSI – доля вторичной промышленности, выраженная в процентах.

В статье авторы использовали для анализа взаимосвязи между экономическим ростом и выбросами CO_2 модели:

- пространственной авторегрессии (SAR) фиксированных эффектов:

$$\ln CE_{it} = \alpha_0 + \alpha_1 \ln EG_{it} + \alpha_2 \ln EG_{it}^2 + \alpha_3 \ln PSI_{it} + \alpha_4 \ln UR_{it} + \rho W \ln CE_{it} + \varepsilon_{it}, \quad (6)$$

где W – пространственная матрица, ρ – пространственный автокорреляционный коэффициент, который отражает величину и направление пространственной корреляции;

• модель регрессии пространственных ошибок (SER) фиксированных эффектов:

$$\ln CE_{it} = \alpha_0 + \alpha_1 \ln EG_{it} + \alpha_2 \ln EG_{it}^2 + \alpha_3 \ln PSI_{it} + \alpha_4 \ln UR_{it} + \varepsilon_{it}, \quad (7)$$

$$\varepsilon_{it} = \lambda W \varepsilon_{it} + \gamma_{it},$$

где λ отражает пространственную зависимость оцениваемого региона от соседних,

ε_{it} – остаток, подчиняющийся нормальному распределению.

На основе полученных результатов исследователи показали, что ЭКК имеет перевернутую U-образную форму взаимосвязи выбросов CO₂ и экономического роста в Китае. Более того, существует значительная пространственная корреляция между выбросами углерода и экономическим ростом, то есть на выбросы углерода в провинции влияют выбросы из соседних провинций. Авторы отмечают, что увеличение выбросов углерода на 1% в соседней провинции может привести к увеличению выбросов углерода на 0,028% в местной провинции. Когда экономический рост достигнет 279,91 млн юаней на единицу ВВП, то противоречие между экономическим ростом и выбросами углерода будет постепенно устранено. Заметим, что в настоящее время в Китае только несколько хорошо развитых провинций или городов провинциального уровня, таких как Тяньзинь, Пекин, Шанхай и Цзяну, достигли этой точки перегиба (Xu et al., 2018).

Анализ с учётом пространственной взаимосвязи российских регионов был проведен в статье В. Ивановой. В ней исследуется зависимость уровня экологического загрязнения окружающей среды от индикатора, характеризующего социально-экономическое положение населения в субъектах РФ, – уровня располагаемого дохода на душу населения (Иванова, 2019).

В качестве основного уравнения использована эконометрическая модель с временным трендом и индивидуальными эффектами:

$$Y = \alpha + \beta_1 \ln GRP + \beta_2 \ln GRP^2 + X' \delta + \gamma t + \varepsilon, \quad (8)$$

где Y – выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников в пересчёте на душу населения (кг),

$\ln GRP$ – валовый региональный продукт на душу населения (руб.), логарифм,

α – индивидуальные эффекты регионов,

X' – векторы-строки объясняющих переменных,

δ – вектор коэффициентов,

t – временный тренд, $e \sim i.i.d. N(0, \sigma^2)$.

В целях количественной оценки тесноты взаимосвязи значений показателя x для близко расположенных регионов использовался глобальный индекс пространственной автокорреляции Морана I .

Полученные индексы Морана для логарифмов среднедушевых выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, исходящих от стационарных источников, статистически значимы. Следовательно, зависимая переменная в уравнении является пространственно автокоррелированной. Подтвердилось предположение о том, что загрязнение регионов обусловлено их расположением относительно друг друга.

В работе В. Ивановой были рассмотрены две регрессионные модели:

• Пространственная авторегрессионная модель, включающая пространственный лаг зависимой переменной (далее – SAR):

$$Y = \alpha + \rho WY + \beta_1 \ln GRP + \beta_2 \ln GRP^2 + X' \delta + \gamma t + \varepsilon, \quad (9)$$

• Модель с пространственной ошибкой (далее – SEM):

$$Y = \alpha + \beta_1 \ln GRP + \beta_2 \ln GRP^2 + X' \delta + \gamma t + \varepsilon', \quad (10)$$

$$\varepsilon = \lambda W \varepsilon + \varepsilon'$$

где W – матрица пространственных весов, X – матрица контрольных переменных ρ и λ . В качестве контрольных переменных использовались:

$\ln Elc$ – потребление электроэнергии в пересчёте на душу населения (тыс. кВт/ч),

$\ln Gini$, $\ln Gini^2$ – коэффициент Джини (индекс концентрации доходов),

$Manf$ – доля обрабатывающих производств в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости,

$Ming$ – доля добычи полезных ископаемых в отраслевой структуре добавленной стоимости.

Основанная на пространственном тесте множителей Лагранжа модель SAR оказалась предпочтительнее.

Результаты исследования подтвердили гипотезу о перевёрнутой U-образной зависимости между выбросами в окружающую среду и среднедушевым ВРП. Значение переломного уровня дохода демонстрирует, что для большинства регионов свойственен рост объемов загрязняющих веществ при увеличении доходов.

Соответственно, проблема взаимосвязи экономического роста и загрязнения окружающей среды действительно существует. Экономическое развитие, которое влияет на исчерпание природных ресурсов, не может быть устойчивым в долгосрочной перспективе. С.Н. Бобылев рассматривает новые модели экономики, связанные с учетом экологических факторов: экономика на основе «зеленого» роста (green economy), низкоуглеродная (low-carbon economy), синяя (blue economy), биоэкономика (bioeconomy) и др. (Бобылёв, 2019). Также он указывает долгосрочные задачи развития экономики России: переход к устойчивому развитию, замена экспортно-сырьевой модели на модель с четко обозначенными экологическими приоритетами, а также развитие человеческого капитала. Автор считает, что для развития экономики России необходимо принять собственную стратегию устойчивого развития, в которой важное место должна занять новая модель экономики; разработать систему целей устойчивого развития с соответствующими индикаторами на длительную перспективу с учетом международного опыта и соглашений, в которых участвует Россия.

Методика и данные

В проводимом нами исследовании использовались панельные данные. Для проверки существования пространственной зависимости в данных был проведён тест Морана. Значение индекса Морана находится по формуле:

$$I = \frac{\sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n w_{ij} (x_i - \bar{x})(x_j - \bar{x})}{\frac{1}{n} \sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2 \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n w_{ij}}, \quad (11)$$

где w_{ij} – пространственные веса, являющиеся (i, j)-ми элементами пространственной матрицы W ,

x_i и x_j – значения переменных в регионах i и j ,
 \bar{x} – среднее значение,
 n – количество регионов.

Пространственные веса w_{ij} являются компаративной характеристикой регионов, при большем значении весового коэффициента отмечается большая схожесть расположения территорий.

В случае положительного индекса Морана пространственная зависимость для переменных положительная, в противном случае отрицательная, при нулевом уровне – отсутствует (Жукова и др., 2016).

Идентификация весовых коэффициентов, характеризующих уровень пространственного воздействия индикаторов других регионов на значения индикатора рассматриваемого региона, является одним из главных факторов пространственного анализа данных. Весовые коэффициенты определяются посредством матрицы, основанной на смежности или на расстоянии. Расстояния между регионами устанавливаются как расстояния между центроидами или региональными центрами (Иванова, 2019). Для построения пространственной матрицы нами были использованы обратные географические расстояния.

В исследовании построена модель с пространственным лагом и пространственной структурой в ошибках (SAC – Spatial Autoregressive Combined):

$$Y = \lambda \times (W \times y)_{it} + X_{it} \times \beta + \epsilon_{it}, \quad (12)$$

$$\epsilon_{it} = \rho \times (W \times \epsilon)_{it} + u_{it}, \quad u_{it} \sim N(0, \sigma_u^2 I_n),$$

где $Y = (y_1, \dots, y_n)^T$ – вектор размерности $n \times 1$ значений эндогенной переменной для каждой единицы выборки,

λ – коэффициент пространственной авторегрессии,

n – число элементов (т. е. территориальных систем) выборки,

ρ – коэффициент авторегрессии,

ϵ_{it} – вектор ошибок ($n \times 1$), предполагающий автокорреляцию,

$W = (w_{ij})_{i=1, j=1}^{n, n}$ – пространственная взвешивающая матрица размером $n \times n$, WY – пространственный лаг зависимой переменной,

$X = (x_{ij})_{i=1, j=1}^{n, k}$ – матрица объясняющих переменных размером $n \times k$, k – число объясняющих переменных,

β – вектор размерности $k \times 1$ оцениваемых параметров, отражающих влияние объясняющих переменных на зависимую переменную,

$u_{it} = (u_1, \dots, u_n)^T$ – вектор $n \times 1$ остатков модели, относительно которых здесь и далее предполагается, что они одинаково и независимо распределены с нулевым средним и дисперсией σ^2 , т. е. $\varepsilon \sim N(0, \sigma^2, I_n)$, I_n – единичная матрица размером $n \times n$.

Расчёты проводились с помощью статистического пакета R.

Данные для исследования взяты с сайтов Агентства по охране окружающей среды Соединенных Штатов Америки⁵, бюро экономического анализа США⁶ и Федеральной службы государственной статистики России⁷.

Результаты исследования и их анализ

Перед построением моделей были проанализированы регионы России и США с наибольшим и наименьшим уровнем загрязнения.

В 2018 году выбросы CO_2 в штате Вайоминг составили 110 тонн на душу населения, что является самым высоким показателем в США. Согласно Управлению по энергетической информации (EIA), штат выступает крупным производителем угля, природного газа и сырой нефти. Также одним из наиболее загрязнённых штатов является Северная Дакота. В 2018 году выбросы в нем составили 77 тонн на душу населения. Он входит в десятку крупнейших угледобывающих штатов США и обеспечивает почти 4% добычи угля в стране⁸.

В России наибольший уровень выбросов загрязняющих веществ был равен 1,6 тонны на душу населения (Ямало-Ненецкий автономный округ). Согласно докладу «Об экологической ситуации в Ямало-Ненецком автономном округе в 2017 году», главными источниками загрязнения стали нефтедобывающие и газодобывающие предприятия⁹.

Таким образом, как в штатах США, так и в регионах России основной причиной высокого уровня выбросов является добывающая промышленность.

⁵ United States Environmental Protection Agency. URL: <https://www.epa.gov/>

⁶ The Bureau of Economic Analysis (BEA). URL: <https://www.bea.gov/>

⁷ URL: <https://rosstat.gov.ru/>

⁸ Управление по энергетической информации. URL: <https://www.eia.gov>

⁹ Об экологической ситуации в Ямало-Ненецком автономном округе в 2017 году: государственный доклад. Салехард, 2018.

Что касается регионов с наименьшим уровнем выбросов CO_2 на душу населения, то в 2018 году в США таковыми были штаты Мэриленд и Нью-Йорк с показателями 7,7 и 7,8 тонны соответственно. Согласно Управлению по энергетической информации (EIA), в Нью-Йорке с населением почти 20 миллионов человек один из самых низких показателей выбросов CO_2 на душу населения – около 8 тонн на душу населения. Нельзя не заметить, что экономика Нью-Йорка ориентирована на деятельность с низким энергопотреблением (например, финансовые рынки)¹⁰.

В России наименьшее значение наблюдалось в 2018 году в Республике Ингушетии – 0,002 тонны на душу населения. Было замечено, что большинство регионов с низким уровнем выбросов загрязняющих веществ располагаются на юге России (Северо-Кавказский федеральный округ) и являются наименее экономически развитыми. Также низкие показатели зафиксированы в Москве и Санкт-Петербурге. Это и неудивительно, так как в данных городах наблюдается самая высокая плотность населения: Москва – 4 925,9 чел. на 1 кв. км, Санкт-Петербург – 3 741,5 чел. на 1 кв. км.

Следующим шагом для анализа пространственной зависимости между регионами по уровню выбросов загрязняющих веществ стало нахождение индекса пространственной автокорреляции Морана (*табл. 1*).

Видно, что в России и США существует пространственная корреляция по зависимой переменной, то есть выбросы загрязняющих веществ являются значимыми (при уровне значимости 0,1). Соответственно, уровень выбросов в одном регионе тесно связан с уровнем выбросов в другом, поэтому далее построены пространственные модели для экологической кривой Кузнеця:

1) для штатов США:

$$Y = \lambda \times W \times y + \beta_1 \times \ln GDP + \beta_2 \times \ln GDP^2 + \beta_3 \times (Min) + \beta_4 \times (Man) + \beta_5 \times \ln In + \beta_6 \times \ln EI + u \quad , \quad (13)$$

$$u = pWu + \varepsilon,$$

¹⁰ Управление по энергетической информации. URL: <https://www.eia.gov>

Таблица 1. Индекс Морана и р-значение по зависимой переменной «выбросы загрязняющих веществ» в США и России (по годам)

Год	Матрица обратных расстояний США		Матрица обратных расстояний России	
	Индекс Морана	P-value	Индекс Морана	P-value
2004	-0.017	0.740	-0.011	0.802
2005	-0.016	0.66	-0.01	0.748
2006	-0.017	0.703	-0.011	0.771
2007	-0.016	0.675	-0.011	0.783
2008	-0.015	0.612	-0.009	0.649
2009	-0.013	0.455	-0.009	0.646
2010	-0.013	0.489	-0.007	0.505
2011	-0.013	0.49	-0.007	0.506
2012	-0.014	0.516	-0.008	0.587
2013	-0.012	0.439	-0.007	0.488
2014	-0.012	0.432	-0.007	0.463
2015	-0.014	0.518	-0.007	0.485
2016	-0.014	0.561	-0.007	0.492
2017	-0.014	0.561	-0.009	0.605
2018	-0.015	0.595	-0.010	0.731

Источник: составлено автором на основе данных Управления по энергетической информации (<https://www.eia.gov>), Бюро экономического анализа США (<https://www.bea.gov>), Федеральной службы государственной статистики России (<https://rosstat.gov.ru/>).

где Y – зависимая переменная (выбросы углекислого газа на душу населения, связанные с энергетикой (метрические тонны)), W – матрица пространственных весов, λ и ρ – пространственные параметры. В качестве объясняющих переменных были использованы следующие:

$\ln GDP$ – реальный ВВП по штатам на душу населения (в ценах 2012 года, млн долл.);

(Min) – доля добычи полезных ископаемых в отраслевой структуре ВВП по штатам;

(Man) – доля обрабатывающих производств в структуре ВВП по штатам;

$\ln(In)$ – располагаемый доход на душу населения (долл.);

$\ln(EI)$ – потребление энергии в пересчёте на душу населения (млн БТЕ);

2) для регионов России:

$$Y = \lambda \times W \times y +$$

$$+ \beta_1 \times \ln GRP + \beta_2 \times \ln GRP^2 + \beta_3 \times (Min) + + \beta_4 \times (Man) + \beta_5 \times \ln In + \beta_6 \times \ln EI + u \quad (14)$$

$$u = \rho W u + \varepsilon,$$

где Y – зависимая переменная (выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух,ходящих от стационарных источников на душу населения (t)), W – матрица пространственных весов, λ и ρ – пространственные параметры. В качестве объясняющих переменных были использованы следующие:

$\ln GRP$ – валовой региональный продукт на душу населения (в ценах 2012 года, млн руб.);

(Min) – доля добычи полезных ископаемых в отраслевой структуре валового регионального продукта;

(Man) – доля обрабатывающих производств в структуре валового регионального продукта;

$\ln In$ – среднедушевые денежные доходы населения (тыс. руб.);

$\ln EI$ – потребление электроэнергии в пересчёте на душу населения (тыс. кВтч).

Стоит отметить, что зависимые переменные в США и России отличаются. Для данных США был взят показатель выбросов CO_2 , связанных с энергетикой. Они возникают в результате потребления ископаемых видов топлива во всех секторах, включая жилой, коммерческий, про-

мышленный, а также в ходе потребления электроэнергии для производства. В качестве зависимой переменной для анализа региональных данных по России был взят показатель «выбросы загрязняющих атмосферу веществ от стационарных источников». В него включаются следующие загрязняющие вещества: диоксид серы, оксиды азота, оксид углерода, углеводороды с учетом летучих органических соединений. Различия в зависимых переменных, взятых для анализа, обусловлены тем, что методологии учета выбросов загрязняющих веществ в США и России отличаются.

Результаты полученных моделей приведены в *таблице 2*.

Коэффициенты пространственной авторегрессии значимы в обеих моделях, следовательно, существует взаимозависимость уровня загрязнений соседних регионов как в России, так и в США.

В модели, построенной на основе данных регионов России, коэффициенты при всех переменных, кроме *Min* и *Man*, статистически значимы. В США – коэффициенты при переменных *Min*, *Man*, $\ln(EI)$ статистически значимы. Оценки в *таблице 2* не могут быть интерпретированы напрямую, потому что для полученных коэффициентов необходимо учитывать спецификацию пространственной регрессии. Если в моделях есть лаги зависимой переменной или независимых переменных, то на зависимую переменную в *i*-м регионе (штате) оказывают влияние не только его регрессо-

ры, но и показатели других регионов (штатов). Для корректной интерпретации коэффициентов используются прямые и косвенные эффекты. Прямой эффект – это влияние экзогенных переменных, которые относятся к *i*-му штату, на объясняемую переменную λ и *i*-ого штата. Стоит отметить, что в простейших моделях это коэффициент β перед переменной. Если в уравнениях есть лаги *X* и *Y*, то прямой эффект рассчитывается как среднее значение диагональных элементов матрицы $(I - \rho \times W)^{-1} - \beta_i$, где *I* – единичная матрица размера *N* (число штатов), а *W* – матрица весов (матрица обратных расстояний). Косвенный эффект – это воздействие независимых переменных, которые относятся к *i*-му штату, на зависимую переменную *j*-ого штата. Данный эффект рассчитывается как среднее значение недиагональных элементов матрицы $(I - \rho \times W)^{-1} - \beta_i$.

Специфика данной модели заключается в том, что правая часть уравнения включает пространственный лаг эндогенной переменной ($\lambda \times W \times y$). Коэффициенты при независимых переменных нельзя интерпретировать напрямую, для этого нужны прямые и косвенные эффекты, которые и были вычислены на следующем шаге.

Согласно данным *таблицы 3*, коэффициент при переменной «Доля добычи полезных ископаемых» в обеих странах значим. Соответственно, как в России, так и в США эта отрасль экономики оказывает влияние на выбросы загрязняющих веществ.

Таблица 2. Оценки модели SAC-FE

	Коэффициент		Стандартная ошибка	
	США	Россия	США	Россия
Пространственный коэффициент	0.18	-0.56	-	
Пространственный авторегрессионный коэффициент	-0.66**	1.18**	(0.09)	(-0.35)
Регрессоры				
<i>Доля добычи полезных ископаемых</i>	0.00**	0.00	(0.00)	(0.00)
<i>Доля обрабатывающих производств</i>	0.01***	0.00	(0.00)	(0.00)
$\ln(\text{Валовой региональный продукт})$	-0.69	-1.43***	(-2.71)	(-0.35)
$(\ln(\text{Валовой региональный продукт}))^2$	-0.02	0.05***	(-0.12)	(-0.01)
$\ln(\text{Среднедушевые доходы})$	0.11	0.21**	(-0.07)	(-0.06)
$\ln(\text{Потребление электроэнергии})$	0.85***	-0.46**	(-0.04)	(-0.14)
Примечание: *** – $p < 0.001$; ** – $p < 0.01$; * – $p < 0.05$; . – $p < 0.1$. Источник: составлено автором на основе данных Управления по энергетической информации (https://www.eia.gov), Бюро экономического анализа США (https://www.bea.gov), Федеральной службы государственной статистики России (https://rosstat.gov.ru/).				

Таблица 3. Величины прямых и косвенных эффектов

	Прямой эффект		Косвенный эффект	
	США	Россия	США	Россия
Доля добычи полезных ископаемых	0.005*	0.03***	0.01	0.00
Доля обрабатывающих производств	0.01***	0.01*	0.01.	0.00
$\ln(\text{Валовой региональный продукт})$	-0.71	2.85***	-1.31	-0.35
$(\ln(\text{Валовой региональный продукт}))^2$	0.02	-0.11***	0.04	0.01
$\ln(\text{Среднедушевые доходы})$	0.11	-0.54***	0.2	0.07
$\ln(\text{Потребление электроэнергии})$	0.88***	1.28***	1.62.	-0.16

Примечание: *** – $p < 0.001$; ** – $p < 0.01$; * – $p < 0.05$; . – $p < 0.1$.
 Источник: составлено автором на основе данных Управления по энергетической информации (<https://www.eia.gov>), Бюро экономического анализа США (<https://www.bea.gov>), Федеральной службы государственной статистики России (<https://rosstat.gov.ru/>).

Действительно, добывающая отрасль вносит большой вклад в количество выбросов загрязняющих веществ (Addison, 2018). При сжигании нефти и газа в атмосферу выделяется большое количество CH_4 (метан), C_2H_6 (этан), а также CO_2 (углекислый газ).

Также в обеих странах значим коэффициент при переменной «Доля обрабатывающих производств». Соответственно, обрабатывающее производство оказывает значимое влияние на выбросы как в США, так и в России.

Более того, данная отрасль влияет на выбросы не только в конкретном штате, но и в соседних. Так, резкое увеличение стоимости природного газа в одном штате может привести к внедрению новых энергоэффективных технологий, что, в свою очередь, окажет влияние на уменьшение выбросов и повышение уровня жизни населения. В долгосрочной перспективе это способно повлиять на производства, расположенные в соседних штатах. Они могут последовать примеру и также внедрить более энергоэффективные технологии с целью сокращения потребления энергии и уменьшения уровня выбросов. Соответственно, изменения в обрабатывающей промышленности в данном штате повлияют на изменения выбросов и в других.

Что касается переменной ВРП региона (или ВВП штата), то в США эта переменная не является значимой. Можно предположить, что отсутствие воздействия данного показателя на выбросы связано с тем, что основные отрасли, оказывающие влияние на выбросы углекислого газа (добывающая и обрабатывающая промышленность), не вносят значимый вклад в

ВВП штата. Таким образом, гипотеза о существовании экологической кривой Кузнецца на данных штатов США не подтвердилась. То есть уровень выбросов углекислого газа не зависит от экономического роста штата. Следовательно, изменение структуры экономики посредством сокращения доли обрабатывающей и добывающей промышленности не оказывает значимого влияния на темпы развития экономики, но при этом влечёт сокращение выбросов в США.

Однако для России переменная ВРП оказалась значимой. Результаты оценивания модели подтвердили наличие ЭКК, то есть существует перевернутая U-образная зависимость выбросов загрязняющих веществ от ВРП в регионах России. Переменная $(\ln\text{GDP})^2$ значима, следовательно, изменение данного показателя оказывает влияние на изменение выбросов углекислого газа. Далее была найдена поворотная точка ВРП, после достижения которой уровень выбросов загрязняющих веществ будет уменьшаться. Для расчёта поворотной точки были взяты найденные значения прямых эффектов $(\ln\text{GRP})$ и $(\ln\text{GRP})^2$. Результат был равен 581 602 (в ценах 2012 года, руб.).

Соответственно, в 10 регионах из 75 среднегодовой ВРП на душу населения за период 2004–2018 г. превышает данное значение. Большие значения показателя характерны для города Москвы и регионов с сырьевой экспортно-ориентированной экономикой. Большинство из них характеризуются высокой долей добычи полезных ископаемых в структуре ВРП. Так, например, в Магаданской области в 2018 году доля добывающей отрасли в структуре ВРП составила 37%.

Таким образом, значение поворотной точки ВРП, полученное за данный период времени, нельзя считать легко достижимым для многих регионов России.

Соответственно, продолжающаяся зависимость России от энергоемких видов производства не только представляет собой проблему для российской экономики в будущем, но и, как ожидается, усугубит последствия, с которыми она сталкивается в результате изменения климата. Следовательно, необходимо предпринимать меры для сокращения выбросов парниковых газов и сохранения окружающей среды. Попробуем выделить основные меры.

В первую очередь, необходимо пересмотреть цель по сокращению выбросов к 2030 году. Так, можно попытаться учесть опыт стран ЕС, которые обязались к 2030 году сократить выбросы в атмосферу на 55%. Также во многих странах существует политика торговли квотами, то есть устанавливается лимит на выбросы углекислого газа. Государственное учреждение устанавливает «предел» выбросов, которые могут производиться в его юрисдикции, и компаниям предоставляются квоты на выбросы углерода. Эти квоты могут быть использованы или проданы другим компаниям. Можно поставить вопрос об установке более жестких требований по выбросам парниковых газов. Так, например, можно принять решение об углеродном налоге, то есть ввести плату за сжигание топлива на основе углерода. Стоит отметить, что данный налог учтен в политике многих развитых стран с целью сокращения использования ископаемого топлива, сжигание которого наносит вред окружающей среде. Правительство РФ в конце 2021 года приступило к обсуждению этого вопроса.

Во-вторых, стоит постепенно уменьшать выбросы угольной электроэнергии. Вместо этого необходимо развивать иные источники энергии, например солнечные, ветряные, приливные, геотермальные. Для развития альтернативных источников необходимо инвестирование со стороны государства.

В-третьих, следует принимать меры в области сельского и лесного хозяйства, то есть увеличивать объем поглощения CO_2 за счёт новых лесопосадок и снижать выбросы N_2O путем уменьшения используемых объемов удобрений.

В-четвёртых, для сокращения выбросов нужно увеличить количество установок по улавливанию свалочного газа. Свалочный газ является возобновляемым источником энергии. Чтобы газ не рассеивался в атмосфере, его можно улавливать, перерабатывать и использовать.

Заключение

Глобальное потепление является одной из самых серьезных проблем в мире на сегодняшний день. Считается, что причиной экологических проблем выступает экономический рост: увеличение объемов производства влечёт рост уровня выбросов.

В статье оценивается влияние добычи полезных ископаемых, обрабатывающего производства, денежного дохода на душу населения, потребления электроэнергии на загрязнение воздуха (выбросы загрязняющих веществ) в двух странах. Несомненно, что на загрязнение воздуха даже на региональном уровне влияет и политика государств, в том числе стран-соседей. Очевидная сложность заключается в том, что странам трудно согласовать общие подходы к разрешению проблемы загрязнения окружающей среды, в частности воздуха. Ситуация усугубляется сложной международной обстановкой, когда многие соглашения пересматриваются, а страны выходят из договоров. Примером служит Парижское соглашение. Нельзя не отметить тот позитивный факт, что текущие позиции президентов РФ и США в этом вопросе в целом не противоречат друг другу.

В результате проведенного анализа было выявлено, что экономический рост может не оказывать влияния на уровень загрязнения (например, в США). В качестве мер политики в США можно рассматривать сокращение обрабатывающей и добывающей промышленности, т. к. оно не скажется на темпах развития экономики США. Также стоит отметить, что использование энергоэффективных технологий и возобновляемых источников энергии приведёт к уменьшению уровня выбросов загрязняющих веществ.

В регионах России была получена U-образная зависимость выбросов загрязняющих веществ от ВРП региона за период с 2004 по 2018 год. Но расчётное значение поворотной точки ВРП, по достижению которой выбросы загряз-

няющих веществ должны начать сокращаться, для субъектов России оказалось достаточно высоким, и лишь в 10 из них уровень выбросов при достижении данного значения уменьшается. Таким образом, подтверждение гипотезы о существовании экологической кривой Кузнеця на российских данных является условным. Регионам с высоким уровнем ВРП соответствует высокий уровень выбросов, так как они имеют значимую сырьевую базу.

Следовательно, экономический рост регионов России не может быть определён как стабильный в долгосрочной перспективе и способствующий уменьшению оказываемого на окружающую среду давления. Основной причиной является сырьевая зависимость российской экономики. Меры по декарбонизации достаточно очевидны: использование высокоэффективных, «чистых» технологий в добывающем секторе экономики, энергосберегающих техно-

логий в обрабатывающем секторе, а также осуществление диверсификации экономики. Тем не менее, их интенсивная реализация остаётся крайне трудной задачей.

В заключение хотелось бы отметить, что результаты работы могут помочь при моделировании регионального экономического роста с учетом тенденций в экологической политике. Чем точнее будут оценки коэффициентов факторов, рассмотренных в модели, тем конкретнее можно сформулировать предположения о необходимых мерах региональной политики и их влиянии на экономический рост, а также спрогнозировать уровни загрязнения. Подход к этому вопросу в США полезен и для России, несмотря на принципиальные различия экономик двух стран. Полученные выводы могут оказаться полезными для согласованной экологической политики на федеральном и региональном уровнях.

Литература

- Бобылёв С.Н. (2019). Новые модели экономики и индикаторы устойчивого развития // Экономическое возрождение России. № 3. С. 23–29.
- Дружинин П.В., Шкиперова Г.Т. (2014). Оценка взаимовлияния экономических и экологических процессов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 2 (32). С. 213–224.
- Дружинин П.В., Шкиперова Г.Т., Поташева О.В. (2018). Экологическая кривая Кузнеця: случай России и Финляндии // Экономика: вчера, сегодня, завтра. Т. 8. № 11а. С. 83–97.
- Жукова А.К., Силаев А.М., Силаева М.В. (2016). Анализ ожидаемой продолжительности жизни с учетом пространственной зависимости по регионам России // Пространственная экономика. № 4. С. 112–128.
- Журавлева Т.А., Семенова Е.М., Павлов К.В. (2017). Экономический рост и проблемы экологии в России // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. № 2 (1). С. 188–195.
- Иванова В. (2019). ВРП и загрязнение окружающей среды в регионах России: пространственно-эконометрический анализ // Квантиль. № 14. С. 53–62.
- Кудрявцева О.В., Иванов Е.В., Колесник Д.П. [и др.] (2017). Оценка влияния уровня загрязнения окружающей среды на экономический рост // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. Т. 9. № 3. С. 68–80.
- Мотренко А. П. (2011). Использование теста Гренджера при прогнозировании временных рядов // Машинное обучение и анализ данных. Т. 1. № 1. С. 51–60.
- Михалищев С., Раскина Ю. (2016). Экологическая кривая Кузнеця: случай России // Финансы и бизнес. Т. 1. С. 17–39.
- Addison T. (2018). Climate change and the extractives sector. *Extractive Industries*, 460.
- Arellano M., Bond S. (1991). Some tests of specification for panel data: Monte Carlo evidence and an application to employment equations. *The Review of Economic Studies*, 58(2), 277–297.
- Canas A., Ferrao P., Conceicao P. (2003). A new environmental Kuznets curve? Relationship between direct material input and income per capita: evidence from industrialized countries. *Ecological Economics*, 46(2), 217–229.
- Dinda S. (2004). Environmental Kuznets curve hypothesis: A survey. *Ecological Economics*, 49(4), 431–455.
- Grossman G.M., Krueger A.B. (1991). Environmental impacts of a North American free trade agreement. *National Bureau of Economic Research, Working Paper Series*, 3914.

- Jian J., Fan X., He P. et al. (2019). The effects of energy consumption, economic growth, and financial development on CO₂ emissions in China: A VECM Approach. *Sustainability*, 11(18), 4850.
- Ketenci N. (2018). The environmental Kuznets curve in the case of Russia. *Russian Journal of Economics*, 4, 249–265.
- Pao H.T., Tsai C.M. (2010). CO₂ emissions, energy consumption and economic growth in BRIC countries. *Energy Policy*, 38(12), 7850–7860.
- Shikwambana L., Mhangara P., Kganyago M. (2021). Assessing the relationship between economic growth and emissions levels in South Africa between 1994 and 2019. *Sustainability*, 13(5), 2645.
- Soytas U., Sari R., Ewing B.T. (2007). Energy consumption, income, and carbon emissions in the United States. *Ecological Economics*, 62(3–4), 482–489.
- Xu H., Zhang C., Li W., Zhang W., Yin H. (2018). Economic growth and carbon emission in China: a spatial econometric Kuznets curve? *Zbornik radova Ekonomskog fakulteta u Rijeci: časopis za ekonomsku teoriju i praksu*, 36(1), 11–28.
- Yang X., Lou F., Sun M. et al. (2017). Study of the relationship between greenhouse gas emissions and the economic growth of Russia based on the Environmental Kuznets Curve. *Applied Energy*, 193, 162–173.

Сведения об авторах

Алексей Николаевич Курбачкий – кандидат физико-математических наук, доцент, заведующий кафедрой, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова (119234, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 61; e-mail: akurbatskiy@gmail.com)

Екатерина Игоревна Шаклеина – магистрант, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова (119234, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 61; e-mail: kateshkl99@gmail.com)

Kurbatskiy A.N., Shakleina E.I.

Economic Growth and Environmental Pollution in the USA and Russia: Comparative Spatial-Econometric Analysis

Abstract. One of the vital problems of the 21st century is environmental pollution, unfavorable both locally and globally. Contaminants released into the soil, air, and water runoff pollute drinking water which leads to an increase in the number of epidemic outbreaks. Moreover, pollutants affect local ecosystems. And when the ecosystem dynamics change, the balance of organisms that provide us with clean air is disrupted. The main cause of the pollution problem is economic growth. It encourages intensive energy use which leads to an increase in CO₂ emissions. It is important to understand how to reduce emissions while maintaining the pace of economic growth. To date, the emission-leading countries have fundamentally different economic structures, and therefore it seems necessary to conduct a comparative analysis of the economic growth impact on pollutant emissions for them. The paper considers the situation typical of the Russian regions and American states for the period from 2004 to 2018. We have used spatial econometric models to identify dependencies. The paper proves the existence of spatial correlation in the level of pollutant emissions in Russia's regions and American states. We have confirmed the hypothesis that the dependence of emissions on economic growth in Russia's regions has the form of an inverted U-shaped curve. The value of the GRP turning point, after reaching which the level of pollutant emissions will decrease, has shown that only in ten Russia's regions, with GRP growth, emissions are reduced, and most regions are on the increasing part of the curve. For the United States, the estimates obtained are not significant, which proves the paramount importance of the structure of the country's economy in the issue of the relationship between environmental pollution and economic growth.

Key words: pollutant emissions into the atmosphere, economic growth, Kuznets ecological curve, spatial econometrics, Moran's index.

Information about the Authors

Aleksei N. Kurbatskiy – Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Associate Professor, head of department, Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory, building 61, Moscow, 119234, Russian Federation; e-mail: akurbatskiy@gmail.com)

Ekaterina I. Shakleina – master's degree student, Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory, building 61, Moscow, 119234, Russian Federation; e-mail: kateshkl99@gmail.com)

Статья поступила 25.10.2021.

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.7

УДК 332.1, ББК 65.04

© Попов Е.В., Семячков К.А.

Методы анализа экономического и социального развития умных городов

Евгений Васильевич

ПОПОВ

Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: epopov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5513-5020; ResearcherID: H-3358-2015

Константин Александрович

СЕМЯЧКОВ

Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: k.semyachkov@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0998-0183; ResearcherID: F-6974-2017

Аннотация. Цель исследования – разработать типологию методов анализа экономического и социального развития умных городов. На основе рассмотрения работ, проиндексированных в мировой базе данных Web of Science Core Collection, отобраны полторы сотни статей по экономическим проблемам развития умных городов, опубликованные в 2015–2021 гг. и находящиеся в открытом доступе. Выделены различные методы анализа экономического и социального развития умных городов, их дифференциация проведена по методу описания исследуемых объектов (статический и динамический) и по методу модельного описания (таблицы, диаграммы, матрицы, графики). К статическим методам отнесены методы оценки характеристик экосистемы, анализа «затраты – выпуск», диаграммы развития, анализа координации экосистем дан-

Для цитирования: Попов Е.В., Семячков К.А. (2022). Методы анализа экономического и социального развития умных городов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 2. С. 108–119. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.7

For citation: Popov E.V., Semyachkov K.A. (2022). Methods for analyzing economic and social development of smart cities. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(2), 108–119. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.7

ных, оценки экосистемы для возрастных жителей; к динамическим – матрицы «захват ценности – создание ценности», стимулирующих элементов управления, «цифровые экосистемы – предпринимательские экосистемы», а также графики жизненного цикла экосистемы умного города, эволюции гражданских экосистем, этапности цифровой трансформации, динамических возможностей инноваций и квадрульной спирали. Показана применимость методов анализа развития умных городов для различных территорий. Приведены авторские результаты оценки развития умных городов Москвы, Екатеринбурга, Осло, Сингапура на основе модели 7I (infrastructure, institutions, intranet, integration, interfaces, innovations, implementation). Теоретическая значимость полученных результатов заключается в развитии теории экосистемного анализа применительно к оценке формирования умных городов; практическая значимость результатов состоит в разработке прикладного инструментария стратегического планирования в сфере развития проектов умных городов.

Ключевые слова: умные города, методы анализа, статические методы, динамические методы, таблицы, диаграммы, матрицы, графики.

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке РНФ в рамках научного проекта 22-28-00439 «Институциональная конфигурация устойчивого развития умного города».

Введение

Развитие цифровых технологий и их приложений привело к формированию качественно нового ландшафта экономических и социальных перемен в развитии человеческого общества. На этом фоне произошло стремительное развитие умных городов (Попов, Семячков, 2020). Под умными городами подразумеваются городские поселения, в которых применение цифровых технологий приводит к существенному экономико-социальному развитию, обеспечивающему значительный рост благосостояния граждан.

Экспоненциальный рост соответствующих научных публикаций, проиндексированных в мировых базах данных, демонстрирует возрастающий интерес исследователей к теме анализа экономического и социального развития умных городов. Вместе с тем до настоящего момента методы анализа развития подобных объектов цифровой экономики не получили систематизированного представления.

В связи с этим целью нашего исследования является разработка типологии методов анализа экономического и социального развития умных городов. Алгоритм подобного исследования должен включать оценку и критику предшествующих работ, формулирование проблемы, решение проблемы типологизации методов анализа экономического

и социального развития умных городов, обобщение полученных результатов и демонстрацию применимости выделенных методов анализа.

Оценку предшествующих исследований по экономическому и социальному развитию умных городов целесообразно проводить в рамках экосистем городских образований. К началу 20-х годов нынешнего столетия стало ясно, что сетевая парадигма экономических отношений не описывает весь ландшафт хозяйственных взаимодействий. Внедрение цифровых технологий стимулировало развитие экономической деятельности с учетом не только партнеров, потребителей, поставщиков и конкурентов, но и влияния общественных организаций, органов власти и социальных медиа. Стала развиваться парадигма экосистемного анализа экономики, первые работы по которому появились в конце двадцатого столетия.

Родоначальником термина «экосистема» применительно к экономике принято считать Дж. Мура. Он определил экосистему как «экономическое сообщество, поддерживаемое базисом из взаимодействующих организаций и отдельных лиц» (Moore, 1997). Анализ экосистем городов предполагает оценку всех заинтересованных в отношениях с данными поселениями индивидов и организаций.

Экосистемы умных городов

При формировании умных городов происходит развитие ориентированной на человека устойчивой экосистемы городской территории. Это ведет к лучшему миру с улучшенным благосостоянием людей, с лучшими городами, подчеркивающими важность образования и науки, пропагандирующими мудрость и здравый смысл, отвергающими насилие. С этой стороны цифровые технологии обеспечивают успешную основу для развития современного общества (Bliss et al., 2021). С другой стороны, урбанизация второй половины двадцатого века способствовала упадку городов как мест создания экономической ценности. Субурбанизация, сначала жилых домов, а затем промышленности, приводила к опустошению и в некоторых районах уничтожению городской жизни. В первой же половине XXI века города начали возрождаться в качестве двигателей инноваций. Этот ренессанс является органичным ответом на внедрение цифровых технологий (Engel et al., 2018).

Умные города известны как системы материальной инфраструктуры, инфраструктуры цифровых технологий и социальной инфраструктуры, которые обмениваются информацией, текущей между ее многочисленными подсистемами. Встроенная инфраструктура цифровых технологий в умных городах играет решающую роль в функционировании всей системы. Важнейшим производным цифровых технологий являются новые средства коммуникации, известные как сервисы социальных сетей, которые предоставляют умным городам дополнительные возможности (Hajikhani, 2020). Сервисы социальных сетей, в свою очередь, способствуют формированию цифровых социальных инноваций, использующих потенциал цифровых технологий для совместного решения задач в широком спектре социальных потребностей (Certoma, 2020).

Отметим, что цифровые технологии и решения, основанные на принципах устойчивого развития, могут сделать города умнее, представляя собой новый технологический портфель для сохранения биоразнообразия и предоставления целого ряда экосистемных услуг, содействия необходимой адаптации к изменению климата, которой города должны уделять при-

оритетное внимание в целях обеспечения своей устойчивости (Colding et al., 2020). Результаты указывают на пространственную взаимозависимость между экологическими и социально-экономическими процессами в городских условиях, что обеспечивает уникальную основу для стратегий планирования и политического вмешательства при развитии экосистем умных городов (Hazell, 2020). Какова же структура экосистем умных городов?

Поскольку традиционные модели организации малоприспособлены для умных городов, то их структура основана на сетевых, трансграничных системах деятельности с распределенными инновационными процессами и адаптивным формированием политики. В этом случае могут быть определены пять ключевых измерений в конфигурационных полях умных городов, которые отображаются в пяти организационных структурах: акторах, городских подсистемах, уровнях деятельности, правилах активности акторов на различных уровнях деятельности, институциональном обеспечении этой деятельности (Pierce et al., 2017). Для умных территорий необходимо разрабатывать активные стратегии, включая укрепление интеллектуальных кластеров, создание экосистемы управления и предоставление комплексных услуг, обеспечивающих гибридные стратегии для подхода к планированию на основе восходящего и нисходящего дизайна для развития умных городов (Yuan et al., 2020). В отношении умных городов можно выделить три ключевые характеристики растущего бизнеса и способности занимать лидирующие позиции: совместное создание посредством интеграции ресурсов и обмена услугами предпочтительнее для удовлетворения потребностей рынка; цифровая платформа является критически важной для создания необходимых знаний для интеграции ресурсов и обмена услугами; интеллектуальные сервисы объединяют экосистему города и цифровую платформу и создают результат, который решает определенную проблему бизнеса. Иными словами, все три элемента умного города – экосистема, платформа и интеллектуальные сервисы – создают единую среду, в которой можно развивать бизнес на новом развивающемся рынке (Pulkkinen et al., 2019).

Города становятся экспериментальными площадками для новых форм робототехники и технологий автоматизации, применяемых в самых разных секторах во всех областях экономической и социальной жизни. Системы робототехники и автоматизации накладываются на существующие городские цифровые сети, расширяя возможности инфраструктурных сетей, а также изменяя повседневный опыт города и горожан (Macroe et al., 2021). Интернет вещей, как компонент умного урбанизма, также применяется для решения проблем умных городов. Технологии интернета вещей реконфигурируют соединения между пользователями, поставщиками и инфраструктурами водоснабжения и энергетики, что обеспечивает надежность в хозяйственной деятельности (Chambers, Evans, 2020).

При этом доверие жителей к умному городу имеет основополагающее значение для его прозрачности, участия жителей в управлении и предпринимательских инициативах, следовательно, для роста его экономики. В этом случае технология блокчейна обеспечивает важнейший уровень доверия в умном городе. Ценность технологии блокчейна для умных городов может быть представлена по трем позициям: влияние сети на доверие к обществу, органам управления и производственным предприятиям; расширение прав и возможностей отдельных лиц и укрепление экономики; ликвидная и разделяемая экономика (Kundu, 2019).

Аналитика больших данных и искусственный интеллект в сочетании с технологией блокчейн и интернетом вещей, а также другие новые технологии производят революцию в городском управлении. Благодаря огромным объемам данных, собранных от граждан, цифровых устройств и традиционных источников информации, городские районы впервые в истории имеют возможность управлять городской инфраструктурой в режиме реального времени (Engin et al., 2020). Каким же образом происходит управление экосистемой умного города?

Фрагментарное управление цифровизацией умного города снижает масштабы экономической деятельности и приводит к несовместимости междисциплинарных данных, которые ограничивают последовательность планирования и преимущества открытых данных (Kitchin,

Moore-Cherry, 2020). В этом случае стратегии применения больших данных (Big Data) преобразуют деятельность органов городского управления, с тем чтобы они стали более ориентированными на удовлетворение потребностей граждан (Lee, 2020).

Управление экосистемой умного города опирается на регулятивные, поддерживающие и когнитивные экономические институты. При этом в различных умных городах (например, Амстердаме, Гамбурге и Нимбо) комбинация стратегического управления и динамики применения указанных институтов отличается в пространственных масштабах для учета местных особенностей (Raven et al., 2019).

В умных городах возможен переход к устойчивому развитию для циклической экономики на основе концепции рационального менеджмента, т. е. сочетания сотрудничества и конкуренции. В этом случае необходима поддержка интеллектуальных технологий, развивающих цифровое общество (Hirvensalo et al., 2021). Управление умным городом может происходить на следующих уровнях (на примере Дублина): местные органы власти – руководящий комитет – консультативная сеть – управляющая группа умного города – локальные рабочие группы (Coletta et al., 2019). Но наиболее интересной темой любого исследования является анализ развития умных городов. Каковы перспективы такого развития?

Индустрия 4.0, также называемая четвертой промышленной революцией, накладывает свой отпечаток на развитие территорий, поскольку оказывает влияние на производство в компаниях и, как следствие, на всю экономическую деятельность. Индустрия 4.0 создает новые рынки и дестабилизирует традиционный способ ведения бизнеса. Как только она станет стратегическим подходом к интеграции передовых систем управления с цифровыми технологиями, обеспечивающими связь между людьми, продуктами производства и сложными системами, можно ожидать значительное развитие систем управления умными городами (Storolli et al., 2019).

Важен также вопрос устойчивого развития в контексте проблем, с которыми сталкиваются современные города. Три основополагающих столпа устойчивого развития: экономический

рост, рациональное природопользование и социальная интеграция — проявляются во всех секторах экономики. В основном они влияют на города, на быстрый процесс урбанизации, развитие инфраструктуры, энергетики и транспорта. Городские власти планируют и действуют в направлении более устойчивого будущего, характеризующегося инвестициями в инновационные, интегрированные технологии и услуги, такие как умные здания, мобильность населения, управляемое освещение и широкополосная связь (Derlukiewicz, Mempel-Sniezyk, 2018).

В 2016 году правительство Японии обнародовало инициативу и призыв к действию по внедрению «суперумного общества», объявленного как Общество 5.0. Заявленной целью такого общества является удовлетворение различных потребностей его членов путем предоставления товаров и услуг тем, кто в них нуждается, когда они требуются и в необходимом количестве, что позволит гражданам вести активную и комфортную жизнь. В этом случае интеллектуальное сообщество следует определять как организацию, ориентированную на человека, где технологии используются для предоставления гражданам информации и услуг, которые они могут использовать для обоснования своих решений. Такая перспектива может являться одним из направлений развития умных городов (Iqbal, Olariu, 2021).

Детерминантами развития умных городов выступают внутренние факторы, связанные с вовлеченностью граждан в проекты цифровизации, лидерством органов власти и формированием необходимой инфраструктуры, а также внешние факторы, опирающиеся на политическую волю лиц, принимающих решения, заинтересованность различных сторон и влияние четвертой промышленной революции. Кроме того, необходимо наличие каналов коммуникации и общественных слушаний (Myeong et al., 2018).

Для разработки новых продуктов на основе распределенных знаний как движущей силы устойчивых инноваций применяются городские «живые лаборатории». В лабораториях инновационные идеи сходятся в разработке экспериментальной структуры различных заинтересованных сторон, которая структурирует механизмы и практики в рамках динамичных

экосистем сотрудничества и определяет граничные условия для таких открытых экосистем (Robaeyst et al., 2021).

Оценка предшествующих исследований демонстрирует различные методы анализа экосистем умных городов. Однако систематизация данных методов в настоящее время отсутствует, тогда как системный анализ развития умных городов требует целенаправленного подхода к подобным оценкам. Отсюда возникает проблема, связанная с необходимостью разработать типологию методов анализа экономического и социального развития умных городов.

Процедура исследования

Объектом исследования выступают экосистемы умных городов. Предмет исследования — экономические и социальные отношения по их развитию. Информационной базой послужила мировая база данных Web of Science Core Collection, в которой по ключевым словам «Smart City Ecosystem» в названиях и аннотациях были отобраны полторы сотни статей, опубликованных в 2015–2021 гг. и находящихся в открытом доступе. Метод исследования — логический иерархический анализ.

После критического анализа предшествующих исследований и формулирования проблемы для изучения были выделены различные методы анализа экономического и социального развития умных городов. Дифференциацию выделенных методов провели по методу описания исследуемых объектов (статический и динамический) и по методу модельного описания (таблицы, диаграммы, матрицы, графики). В этом случае табличный и диаграммный методы описания отнесли к статическим методам анализа, а матричное и графическое моделирование — к динамическим (Попов, 2020). В результате была получена типология методов анализа развития умных городов.

Типология методов анализа развития умных городов

Полученные в результате проведенного исследования данные сведены в *таблицу*.

Применение методов анализа развития умных городов

Результаты анализа данных, приведенных в таблице, демонстрируют широкий спектр возможных методов анализа развития умных городов и географии применения данных методов.

Методы анализа развития умных городов

Метод описания (моделирования)	Название метода	Содержание метода
Статический (таблицы)	Оценка характеристик экосистемы	Оценка содержания трех характеристик экосистемы: маркетинг (подчеркивается перспектива пользователя), стратегический менеджмент (используется концепция разумности для привлечения стейкхолдеров в целях принятия решений), технологии (использование искусственного интеллекта, интернета вещей, машинного обучения с анализом данных для обеспечения умных услуг) (Ruohomaa et al., 2019)
	Анализ «затраты – выпуск»	Анализ взаимной корреляции по затратам и выпуску в девяти отраслях: сельское хозяйство, горнодобывающая промышленность, традиционное производство, ИТ-производство, строительство, энергетика, ИТ-услуги, информационные услуги, традиционные услуги и др. (Jo et al., 2021)
Статический (диаграммы)	Диаграмма развития	Экспертная оценка по четырем направлениям: стратегия развития, цифровые технологии (мощности, данные, технологические эксперименты), управление (безопасность, вертикальный и горизонтальный масштабы), стейкхолдеры (фондирование, ценности стейкхолдеров) (Hamalainen, 2020)
	Анализ координации экосистем данных	Три элемента координации в экосистемах данных умного города: открытость (технологическая, организационная), распространение (мобильность знаний, доверительное строительство), общее видение (инструменты управления, центральные координационные структуры) (Gupta et al., 2020)
	Оценка экосистемы для возрастных жителей	Экспертная оценка восьми показателей города: жилищные условия, городская среда, транспорт, социальная вовлеченность, социальное участие, информационные коммуникации, здравоохранение, занятость (работа) (Marston et al., 2020)
Динамический (матрицы)	«Захват ценности – создание ценности»	Четыре бизнес-модели: «стеклянных шариков» (все индивидуально); «тетриса» (ценности создаются индивидуально, но доходные модели занимают часть экосистемы); «джанга» (акторы экосистемы изучают друг друга с ограниченным потенциалом дохода для каждого); «пазлы» (синергия внутри экосистемы для наибольшей ценности для потребителей) (Brock et al., 2019)
	Стимулирующие элементы управления	Оценка на начальном этапе формирования умного города стимулирующих элементов управления (трансформационное лидерство, кооперационные стратегии, целеполагание) и препятствующих элементов управления (отсутствие управления ожиданиями); во время фазы роста стимулирующих элементов (транзакционное лидерство, стратегии творчества, измерение производительности, организация продвижения) и препятствующих элементов (отсутствие лидерства, отсутствие целеполагания, отсутствие фокуса на коммуникациях) (Ooms et al., 2020)
	«Цифровые – предпринимательские экосистемы»	Четыре цифровые предпринимательские экосистемы: цифровое инфраструктурное управление (институты инфраструктуры); цифровые технологии горожан (институты пользователей); цифровое предпринимательство (агенты цифровой инфраструктуры); цифровой рынок (агенты пользователей) (Gorelova et al., 2021)
Динамический (графики)	Жизненный цикл экосистемы	Оценка различных фаз развития города: интеграция инноваций, интеграция функций, управление финансами, управление проектами – City 1.0 – понимание эволюции экосистемы, развитие и корректировка, устойчивый город, интеграция инноваций – City 2.0 – постоянное улучшение (Rochet, Correa, 2016)
	Эволюция гражданских экосистем	Анализ эволюции инновационных экосистем (живых лабораторий и интеграторов знаний) проводится на пространстве «организационного поля», включающего частный сектор, научно-образовательный сектор, общественный сектор и граждан (Claudel, 2018)
	Этапность цифровой трансформации	Этапы оценки: видение и концепции – цифровая экосистема умного района города – распространение (через хакатоны) и события (Elberzhager et al., 2021)
	Динамические возможности инноваций	Экспертная оценка динамических возможностей для экосистемных инноваций: экосистемное зондирование (возможности скрининга, разведка партнеров), использование экосистемы (предложения по развитию ценностей, формирование экосистемы), реконфигурация экосистемы (создание адаптивных ценностей, упругость экосистемы) (Linde et al., 2021)
	Квадрупольная спираль	Оценка развития четырех сторон умного города: гражданского общества населения, частного делового сектора, управления государственным сектором, научно-образовательного сектора (Paskaleva et al., 2021)

Метод оценки характеристик экосистемы (Ruohomaa et al., 2019) реализован при исследовании малых городов Финляндии (Хаменлина, Риихимаки, Форса). Показано, что относительно небольшой город может предпринять значительные шаги в развитии технологий умного города, выбрав конкретную тему для организации мероприятий на его территории. Примеры реализации технологий умного города подчеркнули значение субъектов государственного сектора, играющего ключевую роль в создании основ плодотворной работы по развитию экосистем умных территорий.

Анализ «затраты – выпуск» (Jo et al., 2021) был применен для оценки экосистем умных городов в Корее. Для сравнительного анализа привлекались данные Банка Кореи с 1960 по 2015 год. Исследование показало, что умные отрасли, такие как умные здания и умные транспортные системы, являются якорными отраслями в корейских умных городах и положительно коррелируют с тремя другими отраслями: ИТ-производством, ИТ-услугами и информационными услугами. Результаты анализа показывают, что традиционная промышленная структура трудоемкого производства была преобразована в развивающиеся высокотехнологичные отрасли. Интеллектуальные отрасли, такие как ИТ-производство, ИТ-услуги и информационные услуги, привели к устойчивому национальному экономическому росту с большей добавленной стоимостью, чем в других отраслях промышленности. Следовательно, интеллектуальные отрасли становятся якорными отраслями, которые создают цепочки создания стоимости новых отраслей, выступая в качестве ускорителей или инкубаторов для их развития.

В отношении умного города Хельсинки, столицы Финляндии, применен метод диаграммы развития (Namalainen, 2020), выделены основные направления по реализации инициатив формирования умных территорий. На примере Лондона, столицы Великобритании, исследование проведено методом анализа экосистем координации данных (Gupta et al., 2020). Определены проблемы, с которыми сталкиваются в сложных городских средах данные органы власти, участвующие в таких экосистемах и координирующие инициативы по сбору данных с точки зрения их организации. Также на примере Лондона показана необходимость применять

гибкие подходы в целях развития инициатив по формированию умных территорий. Для этого использовался метод оценки экосистемы для возрастных жителей (Marston et al., 2020).

Внедрение цифровых технологий компании Philips Lighting в городах Нидерландов послужило полигоном для тестирования матрицы «захват ценности – создание ценности» (Brock et al., 2019). Выделены различные бизнес-модели, которые позволяют действующим организациям войти в структуру умных городов. Также на примере Нидерландов проанализированы стимулирующие и препятствующие элементы управления для развития умных городов (Ooms et al., 2020). Обнаружено, что использование конкретных элементов управления варьируется в зависимости от этапов эволюции экосистемы умного города. На начальном этапе ключевыми являются структуры управления, направленные на укрепление внутренних отношений. На этом этапе важны такие элементы, как доверие и приверженность общим целям. На этапе роста экосистема фокусируется на установлении внешних отношений с другими сторонами, такими как конкуренты и поставщики. На этом этапе элементы управления, такие как стратегия совместного творчества и специальная организация для продвижения, приобретают важное значение, поскольку облегчают связь с внешним миром.

Анализ европейских городов по шести основным компонентам умных городов: умные люди, умное управление, умная экономика, умная жилищная среда, умная окружающая среда, умный транспорт – был проведен на основе матрицы «цифровые экосистемы – предпринимательские экосистемы» (Gorelova et al., 2021). Показано, что цифровые предпринимательские экосистемы являются неотъемлемой частью любого умного города.

На примере Вашингтона, столицы США, Сингапура и ряда французских городов продемонстрирована применимость метода анализа жизненного цикла экосистемы умного города для оценки его развития (Rochet, Correa, 2016). Исходя из жизненного цикла можно определять задачи, которые должен выполнять интегратор функций, составляющих умный город. Проведенное исследование определило, что роль интегратора функций должно играть государственное управление.

Амстердам, Барселона, Копенгаген выступили площадками для применения анализа эволюции гражданских инновационных экосистем (Claudel, 2018). Показано, что развитие живых лабораторий и интеграторов инноваций приводит к формированию информационных хабов, которые выступают в виде «ниши», способствующей радикальным инновациям и новым процессам. По мере того как эти прототипы все чаще разворачиваются и принимаются, происходит смена инновационного режима, создающая новую культуру экспериментаторов. Например, городские живые лаборатории могут эволюционировать в городские экспериментальные платформы (Rehm et al., 2021).

Оценка этапности цифровой трансформации (Elberzhager et al., 2021) осуществлена на примере умных городов Германии. В этом случае пришлось искать новые способы выявления потребностей и требований к цифровым решениям, еще не зная граждан, которые будут жить в новых районах. Следовательно, оценка этапности цифровизации выступает возможной стратегией формирования цифрового общества. Отметим, что подобные стратегии могут быть сформированы на основе цифровых двойников городского масштаба (Nochta et al., 2021).

Анализ динамических возможностей для экосистемных инноваций (Elberzhager et al., 2021) был проведен при исследовании умных городов Швеции. На основании многочисленных интервью выделены три механизма согласования для организации инновации в экосистемах: настрой-

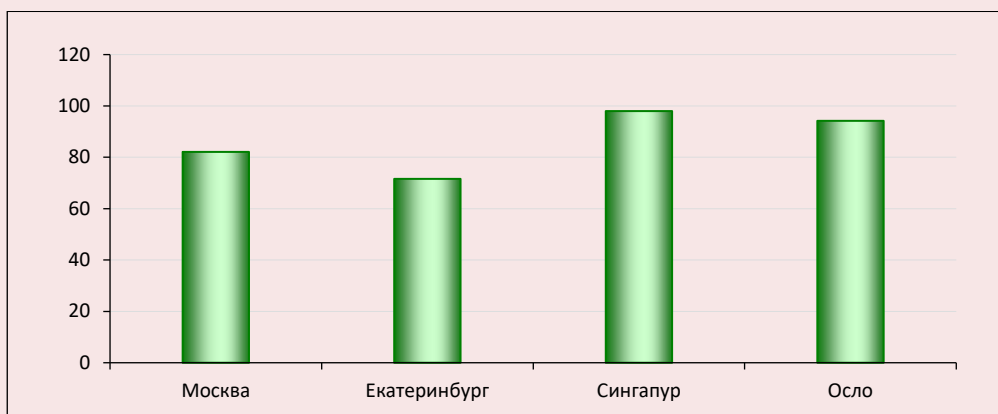
ка партнерских отношений в экосистемах, развертывание ценностных предложений и управление согласованием экосистем.

Для анализа развития Манчестера (Великобритания), Эндховена (Нидерланды) и Ставангера (Норвегия) применен метод оценки квадрупольной спирали (Paskaleva et al., 2021). Показано, что привлечение заинтересованных сторон квадрупольной спирали к совместной оценке деятельности повышает способность проектов обеспечивать и измерять воздействие цифровых технологий и приложений, которое имеет значение для городов и горожан.

Нами ранее предложен метод этапности цифровой трансформации умных городов, разработана схема семи последовательных уровней в развитии умных городов: инженерная инфраструктура (Infrastructure), институты (Institutions), системы связи и коммуникаций (Intranet), интеграция данных (Integration), взаимодействие пользователей и технических систем (Interfaces), инновации (Innovations), применение инноваций в компонентах умного города (Implementation) (Popov, Semyachkov, 2020). Наложение модели 7I на шесть основных компонент развития умного города позволило получить матрицу показателей развития умного города, что дает возможность сравнивать различные территории между собой (Popov, Semyachkov, 2021).

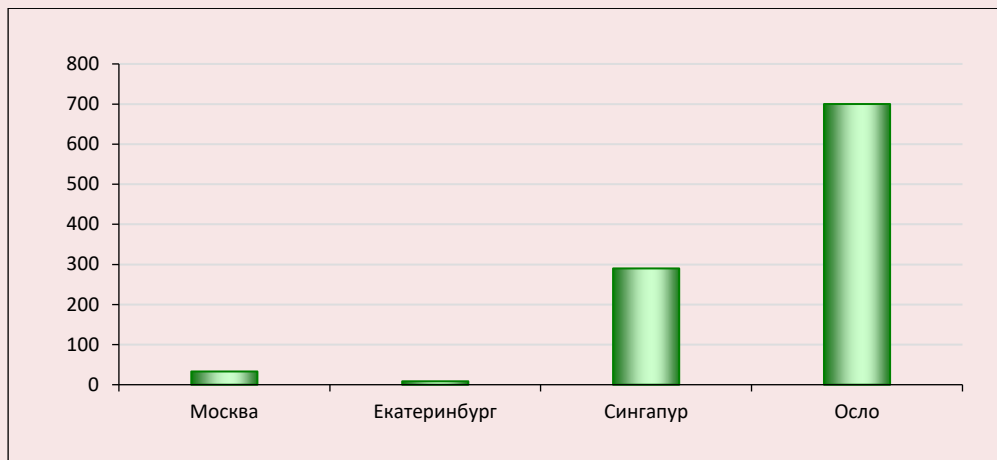
К примеру, на *рисунке 1* представлено сравнение использования цифровых технологий в различных исследованных городах.

Рис. 1. Использование цифровых технологий в домашнем хозяйстве в городах Москве, Екатеринбурге, Сингапуре, Осло, %

Источник: составлено авторами.

Рис. 2. Количество умных приборов учета на 1000 домохозяйств в городах Москве, Екатеринбурге, Сингапуре, Осло

Источник: составлено авторами.

Данные рисунка 1 демонстрируют близкое развитие различных городов в направлении цифровизации домашнего хозяйства.

С другой стороны, данные, представленные на *рисунке 2*, демонстрируют резкое различие цифровых технологий учета коммунальных потребностей в городах, обладающих признаками умного города.

Таким образом, применение различных методов анализа экономического и социального развития умных городов позволяет создавать базу для принятия управленческих решений по стратегическому формированию подобных территорий.

Научная новизна проведенного исследования заключается в типологизации методов анализа экономического и социального развития умных городов, развивающей теорию экосистемного анализа цифровизации территорий.

Заключение

В ходе исследования, проведенного с целью разработки типологии методов анализа экономического и социального развития умных городов, получены следующие теоретические и практические результаты.

Во-первых, проанализированы результаты предшествующих исследований экосистемы умных городов, сформулирована проблема,

связанная с необходимостью разработки типологии методов анализа их экономического и социального развития.

Во-вторых, на основе анализа работ, проиндексированных в мировой базе данных Web of Science Core Collection, отобраны полторы сотни статей по экономическим проблемам развития умных городов, опубликованные в 2015–2021 гг. и находящиеся в открытом доступе.

В-третьих, выделены различные методы анализа экономического и социального развития умных городов. Дифференциацию выделенных методов провели по методу описания исследуемых объектов (статический и динамический) и по методу модельного описания (таблицы, диаграммы, матрицы, графики). К статическим методам отнесены методы оценки характеристик экосистемы, анализа «затраты – выпуск», диаграммы развития, анализа координации экосистем данных, оценки экосистемы для возрастных жителей; к динамическим – матрицы «захват ценности – создание ценности», стимулирующих элементов управления, «цифровые экосистемы – предпринимательские экосистемы», а также графики жизненного цикла экосистемы умного города, эволюции гражданских экосистем, этапности цифровой трансформации, дина-

мических возможностей инноваций и квадрупольной спирали.

В-четвертых, показана применимость методов анализа развития умных городов для различных территорий.

В-пятых, для наглядности приведены авторские результаты оценки развития умных городов Москвы, Екатеринбурга, Осло, Сингапура на основе модели 7I (infrastructure,

institutions, intranet, integration, interfaces, innovations, implementation).

Теоретическая значимость полученных результатов заключается в развитии теории экосистемного анализа применительно к оценке формирования умных городов; практическая значимость состоит в разработке прикладного инструментария стратегического планирования в сфере развития проектов умных городов.

Литература

- Попов Е.В. (2020). Эконотроника. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета. 384 с.
- Попов Е.В., Семячков К.А. (2020). Умные города: монография. М.: Юрайт. 346 с.
- Bliss D., Garbos R., Kane P., Kharchenko V., Kochanski T. Rucinski A. (2021). Homo digitus: Its dependable and resilient smart ecosystem. *Smart Cities*, 4, 514–531.
- Brock K., Ouden E., Klauw K., Podoynitsyna K., Langerak F. (2019). Light the way for smart cities: Lessons from Philips Lighting. *Technological Forecasting & Social Change*, 142, 194–209.
- Certoma C. (2020). Digital social innovation and urban space: A critical geography agenda. *Urban Planning*, 5(4), 8–19.
- Chambers J., Evans J. (2020). Informal urbanism, and the Internet of Things: Reliability, trust, and the reconfiguration of infrastructure. *Urban Studies*, 57(14), 2918–2935.
- Claudel M. (2018). From organizations to organizational fields: The evolution of civic innovation ecosystems. *Technology Innovation Management Review*, 8(6), 34–47.
- Colding J., Wallhagen M., Sorqvist P., Marcus L., Hillman K., Samuelsson K., Barthel S. (2020). Applying a system perspective on the notion of the smart city. *Smart Cities*, 3(22), 1–10.
- Coletta C., Heaphy L., Kitchin R. (2019). From the accidental to articulated smart city: The creation and work of “smart Dublin”. *European Urban and Regional Studies*, 26(4), 349–364.
- Derlukiewicz N., Mempel-Sniezyk A. (2018). European cities in the face of sustainability development. *Ekonomia I Pravo. Economics and Law*, 17(2), 125–135.
- Elberzhager F., Mennig P., Polst S., Scherr S., Stupfert P. (2021). Towards a digital ecosystem for a smart city district: Procedure, results, and lessons learned. *Smart Cities*, 4, 686–716.
- Engel J.S., Berbegal-Mirabent J., Pique J.M. (2018). The renaissance of the city as a cluster of innovation. *Cogent Business and Management*, 5, 1532777, 1–20.
- Engin Z., Dijk J., Lan T., Longley P.A., Treleaven P., Batty M., Penn A. (2020). Data-driven urban management: Mapping the landscape. *Journal of Urban Management*, 9, 1140–1150.
- Gorelova I., Dmitrieva D., Dedova M., Savastano M. (2021). Antecedents and consequences of digital entrepreneurial ecosystems in the interaction process with smart city development. *Administrative Sciences*, 11(94), 1–14.
- Gupta A., Panagiotopoulos P., Bowen F. (2020). an orchestration approach to smart city data ecosystems. *Technological Forecasting & Social Change*, 153, 119929, 1–12.
- Hajikhani A. (2020). Impact of entrepreneurial ecosystem discussions in smart cities: Comprehensive assessment of social media data. *Smart Cities*, 3, 112–137.
- Hamalainen M. (2020). Digital transformation in the Helsinki smart city. In: Ratten V. (Ed.). *Entrepreneurship and the Community: A Multidisciplinary Perspective on Creativity, Social Challenges, and Business*. Springer.
- Hazell E.C. (2020). Disaggregating ecosystem benefits: An integrated environmental-deprivation index. *Sustainability*, 12, 7589, 1–20.
- Hirvensalo A., Teerikangas S., Reynolds N.-S., Kalliomaki H., Mantysalo R., Mattila H., Granqvist K. (2021). Agency in circular city ecosystem – a rationalities perspective. *Sustainability*, 13, 2544, 1–15.
- Iqbal A., Olariu S. (2021). A survey of enabling technologies for smart communities. *Smart Cities*, 4, 54–77.

- Jo S.-S., Han H., Leem Y., Lee S.-H. (2021). Sustainable smart city, and industrial ecosystem; structural and relational changes of the smart city industries in Korea. *Sustainability*, 13, 9917, 1–17.
- Kitchin R., Moore-Cherry N. (2020). Fragmented governance, the urban data ecosystem and smart city-regions: The case of metropolitan Boston. *Regional Studies*, 1735627, 1–11. DOI: 10.1080/00343404.2020.1735627
- Kundu D. (2019). Blockchain and trust in a smart city. *Environment and Urbanization ASIA*, 10(1), 31–43.
- Lee J.W. (2020). Big data strategies for government, society and policy-making. *Journal of Asian Finance, Economics and Business*, 7(7), 475–487.
- Linde L., Sjodin D., Parida V., Wincent J. (2021). Dynamic capabilities for ecosystem orchestration. *Technological Forecasting & Social Change*, 166, 120614, 1–12.
- Macrorie R., Marvin S., While A. (2021). Robotics and automation in the city: A research agenda. *Urban Geography*, 42, 2, 197–217.
- Marston H.R., Shore L., White P.J. (2020). How does a (smart) age-friendly ecosystem look in a post-pandemic society? *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17, 8276, 1–43.
- Moore J.F. (1997). *The Death of Competition: Leadership and Strategy in the Age of Business Ecosystems*. New York: Harper Collins.
- Myeong S., Jung Y., Lee E. (2018). A study on determinant factors in smart city development: An analytical hierarchy process analysis. *Sustainability*, 10, 2606, 1–17.
- Nochta T., Wan L., Schooling J.M., Parlikad A.K. (2021). A socio-technical perspective on urban analytics: The case of city-scale digital twins. *Journal of Urban Technology*, 28, 1-2, 263–287.
- Ooms W., Caniels M.C.J., Roijakkers N., Cobben D. Ecosystems for smart cities: Tracing the evolution of governance structures in a Dutch Smart City Initiative. *International Entrepreneurship and Management Journal*, 16, 1225–1258.
- Paskaleva K., Evans J., Watson K. (2021). Co-producing smart cities: A quadruple helix approach to assessment. *European Urban and Regional Studies*, 28, 4, 395–412.
- Pierce P., Ricciardi F., Zardini A. (2017). Smart Cities as Organizational Fields: A Framework for Mapping Sustainability-Enabling Configurations. *Sustainability*, 9, 1506, 1–21.
- Popov E., Semyachkov K. (2020). 7I-model for smart city development. *Archives of Business Research*, 8(7), 143–157.
- Popov E., Semyachkov K. (2021). Smart city assessment matrix. *SHS Web of Conferences, Socio-Economic Sciences*, 94, 01019, 1–5.
- Pulkkinen J., Jussila J., Trotskii A., Laiho A. (2019). Smart mobility: Services, platforms and ecosystems. *Technology Innovation Management Review*, 9(9), 15–24.
- Raven R., Sengers F., Spaeth P., Xie L., Cheshmehzangi A., Jong M. (2019). Urban experimentation and institutional arrangements. *European Planning Studies*, 27(2), 258–281.
- Rehm S.-V., McLoughlin S., Maccani G. (2021). Experimental platforms as bridges to urban sustainability. *Smart Cities*, 4, 569–587.
- Robaeyst B., Baccarne B., Duthoo W., Schuurman D. (2021). The city as an experimental environment: The identification, selection and activation of distributed knowledge in regional open innovation ecosystems. *Sustainability*, 13, 6954, 1–18.
- Rochet C., Correa J.D.P. (2016). Urban lifecycle management: A research program for smart government of smart cities. *Revista de Gestão e Secretariado -GeSec, São Paulo*, 7(2), 1–20.
- Ruohomaa H., Salminen V., Kunttu I. (2019). Towards a smart city concept in small cities. *Technology Innovation Management Review*, 9(9), 5–14.
- Storolli W.G., Makiya I.K., Cesar F.I.G. (2019). Comparative analyses of technological tools between Industry 4.0 and smart cities approaches: The new society ecosystem. *Independent Journal of Management & Production*, 10(3), 1134–1158.
- Yuan J., Xie H., Yang D., Xiahou X., Skibniewski M.J., Huang W. (2020). Strategy formulation for the sustainability development of smart cities: A case study of Nanjing, China. *International Journal of Strategic Property Management*, 24(6), 379–399.

Сведения об авторах

Евгений Васильевич Попов – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: epopov@mail.ru)

Константин Александрович Семьячков – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: k.semyachkov@mail.ru)

Popov E.V., Semyachkov K.A.

Methods for Analyzing Economic and Social Development of Smart Cities

Abstract. The purpose of the study is to develop a typology of methods for analyzing economic and social development of smart cities. Having reviewed the works indexed in the global database Web of Science Core Collection we selected one and a half hundred articles on economic problems of smart cities development published in 2015–2021 and available in the public domain. We identify various methods for analyzing economic and social development of smart cities, differentiate them using the method of describing the objects under consideration (static and dynamic) and the method of model description (tables, diagrams, matrices, graphs). Static methods include methods for assessing ecosystem characteristics, input-output analysis, development diagrams, data ecosystems coordination analysis, assessment of the ecosystem for elderly residents. Dynamic methods include the Value Creation – Value Capturing matrices, stimulating management elements, “digital ecosystems – entrepreneurial ecosystems”, graphs showing the life cycle of the smart city ecosystem, evolution of civil ecosystems, stage-by-stage digital transformation, dynamic opportunities for innovation and the quadruple helix. We show the applicability of methods for analyzing the development of smart cities for various territories. We present our own results of assessment of the development of smart cities in Moscow, Yekaterinburg, Oslo, Singapore based on the 7I-model (infrastructure, institutions, intranet, integration, interfaces, innovations, implementation). Theoretical significance of the results obtained consists in the development of a theory of ecosystem analysis related to assessing the formation of smart cities; practical significance of the results lies in the development of applied tools for strategic planning in the field of smart city project development.

Key words: smart cities, analysis methods, static methods, dynamic methods, tables, diagrams, matrices, graphs.

Information about the Authors

Evgeny V. Popov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, RAS Corresponding Member, Chief Researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: epopov@mail.ru)

Konstantin A. Semyachkov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: k.semyachkov@mail.ru)

Статья поступила 14.01.2022.

DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.8

УДК 316.77, ББК 65.29

© Усков В.С.

Развитие информационного общества в РФ: проблемы и перспективы

Владимир Сергеевич

УСКОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: v-uskov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5158-8551; ResearcherID: T-6713-2017

Аннотация. Развитие информационных технологий и информатизация общества выдвигают новые задачи, которые сосредоточены на получении основных преимуществ в применении информационно-коммуникационных технологий, расширении возможностей пользователей и эффективном использовании интернета и цифровых сервисов. Характерной чертой современного этапа развития общества является цифровизация экономической и социальной сфер. Цифровая трансформация стала важным фактором глобального экономического роста: потенциальные экономические эффекты цифровой экономики могут значительно повысить ВВП, покупательную способность населения, изменить рынок труда и качество жизни, а также улучшить бизнес-среду. Возникновение понятия «цифровая экономика» ознаменовало собой новый этап управления производством товаров и услуг на основе использования современных информационных технологий. Для становления информационного общества в России и сокращения ее отставания от ведущих стран требуется решение вопросов, касающихся развития интеллектуальных, кадровых, технологических преимуществ; формирования адаптивной нормативной базы для внедрения цифровых технологий во все сферы жизни. Цель работы заключается в осмыслении концепта, сущности понятия информационного общества в его взаимосвязи с феноменом цифровой экономики и исследовании тенденций, проблем и перспектив развития информационного общества в РФ в условиях цифровизации экономики. Обобщены теоретические концепции развития информационного общества; изучены теоретические основы сущности информационного общества в условиях цифровизации экономики; проведен анализ состо-

Для цитирования: Усков В.С. Развитие информационного общества в РФ: проблемы и перспективы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 2. С. 120–137. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.8

For citation: Uskov V.S. (2022). Development of the information society in the Russian Federation: Problems and prospects. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(2), С. 120–137. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.8

яния, тенденций развития информационного общества в Российской Федерации; определены проблемы и направления его развития. Научная новизна и оригинальность состоят в развитии теоретико-методологических подходов к исследованию сущности информационного общества в условиях цифровизации экономики и соответствующего понятийного аппарата; в разработке научно-методических основ комплексной оценки состояния, тенденций развития информационного общества в Российской Федерации; в формировании комплекса практических мероприятий и перечня показателей, характеризующих развитие информационного общества.

Ключевые слова: информационное общество, цифровая экономика, проблемы, состояние, тенденции, направления развития.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках государственного задания № FMGZ-2022-0002 «Методы и механизмы социально-экономического развития регионов России в условиях цифровизации и четвертой промышленной революции».

Введение

Влияние информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на социально-экономическое пространство носит глобальный характер, а скорость их распространения высока. Они широко используются в различных сферах социальной и производственной деятельности. Масштаб процесса информатизации определяет необходимость измерения влияния информационных процессов и ИКТ на развитие национальной экономики.

Технологическая революция конца XX века привела к переходу от «материального» общества к «информационному», где информация является приоритетным фактором производства. Эта социально-экономическая трансформация отражается в изменении способа производства, структуры ВВП, возникновении новых профессий, развитии информационно-коммуникационной инфраструктуры, глобализации и цифровизации экономики, интеграции услуг и технологий, а также сетей для передачи и обработки информации.

Воздействию информатизации подвержены все слои общества и сферы деятельности, что обусловлено концентрацией информации в местах ее накопления и распространения, а также возможностью ее прямого воздействия на общество. Следовательно, требуется разработка ряда мер по развитию информационно-коммуникационной инфраструктуры, отвечающей потребностям экономики и информационного общества.

Отрасль ИКТ, как часть материальной, производственной и социальной инфраструктуры, не только играет непосредственную роль в решении всех задач формирования информационного общества, но и оказывает специфический стимулирующий эффект во всех экономических и социальных сферах (Кузовкова, 2017).

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденная Президентом РФ, отводит информационно-коммуникационным технологиям главную роль в развитии внешней и внутренней политики России, формировании информационного общества, создании цифровой экономики и обеспечении государственных интересов и приоритетов в рамках цифровизации экономики (*рис. 1*).

В последние десятилетия ИКТ имеют ключевое значение в процессе развития информационного общества на национальном и международном уровнях и обеспечения стандартов устойчивого развития. Важность этой отрасли определяется положительным влиянием применения ИКТ в сфере производства товаров и услуг, а также изменением качества производственных мощностей и факторов производства. Только при создании информационного общества можно эффективно использовать информационные ресурсы и технологии.

Цель работы состоит в осмыслении концепта, сущности понятия информационного общества в его взаимосвязи с феноменом цифровой

Рис. 1. Задачи Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг.

Источник: составлено автором.

экономики и исследовании тенденций, проблем и перспектив развития информационного общества в РФ в условиях цифровизации экономики. На ее достижение направлено решение следующих задач:

- 1) обобщить теоретические концепции развития информационного общества;
- 2) изучить теоретические основы сущности информационного общества в условиях цифровизации экономики;
- 3) провести анализ состояния, тенденций развития информационного общества в Российской Федерации;
- 4) определить проблемы и направления развития информационного общества в Российской Федерации в условиях развития цифровой экономики.

Материалы и методы исследования

Исследование основано на применении междисциплинарного подхода, подразумевающего использование единой методологической базы в целях обобщения результатов в научно-технологической, производственной, социально-экономической, институциональной, административно-управленческой, политико-правовой и иных областях для проведения комплексного анализа формирования и развития информационного общества в РФ в условиях развития цифровой экономики.

Анализ состояния, тенденций развития информационного общества в Российской Федерации осуществлялся с помощью массива статистической информации, охватывающего, во-первых, показатели инновационного развития экономики, во-вторых, данные, характеризующие социально-экономический потенциал РФ, в-третьих, показатели рынка информационно-коммуникационных технологий.

Информационной базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных экономистов в области научно-технологического и инновационного развития, государственного управления; ученых, занимающихся вопросами развития цифровой экономики, проблемами формирования и реализации информационного общества в их взаимосвязи с проблемой социально-экономического развития.

Исследование базируется на принципах комплексности, системности, диалектичности, позволяющих получить знания о сущности информационного общества и способах его формирования. Его научная новизна и оригинальность состоят в развитии теоретико-методологических подходов к исследованию сущности информационного общества в условиях цифровизации экономики и соответствующего понятийного аппарата; в разработке научно-

методических основ комплексной оценки состояния, тенденций развития информационного общества в Российской Федерации; в формировании комплекса практических мероприятий и перечня показателей, характеризующих развитие информационного общества в Российской Федерации в условиях цифровизации.

Теоретические аспекты исследования

Концепция информационного общества начала формироваться в результате развития постиндустриальной доктрины, отводившей информации и знаниям главную роль в развитии производства и общества.

В конце 1950-х гг. Д. Рисмен ввел понятие «постиндустриальное общество». Возникновение теории постиндустриального общества является комплексным результатом применения различных методов оценки к динамике общественного развития. Уже в начале 1960-х гг. концепция постиндустриализма получила широкое распространение, вместе с пониманием, что социальные и политические факторы постепенно уступают место факторам технологического развития.

В научной литературе существует несколько подходов к теории постиндустриализма. В основу первого положено определение Д. Белла, понимающего постиндустриальное общество как общество, экономика которого перешла от массового выпуска товаров к производству услуг, организации научных исследований, развитию образования и улучшению жизни (Bell, 2001). В связи с этим постиндустриальное общество определяет появление советников, консультантов, которые на политической арене выступают в качестве экспертов.

Второй подход предполагает связь с определением нового состояния цивилизации путем развития информатизации. В 1960-е годы было введено понятие «информационное общество», эта теория получила широкое распространение в трудах Р. Катца, И. Масуды, Т. Стоунье, М. Пората. Приверженцы данного подхода отмечают, что быстрое развитие процессов информатизации приводит к информационному обществу как результату нового качественного развития постиндустриального общества. По мнению И. Масуды, развитие компьютерных технологий позволяет быстро переходить от одного технического решения к другому, более

качественному. Сама скорость распространения информационной революции характеризуется постоянным ростом, а также превышает скорость развития технологий (Masuda, 1983a; Masuda, 1983b).

Значительный вклад в исследование вопросов постиндустриализма внес американский политолог З. Бжезинский. Он отмечал, что под влиянием технологий и электроники, развития компьютеров и коммуникаций в культуре, психологии, обществе и экономике формируется постиндустриальное (технологическое) общество.

В начале 1960-х гг. была предложена концепция «электронного общества» (Marshall McLuhan), которая привела к изучению развития современной культуры, характеризующейся наличием электронных методов связи.

Среди исследований отечественных ученых по рассматриваемой проблеме можно отметить работы В.Л. Иноземцева, А.И. Ракитова, Р.Ф. Абдеева.

По мнению В.Л. Иноземцева, основой для перехода к обществам постиндустриального типа являются не столько новые технологии или знания, сколько изменение самого человека, обретение им качественно новой мотивации. Вместе с тем распространение постиндустриальных тенденций происходит крайне медленно по причине уникального свойства самого общества постиндустриального типа. Так, достигнув определенного уровня развития, данное общество формирует относительно нейтральный в экономическом и социальном отношении сектор, во все меньшей мере стремящийся к взаимодействию с остальными элементами общественного целого. Работы В.Л. Иноземцева по вопросам развития постиндустриального общества как социального феномена в настоящее время признаны западной социологией (Иноземцев, 2000).

В исследованиях развития технологической и информационной революции, проведенных А.И. Ракитовым, отмечаются основные изменения и новшества в культуре, обществе и цивилизациях в целом. По его мнению, развитие информационного общества включает в себя несколько стадий, переход к которым осуществляется посредством технологических (информационных) революций (Ракитов, 1998).

В 1980-е гг. Р.Ф. Абдеев основные этапы развития общества связывал с достижениями в области информатики, управления информацией, компьютеризации, экологии (концепция информационной цивилизации). По его мнению, на развитие цивилизации оказывает влияние информационная революция, которая приводит к увеличению эффективности производства, сокращению занятых в экономике. Создание современных технологий меняет отрасли экономики и формирует благоприятную среду, в том числе для экономического роста в развивающихся странах.

Обобщение научных работ по вопросам постиндустриального развития и исследований, посвященных вопросам социальных изменений, развития общества, позволяет выделить главные характеристики постиндустриального общества. Среди них наукоемкие отрасли производства, преобладание сферы услуг, развитие ИКТ-инфраструктуры (объединенные, распределительные сети), информация и знания, являющиеся детерминантами социальных процессов (Masuda, 1983a; Masuda, 1983b; Тоффлер, 1999; Уэбстер, 2004).

Как показали результаты анализа теоретико-методологических подходов, общепризнанное определение понятия «постиндустриальное общество» в научной литературе не выработано. В настоящее время при исследовании вопросов, касающихся развития информационного общества, встречаются термины «новая экономика», «информационная экономика», «интернет-экономика», «экономика знаний» и «цифровая экономика». Предлагаемые учеными интерпретации этих терминов разнообразны и очень расплывчаты, зависят от научного направления, в котором исследуется понятие.

По нашему мнению, информационное общество – это такое общество, где производство, обработка, хранение и передача информации повышают эффективность социально-экономических процессов.

В свою очередь под информатизацией общественных процессов понимается совершенствование социальных и экономических условий общества с помощью современных информационных и коммуникационных технологий. При отсутствии достаточной технологической основы, позволяющей распространять организованные знания без пространственных

ограничений с наименьшими затратами времени и труда, рост и развитие информационного общества будут незначительны.

Общество, наполненное потреблением информации, оснащенное современными информационными технологиями, развитой инфраструктурой, может выполнять задачи на совершенно другом уровне, вести экономическую деятельность для устойчивого экономического роста и развития.

По мнению Йокоширо Когана, информационное пространство – это множество баз данных с развитыми технологиями, способами хранения и использования, системами передачи информации, действующих на основе единых принципов и обеспечивающих информационное взаимодействие между учреждениями и гражданами для удовлетворения их информационных запросов. Вышеперечисленные составляющие и экономическая компонента развития информационного общества образуют феномен, получивший название «цифровая экономика» (Амагаев, 2017).

В научных исследованиях цифровая экономика – в первую очередь экономика, в которой основная доля валового внутреннего продукта формируется за счет производства, обработки, хранения и распространения информации с участием в этой деятельности более половины занятых в экономике. В рамках практического подхода цифровая экономика – это концепция, рассматривающая вопросы применения информационных ресурсов для развития экономики. Научно-методический подход к определению данного понятия предполагает рассматривать цифровую экономику с позиции анализа законов создания, хранения и распространения технической информации.

А.М. Туфетулов полагает, что цифровая экономика – это комплекс межэкономических взаимодействий, которые имеют ряд ключевых элементов, отличных от других возможных видов экономик. Таким образом, в настоящее время можно говорить о том, что цифровая экономика проходит период своего формирования (Туфетулов, 2007).

Основным трендом эффективного развития цифровой экономики выступает цифровизация. Именно она составляет базу цифровой экономики и обуславливает перестройку традиционных форматов представления инфор-

мации на цифровые, в целях обеспечения роста эффективности бизнес-процессов и улучшения качества жизни, посредством увеличения скорости обмена, доступности и защищенности информации, возрастания роли автоматизации.

Цифровизация определяет создание в экономическом пространстве цифровых платформ, которые позволяют решать вопросы стратегического характера в области образования и науки, медицины, транспорта, государственного управления, промышленности и т. д., то есть происходит трансформация природы общественных отношений.

С целью изучить феномен информационного общества требуется рассмотреть критерии формирования аналитических подходов к его определению. Обобщение экономической литературы по данной тематике позволило выявить, что для анализа информационного общества существует четыре критерия: относящийся к занятости, пространственный, экономический и технологический (табл. 1).

Таким образом, многие подходы к выделению элементов информационного общества основываются на принятии того факта, что появление новых социальных и экономических взаимодействий в обществе связано со значительными количественными изменениями в области производства, обработки, хранения и распространения информации.

Рассмотрев различные методы интерпретации социальных и экономических отношений, создаваемых на основе информационных и цифровых технологий, можно сделать вывод о том, что в настоящее время подробные положения по этому вопросу не разработаны. Во многих исследованиях уделяется внимание количественным показателям информатизации общества и предполагается, что вскоре при достаточном их росте цифровая экономика начнет преобладать.

Обзор исследований в данной области позволяет заключить, что преобразования в современном обществе, вызванные глобальным проникновением современных информационных технологий во множество сфер деятельности, предстают как объективный процесс, обусловленный созданием все более совершенных и эффективных средств производства и формированием соответствующих отношений. Процессы трансформации общественного развития настолько фундаментальны, что, кроме положительных аспектов, несут с собой серьезные проблемы, угрозы и риски всем, кто не воспринял, не оценил новые факторы и условия (Ускова и др., 2013). Вместе с тем проблематика формирования и становления информационного общества многогранна и затрагивает все стороны проявления: технологическую, экономическую, социальную, институциональную и др.

Таблица 1. Аналитические подходы к выделению основных элементов понятия «информационное общество»

Критерий	Характеристика	Исследователи
Относящийся к занятости	Изменения в социально-экономических процессах являются следствием занятости большинства в сфере производства и распространения информации. Главным ресурсом становятся данные, значительное увеличение нагрузки в сфере их обработки можно рассматривать как переход к информационному обществу.	Белл Д., Дрюкер П., Махлуп Ф. (Bell, 2001; Drucker, 1993; Machhlup, 1962)
Пространственный	Глобальное экономическое пространство формируется на основе развития сетей передачи данных в разных местах. В свою очередь сети становятся главной особенностью развития общества.	Баррон И., Курно Р. (Barron, Curnow, 1979)
Экономический	Учитывает возрастающую ценность производства, обработки, хранения и распространения информации.	Лаин Н., Мартин Дж. (Lane, 1999; Martin, 1978)
Технологический	Наличие большого числа новшеств в сфере ИКТ, получивших широкое распространение в обществе	Фукс К., Мюлган Г., Урри Дж. (Fuchs, 2008; Irawan, 2014; Urry, 1999)
Источник: составлено автором.		

Основные результаты исследования

В настоящее время ИКТ получают развитие и распространение во всех отраслях экономики и сферах общественной жизни, выступая в качестве факторов экономического развития и улучшения условий жизни населения. Новые ИКТ позволяют повышать образовательный уровень общества, развивать его научный потенциал, а также увеличивать эффективность использования национальных и глобальных ресурсов. В целях формирования информационного общества для РФ также важно развивать и использовать современные информационные технологии.

В российской экономической литературе, деловой практике и повседневной жизни встречаются разные термины, характеризующие информационные продукты и услуги. В сети Интернет, периодических изданиях и обыденной речи чаще употребляется понятие «инфор-

мационные технологии» (ИТ), а в научной и статистической литературе, а также в законодательных актах – «информационно-коммуникационные технологии» (ИКТ). В рамках нашего исследования оба термина применяются как синонимы, при этом в ракурсе отраслевого подразделения информационных товаров и услуг корректней использовать термин ИКТ, позволяющий обозначить различия между информационными и коммуникационными услугами, в то время как при анализе современных тенденций более удобен интернациональный и общемировой термин ИТ.

Как показывают исследования EIU (аналитическое агентство журнала «Экономист»)¹, в настоящее время можно констатировать, что развитие сектора ИКТ в странах будет отличаться, так как ведущие государства первыми внедрившие новые технологии, в будущем будут иметь больше возможностей для устойчиво-

Таблица 2. Позиции России в международных рейтингах по развитию цифровой экономики

Индекс, год	Страны – лидеры рейтинга	Место России в рейтинге	Всего стран в рейтинге	Страны – «соседи» России
Индекс инклюзивного интернета, 2020	Швеция, Новая Зеландия	26	100	Кувейт, Португалия, Тайвань
Глобальный индекс сетевого взаимодействия, 2019	США, Швейцария	41	79	Бахрейн, Оман
Глобальный индекс конкурентоспособности, 2019	Сингапур, США	43	141	Словакия, Кипр
Всемирный рейтинг цифровой конкурентоспособности, 2019	США, Сингапур	38	63	Чехия, Саудовская Аравия
Индекс готовности к сетевому обществу, 2019	Швеция, Сингапур	48	121	Румыния, Болгария
Индекс электронной торговли B2C, 2019	Нидерланды, Швейцария	40	152	Болгария, Греция
Глобальный инновационный индекс, 2019	Швейцария, Швеция	46	129	Черногория, Украина
Индекс развития электронного правительства, 2018	Дания, Австралия	32	193	Израиль, Польша
Глобальный индекс кибербезопасности, 2018	Великобритания, США	26	175	Италия, Китай
Индекс экономики знаний ЕБРР, 2018	Эстония, Словения	17	38	Грузия, Казахстан
Индекс развития ИКТ, 2017	Исландия, Республика Корея	45	175	Португалия, Словакия
Индекс цифрового развития, 2017	Норвегия, Швеция	39	60	Греция, Иордания
Международный индекс цифровой экономики и общества, 2016	Дания, Республика Корея	37	45	Кипр, Греция
Составлено по: Абдрахманова Г.И., Вишнеvский К.О., Гохберг Л.М. (2020). Индикаторы цифровой экономики: стат. сб. нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ. 360 с.				

¹ Реализация преимуществ ИКТ и экономический рост в Европе: обзор EIU. 2018. URL: <http://emag.lis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BRA/c8b8769161ef8635c325716b0052794a>

го развития ИКТ-сектора. Остальным странам будет все труднее преодолевать растущий разрыв (Егорова, Торжевский, 2018).

В связи с этим актуальным является анализ текущего состояния развития сектора ИКТ и цифровой экономики в России (табл. 2). Несмотря на то, что разработка соответствующими международными организациями такого рода рейтингов стран не в полной мере может считаться точной и достоверной, тем не менее может рассматриваться в качестве внешней оценки при определении места и роли страны в мировом хозяйстве.

Таким образом, рейтинги позволяют сделать вывод о наличии существенной разницы между доступными возможностями страны и их использованием в экономике. Вместе с тем Россия имеет потенциал и готовность к активному развитию информационных технологий.

Рынок ИКТ начал активно развиваться только в последние десятилетия. В 2018 году его общий мировой объем составил почти 4,0 трлн долл., и к 2023 году он увеличится в 1,5 раза. В ВВП развитых стран его доля составляет около 6%, по прогнозу она увеличится до 8% (Егорова, Торжевский, 2018). Именно этот рост говорит о переходе стран к новому этапу – активной цифровизации и развитию информационного общества (Макаров, 2003).

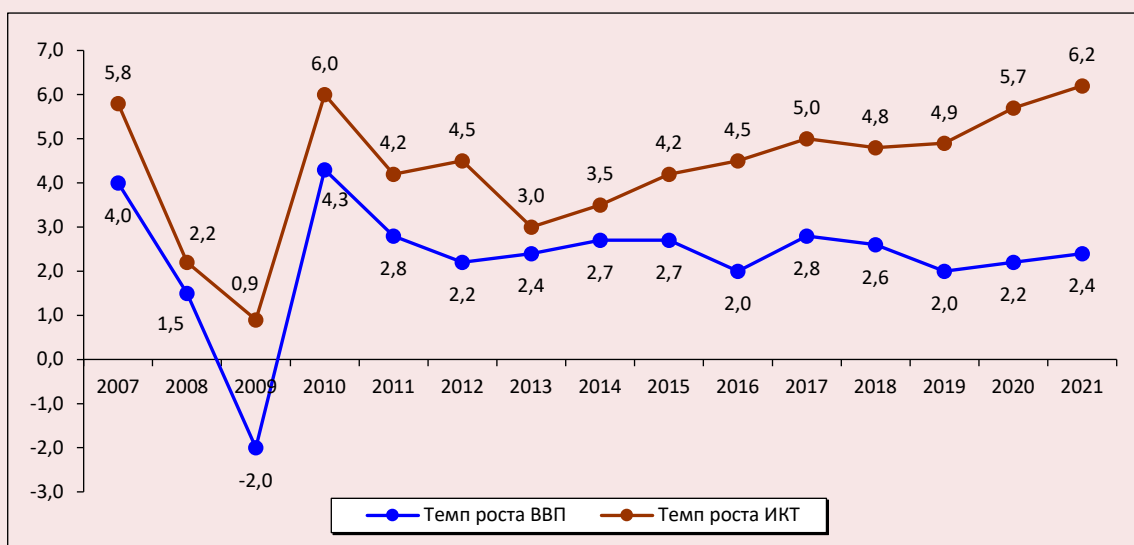
Динамика мирового рынка ИКТ в период 2007–2018 гг. достаточно хорошо коррелировала с ростом мирового ВВП (рис. 2). Вместе тем с 2015 года рынок информационно-коммуникационных технологий почти в два раза опережал рост ВВП.

В РФ рост ИКТ-рынка связан с глобальными тенденциями и местными особенностями: внедрение ИТ в производство и управление (в первую очередь на государственном уровне); активное развитие интернет-сервисов; рост у пользователей числа «умных устройств». В ближайшее время ожидается активное внедрение ИКТ во всех отраслях производства и сферы услуг.

В РФ в отрасли ИТ работают около 350 тыс. человек – это 0,5% занятых в России. В отрасли на протяжении последнего десятилетия наблюдается положительная динамика развития: по расчетам ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, в целом за период 2010–2019 гг. ее валовая добавленная стоимость увеличилась более чем вдвое – до 945 млрд руб. Самый высокий за последние шесть лет прирост наблюдался в 2018 году – почти 15%. В 2019 году он снизился до 8,6% (рис. 3).

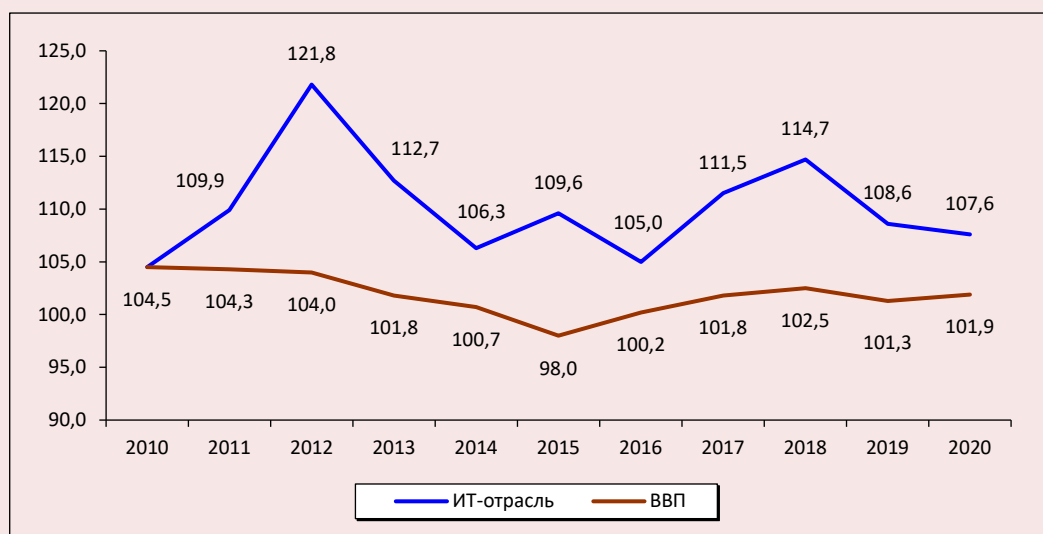
Удельный вес отрасли ИКТ в России в ВВП за период 2010–2018 гг. также демонстрировал устойчивую положительную динамику (рост с 0,58 до 0,90%). Если валовая добавленная сто-

Рис. 2. Динамика мирового рынка ИКТ и ВВП, %

Источник: ИКТ мировой рынок. Tadviser. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:ИКТ_\(мировой_рынок\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:ИКТ_(мировой_рынок))

Рис. 3. Индексы физического объема валовой добавленной стоимости ИКТ-отрасли, % к предыдущему году; в постоянных ценах

Источник: Динамика и перспективы развития ИТ-отрасли. URL: <https://issek.hse.ru/news/371816718.html>

имость ИТ-отрасли в России в 2014 году составляла 374 млрд рублей, то в 2019-м она достигла уже 822 млрд руб. И если доля ИКТ в ВВП страны по итогам прошлого года равнялась 0,9%, то к 2024 году она должна достигнуть 1,5%. Однако это почти в три раза ниже, чем в странах-лидерах (страны ЕС, Великобритания, Япония)².

По данным Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, рост ИКТ-отрасли в России идет быстрыми темпами³. Согласно информации единого реестра российского программного обеспечения, в стране имеется почти 4000 программных продуктов.

РФ играет ведущую роль в создании соцсетей, поисковых, антивирусных программ и систем. Также имеются программные продукты для промышленного сектора, такие как средства распознавания изображений, проектировочные системы (Adem, Компас), системы для

² Абдрахманова Г.И., Вишневский К.О., Гохберг Л.М. (2020). Индикаторы цифровой экономики: стат. сб. / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ. 360 с.

³ Стратегия развития отрасли информационных технологий в России. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/>

управления производством, трудовыми ресурсами, активами предприятия (1С, Галактика), блокчейн (Waves) (Коровин, 2019).

Как свидетельствуют данные «Руссофт», поставки программных продуктов из России за рубеж составляют более 8,0 млрд долл.⁴ Кроме того, российский опыт находит отражение в поиске решений в наиболее конкурентных частях мирового рынка программного обеспечения (big data, искусственный интеллект и др.). В России реализуется несколько активных и экспериментальных проектов в области получения информации из реестров, электронных государственных услуг, электронных торговых площадок и т. д.

С целью улучшения условий жизни граждан, повышения конкурентоспособности страны, развития всех сфер общества, модернизации систем управления за счет использования ИКТ была принята государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020)». Первый ее текст утвержден распоряжением Правительства от 20 октября 2010 г. № 1815-р. В основу програм-

⁴ Экспорт российской индустрии программного обеспечения. URL: https://russoft.org/wp-content/uploads/2018/10/RUSSOFT_Survey_14.1_rus.pdf

мы положен план инновационного развития социальных и экономических процессов РФ в соответствии с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р) с учетом программно-целевых принципов развития бюджетной системы РФ.

В период с 2014 по 2019 год государственная программа Российской Федерации «Информационное общество» была скорректирована в связи с принятием ряда нормативно-правовых актов: «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204); «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» (указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203); «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» (указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646); «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года» (утверждены Председателем Правительства Российской Федерации от 29 сентября 2018 г.) и др.

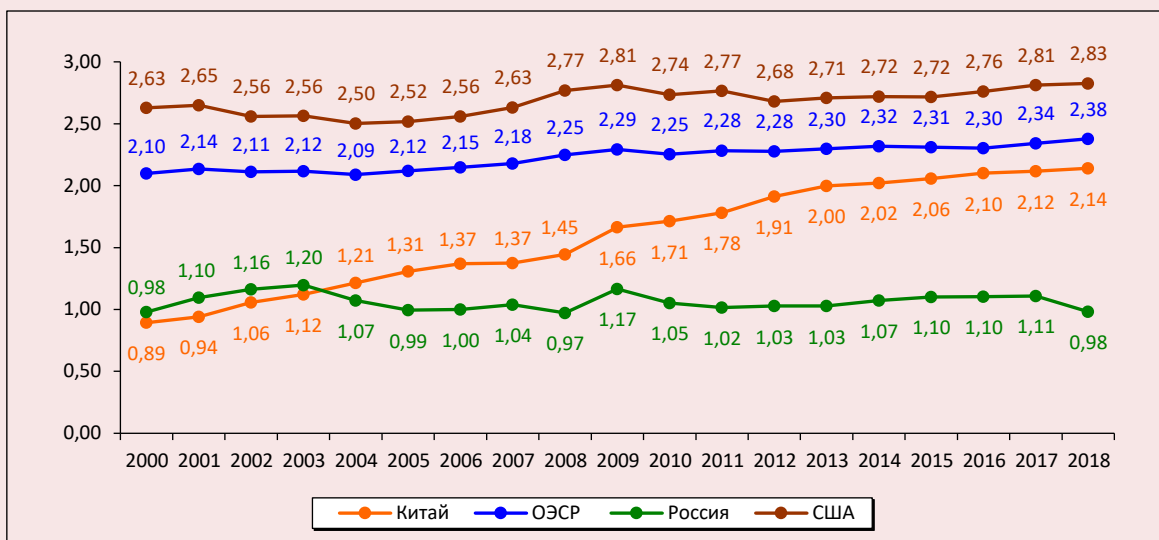
Согласно этим документам, основными приоритетами развития информационного общества в РФ являются улучшение качества жизни и благосостояния населения страны, доступность госуслуг, развитие цифровой грамотности, а также повышение экономического потенциала РФ за счет использования современных ИКТ.

В последней редакции государственной программы «Информационное общество» (утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 31 марта 2020 г. № 386-20) задачи развития ИКТ направлены на обеспечение государственных интересов и приоритетов в рамках развития информационного общества, цифровизации экономики.

Вместе с тем процессы цифровизации требуют значительных финансовых вложений. Необходимы закупка и содержание технических средств, специальных программных продуктов, подготовка и переподготовка кадров.

Согласно данным, в странах ОЭСР расходы на НИОКР за период с 2000 по 2018 год увеличились на 0,28% и составили 2,38% в процентах от ВВП (рис. 4). В РФ за рассматриваемый период наблюдается стагнация данного показателя. В 2018 году расходы на НИОКР составляли 0,98% от ВВП (уровень 2000 г.), что в 2,5–3 раза меньше, чем в странах ОЭСР и Китае.

Рис. 4. Доля затрат на НИОКР, % от ВВП

Источник: составлено на основе данных ОЭСР. URL: <https://stats.oecd.org/>

Реальные расходы на НИОКР в РФ с 2007 по 2018 год выросли на 9%, в основном за счет динамики результатов НИОКР в секторе высшего образования и науки. За рассматриваемый период расходы на НИОКР в государственном секторе увеличились на 29%, а в секторе предприятий, наоборот, снизились почти на 6%.

Важную проблему составляет статистическая оценка НИОКР и «сквозных» технологий в экономике ввиду отсутствия общеиспользуемого описания их параметров, постоянного статистического учета, сложностей с отнесением к сферам научно-технологического развития. Кроме того, в статистике в основном учитываются только НИОКР, выполненные в государственных научных институтах и вузах, а огромный пласт работ, осуществленных компаниями за свой счет, в официальной статистике не отображен. Статистические данные по объему НИОКР и числу патентов по сквозным цифровым технологиям обобщены в «Атласе сквозных технологий цифровой экономики России» (табл. 3).

Опираясь на представленные данные, подчеркнем, что самый значительный блок выполненных НИОКР связан с технологиями больших данных (6800 ед.), имеющих в стоимостном выражении почти 120 млрд руб. Затем следуют новые производственные технологии (6372 ед.) с самым большим числом патентов – 890 ед. Также отметим, что на разработку искусственного интеллекта было затрачено свыше 58 млрд руб.

Таким образом, имеющаяся государственная и ведомственная статистика позволяет го-

ворить о высоком уровне проникновения ИТ в общественную жизнь в России. Так, почти 80% населения страны пользуются услугами сотовой связи и мобильного интернета.

Число российских абонентов фиксированного и мобильного широкополосного доступа к интернету (ШПД) в 2017 году составило 30,9 и 117,4 млн ед. (рис. 5).

Кроме того, увеличился и объем фиксированного трафика – на 23%, мобильного – на 84%. В 2017 году объем переданной через широкополосный доступ к интернету информации в РФ составил более 40 тыс. Пбайт.

В Российской Федерации в последние годы все больше декларируется переход к информационному обществу на фоне больших успехов частных компаний по внедрению цифровых технологий, общей цифровизации рынка, появления больших инфраструктурных проектов по цифровизации, развития высокоскоростной мобильной связи (Усков, 2020а; Усков, 2020б).

Как свидетельствуют данные мониторинга развития информационного общества, с 2014 по 2020 год в РФ доля студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, сократилась с 3,6 до 2,8% от общей численности населения (табл. 4).

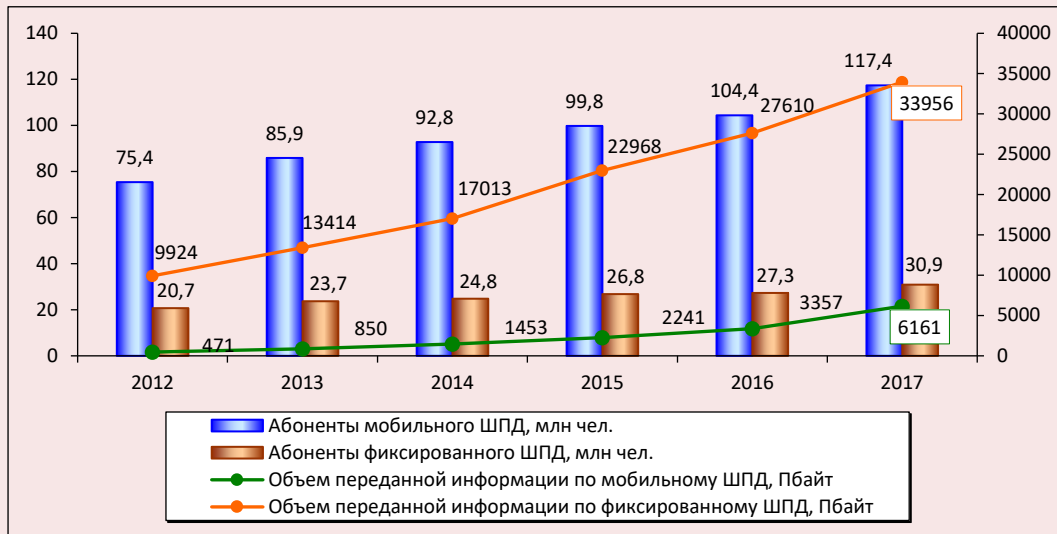
Также за данный период уменьшилась численность исследователей, выполнявших научные исследования и разработки, до 49,6 на 10 000 занятых в экономике. Одновременно наблюдается рост промышленных организаций, осуществлявших технологические инновации, с 8,8 до 10,8%.

Таблица 3. НИОКР и патенты по сквозным цифровым технологиям за 2011–2018 гг.

Наименование технологии	Количество НИОКР, ед.	Объем НИОКР, млн руб.	Число патентов, ед.
Big data (большие данные)	6800	119200	530
Искусственный интеллект	4340	58770	585
Блокчейн	675	11340	359
Квантовые технологии	1270	7550	92
Новые производственные технологии	6372	63875	890
Промышленный интернет	270	2444	141
Робототехника	925	13520	302
Беспроводная связь	211	1470	226
Виртуальная и дополненная реальность	450	500	115

Источник: Атлас сквозных технологий цифровой экономики России. М.: Росатом, 2019. URL: <http://digitalrosatom.ru/proektnyj-ofis-cifrovayaekonomika-rf-gk-rosatom-podgotovil-pilotnyuyversiyu-doklada-atlas-skvoznix-technologij-cifrovojeekonomiki-rossii/>

Рис. 5. Использование населением устройств и технологий мобильной и фиксированной связи

Источник: Абдрахманова Г.И., Ковалева Г.Г. Сектор ИКТ в России. URL: <https://issek.hse.ru/news/227732702.html>

Таблица 4. Основные показатели развития информационного общества в Российской Федерации

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2020 к 2014, %
Доля занятого населения в возрасте 25–64 лет, имеющего высшее образование, в общей численности занятого населения соответствующей возрастной группы, %	33,0	33,8	34,3	35,1	35,1	35,2	36,5	3,5
Удельный вес студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, в общей численности населения, %	3,6	3,3	3,0	2,9	2,8	2,8	2,8	-0,8
Доля внутренних затрат на исследования и разработки, % к ВВП	1,07	1,10	1,10	1,11	1,0	1,04	1,1	0,0
Численность исследователей, выполнявших научные исследования и разработки, на 10 000 занятых в экономике, чел.	55,1	52,5	51,4	50,1	49,8	49,8	49,6	90,0
Доля организаций промышленного производства и сферы услуг, осуществлявших технологические инновации, в общем числе обследованных организаций, %	8,8	8,3	7,3	7,5	8,6	9,6	10,8	2,0
Удельный вес принципиально новых технологий в общем числе разработанных передовых производственных технологий, %	11,6	12,5	12,5	13,6	13,6	11,6	13,4	1,8
Число пунктов коллективного пользования (доступа), имеющих выход в сеть Интернет, на 10 000 человек населения, ед.	2,0	1,7	0,3	0,1	0,2	0,3	0,6	30,0
Число абонентов фиксированного широкополосного доступа в интернет на 100 человек населения, ед.	17,0	18,3	18,6	21,0	21,7	22,2	23,0	135,3
Число абонентов мобильного широкополосного доступа в интернет на 100 человек населения, ед.	64,5	68,1	71,1	79,9	86,2	96,4	99,6	154,4
Объем инвестиций в основной капитал на оборудование для информационно-коммуникационных технологий, в фактически действующих ценах, млрд руб.	292,15	304,99	284,67	389,7	484,3	617,8	728,9	249,5

Источник: данные Росстата.

Вместе с тем за рассматриваемый период на 33% (до 729 млрд руб.) увеличился объем инвестиций в основной капитал на оборудование для ИКТ, что влечет за собой расширение доступности сети Интернет как населению, так и организациям.

Такая стремительная динамика России стала возможной благодаря развитию сектора ИКТ и инфраструктуры электронного правительства, включая модернизацию государственного сайта, а также активному представлению интересов Российской Федерации в рамках взаимодействия с международными организациями. Самым значительным прорывом стало создание Единого портала государственных услуг – ключевого звена «электронного правительства» страны.

Рассматривая показатели информационной безопасности российских предприятий, можно отметить, что за период 2014–2020 гг. доля организаций, использовавших средства защиты информации, передаваемой по глобальным сетям, снизилась, в 2020 году их доля составляла чуть больше 75%. Порядка 69% организаций использовали средства электронной цифровой подписи, 39% – средства шифрования (табл. 5). Также за данный период на 1,8% сократилась доля населения, не использующего сеть Интернет по соображениям безопасности.

Однако разрыв в показателях цифровизации между РФ и странами-лидерами все же существует. С 2014 года в странах Европейского

союза рассчитывается индекс цифровизации экономики и общества (DESI), в настоящее время он рассчитывается и для других стран мира. В 2017 году РФ имела индекс DESI, равный 0,47 (в странах ЕС – 0,54). Лидерами по этому показателю являлись Дания (0,66), Финляндия (0,65) и Швеция (0,64).

Данные Евразийской экономической комиссии позволяют утверждать, что существенный потенциал цифровизации в РФ (в первую очередь наличие цифровых платформ) сконцентрирован в сферах информационно-коммуникационных технологий, интернет-торговли, услуг и финансов. Определенные сложности с развитием цифровых платформ имеются в научной сфере, медицине и промышленном секторе.

Заключение

Развитие информационного общества РФ в условиях цифровизации экономики – важная цель для страны на ближайшую перспективу. Еще в 2018 году была принята национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. распоряжением Правительства РФ от 28.07.2018 № 1632-р.), однако она не имела статуса (федерального, государственного, межведомственного), конкретных стандартов и источников финансирования.

В научной литературе и общественных дискуссиях не раз отмечалось, что данная программа только поверхностно затрагивала основные аспекты цифровизации экономики и общества

Таблица 5. Информационная безопасность предприятий и населения

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2020 к 2014, %
Доля организаций, использовавших средства защиты информации, передаваемой по глобальным сетям, в общем числе обследованных организаций, %	87,7	86,6	87,3	87,2	89,3	89,5	75,3	-12,4
из них использовавших:								
- средства шифрования, %	39,3	41,0	42,9	44,3	45,8	44,3	38,6	-0,7
- средства электронной цифровой подписи, %	76,5	75,3	77,7	77,2	78,9	79,1	68,7	-7,8
Доля населения, не использующего сеть Интернет по соображениям безопасности, в общей численности населения, %	2,2	0,4	0,5	0,6	0,4	0,5	0,4	-1,8
Источник: данные Росстата.								

(Иванов, Малинецкий, 2017; Якутин, 2017). На это во многом повлияли скорость ее разработки, принятия и ажиотаж, возникший вокруг проблемы цифровой экономики. В итоге без конкретной направленности, целей, задач и приоритетов цифровизации программа не показала свою эффективность и не получила развития.

Исправить отмеченные недочеты была призвана разработка национального проекта (программы) «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная указом Президента РФ № 204 от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г». В части указа, касающейся цифровой экономики, декларируется цифровизация экономической и социальной сфер государства: промышленности, сельского хозяйства, строительства, здравоохранения, образования и др. Фактически открыта возможность для решения вопроса по обеспечению связи и взаимодействия между двумя важными государственными вопросами – цифровизацией экономики и общества и импортозамещением в ИКТ-отрасли и других сферах.

В то же время нацпрограмма «Цифровая экономика Российской Федерации» не связана с другими соответствующими документами научно-технологического и инновационного развития: «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», т. к. необходимо большое количество интеллектуальных ресурсов для осуществления взаимодействия в фундаментальных и прикладных исследованиях (Ленчук, Власкин, 2018).

Таким образом, важной задачей является определение технологических приоритетов для решения вопросов по формированию и развитию информационного общества. На первый план здесь выходят следующие направления цифровизации: развитие информационно-коммуникационных технологий, микроэлектроника, искусственный интеллект и роботизация. Кроме того, необходимо обеспечить высокий статус программы, превышающий значимость аналогичных проектов по направлениям разви-

тия цифровой экономики. Национальная программа должна утверждаться в рамках президентского указа либо в рамках действия Совета по развитию национальных проектов при Президенте РФ.

Если подходить к данному вопросу системно, то целесообразно рассматривать крупномасштабные программы в области цифровизации как неотъемлемую часть нацпрограммы, которая решает определенные задачи и на этом фоне имеет приоритетное над остальными проектами финансирование. Вместе с тем анализ паспорта нацпрограммы «Цифровая экономика Российской Федерации» позволяет утверждать, что она будет включена в программы «Информационное общество», «Экономическое развитие и инновационная экономика» и др. В этом случае сложно обеспечить самостоятельность ее финансирования, так как ее реализация должна обеспечиваться за счет программ и проектов, которые являются ее частью (Шевцов, 2021). Понятно, что такое решение не будет способствовать первоочередному исполнению нацпрограммы, а приведет к ее финансированию по мере поступления средств (по остаточному принципу).

Таким образом, в первую очередь необходимо создать самостоятельный проект «Информационная система и ресурсы цифровой экономики», главными задачами которого станут развитие цифровой среды, цифровизация различных сфер национальной экономики, информатизация общества, решение вопросов его функционирования на основе информационных систем, обеспечивающих создание и обработку больших объемов данных.

Кроме того, следует придать специальный статус национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации», позволяющий реализовать ее, исключая общие требования постановления Правительства РФ № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве РФ». То есть, по сути, требуется обеспечить ее переход от существующей структуры «Задачи – Результаты» к «Проект – Цель – Задача – Веха – Мероприятие», что будет способствовать более качественному контролю над реализацией программы.

Наконец, необходимо обеспечить прозрачность информации о реализации национальной программы. В настоящее время в открытом доступе крайне мало информации об этом, в связи с чем требуется много времени на поиск и анализ источников о ходе выполнения программы. На государственных порталах (АНО «Цифровая экономика» и Цифровая экономика 2024) информация о ходе выполнения программы также не представлена.

Совместная реализация вышеуказанных предложений поможет улучшить формирование и развитие информационного общества и будет способствовать активизации инновационной деятельности как в области государственного управления, так и в сфере национальной экономики.

При разработке стратегии развития информационного общества в стране важно определить приоритеты и фокус рассмотрения с точки зрения отраслей и территорий. Подход должен основываться на понимании их важности для поддержания национальной конкурентоспособности, с одной стороны, и относительной легкости внедрения информационных технологий в данной области, с другой. Фокус рассмотрения определяет, с чем именно следует работать при реализации стратегии, на что воздействовать, что менять. Это объекты внимания и одновременно объекты изменения. Например, фокусом рассмотрения может быть организация в целом или ее составная часть (подразделение), несколько связанных организаций (холдинг), целая отрасль, то или иное территориальное образование (город, регион).

При разработке стратегии следует сфокусироваться на объектах внимания с определенных позиций или через определенную призму, например финансовую, кадровую или, наконец, цифровую. Сочетание «объект внимания + призма рассмотрения» порождает направление развития стратегии. Если объектом внимания становится весь регион, а призмой рассмотрения — «информационное общество», получаем «региональную стратегию развития информационного общества». Фокус стратегии для госорганизации может быть задан верхнеуровневыми нормативными докумен-

тами, начиная с нацпроектов и заканчивая стратегией развития региона, а может определяться отраслевыми особенностями или региональной спецификой.

Основные направления развития и фокус поддержки со стороны государства в части развития информационного общества представлены в *таблице 6*.

ИКТ вносят значительный вклад в развитие отраслей национальной экономики. Они становятся частью современной системы управления в большинстве отраслей экономики, государственного управления, национальной обороны, национальной безопасности и т. д.

Существует несколько основных областей, в которых информационная деятельность связана с компьютерами и ИТ-технологиями: производство новых товаров и услуг, научные исследования, развитие информационных систем, образование, издательская деятельность и автоматизация рабочих мест. В настоящее время в стране создается система предоставления государственных услуг в электронной форме.

В РФ в связи с задачей обеспечения всеобщего доступа к информационно-коммуникационным технологиям существует необходимость в усилении использования технологий, созданных на основе передовых знаний (нано- и биотехнологии, искусственный интеллект, альтернативная энергетика и др.).

Современное российское общество заинтересовано в получении информации, которая поможет улучшить интеллектуальное и культурное развитие граждан страны.

Основными приоритетами в развитии государственных интересов в рамках становления информационного общества в Российской Федерации являются: учет потребностей граждан и общества в получении качественной и достоверной информации в контексте формирования информационного пространства; формирование и развитие ИКТ-инфраструктуры, создание и применение ИКТ, продвижение их на международном уровне; развитие национальной экономики и общества в рамках новой технологической основы; обеспечение национальных интересов в области цифровой экономики.

Таблица 6. Направления развития информационного общества в России

№	Проблема	Направления решения
1.	Формирование и развитие технической базы информационного общества	<p>Обеспечение полноценного функционирования и высокого уровня развития следующих основных компонентов: информационно-коммуникационная инфраструктура; ИКТ; научный и производственный потенциал информационных технологий; рынки связи, информационных технологий и т. д.</p> <p>Бюджетное финансирование тематических информационных систем, имеющих большое социальное значение (здравоохранение, образование, занятость и т. д.), а также системы налоговой и таможенной службы, информационное обеспечение государственных органов, правоохранительных органов и др.</p> <p>Отдельная поддержка приоритетных информационных технологий, прозрачное функционирование сферы государственных заказов, государственных закупок; открытый и конкурентный отбор технологий для реализации национальных проектов информатизации.</p> <p>Поддержка из бюджета национальных научных школ по созданию отечественных ИКТ, стимулирование разработки, производства и внедрения ИКТ в различных бюджетных проектах и программах информатизации.</p> <p>Продвижение на мировой рынок отечественного программного обеспечения.</p>
2.	Развитие национальной безопасности, нивелирование угроз от использования новых информационных технологий	<p>Разработка единой системы информационной безопасности в условиях отраслевого консорциума ведомственных систем, которые решают отдельные задачи по защите информации в рамках своих полномочий и в интересах своего сектора.</p> <p>Мониторинг научно-технологических, социальных, экономических и др. изменений за рубежом.</p> <p>Международное сотрудничество в области разработки и принятия правовых положений, соглашений для обеспечения информационной безопасности в процессе обмена информацией; участие страны в разработке международных стандартов в области информационной безопасности.</p> <p>Разработка правовых норм, мер ответственности за взлом, несанкционированный доступ в государственные и корпоративные информационные сети, нарушение прав граждан в процессе обмена информацией.</p>
3.	Социально-экономические и социально-культурные проблемы перехода к информационному обществу	<p>Обеспечение интересов населения, организаций и государства в информационной сфере.</p> <p>Безусловное правовое равенство всех участников процесса информационного взаимодействия вне зависимости от их политического, социального и экономического статуса.</p> <p>Снижение формализации общественных отношений, создание прозрачных инструментов для демократического контроля общества над властью (об имущественных отношениях в обществе, о доходах элиты и т. п.).</p> <p>Обеспечение доступа к мировым информационным ресурсам, глобальным информационным сетям.</p>

Составлено по: Шевцов Ю. Российские реалии осложняют цифровизацию экономики // Общество и экономика. 2021. № 3. С. 111.

Таким образом, с целью развития информационного общества и сокращения отставания России от ведущих стран требуется формирование и развитие кадровых, технологических преимуществ, а также создание нормативно-правовой базы для развития информационных технологий в различных сферах жизни общества. Комплексная стратегия информатизации экономики и общества, предусматривающая их всестороннюю трансформацию, приведет к развитию конкурентоспособности

и достижению положительных результатов на мировом рынке.

Результаты исследования могут быть использованы в целях выработки рекомендаций по активизации государственной политики в части определения перспективных направлений развития информационного общества; при разработке программ, законопроектов и других институциональных основ развития народно-хозяйственного комплекса страны на основе перехода к цифровой экономике.

Литература

- Амагаев Р.А. (2017). Роль Центрального банка в процессе становления цифровой экономики // *Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Специальный выпуск*. С. 342–348.
- Егорова Н.Е., Торжевский К.А. (2018). Общие тенденции развития рынка информационно-коммуникационных технологий // *Экономическая наука современной России*. № 4. С. 144–154.
- Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. (2017). Цифровая экономика: от теории к практике // *Инновации*. № 12 (30). С. 3–12.
- Иноземцев В.Л. (2000). Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос. 302 с.
- Коровин Г. (2019). Развитие процессов цифровизации в России // *Экономист*. № 6. С. 38–50.
- Кузовкова Т.А. (2017). Методический аппарат измерения внешней социально-экономической эффективности развития инфокоммуникаций // *Системы управления, связи и безопасности*. № 4. С. 112–165.
- Ленчук Е.Б., Власкин Г.А. (2018). Формирование цифровой экономики в России: проблемы, риски, перспективы // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. № 5. С. 9–21.
- Макаров В.Л. (2003). Экономика знаний: уроки для России // *Экономическая наука современной России*. № 1 (11). С. 5–30.
- Ракитов А.И. (1998). Информация, наука, технология в глобальных исторических изменениях. М. 104 с.
- Тоффлер О. (1999). Адаптивная корпорация // *Новая постиндустриальная волна на западе: антология*. М.: Academia. 453 с.
- Туфетулов А.М. (2007). Информационная экономика и информационное общество // *Актуальные проблемы экономики и права*. М. С. 39–46.
- Усков В.С. (2020a). К вопросу о цифровизации российской экономики // *Проблемы развития территории*. № 6 (110). С. 157–175.
- Усков В.С. (2020b). Проблемы формирования государственной промышленной политики в условиях цифровизации экономики // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 13. № 6. С. 134–151. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.8
- Ускова Т.В., Лукин Е.В., Воронцова Т.Г. [и др.] (2013). Проблемы экономического роста территории. Вологда: ИСЭРТ РАН. 170 с.
- Уэбстер Ф. (2004). Теории информационного общества: пер. с англ. / Ф. Уэбстер; под ред. Е.Л. Вартановой. М.
- Якутин Ю.В. (2017). Российская экономика: стратегия цифровой трансформации (к конструктивной критике правительственной программы «Цифровая экономика РФ») // *Менеджмент и бизнес-администрирование*. № 4. С. 27–52.
- Barron I., Curnow R. (1979). *The Future with Microelectronics: Forecasting the Effects of Information Technology*. London: F. Pinter.
- Bell D. (2001). *The Coming of Post-industrial Society. A Venture in Social Forecasting*. New York: Basic Books.
- Drucker P. (1993). *Post-Capitalist Society*. New York: HarperCollins.
- Fuchs C. (2008). The implications of new information and communication technologies for sustainability. *Environment, Development and Sustainability*, 10, 291–309.
- Irawan T. (2014). ICT and economic development: Comparing ASEAN member states. *International Economics and Economic Policy*, 11(1), 97–114.
- Lane N. (1999). Advancing the digital economy into the 21st century. *Information Systems Frontiers*, 1:3, 317–320.
- Machhlup F. (1962). *The Production and Distribution of Knowledge in the United States*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Martin J. (1978). *The Wired Society*. Englewood Clis, NJ: Prentice Hall.
- Masuda Y. (1983a). *Computopia. The Information Technology Revolution*. Oxford: Blackwell.
- Masuda Y. (1983b). *The Information Society as Postindustrial Society*. Washington: World Future Soc.
- Urry J. (1999). *Sociology beyond Societies: Mobilities for the Twenty First Century*. Routledge.

Сведения об авторе

Владимир Сергеевич Усков – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: v-uskov@mail.ru)

Uskov V.S.

Development of the Information Society in the Russian Federation: Problems and Prospects

Abstract. The development of information technology and the informatization of society are putting forward new tasks that focus on obtaining major advantages in the use of information and communication technology, expanding the capabilities of users and effective use of the Internet and digital services. A characteristic feature of the modern stage of society's development is the digitalization of the economic and social spheres. Digital transformation has become an important factor in global economic growth: potential economic effects of the digital economy can significantly increase GDP, people's purchasing power, change the labor market and quality of life, and improve the business environment. The emergence of the concept of "digital economy" marked a new stage in the management of goods and services production based on the use of modern information technology. The development of the information society in Russia and the reduction of its lag behind the leading countries requires addressing the issues related to the development of intellectual, human, technological advantages; the formation of an adaptive regulatory framework for the introduction of digital technologies in all spheres of life. The purpose of the work is to comprehend the concept and the essence of the information society in its relationship with the phenomenon of the digital economy and to study trends, problems and prospects for development of the information society in the Russian Federation in the context of digitalization of the economy. We review theoretical concepts of the development of the information society, consider theoretical foundations of the essence of the information society in the context of digitalization of the economy, analyze the state of and trends in the development of the information society in the Russian Federation, and reveal problems and directions of its development. Scientific novelty and originality are as follows: we develop theoretical and methodological approaches to studying the essence of the information society in the conditions of digitalization of the economy and the corresponding conceptual apparatus; we define scientific and methodological foundations for a comprehensive assessment of the situation and trends in the development of the information society in the Russian Federation; we propose a range of practical measures and a list of indicators characterizing the development of the information society.

Key words: information society, digital economy, problems, state, trends, development directions.

Information about the Author

Vladimir S. Uskov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: v-uskov@mail.ru)

Статья поступила 02.07.2021.

Проблемные вопросы методологии оценки социального благополучия населения в современной России

**Антон Михайлович
МАКСИМОВ**

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лаверова УрО РАН
Архангельск, Российская Федерация
e-mail: amm15nov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0959-2949; ResearcherID: AAO-7228-2021

**Андрей Геннадьевич
ТУТЫГИН**

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лаверова УрО РАН
Архангельск, Российская Федерация
e-mail: andgt64@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9821-651X; ResearcherID: AAD-6430-2022

**Кристина Олеговна
МАЛИНИНА**

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лаверова УрО РАН
Архангельск, Российская Федерация
e-mail: malinina.ciom@gmail.com
ORCID: 0000-0003-3113-1241; ResearcherID: I-3917-2018

**Людмила Александровна
ЧИЖОВА**

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лаверова УрО РАН
Архангельск, Российская Федерация
e-mail: chijova.mila@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0298-5248; ResearcherID: D-1867-2019

Для цитирования: Максимов А.М., Тутыгин А.Г., Малинина К.О., Чижова Л.А., Блынская Т.А. (2022). Проблемные вопросы методологии оценки социального благополучия населения в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 2. С. 138–155. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.9

For citation: Maksimov A.M., Tutygin A.G., Malinina K.O., Chizhova L.A., Blynskaya T.A. (2022). Issues of the methodology for assessing social well-being in contemporary Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(2), 138–155. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.9

**Татьяна Анатольевна
БЛЫНСКАЯ**

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики
им. академика Н.П. Лаверова УрО РАН
Архангельск, Российская Федерация
e-mail: t_blynskaya@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9675-4688; ResearcherID: I-3946-2018

Аннотация. В статье осуществлены критический анализ и обобщение современных концепций социального благополучия, а также декомпозиция и операционализация этого социологического понятия, что позволяет более комплексно решать задачу измерения и оценки качества жизни индивидов и социальных групп. Показаны различия в понимании социального благополучия как социально-психологического конструкта, основанного на субъективном оценивании индивидом условий и результатов своей жизнедеятельности, и как объективированной оценки социально-экономического положения индивида, его включенности в социальные сети, доступности для него общественных благ. Отмечена необходимость при выборе методики измерения социального благополучия учитывать тип экономики исследуемого общества (развитая или развивающаяся) и условия существования местного сообщества в целом, а не только отдельных индивидов (концепция community well-being). На основе обобщения существующих подходов, методик и наборов переменных для эмпирического изучения социального благополучия авторами предложена своя версия методики комплексного измерения социального благополучия, учитывающая специфику социальных процессов и отношений в современной России. В рамках этой методики выделяется 11 базовых факторов, влияющих на уровень социального благополучия, операционализируемых посредством более чем 50 индикаторов. Источниками данных для их измерения наряду с государственной и корпоративной статистикой выступают массовые выборочные и экспертные опросы. В статье также поставлена проблема расчета весовых коэффициентов для различных факторов социального благополучия, предложено её решение на основе метода ранжирования как частного случая метода экспертных оценок. Рассмотренный набор факторов позволяет охватить экономические, социальные, политико-правовые, медицинские, социокультурные и бытовые компоненты жизнедеятельности индивидов и местных сообществ.

Ключевые слова: социальное благополучие, качество жизни, субъективное благополучие, факторы социального благополучия, методы экспертных оценок, метод ранжирования.

Благодарность

Статья подготовлена за счет средств целевой субсидии на выполнение государственного задания по теме «Трансформация социокультурного пространства регионов Арктической зоны Российской Федерации в современных условиях» № гос. регистрации 122012100405-4.

Введение

Социально-экономическое развитие любой относительно автономной территориально организованной социальной системы (региона, федерального округа и т. п.) может быть представлено в двух плоскостях — плоскости материально-экономической и плоскости социального благополучия. В первом случае исследователя интересует актуальное состояние и динамика макроэкономических, демографических и материально-технических параметров, отражающих объективное состояние факторов производства. Во втором случае речь идет о показателях, с помощью которых оцениваются возможности социальной системы удовлетворять потребности интегрированных в неё индивидов в соответствии с общепринятыми

(в рамках данной системы) стандартами. При этом исследователь, количественно оценивая различные элементы жизнедеятельности людей, определяющие их благополучие, должен обращаться не только к объективированным показателям (например, младенческой смертности, реального среднедушевого дохода или обеспеченности жилой площадью), но и к показателям, отражающим оценку самими людьми того, насколько они удовлетворены условиями собственного существования. Как соотносятся между собой два этих подхода к пониманию социального благополучия? Каковы концептуальные основания включения интерсубъективного компонента в комплексную оценку качества жизни? Какие важные методические проблемы измерения социального благополучия требуют решения и какими могут быть эти решения? Ответы на указанные вопросы и выступают содержанием настоящей статьи.

Прежде чем обратиться непосредственно к вопросам методологии оценки социального благополучия в России, кратко рассмотрим теоретические новации и направления научных дискуссий в этой области за последнее десятилетие.

Понятие «социальное благополучие» (social well-being) не имеет общепринятой строгой дефиниции — его содержание может варьировать в зависимости от дисциплинарной области и предпочитаемого конкретными исследователями теоретического подхода. Тем не менее можно утверждать, что среди ученых существует консенсус относительно концептуального ядра данного термина. Так, в настоящее время по итогам работы международной комиссии Стиглица — Сена — Фитусси общепринятой стала точка зрения о недостаточности использования для измерения социального благополучия только эконометрических индикаторов, таких как среднедушевые показатели ВВП, национального дохода или государственных расходов на здравоохранение. Необходимыми параметрами социального благополучия признаются ожидаемая продолжительность жизни, доля времени, отводимая на досуг, безопасность (физическая и экономическая), состояние окружающей среды, неравенство и субъективные оценки людьми своего благополучия (Stiglitz et al., 2009). Особенно заметной роль внеэкономических факторов социального благополучия становится

при сравнении стран, сильно различающихся по среднедушевым ВВП и доходу. В работе Д. Алтиндага и Ц. Сюй показано, что существует различие во влиянии экономических факторов и факторов, связанных с качеством политико-правовых институтов, на социальное благополучие для жителей развивающихся стран и жителей стран с развитой экономикой — для первых рост социального благополучия коррелирует с ростом среднедушевых доходов, тогда как степень коррумпированности правительства, демократичность режима и гарантии гражданских прав на него практически не влияют; в развитых странах наблюдается обратная ситуация (Altindag et al., 2017). Ф. Баччини и его коллеги из Национального института статистики (Италия) указывают на то, что концепция социального благополучия как многомерного явления, синтезирующая социально-психологический (субъективное благополучие) и социально-экономический (блага и возможности) подходы, широко признана среди специалистов, дискуссии ведутся преимущественно о большей или меньшей валидности и аналитических преимуществах различных агрегированных индексов социального благополучия (Bacchini et al., 2020).

Среди исследователей, в частности специализирующихся на изучении социальных проблем в развивающихся странах Латинской Америки, имеет место точка зрения, согласно которой социальное благополучие следует рассматривать в тесной взаимосвязи с концептами счастья и удовлетворенности жизнью. При этом подчеркивается, что смысловое содержание трех концептов пересекается, а все вместе они могут быть обозначены зонтичным термином «качество жизни», мерой которого выступают (Toscano, Molgaray, 2019, p. 574). В рамках такого подхода акцент при измерении социального благополучия смещается от внешних объективированных показателей в сторону переменных, являющихся субъективной интерпретацией своего положения самими обследуемыми (субъективное благополучие) (Toscano, Molgaray, 2019, p. 580–583). Развивая концепцию субъективного благополучия, ряд зарубежных авторов включают удовлетворенность жизнью и счастье в его структуру в качестве составных компонентов (Gulyás, 2016), некоторые обосновывают необходимость введения катего-

рии «эмоциональное благополучие» (affective well-being), предполагающей выявление соотношения между частотами негативных и позитивных эмоций, переживаемых индивидами в повседневной жизни (Fors, Kulin, 2016, p. 326–328). Эти идеи наследует концепция счастья (happiness) как когнитивно-эмоционального феномена, предложенная в работах Э. Динера и Д. Майерса (Myers, Diener, 1995; Diener, Suh, 1997; Myers, 2000). Э. Динер и Д. Майерс, не отрицая полностью влияние материально-финансовых факторов на социальное благополучие, акцентируют роль культурной среды, характер общезначимых ценностей, степень религиозности, а также социальных (родственных, дружеских) связей, эмоциональных переживаний индивида и его представлений о мере достижения персональных жизненных целей.

В обобщающих работах российских исследователей выражается иной взгляд на соотношение указанных понятий. Так, согласно Д.А. Леонтьеву, субъективное благополучие представляет собой сумму положительных и отрицательных эмоций и когнитивных оценок жизни в целом в текущий момент времени, а качество жизни – это «предиктор субъективного благополучия, характеризующий меру благоприятности объективных внешних условий жизни индивида» (Леонтьев, 2020, с. 26). Иными словами, взаимное отношение двух концептов у Д.А. Леонтьева оказывается «перевернутым» по сравнению с интерпретацией латиноамериканских исследователей. Вместе с тем он подчеркивает, что качество жизни в его интерпретации является все же слабым фактором субъективного благополучия – работы таких зарубежных авторов, как Д. Канеман и А. Тверски, С. Любомирски, У. Штаудингер и др., показывают, что объективные условия жизнедеятельности влияют на него незначительно и опосредованы личностными параметрами, отчасти врожденными, отчасти сформированными в процессе социализации под воздействием ближайшего окружения и культурного контекста (Леонтьев, 2020, с. 21). Таким образом, отсюда следует два вывода: во-первых, субъективное благополучие целесообразно рассматривать как параметр, связанный с «объективными» индикаторами социального благополучия нелинейно, следовательно, при измерении социального благополучия этот параметр должен

использоваться не как коррелят показателей качества жизни (в вышеуказанном значении), а как дополнительный индикатор, необходимый для построения обобщенного индекса благополучия; во-вторых, поскольку субъективное благополучие является выражением личностных диспозиций, то во многом его уровень определяется ценностями и смыслами, генерируемыми конкретной культурой. Это означает, что одни и те же значения индикаторов качества жизни будут сопровождаться совершенно разными оценками собственного благополучия со стороны представителя среднего класса какого-либо западноевропейского государства и, например, со стороны кочевника-пуштуна из южных районов Афганистана.

А.В. Кученкова привлекает концепт социального самочувствия, которое трактуется двумя способами: либо как синоним субъективного благополучия, либо как агрегация индикаторов субъективного благополучия и индикаторов, отражающих материальное положение индивидов и доступность для них общественных благ, т. е. то, что Д.А. Леонтьев обозначает понятием «качество жизни» (Кученкова, 2016, с. 120–122). В обоих случаях А.В. Кученкова скорее фиксирует практику использования ещё одной неоднозначной категории в исследованиях отечественных авторов. Фактически, социальное самочувствие (там, где оно не отождествляется с субъективным благополучием) может рассматриваться лишь как терминологическая замена social well-being, а не его концептуальная альтернатива.

А.С. Лысухо указывает, что в российской исследовательской практике сложилась традиция, согласно которой «социальное благополучие становится широким комплексом, агрегирующим в себе условия жизнедеятельности человека. Этот комплекс включает в себя как социальные и материальные условия жизнедеятельности, выражаемые в уровне жизни, так и такие составляющие качества жизни, как экологическая обстановка, политический климат, психологический фон...» (Лысухо, 2020, с. 9). При этом результаты эмпирических исследований показывают, что, во-первых, при прочих равных, оценка благополучия изменяется в связи со сменой жизненных этапов: брак, рождение детей, старение (зависимость подтверждается на материалах 6-й волны (2012)

Европейского социального исследования и первичных данных по работающим 26-й волны (2017) Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ); во-вторых, наблюдается разрыв между субъективными и объективированными оценками благополучия – респонденты, имеющие сходный уровень доходов, существенно по-разному оценивают свои жизненные шансы под влиянием индивидуально-личностных различий и субъективных представлений о желаемых целях и располагаемых возможностях (Лысухо, 2020, с. 9–13).

М.Ф. Черныш отмечает ключевую роль состояния здоровья в структуре факторов, определяющих субъективное благополучие, причем значимыми являются не только медицинские оценки здоровья индивидов, но и их самооценка собственного здоровья, а также оценка ими качества инфраструктуры здравоохранения (Черныш, 2020).

А.В. Андрееenkova, рассматривая постсоветский период, убедительно доказывает, что для разных стран комплекс факторов, определяющих самооценку уровня счастья, существенно различен. Так, она выделяет два кластера: в первом (страны Балтии, Молдова, Беларусь, Грузия) различия в уровне счастья коррелируют с макросоциальными (социально-экономическими и политико-институциональными) показателями; во втором (страны Средней Азии, Армения и Азербайджан) гораздо более существенную роль играет культурно-нормативная система общества (Андрееenkova, 2020, с. 322–326). Таким образом, результаты её исследования подтверждают идею, что для обществ разного типа весовые коэффициенты экономических и институциональных (объективированных) и культурно-нормативных (интерсубъективных) показателей социального благополучия будут различными.

В рамках популярной в последнее десятилетие концепции *community well-being* обосновывается концептуальное отличие социального благополучия отдельных индивидов от социального благополучия целых локальных сообществ¹. При этом авторы данной концеп-

¹ Social Factors and Community Well-Being, 2016, pp. 14–15; Quality of Life in Communities of Latin Countries, 2017, pp. 6–8.

ции подчеркивают преимущества своего подхода, поскольку именно посредством категории «*community well-being*» наилучшим образом раскрываются социетальные условия жизнедеятельности индивидов, что особенно важно при решении задач управления социально-экономическим развитием². Кроме того, в силу вовлеченности индивидов в сложные сети социальных взаимодействий и наличия у каждого из них набора идентичностей, формирующих устойчивое чувство принадлежности к определенным сообществам, условия существования последних не могут не влиять на благополучие конкретных людей.

Важно также подчеркнуть следующее: если одним из значимых компонентов социального благополучия на индивидуальном уровне выступает субъективная оценка собственного благополучия, то для потребностей исследования «социального благополучия сообществ» более существенную роль играет интерсубъективный компонент. Смысл его состоит в том, что индивид субъективно может быть удовлетворен, например, своими жилищными условиями, но при этом он оценивает жилищные условия большинства других людей в районе своего проживания как неудовлетворительные, что ближе к объективно измеримым параметрам качества жизни³.

Наряду с классификацией факторов социального благополучия, разделяющей их на объективные, интерсубъективные и субъективные, в его структуре выделяются компоненты, связанные с материальным благополучием, социальными факторами (межличностные, внутрисемейные, социально-профессиональные отношения), физическим и психическим здоровьем, средовыми факторами (состояние окружающей среды, коммунальная инфраструктура, политико-правовой режим), субъективным благополучием (общая удовлетворенность жизнью)⁴ (Морозова и др., 2013).

² Social Factors and Community Well-Being, 2016, pp. 16, 32; Quality of Life in Communities of Latin Countries, 2017, p. 12.

³ Social Factors and Community Well-Being, 2016, pp. 20–21, 32–33.

⁴ Social Factors and Community Well-Being 2016, pp. 9–10.

С. Уайт из University of Bath (Великобритания) раскрывает многомерный характер социального благополучия в контексте различных подходов к социальной политике. Она выстраивает своеобразную систему координат, где вдоль одной оси располагаются подходы, различающиеся по степени «объективности» параметров, используемых для измерения благополучия (в диапазоне от эконометрического подхода до концепции *subjective well-being*), а вдоль другой — подходы, отличающиеся тем, в какой мере социальное благополучие допустимо измерять через самооценку людьми своего положения (*evaluative*), а в какой — через диагностику остроты социальных проблем, которые многими из опрошиваемых могут не восприниматься в таком качестве, но независимо от их мнения влиять на состояние их здоровья, качество среды обитания, безопасность, равенство возможностей и пр. (*substantive*) На пересечении осей С. Уайт располагает концепцию «комплексного» благополучия (*comprehensive well-being*), представляющую наиболее релевантной для изучения социального благополучия во всей его полноте и сложности. В то же время исследователь фокусирует внимание на важности подходов, которые 1) освещают проблему сквозь призму субъективной удовлетворенности жизнью и переживания счастья, 2) ставят во главу угла качество социальных связей внутри разного рода сообществ, 3) концентрируются на политике, направленной на улучшение среды обитания граждан и расширение возможностей (*capabilities*) для достижения жизненных стандартов⁵. В свете сказанного можно заключить, что позиция С. Уайт близка одновременно и к взглядам тех авторов, которые говорят о необходимости перенесения исследовательского внимания с анализа динамики макроэкономических показателей на анализ субъективного благополучия, и к взглядам тех, кто выступает за приоритет изучения *community well-being*, а не социального самочувствия изолированных индивидов.

Аргентинские исследователи Г. Тонон и Л.Р. де ла Вега в своей модели, адаптированной для развивающихся стран, предлагают ши-

рокий набор индикаторов для измерения уровня социального благополучия по 17 компонентам: образование, здоровье, занятость, личная безопасность, жилищные условия, дискриминация, экологический компонент, компоненты, связанные с культурными правами и гендерным равенством, экономическое благосостояние, качество политических институтов, удовлетворенность жизнью и компоненты, связанные с отношениями внутри сообщества (*community well-being*)⁶. При описании последних Г. Тонон акцентирует внимание на важной роли таких параметров, как доверие и взаимопомощь между членами сообщества, их участие в деятельности местных гражданских ассоциаций⁷. Эти параметры являются стандартными индикаторами для измерения так называемого социального капитала (Putnam, 1995, p. 66–67), что позволяет включить его в число ключевых факторов социального благополучия.

В ходе дальнейших поисков оптимального набора переменных для построения комплексных индексов социального благополучия А. Микалос и П. Морин Хэтч (University of Northern British Columbia) выявили, что результаты измерений по ряду агрегированных показателей, таких как индекс человеческого развития (HDI), индекс устойчивого общественного развития (SSI), индекс всемирного исследования счастья (WHS) и некоторых других, хорошо коррелируют между собой, а их комбинация позволяет строить надежные рейтинги в рамках межстрановых исследований социального благополучия (Michalos, Hatch, 2020). Отсюда можно сделать вывод о том, что декомпозиция этих индексов позволит выделить общий набор валидных индикаторов социального благополучия и уже на их основе рассчитывать агрегированный показатель.

Построение универсальных индексов социального благополучия полезно для межстрановых исследований, однако более глубокое понимание процессов социального развития на определенной территории требует учета местного контекста, специфических для неё про-

⁵ Cultures of Wellbeing: Method, Place, Policy, 2015, pp. 1–44.

⁶ Indicators of Quality of Life in Latin America, 2016, pp. 7–15.

⁷ Там же, p. 8.

блем и социокультурных особенностей – коллективных представлений о благополучии, доминирующих ценностей и целевых установок местных жителей⁸. В связи с этим необходимо дополнять и корректировать набор анализируемых факторов и используемых индикаторов для каждого конкретного кейса.

Методология измерения социального благополучия: факторы и индикаторы

Как было показано выше, в научной литературе описано множество конкретных методик измерения социального благополучия. В основе любой такой методики лежит определение набора факторов, детерминирующих общий уро-

вень благополучия (латентные переменные), и соответствующих им непосредственно измеряемых индикаторов. Обратившись к методикам, апробированным в международных исследованиях, в частности к методике ООН (индекс человеческого развития), ВОЗ, ОЭСР, определения индекса устойчивого развития и комплексной методике сравнительного исследования российских регионов (Институт философии РАН; Н.И. Лапин, Л.А. Беляева), мы сопоставили между собой используемые в них наборы латентных переменных (факторов благополучия). Соответствия в этих наборах отражены в *таблице 1*.

Таблица 1. Сравнение методик измерения социального благополучия (факторы социального благополучия)

Методика / Фактор	Индекс человеческого развития (HDI, ООН) ¹⁾	WHOQOL (ВОЗ) ²⁾	The better life index (ОЭСР) ³⁾	Sustainable Development Goals (SDG Index) ⁴⁾	Economist Intelligence Unit quality-of-life index ⁵⁾	Институт философии РАН ⁶⁾
Здоровье	+	+	+	+	+	+
Социальные связи		+	+		+	
Материальное благополучие	+	+	+		+	+
Занятость			+	+	+	+
Доступ к образованию	+	+	+	+		+
Доступ к медицинским услугам		+		+		+
Безопасность жизни		+	+	+	+	+
Гражданские права и политические свободы			+	+	+	+
Культурное потребление и досуг		+	+			+
Состояние окружающей среды		+	+	+		+
Климатические условия					+	
Субъективное благополучие			+			+

¹⁾ Human Development Report – 2019. UNDP. Available at: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2019.pdf> (accessed: 01.02.2022).
²⁾ The World Health Organization Quality of Life (WHOQOL). World Health Organization. Available at: http://www.who.int/mental_health/publications/whoqol/en/ (accessed: 01.02.2022).
³⁾ OECD Better Life Index. URL: <http://www.oecdbetterlifeindex.org>
⁴⁾ Sustainable Development Report – 2019. Available at: https://s3.amazonaws.com/sustainabledevelopment.report/2019/2019_sustainable_development_report.pdf (accessed: 01.02.2022).
⁵⁾ The Economist Intelligence Unit's quality-of-life index. The World in 2005. Available at: http://www.economist.com/media/pdf/QUALITY_OF_LIFE.pdf (accessed: 01.02.2022).
⁶⁾ Лапин Н.И., Беляева Л.А. (2010). Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация-2010). М.: МФРАН. С. 13–26. URL: <https://iphras.ru/uplfile/scult/titul.pdf> (дата обращения 01.02.2022).
 Источник: составлено авторами.

⁸ Cultures of Wellbeing: Method, Place, Policy, 2015, pp. 29, 38.

Ориентируясь на эти соответствия, мы выделили 11 ключевых факторов, определяющих динамику социального благополучия. Каждый фактор был разложен на ряд показателей, к которым подобраны эмпирически измеримые индикаторы. Итоговые результаты операционализации выделенных нами факторов сведены в *таблицу 2*.

Таблица 2. Операционализация факторов социального благополучия

Фактор	Индикатор	Тип индикатора*
Здоровье	Самооценка состояния физического здоровья	С
	Ожидаемая продолжительность жизни	О
	Самооценка эмоционального состояния	С
Материальное благополучие	Реальный располагаемый доход (среднее значение)	О
	Самооценка покупательной способности	С
	Коэффициент занятости	О
	Структура доходов домохозяйства	О
	Площадь (кв. м) жилья на душу населения	О
	Оценка жилищных условий	С; И
Субъективное благополучие	Оценка общей удовлетворенности жизнью	С; И
	Оценка изменения качества жизни по сравнению с предшествующим годом	С; И
	Прогноз изменения качества жизни на ближайший год	С; И
	Степень уверенности в будущем	С
Социальный капитал	Индекс доверия ближайшему социальному окружению	С
	Индекс доверия добровольным ассоциациям	И
	Индекс доверия местному самоуправлению и ТОС	И
	Отношение к получению взятки с использованием служебного положения**	С; И
	Отношение к уклонению от уплаты налогов**	С; И
	Отношение к получению государственных пособий человеком, который не имеет на них права**	С; И
	Отношение к безбилетному проезду на общественном транспорте**	С; И
	Доля участников общественных объединений от общей численности населения	О
Окружающая среда	Оценка состояния окружающей среды	О***
Социальная защищенность	Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума	О
	Оценка доступности медицинских услуг	О
	Оценка качества медицинских услуг	С; И
	Оценка доступности учреждений дошкольного образования	О
	Оценка качества учреждений дошкольного образования	С; И
	Отношение средней величины пенсии к средней величине заработной платы	О
Правовая защищенность	Уровень виктимизации населения	О
	Индекс восприятия коррупции	И
	Доля населения, сталкивавшаяся с злоупотреблениями со стороны полиции	О
	Доля населения, сталкивавшаяся с злоупотреблениями со стороны чиновников	О
	Защищенность от дискриминации в связи с национальностью или расой	С; И
	Защищенность от дискриминации в связи с религиозными убеждениями	С; И
	Защищенность от дискриминации в связи с политическими убеждениями	С; И
	Защищенность от дискриминации в связи с полом и / или возрастом	С; И
Культурно-досуговая сфера	Территориальная доступность спортивных объектов	О
	Финансовая доступность спортивных учреждений	О
	Оценка достаточности объектов рекреации	С
	Оценка достаточности учреждений досуга для молодежи и взрослых	С
	Частота посещения учреждений культуры и связанных с ними мероприятий	О
	Число учреждений культуры на 1000 чел.	О

Окончание таблицы 2

Фактор	Индикатор	Тип индикатора*
Образование	Доля населения с высшим образованием	О
	Средняя и ожидаемая продолжительность обучения	О
	Оценка качества среднего (полного) образования	С; И
	Оценка качества профессионального образования	С; И
Благоустройство территории проживания	Оценка качества работы городских / поселковых коммунальных служб	С
	Оценка благоустройства придомовых и дворовых территорий	С
	Оценка качества работы УК / ТСЖ	С
	Оценка состояния дорожной сети в регионе	О
	Удовлетворенность работой общественного городского транспорта	С; И
	Удовлетворенность работой общественного междугороднего транспорта	С; И
	Оценка достаточности учреждений сферы услуг и розничной торговли в зоне непосредственного проживания	С
Ассоциированность с территорией проживания	Доля лиц, идентифицирующих себя с локальной / региональной общностью	С
	Степень желаемости личной эмиграции	С
	Степень желаемости эмиграции для несовершеннолетних детей / внуков	С

* Каждый индикатор классифицирован по принципу разделения их на объективированные (О), субъективные (С) и интересубъективные (И). В качестве последних указываются те, значения которых определяются исходя из доминирующей в обществе системы норм и ценностей, политической культуры, представлений о стандартах качества жизни и потребления. В отдельных случаях аналитически различить субъективный и интересубъективный характер индикатора не представляется возможным, поэтому указываются оба кода (С; И).

** Эти индикаторы являются показателями приверженности нормам гражданской кооперации, которая в рамках проекта «Евробарометр в России» рассматривается как одна из ключевых компонент социального капитала.

*** На основе оценки экспертов.

Источник: составлено авторами.

Предлагаемые операционализация и эмпирические индикаторы требуют некоторого комментария. Он будет представлен ниже.

Здоровье. В наиболее развернутом виде этот фактор представлен в методике исследования качества жизни Всемирной организации здравоохранения, где отдельно оценивается состояние физического и психического здоровья. Эта методика предполагает достаточно большое число индикаторов, что важно для задач ВОЗ, но избыточно для социологического изучения благополучия населения. Поэтому мы ограничились двумя основными индикаторами – самооценкой физического здоровья и самооценкой эмоционального состояния, дополнив их индикатором «ожидаемая продолжительность жизни». Выбор последнего обусловлен тем, что он используется при расчете индекса человеческого развития ООН.

Материальное благосостояние выступает в качестве главной компоненты для измерения социального благополучия в работах многих отечественных экономистов⁹. М.Ю. Малкина

⁹ Комплексная методика диагностики благосостояния личности и территории проживания, 2017, с. 162.

прямо трактует социальное благополучие как «наличие необходимых ресурсов для полноценной жизни», а также степень «обеспеченности людей жизненными благами, средствами существования» (Малкина, 2017, с. 49).

Для измерения денежных доходов населения предлагается следующая формула:

$$PPD_{отн}^i = \frac{PPD_i}{PM_i}, \quad (1)$$

где PPD_i (в рублях) – реальные располагаемые (среднедушевые) доходы населения, проживающего на i -той территории, PM_i (в рублях) – прожиточный минимум (в среднем) для населения i -той территории, $PPD_{отн}^i$ – относительная величина, показывающая, сколько в среднем прожиточных минимумов можно покрыть среднедушевым доходом. Реальный располагаемый доход как показатель, базирующийся на данных государственной статистики, дополняется индикатором оценки покупательной способности доходов граждан, измеряемым на основе данных выборочных опросов. Он предполагает вербально-численную градацию, основанную на шкале Харрингтона.

Коэффициент занятости — показатель, хорошо обеспеченный статистически, но в реальности не всегда адекватно отражающий состояние рынка труда, т. к. он не учитывает неофициальную занятость. Нередки случаи, когда основной (официальный) вид деятельности человека приносит доход, сопоставимый с его дополнительным заработком. В связи с этим коэффициент занятости предлагается дополнить данными выборочных опросов домохозяйств о структуре их доходов и доли в ней трудовых доходов.

Оценку жилищных условий, альтернативную статистическому показателю количества кв. метров на человека, предлагается проводить путем выборочных опросов с ранжированием ответов по вербально-численной шкале.

Субъективное благополучие отражает интегральную оценку индивидами своего объективного экономического, правового и культурного положения в контексте их собственной иерархии базовых (терминальных) ценностей и жизненных целей. Для измерения субъективного благополучия предлагается два показателя. Первый, «удовлетворенность жизнью», отражает оценку индивидом полноты достижения его приоритетных жизненных целей. Второй, «социальный оптимизм», призван отражать среднесрочную оценку индивидом благоприятности условий жизнедеятельности на той или иной территории с точки зрения достижения его приоритетных жизненных целей. Методика расчета этого показателя предложена и обоснована Н.И. Лапиным и Л.А. Беляевой (Лапин, Беляева, 2010).

Социальный капитал. Концепт социального капитала операционализируется через набор эмпирических показателей, к числу которых относятся уровень доверия, нормы гражданской кооперации и участие в добровольных ассоциациях¹⁰. Взяв за основу данный подход, мы конкретизировали индикаторы, по которым следует проводить измерение компонентов социального капитала. Уровень доверия измеряется через индексы социального доверия — доверия к ближайшему социальному окружению (родственники, друзья, коллеги по работе, соседи по дому) и доверия к людям вообще. Наряду

с социальным доверием необходимо учитывать и институциональное доверие. Мы предлагаем измерение по двум индексам (индекс доверия добровольным ассоциациям и индекс доверия местному самоуправлению), поскольку они отражают готовность индивидов к выстраиванию горизонтальных связей, самоорганизации и консолидации перед лицом общих проблем локального значения. Методика измерения приверженности нормам гражданской кооперации основана на разработках Центра социологических исследований РАНХиГС в рамках проекта «Евробарометр в России». Для измерения уровня участия в добровольных ассоциациях предлагается оценить численность активных членов общественных объединений разного типа относительно общей численности населения обследуемой территории. Поскольку имеющиеся по этому вопросу статистические данные разрознены и неполны, более надежным источником данных становятся репрезентативные опросы населения и экспертные опросы.

Социальная защищенность в узком смысле слова зависит, прежде всего, от степени функциональности институтов здравоохранения и социального обеспечения. Наряду с индикаторами, отражающими состояние этих институтов, мы предлагаем рассматривать в качестве индикатора социальной защищенности уровень бедности, поскольку бедность — явление, обусловленное не только ситуацией в экономике как таковой, но и состоянием системы поддержки малоимущих граждан. Измерение уровня абсолютной бедности на основе сравнения среднедушевых или медианных доходов с пороговым значением бедности (прожиточным минимумом) имеет, по меньшей мере, два недостатка: 1) показатель бедности сильно зависит от методики расчета доходов граждан и домохозяйств; 2) граница, отделяющая бедных от всех остальных членов общества, жестко привязана к такому уровню доходов, который позволяет обеспечить лишь удовлетворение «первичных» потребностей. Вместе с тем, сегодня представления о минимально приемлемом уровне жизни не сводятся только к защищенности от недоедания и бездомности. Следовательно, доходы, которыми располагают индивиды, могут восприниматься многими из них как недостаточные для поддержания общепринятых стандартов потребления, а значит свое положение они

¹⁰ Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ, 2017.

будут определять как бедность, даже если его измерение по шкале абсолютной бедности не позволяет официально признать их малоимущими. В связи с этим мы предлагаем в качестве альтернативы измерять уровень бедности на основе оценки индивидами своей покупательной способности и степени экономической депривации.

Выбор именно пенсий из всего перечня государственных и корпоративных выплат компенсирующего, страхового характера и выплат в рамках прямой материальной помощи обусловлен их всеобщностью (с момента наступления страхового случая) и регулярностью выплат. Показатель, отражающий эффект замещения пенсией утраченного трудового дохода, рассчитывается по формуле:

$$\frac{P_{cp}}{D_{cp}} \times 100\%, \quad (2)$$

где P_{cp} – средний размер ежемесячной трудовой пенсии на конец i -го года, D_{cp} – средняя величина ежемесячной заработной платы на конец i -го года.

Показатели доступности медицинских услуг и их качества предлагается измерять посредством ранговых шкал в ходе массовых и экспертных опросов. Показатели доступности и качества работы учреждений дошкольного образования включены в индикаторы социальной защищенности в связи с тем, что переложение функции социализации детей с родителей на специализированные организации позволяет родителям высвободить время на экономическую активность, без чего домохозяйствам было бы сложно поддерживать привычные стандарты качества жизни.

Правовая защищённость. В качестве показателей для оценки уровня преступности наряду с числом зарегистрированных преступлений используется коэффициент виктимизации, фиксируемый в выборочных опросах населения. Виктимизационные опросы, несмотря на некоторые их изъяны, связанные с сензитивным характером вопросов, являются более валидным инструментом для определения уровня преступности, особенно в части наиболее латентных преступлений, чем данные криминальной статистики (Веркеев и др., 2019). Кор-

рупцию предлагается оценивать, прежде всего, через индекс восприятия коррупции, методика расчета которого апробирована в межстрановых сравнительных исследованиях, а риски дискриминации – посредством показателей, апробированных в практике российских научных исследований (Ромашкина и др., 2015, с. 58–59).

Культурно-досуговая инфраструктура как фактор социального благополучия выделяется в ряде методик его измерения (см. табл. 1). Конкретный набор показателей в зависимости от методики может различаться. Мы ограничились тремя показателями. Показатель «условия для проведения досуга» был выбран нами в связи с его частой упоминаемостью в методических разработках по измерению качества жизни. Показатель доступности спортивных объектов и учреждений важен для нас, т. к. он отражает внешние условия для сохранения физического здоровья через физическую активность. Наконец, показатель «культурное потребление» был выбран по двум основаниям: 1) в качестве маркера реального уровня образования, не связанного с наличием образовательного сертификата, а выражающего наличие сформированных образованием знаний, навыков и мотивации для потребления произведений культуры; 2) в качестве маркера развития культурной инфраструктуры в конкретном регионе / населенном пункте, что, как правило, коррелирует с высокими экономическими показателями региона.

Уровень образования и его доступность фигурируют в большинстве общепризнанных методик измерения социального благополучия, включая методику ООН для расчета индекса человеческого развития. В то же время качество системы образования оказывает прямое влияние на экономическую динамику через формируемый ею человеческий капитал. Как следствие, образование и прямо, и косвенно воздействует на уровень социального благополучия, что делает его одним из ключевых факторов в рамках предлагаемой авторами методологии.

Для оценки *благоустройства территории проживания* более валидными представляются индикаторы, регистрирующие оценку индивидами удовлетворенности своих потребностей в соответствующих общественных благах (транс-

порт, коммунальные сети и т. д.) и сервисной инфраструктуре, чем объективированные показатели ведомственной статистики, не в полной мере учитывающие запросы со стороны населения и качественные характеристики комфортности городской среды.

Ассоциированность с территорией проживания. Сопричастность к жизни регионального или локального сообщества, общая с ним идентичность — один из значимых социально-психологических факторов социального благополучия как отдельных индивидов, так и сообществ в целом. Кроме того, этот фактор важен с точки зрения сохранения народонаселения и дальнейшего развития территорий. Наряду со степенью сформированности территориальных идентичностей, фиксируемой в массовых опросах, выраженность эмиграционных установок выступает важнейшим косвенным индикатором отчуждения индивидов от локальных сообществ и/или неудовлетворенности местом проживания.

Методические проблемы расчёта весовых коэффициентов факторов социального благополучия

Рассмотренные выше факторы, очевидно, имеют разную значимость с точки зрения влияния на социальное благополучие населения определенной территории. Её оценка предполагает присвоение факторам числовых значений. Когда факторы сводимы к количественным индикаторам, это не представляет проблемы. Однако в иных случаях возникает необходимость обратиться к экспертным методам — обширному набору разветвлённых процедур, применение которых представляет собой самостоятельную задачу.

Оценить степень влияния факторов можно различными способами — от прямого статистического расчета весовых коэффициентов, эконометрического либо имитационного моделирования до методов системного анализа. Среди последних наиболее известными являются методы прямой расстановки, ранжирования и анализа иерархий. Первые два получили широкое распространение из-за своей простоты, последний — вследствие технологичности используемых в нём процедур. На эмпирическом материале было показано, что все три перечисленных подхода высоко коррелированы (Коробов, 2005).

Не исключается и возможность проведения процедуры имитационного моделирования, которая во многих случаях дает вполне приемлемые результаты. В одном из аналогичных исследований полученные путем симуляций отклонения давали разброс от 3 до 32% со средней ошибкой, статистически незначимо отличной от нуля. Однако коэффициенты корреляции, полученные экспериментальным и модельным путем, отличались друг от друга почти в два раза. Это наводит на мысль о необходимости рассматривать еще и предельную ситуацию, когда факторы образуют строгую иерархию — ранги не объединяются, а в матрице парных сравнений метода анализа иерархий каждый фактор по своему значению строго больше (либо строго меньше) предыдущего. Так часто бывает, например, когда все эксперты думают примерно одинаково, задача четко формализована, критерии оценки ситуации понятны, эксперты примерно равной квалификации и в данном вопросе придерживаются сходных позиций. Тогда совокупность экспертов можно в принципе заменить «коллективным» экспертом, поскольку результаты всех будут близкими.

В связи со сказанным вопрос о том, какой из методов использовать в конкретной практической ситуации, зависит от характеристик и качества полученного эмпирического материала. Заметим, что в своих работах мы чаще обращались к предложенному американским математиком Т. Саати методу анализа иерархий (Саати, 2009) и его различным модификациям. Обсуждению преимуществ и недостатков этой группы методов был посвящен целый ряд исследований (Татарова, 2002; Литвак, 2004; Тутыгин, Коробов, 2010; Томашевский, 2014).

Возвращаясь к вопросу о выборе одного из методов, отметим, что их близость может быть ещё выше, если ранжирование исследуемых факторов сделать более точным. Весовые коэффициенты w_i факторов ($i = 1, \dots, n$) рассчитываются по формуле:

$$w_i = \frac{2 \cdot (n + 1 - \bar{r}_{ik})}{n \cdot (n + 1)}, \quad (3)$$

где \bar{r}_{ik} — среднее значение оценок рангов i -того фактора, выставленных экспертами, k — порядковые номера экспертов. Это означает, что весовые коэффициенты, получаемые ранжированием, будут равномерно распределены

внутри интервала, в то время как получаемые методом анализа иерархий и особенно прямой расстановкой могут принимать внутри того же интервала большее число значений. Особенно актуально это для небольшого числа факторов, когда оценки становятся более грубыми вследствие увеличения степени дискретности. Уменьшить влияние дискретности можно посредством разбиения градаций на дополнительные категории. Проще всего вводить ещё три градации, что существенно облегчает работу эксперта, поскольку позволяет принимать решения и давать оценки по принципу «середина», «больше», «меньше». Так и поступают, когда состояние объекта позволяет это сделать (Кочуров и др., 2018).

Также такой подход помогает добиться более адекватных оценок при желании исследователя получить близкие, но не равные значения весовых коэффициентов. Прямая расстановка позволяет это сделать без проблем (правда, если количество факторов n не превышает 6–7), метод анализа иерархий, в общем, тоже, а при ранжировании возникают сложности, обусловленные дискретностью вследствие необходимости отнесения оценок к разным рангам. Указанная проблема носит общий методологический характер и распространяется на все виды вербально-численных шкал (Тутыгин и др., 2020).

В ходе проведённых исследований установили, что метод ранжирования для расчёта весовых коэффициентов не уступает по точности методу анализа иерархий, но при этом свободен от присущих тому недостатков. Также он значительно проще для применения и допускает выстраивание последовательности факторов. Это позволяет широко применять ранжирование для решения широкого класса задач, особенно на предварительных стадиях исследования, где большая точность не требуется, а определяющими выступают качественные оценки. Из вышеизложенного вытекает, что метод ранжирования является в определённом смысле компромиссным, сочетающим в себе простоту реализации и логическую обоснованность результатов.

Применим данную методологию оценки значимости факторов (см. табл. 2) в отношении конкретного субъекта РФ.

Ранжирование проведено группой из восьми квалифицированных экспертов – представителей академического и университетского сообществ, специализирующихся на изучении социально-политических, социально-экономических и экономико-экологических процессов в Архангельской области¹¹. Результаты ранжирования отражены в *таблице 3*.

Отметим, что в таблице 3 для факторов 7–10 ранги не разделены между собой, поэтому ран-

Таблица 3. Ранжирование факторов социального благополучия

Фактор	№ эксперта								Σ	r_{ik}	Ранг
	1	2	3	4	5	6	7	8			
Здоровье	1	1	1	1	1	1	3	1	10	1,25	1
Материальное благополучие	4	2	6	2	2	3	1	2	22	2,75	2
Субъективное благополучие	2	9	9	4	11	2	2	8	47	5,88	7
Социальный капитал	3	8	10	10	9	7	9	9	65	8,13	10
Окружающая среда	8	5	7	5	5	8	4	3	45	5,63	6
Социальная защищенность	9	4	4	3	4	6	5	6	41	5,13	3
Правовая защищенность	7	3	3	6	3	5	11	5	43	5,38	4-5
Культурно-досуговая сфера	6	10	5	7	10	10	6	10	64	8,00	8-9
Образование	5	6	2	9	6	4	7	4	43	5,38	4-5
Благоустройство территории проживания	10	7	8	8	7	9	8	7	64	8,00	8-9
Ассоциированность с территорией проживания	11	11	11	11	8	11	10	11	84	10,5	11

Источник: составлено авторами.

¹¹ Представленные ниже результаты ранжирования и расчета весовых коэффициентов приложимы только к Архангельской области – значения «весов» для других регионов должны определяться на основе оценок местных экспертов.

Таблица 4. Весовые коэффициенты факторов социального благополучия

Фактор	Весовые коэффициенты
Здоровье	0,163
Материальное благополучие	0,140
Субъективное благополучие	0,093
Социальный капитал	0,059
Окружающая среда	0,096
Социальная защищенность	0,104
Правовая защищенность	0,100
Культурно-досуговая сфера	0,061
Образование	0,100
Благоустройство территории проживания	0,061
Ассоциированность с территорией проживания	0,023
Источник: составлено авторами.	

жирование следует откорректировать путем расчета и последующего уточнения весовых коэффициентов. Начальные значения весовых коэффициентов с усреднением по группе экспертов приведены в *таблице 4*.

Для повышения точности весовых коэффициентов можно провести второй тур экспертного опроса. Предлагается следующая процедура. Экспертам даётся право изменить значение весовых коэффициентов, но не более чем на величину $\Delta_{k_i} = \pm \frac{1}{n}$ для одного фактора. В данном случае абсолютное значение предельной величины равно 0,045. При этом должно выполняться следующее условие: если эксперт увеличивает (уменьшает) значение весового коэффициента некоторого фактора, то он должен уменьшить (увеличить) в совокупности на эту же самую величину значения других факторов. В случае, когда Δ_{k_i} распределяется меж-

ду двумя и более факторами, сумма поправок должна быть равной Δ_{k_i} . Уточнённые таким образом и усреднённые весовые коэффициенты факторов вместе с полученными уточненными рангами приведены в *таблице 5*. Отметим, что частичные уточнения внесла половина экспертов, остальные посчитали итоговые результаты вполне приемлемыми.

В исследуемой ситуации наиболее значимым по оценкам был признан фактор «Здоровье», включающий в себя такие важные для населения составляющие, как физическое здоровье, продолжительность жизни и эмоциональное состояние, естественным образом напрямую влияющие на социальное благополучие людей. Также вполне предсказуемо на втором месте оказался фактор материального благополучия (работа, доходы, жильё). На III–VII позициях в ранжировании находится группа

Таблица 5. Весовые коэффициенты и ранги социально-экономических факторов

Фактор	Исходные весовые коэффициенты	Ранг	Уточнённые весовые коэффициенты	Ранг
Здоровье	0,163	I	0,161	I
Материальное благополучие	0,140	II	0,129	II
Субъективное благополучие	0,093	VII	0,102	III
Социальный капитал	0,059	X	0,064	IX
Окружающая среда	0,096	VI	0,095	VII
Социальная защищенность	0,104	III	0,101	IV
Правовая защищенность	0,100	IV-V	0,099	VI
Культурно-досуговая сфера	0,061	VIII-IX	0,065	VIII
Образование	0,100	IV-V	0,100	V
Благоустройство территории проживания	0,061	VIII-IX	0,061	X
Ассоциированность с территорией проживания	0,023	XI	0,023	XI
Источник: составлено авторами.				

факторов, связанных с социальной, правовой и экологической безопасностью, а также субъективным благополучием (их веса диапазоне 0,095–0,102). Факторы культурно-досуговой сферы, социального капитала и благоустройства территории проживания образовали группу в интервале 0,061–0,065 (ранги с VIII по X). Особняком в полученном ранжировании и с достаточно низким весовым коэффициентом 0,023 оказался фактор ассоциированности с территорией проживания, чему есть вполне логичное объяснение, связанное с высокими эмиграционными установками жителей региона, выбранного в качестве примера.

Заключение

Предлагаемая нами методология комплексной оценки социального благополучия отражает современные представления о многомерности этого явления, наличии в его структуре объективированного, субъективного и интерсубъективного компонентов. Описанные в статье наборы факторов и переменных в целом согласуются с теми, которые выделяются в рамках эмпирически апробированных международных и российских методик, и представляют собой

их систематизацию и корректировку в части валидных индикаторов и релевантных им методов измерения и источников данных.

С учетом неравновесности влияния выделенных нами факторов на уровень социального благополучия в статье также была решена задача, связанная с обоснованием выбора надежного метода расчета весовых коэффициентов. В качестве такового был предложен и апробирован метод ранжирования – частный случай метода экспертных оценок. Процедура оценки «весов» факторов достаточно четко формализована, верифицирована и может быть рекомендована для практического использования.

Предлагаемая в статье методика адаптирована к российским реалиям и учитывает особенности экономики и инфраструктуры, институциональной среды и социокультурных процессов в стране. В рамках российской социальной системы она универсальна для всех регионов и муниципальных образований – с поправкой на то, что расчет весовых коэффициентов факторов социального благополучия для конкретных регионов / территорий должен осуществляться на основе оценок местных экспертов.

Литература

- Веркеев А.М., Волков В.В., Дмитриева А.В. [и др.] (2019). Как изучать жертв преступлений? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2. С. 4–31. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.01>
- Коробов В.Б. (2005). Сравнительный анализ методов определения весовых коэффициентов «влияющих факторов» // Социология: методология, методы, математические модели. № 20. С. 54–73.
- Кочуров Б.И., Лобковский В.А., Смирнов А.Я. Эффективность и культура природопользования. М.: РУСАЙНС, 2018. 162 с.
- Кученкова А.В. (2016). Социальное самочувствие и субъективное благополучие: соотношение понятий и способов измерения // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. № 2 (4). С. 118–127.
- Лапин Н.И., Беляева Л.А. (2010). Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация-2010). М.: МФРАН. URL: <https://iphras.ru/uplfile/scult/titul.pdf> (дата обращения 01.02.2022).
- Леонтьев Д.А. (2020). Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1. С. 14–37. DOI: [10.14515/monitoring.2020.1.02](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02)
- Литвак Б.Г. (2004). Экспертные технологии в управлении. М.: Дело. 400 с.
- Лысухо А.С. (2020). Обзор российских исследований по теме «социальное благополучие»: основные исследования и результаты // ИНАБ. № 1. Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе: результаты эмпирического исследования. С. 7–17. DOI: [10.19181/INAB.2020.1.1](https://doi.org/10.19181/INAB.2020.1.1)
- Малкина М.Ю. (2017). Социальное благополучие регионов Российской Федерации // Экономика региона. Т. 13. Вып. 1. С. 49–62. DOI: [10.17059/2017-1-5](https://doi.org/10.17059/2017-1-5)

- Морозова Т.В., Белая Р.В., Мурина С.Г. (2013). Оценка качества жизни на основе индикаторов социально-экономического благополучия населения // Труды Карельского научного центра РАН. № 5. С. 140–145.
- Ромашкина Г.Ф., Крыжановский О.А., Ромашкин Г.С. (2015). Оценка составляющих социального самочувствия населения Арктического региона // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). Т. 6. № 4. С. 58–59. DOI: 10.18184/2079-4665.2015.6.4.58.63
- Саати Т.Л. (2009). Принятие решений при зависимостях и обратных связях: аналитические сети. М.: Либроком. 360 с.
- Татарова Г.Г. (2002). Качественные методы в структуре методологии анализа данных // Социология: методология, методы, математические модели. № 14. С. 33–52.
- Томашевский И.Л. (2014). Оценка погрешности метода анализа иерархий // Экономика и математические методы. № 1. С. 55–60.
- Тутыгин А.Г., Коробов В.Б. (2010). Преимущества и недостатки метода анализа иерархий // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Серия «Естественные и точные науки». № 122. С. 108–115.
- Тутыгин А.Г., Коробов В.Б., Меньшикова Т.В. (2020). Комбинированный способ расчета весовых коэффициентов в многофакторных экономических моделях // Вестник гражданских инженеров. № 3 (80). С. 221–228. DOI: 10.23968/1999-5571-2020-17-3-221-228
- Черныш М.Ф. (2020). Социальное благополучие и здоровье // ИНАБ. № 1. Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе: результаты эмпирического исследования. С. 54–74. DOI: 10.19181/INAB.2020.1.4
- Altindag D.T., Xu J. (2017) Life satisfaction and preferences over economic growth and institutional quality. *Journal of Labor Research*, 38, 100–121. DOI: 10.1007/s12122-016-9235-2
- Bacchini F., Baldazzi B., Di Biagio L. (2020). The evolution of composite indices of well-being: An application to Italy. *Ecological Indicators*, 117. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1470160X20305409> (accessed: 1.02.2022). DOI: 10.1016/j.ecolind.2020.106603
- Diener E., Suh E. (1997). Measuring quality of life: Economic, social, and subjective indicators. *Social Indicators Research*, 40(1–2), 189–216. DOI: 10.1023/a:1006859511756
- Fors F., Kulin J. (2016). bringing affect back in: Measuring and comparing subjective well-being across countries. *Social Indicators Research*, 127, 323–339. DOI: 10.1007/s11205-015-0947-0
- Gulyás A. (2016). Subjective well-being and work – a brief review on international surveys and results. *Intersections East European Journal of Society and Politics*, 2(1), 74–97. DOI: 10.17356/ieejsp.v2i1.187
- Michalos A.C., Hatch P.M. (2020). Good societies, financial inequality and secrecy, and a good life: From Aristotle to Piketty. *Applied Research Quality Life*, 15, 1005–1054. DOI: 10.1007/s11482-019-09717-0
- Myers D.G., Diener E. (1995). Who is happy? *Psychological Science*, 6(1), 10–19. DOI: 10.1111/j.1467-9280.1995.tb00298.x
- Myers D.G. (2000). The funds, friends, and faith of happy people. *American Psychologist*, 55(1), 56–67. DOI: 10.1037/0003-066X.55.1.56
- Putnam R.D. (1995). Bowling alone: America's declining social capital. *Journal of Democracy*, 6(1), 65–78. DOI: 10.1353/jod.1995.0002
- Stiglitz J., Sen A.K., Fitoussi J.-P. (2009). *The Measurement of Economic Performance and Social Progress Revisited: Reflections and Overview*. Available at: <https://hal-sciencespo.archives-ouvertes.fr/hal-01069384/document> (accessed: 1.02.2022).
- Toscano W.N., Molgaray D. (2019). The research studies on quality of life in South America. *Applied Research Quality Life*, 14, 573–588. DOI: 10.1007/s11482-018-9605-4

Сведения об авторах

Антон Михайлович Максимов – кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лаврова УрО РАН (163000, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 23; e-mail: amm15nov@yandex.ru)

Андрей Геннадьевич Тутыгин – кандидат физико-математических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лаверова УрО РАН (163000, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 23; e-mail: andgt64@yandex.ru)

Кристина Олеговна Малинина – кандидат социологических наук, заведующий лабораторией, ведущий научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лаверова УрО РАН (163000, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 23; e-mail: malinina.ciom@gmail.com)

Людмила Александровна Чижова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лаверова УрО РАН (163000, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 23; e-mail: chijova.mila@yandex.ru)

Татьяна Анатольевна Блынская – кандидат сельскохозяйственных наук, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лаверова УрО РАН (163000, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 23; e-mail: t_blynskaya@mail.ru)

Maksimov A.M., Tutygin A.G., Malinina K.O., Chizhova L.A., Blynskaya T.A.

Issues of the Methodology for Assessing Social Well-Being in Contemporary Russia

Abstract. The article provides a critical analysis and synthesis of modern concepts of social well-being, as well as decomposition and operationalization of this sociological concept, which allows solving the problem of measuring and assessing the quality of life of individuals and social groups in a more comprehensive way. We have shown differences in the understanding of social well-being as a socio-psychological construct based on an individual's subjective evaluation of the conditions and results of their life activities, and as an objective assessment of the social and economic status of the individual, their involvement in social media, access to public goods. We also noted that when choosing a methodology for measuring social well-being, it is necessary to consider the economy of the society under consideration (developed or developing) and the existence conditions of the local community as a whole, not just individuals (the concept of community well-being). Based on a synthesis of existing approaches, methodologies, and sets of variables for the empirical study of social well-being, we propose our own version of the methodology for the comprehensive measurement of social well-being, which takes into account the specifics of social processes and relations in contemporary Russia. Within the framework of this methodology, we identify 11 basic factors affecting the level of social well-being, operationalized through more than 50 indicators. The sources of data for their measurement, along with state and corporate statistics, are mass sample and expert surveys. In the article we also raise the problem of calculating weighting coefficients for various factors contributing to social well-being, and proposed its solution on the basis of the ranking method as a special case of the expert evaluation method. The considered set of factors allows covering economic, social, political and legal, medical, socio-cultural and everyday components of life of individuals and local communities.

Key words: social well-being, quality of life, subjective well-being, factors contributing to social well-being, expert evaluation methods, ranking method.

Information about the Authors

Anton M. Maksimov – Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Senior Researcher, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (23, Severnaya Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation; e-mail: amml5nov@yandex.ru)

Andrei G. Tutygin – Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Associate Professor, Leading Researcher, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (23, Severnaya Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation; e-mail: andgt64@yandex.ru)

Kristina O. Malinina – Candidate of Sciences (Sociology), Leading Researcher, head of laboratory, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (23, Severnaya Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation; e-mail: malinina.ciom@gmail.com)

Lyudmila A. Chizhova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (23, Severnaya Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation; e-mail: chijova.mila@yandex.ru)

Tat'yana A. Blynskaya – Candidate of Sciences (Agriculture), Senior Researcher, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (23, Severnaya Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation; e-mail: t_blynskaya@mail.ru)

Статья поступила 11.02.2022.

DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.10

УДК 332.1, ББК 65.04

© Скипин Д.Л., Юхтанова Ю.А., Крыжановский О.А., Токмакова Е.Г.

Ожидаемая продолжительность жизни в регионах России

**Дмитрий Леонидович
СКИПИН**

Тюменский государственный университет

Тюмень, Российская Федерация

e-mail: dskipin@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5840-5789; ResearcherID: P-2821-2018

**Юлия Александровна
ЮХТАНОВА**

Тюменский государственный университет

Тюмень, Российская Федерация

e-mail: gaudi21@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9365-9714

**Олег Андреевич
КРЫЖАНОВСКИЙ**

Тюменский государственный университет

Тюмень, Российская Федерация

e-mail: o.a.kryzhanovskij@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3670-0063; ResearcherID: B-5682-2019

**Елена Геннадьевна
ТОКМАКОВА**

Тюменский государственный университет

Тюмень, Российская Федерация

e-mail: tokmake@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4109-5213

Для цитирования: Скипин Д.Л., Юхтанова Ю.А., Крыжановский О.А., Токмакова Е.Г. (2022). Ожидаемая продолжительность жизни в регионах России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 2. С. 156–171. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.10

For citation: Skipin D.L., Yuktanova Yu.A., Kryzhanovskii O.A., Tokmakova E.G. (2022). Life expectancy in Russia's regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(2), 156–171. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.10

Аннотация. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении используется как комплексный индикатор состояния здоровья населения и социально-экономического развития. Влияние на нее уровня организации здравоохранения, экономического развития регионов и благосостояния населения в России требует более подробного и систематического научного подтверждения на уровне субъектов РФ. Новизна исследования состоит в выявлении особенностей влияния различных факторов на прирост ожидаемой продолжительности жизни путем построения панельных векторных авторегрессий в выделенных с помощью кластеризации группах регионов РФ со схожими темпами прироста ожидаемой продолжительности жизни. Результаты полученных моделей в разрезе сформированных кластеров демонстрируют чувствительность прироста ожидаемой продолжительности жизни во всех кластерах к положительной динамике экономического развития региона и увеличению среднедушевых доходов населения. Факторы организации системы здравоохранения в региональном разрезе слабо связаны с показателями ожидаемой продолжительности жизни из-за недофинансирования этой сферы, ориентации на снижение обеспеченности койко-местами в больничных учреждениях, обусловленное оптимизацией системы здравоохранения и кумулятивным характером воздействия. Выводы, полученные в ходе исследования, могут быть использованы в практике управления качеством жизни населения и социально-экономическим развитием российских регионов.

Ключевые слова: ожидаемая продолжительность жизни, факторы, регион.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07131.

Введение

Ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) при рождении является общепризнанным показателем здоровья населения как на уровне государства, так и на уровне региона, входящим в число главных факторов качества человеческих ресурсов (Marmot, 2005; Alam et al., 2015; Wilson et al., 2020). Также она выступает широким социальным показателем, который охватывает ряд фундаментальных аспектов социального благополучия (Wilkins, Adams, 1983). ОПЖ активно используется и в расчетах интегральных индикаторов развития: индекса развития человеческого потенциала (HDI – Human Development Index) (Stanton, 2007), индекса гендерного развития (GDI – Genderrelated Development Index) (Klasen, Schüler, 2011), индекса физического качества жизни (PQLI – Physical Quality of Life Index) (Morris, 1980).

Изучение категории ОПЖ проводится во взаимосвязи с состоянием здоровья нации, качеством жизни, человеческим капиталом. С этой целью ученые анализируют результаты социально-экономической государственной политики и ее влияния на состояние здоровья

населения в целом и отдельных индивидуумов с учетом клинических, эпидемиологических и экологических разработок. Построение моделей различного уровня сложности и детализации позволяет пролить свет на возможности опосредованного управления ОПЖ через важные факторы ее динамики.

Вызывает интерес исследование А. Берга и Т. Нильсона, в ходе которого проанализирована взаимосвязь между тремя измерениями глобализации: экономическим, социальным, политическим и продолжительностью жизни населения на основе панельных данных 92 стран за 1970–2005 годы. Авторы установили наличие положительного влияния экономической глобализации на ожидаемую продолжительность жизни, а также оценили действие на нее таких факторов, как уровень дохода, потребления, качество питания, возможность получения образования и услуг здравоохранения и других (Bergh, Nillson, 2010).

В работе Р. Десборда проанализирована взаимосвязь продолжительности жизни и внутреннего валового продукта (ВВП) в расчете на душу населения в 1940 и 1980 гг. в 47 странах, в не-

которых из них выявлена нелинейная зависимость между продолжительностью жизни и доходом на душу населения (Desbordes, 2011). Статистическая зависимость продолжительности жизни от экономического положения страны была подтверждена на основе наблюдений 1940, 1980 и 2000 гг. Сделан вывод о том, что ОПЖ оказывает в целом положительное влияние на экономический рост и уровень доходов населения, но это воздействие не прямое и во многом зависит от складывающихся социальных условий (Cervellati, Sunde, 2011a; Cervellati, Sunde, 2011b).

М. Бийэсе и М. Малеса исследовали причинно-следственные связи между ожидаемой продолжительностью жизни и экономическим ростом в выборке из 10 стран — членов Сообщества развития Юга Африки за период 1985–2017 гг. Ученые пришли к выводу, что ОПЖ положительно влияет на экономический рост. Устойчивость результатов подтвердило добавление переменных: инфляция, открытость торговли, государственные расходы (Biyase, Maleasa, 2019). Другим коллективом авторов в ходе проведения исследования по 16 странам Африки за период 1970–2012 гг. с использованием непараметрических методов выяснено, что улучшение инфраструктуры здравоохранения и экономический рост могут играть решающую роль в повышении уровня ОПЖ населения (Shahbaz et al., 2019). Л. Хе и Н. Ли обнаружили двунаправленную связь между ожидаемой продолжительностью жизни и экономическим ростом для 65 стран по данным за период с 1980 по 2014 год (He, Li, 2020). В рамках анализа данных за 1992–2016 гг. Т. Говдели подтвердил двустороннюю причинно-следственную связь между экономическим ростом и продолжительностью жизни на примере стран E7 (Китай, Индия, Бразилия, Мексика, Россия, Индонезия и Турция) (Gövdeli, 2019).

Социально-экономическое неравенство среди различных слоев населения на основе интегрированного показателя, включающего среднедушевые доходы и ОПЖ, оценили М. Пандей и Я. Натвани (Pandey, Nathwani, 1996). М. Гурлер и О. Озсой исследовали долгосрочную связь между среднедушевыми денежными доходами и ожидаемой продолжительностью жизни по панельным данным

56 развивающихся стран Северной Африки, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии за период 1990–2015 гг. В итоге показано, что экономический рост по Грейнджеру вызывает увеличение продолжительности жизни только для панельных, но не для кросс-секционных данных (Gürler, Özsoy, 2019). Результаты исследования А. Сирэг и его коллег свидетельствуют о существовании нелинейной зависимости между ОПЖ и экономическим ростом. В частности, увеличение ОПЖ положительно воздействует на экономический рост, но только до определенного порогового уровня, любое дальнейшее увеличение ОПЖ оказывает негативное влияние (Sirag et al., 2020).

В рамках решения поставленной нами задачи важны исследования Ф. Хэликиоглу относительно продолжительности жизни в Турции в 1965–2005 гг. во взаимосвязи с отдельными социальными, экономическими и экологическими факторами. Эмпирические результаты показали, что качество питания, его доступность, наряду с необходимыми для человека расходами на здравоохранение, являются основными условиями увеличения продолжительности жизни, тогда как курение становится причиной многих болезней и сокращает жизнь людей (Halicioglu, 2011).

Коллективом ученых проанализированы факторы, обуславливающие продолжительность жизни людей, проживающих в США. Например, наряду с социально-демографическими, экономическими факторами, обеспеченностью медицинскими учреждениями и услугами здравоохранения на продолжительность жизни положительно влияет благоприятная окружающая среда (Poudyal et al., 2019).

Х. Махьяр на примере данных 1966–2013 гг. по Ирану установил, что экономический рост оказывал положительное статистически значимое влияние на продолжительность жизни населения (Mahyar, 2016). Интерес вызывает и модель Престона, отражающая связь между ОПЖ и валовым внутренним продуктом на душу населения, приведенным в сопоставимых ценах (Preston, 1975; Edwards, 2016).

В докладе Всемирного банка 2018 года о мировом развитии «Обучение для реализации образовательных перспектив» отмечается, что почти четверть детей во всем мире отстают

в росте и это препятствует их когнитивному развитию¹. Между тем, половина населения мира не охвачена основными медицинскими услугами, а 80% бедных людей в странах с низким уровнем дохода не имеют социальной защиты.

Тем не менее простые межстрановые сопоставления систем здравоохранения оказываются недостоверными в силу слишком большой разницы показателей. Развитые, развивающиеся и бедные страны сталкиваются не только с недофинансированием здравоохранения, но и существенными перекосами, связанными с неправильным управлением в системе (Merson et al., 2006). В. Мау справедливо отметил, что эффективных систем, соответствующих современным вызовам, в том числе и в системе здравоохранения, в мире просто не существует (Мау, 2013).

Несмотря на огромные усилия, в России сохраняются значительные различия между регионами. Задача оптимизации в российской системе здравоохранения из экономической вылилась в масштабную социальную проблему (Шабунова и др., 2017). Г.Ф. Ромашкина с единомышленниками, изучая капитал здоровья на мезоуровне, в который входит ОПЖ, констатирует, что по этому показателю регионы Арктической зоны существенно отстают от общероссийского уровня и сохраняется отрицательная динамика. Снижение обусловлено не только различиями в развитости территорий и качестве здравоохранения, но и другими факторами (Romashkina et al., 2020).

Эмпирические исследования ОПЖ на российских данных в разрезе регионов в основном сконцентрированы на изучении зависимости ОПЖ от факторов экономического и социального характера (Прохоров, 2011; Локосов и др., 2018; Чистик, Блинова, 2018; Лавриненко, Рыбакова, 2015; Коссова и др., 2017; Костромина, 2017; Жукова и др., 2016; Школьников и др., 2014; Андреев, Школьников, 2018; Колосницына и др., 2019; Коссова, 2020).

Исследованиями ожидаемой продолжительности жизни в рамках изучения качества здо-

ровья населения или общественного здоровья в региональном разрезе по данным с 1991 по 2007 год занимался коллектив специалистов под руководством Б.Б. Прохорова. Качество общественного здоровья, по его мнению, может оцениваться с помощью следующих показателей: ОПЖ; стандартизованные коэффициенты смертности; младенческая смертность, общая заболеваемость. Особое внимание ученые уделяют динамике социально-экономического реформирования России и ее результатам в разрезе медико-демографических показателей (Прохоров, 2011).

Сфера научных интересов В.В. Локосова, Е.В. Рюминой, В.В. Ульянова связана с исследованиями качества населения в увязке с показателями региональной экономики. Посредством кластеризации регионов и регрессионного анализа авторами изучено влияние факторов качества населения (одним из которых выступает продолжительность жизни) на показатель устойчивого развития территорий – ВРП в расчете на душу населения. В результате было установлено, что факторы, характеризующие качество населения, в число значимых не попали, что не умаляет важность данных показателей для изучения региональных и глобальных социально-экономических проблем (Локосов и др., 2018).

П.А. Лавриненко и Д.А. Рыбакова провели сравнительный анализ региональных различий в сферах обеспечения здоровья населения, экологии и организации здравоохранения. При этом здоровье населения оценивается ими через показатели средней продолжительности жизни и общей заболеваемости людей по всем причинам с использованием эконометрических методов (Лавриненко, Рыбакова, 2015). Ученые обратили внимание на зависимость ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин от ряда факторов, таких как среднедушевые денежные доходы, уровень безработицы, коэффициент Джини, объем потребления алкоголя, а также смертность от внешних причин, с 2008 по 2013 год в России и в разрезе регионов (Коссова и др., 2017). Перспективы экономического роста и развития отдельных регионов России за счет повышения качества здравоохранения проанализировала Е.В. Костромина (Костромина, 2017).

¹ Доклад о мировом развитии. Обучение для реализации образовательных перспектив (2018) / Группа Всемирного Банка.

А.К. Жуковой, А.М. Силаевым, М.В. Силаевой было проведено исследование влияния ряда социально-экологических показателей на ожидаемую продолжительность жизни населения отдельных регионов России с 2000 по 2014 год с учетом пространственных эффектов. Авторы разделяют все регионы по географическому признаку на западные и восточные и называют особенности влияния факторов, характерных для данных территорий Российской Федерации (Жукова и др., 2016).

Е.М. Андреев и В.М. Школьников подтверждают необходимость изучения зависимости ОПЖ от экономического положения региона. Авторы пришли к выводу о том, что ожидаемая продолжительность жизни в России существенно ниже уровня, который, по модели Престона, соответствует отечественному душевому ВВП, отмечая, что задача охраны здоровья и продления жизни в современной России пока не получила должного приоритета (Школьников и др., 2014; Андреев, Школьников, 2018).

Т.В. Коссова с соавторами справедливо указывают на то, что продолжительность жизни в России ниже, чем в странах с сопоставимым уровнем экономического развития. В исследовании продемонстрировано неодинаковое влияние различных факторов, в том числе развития экономики и системы здравоохранения, на здоровье населения в зависимости от принадлежности стран к различным кластерам по уровню продолжительности жизни (Колосницына и др., 2019; Коссова, 2020).

Выделение групп стран или регионов со схожими характеристиками путем проведения кластерного анализа позволяет выявить особенности влияния факторов на ОПЖ в выделенных группах (Локосов и др., 2018; Лавриненко, Рыбакова, 2015; Костромина, 2017; Колосницына и др., 2019). Большинство ученых предполагают, что существует устойчивое влияние на ОПЖ комплекса факторов, специфичных для отдельных стран или регионов. В целях исследования влияния факторов на ОПЖ для панельных данных традиционно используют метод наименьших квадратов (МНК) (Bergh, Nillson, 2010; Desbordes, 2011; Cervellati, Sunde, 2011a, 2011b; He, Li, 2018; Gövdeli, 2019; Sirag et al., 2019; Halicioglu, 2011; Poudyal et al., 2019; Edwards, 2016; Acemoglu, Johnson, 2007, Жукова

и др., 2016), двухэтапный МНК (Biyase, Malesa, 2019; Halicioglu, 2011; Acemoglu, Johnson, 2007), модели со случайными и фиксированными эффектами (Bergh, Nillson, 2010; Biyase, Malesa, 2019; Gürler, Özsoy, 2019; Коссова и др., 2017; Костромина, 2017), пространственное моделирование: SAR (Spatial Autoregressive Model), SEM (Spatial Error Model), SDM (Spatial Durbin Model) (Жукова и др., 2016).

За последние десятилетия были достигнуты важные успехи в изучении моделей динамических панельных данных с фиксированными эффектами для типичных условий, когда размер поперечного сечения (N) велик, а размер времени (T) мал. Классические методы регрессии, основанные на МНК, неприменимы из-за смещения Никелла, которое не исчезает асимптотически, если $N \rightarrow \infty$ и T фиксировано (Nickell, 1981). Одним из решений этой проблемы является применение обобщенного метода оценки моментов, популяризированного Л. Хансеном в экономике (Hansen, 1982). Начиная с работы Д. Хольц-Икина, У. Ньюи и Х. Росена проводится оценка и тестирование коэффициентов векторной авторегрессии на панельных данных. Векторные авторегрессии являются стандартной частью инструментария прикладной эконометрики (Holtz-Eakin et al., 1988). Нецелесообразно применять стандартные методики оценки векторных авторегрессий к панельным данным, поэтому современные модели допускают нестационарные индивидуальные эффекты и оцениваются путем применения инструментальных переменных к квазиразностным уравнениям авторегрессии.

Целью нашей работы выступает сравнительная оценка влияния изменения факторов организации здравоохранения и благосостояния на индикатор прироста ОПЖ с учетом особенностей формирования ОПЖ в выделенных группах регионов со схожими характеристиками ее прироста. Задачи: выделение кластеров субъектов РФ по темпам прироста ожидаемой продолжительности жизни, обусловленных сильной межрегиональной дифференциацией; оценка влияния факторов организации здравоохранения и благосостояния в выделенных кластерах, отражающих региональную специфичность формирования ОПЖ; обсуждение результатов тестирования взаимосвязи факторов на ОПЖ в разрезе сформированных кластеров.

Новизна исследования состоит в выявлении особенностей влияния факторов на прирост ОПЖ путем построения панельных векторных авторегрессий в выделенных группах регионов РФ со схожими темпами прироста ожидаемой продолжительности жизни.

Материалы и методы

На основе региональных панельных данных Росстата 1995–2017 гг. проводится кластеризация временных рядов DTW (Dynamic Time Warping) по темпам прироста ожидаемой продолжительности жизни за один календарный год. Кластеризация временных рядов DTW представляет собой алгоритм динамического программирования, который пытается найти оптимальный путь перехода между двумя рядами. В рамках выделенных кластеров построены панельные векторные авторегрессии (Sigmund, Ferstl, 2021) прироста ОПЖ в зависимости от факторов развития системы здравоохранения и благосостояния населения. Модель PVAR (Panel Vector Autoregression) представляет собой комбинацию динамической панельной модели с одним уравнением (DPM – Dynamic Panel Model) и векторной авторегрессионной модели (Vector Autoregression – VAR) для p лагов m эндогенных переменных (матрица коэффициентов $A_l(m \times m)$), k заранее определённых переменных (матрица коэффициентов $B(m \times m)$) и n строго экзогенных переменных (матрица коэффициентов $C(m \times n)$):

$$y_{i,t} = \mu_i + \sum_{l=1}^p A_l y_{i,t-l} + Bx_{i,t} + Cs_{i,t} + \epsilon_{i,t}. \quad (1)$$

Её главное достоинство – использование всех значений всех независимых переменных в качестве инструментов, что позволяет нам приблизиться к истинной оценке коэффициента. Задача подобного анализа – найти и доказать статистически значимое влияние фактора на зависимую переменную.

Популярность модели PVAR в эмпирической экономике подтверждается высоким цитированием работы И. Лав и Л. Зиккино (Love, Zicchino, 2006). Они представляют неофициальный код STATA, который был расширен М. Абриджо и И. Лав (Abrigo, Love, 2016), использующими метод оценки Generalized Method of Moments (GMM) первого поколения, предложенный Т. Андерсоном и Ч. Хсиао (Anderson, Hsiao, 1982), чтобы справиться со

смещением Никелла (Nickell, 1981). Используемый в работе пакет panelvar реализует прямое расширение метода Т. Андерсона и Ч. Хсиао, метода оценки GMM первой разности (Holtz-Eakin et al., 1988; Arellano, Bond, 1991) и более сложной системы GMM (Blundell, Bond, 1998) для модели PVAR.

Выбор показателей основан на опыте многих эмпирических работ (Alam et al., 2015; Bergh, Nillson, 2010; Desbordes, 2011; Cervellati, Sunde, 2011a, 2011b; Biyase, Malesa, 2019; Shahbaz et al., 2019; He, Li, 2020; Gövdeli, 2019; Pandey, Nathwani, 1996; Gürler, Özsoy, 2019; Sirag et al., 2020; Halicioglu, 2011; Poudyal et al., 2019; Mahyar, 2016; Preston, 1975; Edwards, 2016; Чистик, Блинова, 2018; Коссова и др., 2017; Костромина, 2017; Жукова и др., 2016; Колосницына и др., 2019; Коссова, 2020) и наличии данных в статистической отчетности Росстата. Выборка составляет 1580 наблюдений по 83 регионам за 1995–2017 гг. Анализ панельных данных повышает надежность и устойчивость выводов. Анализируя современные исследования, можно выделить факторы, рассматриваемые в качестве детерминант ожидаемой продолжительности жизни, главными из которых выступают экономические факторы, организация здравоохранения, урбанизация, потребление продуктов питания, условия проживания: обеспеченность больничными койками на 10000 человек населения (availab_hosp); мощность врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений на 10000 человек населения (power_clinics); численность населения на одного врача (popul_doc); численность среднего медицинского персонала (doc_middle_level); реальный валовой региональный продукт на душу населения (grp_real); среднедушевые реальные денежные доходы в руб. (income_real); число умерших по основным классам и отдельным причинам смерти в расчете на 100000 человек населения за год, причина смерти – убийство (mdk); число собственных легковых автомобилей на 1000 человек населения (cars); общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (living_space); потребление мяса и мясопродуктов (включая субпродукты II категории и жир-сырец) на душу населения (consume_meat); удельный вес городского населения в общей численности населения (share_urban).

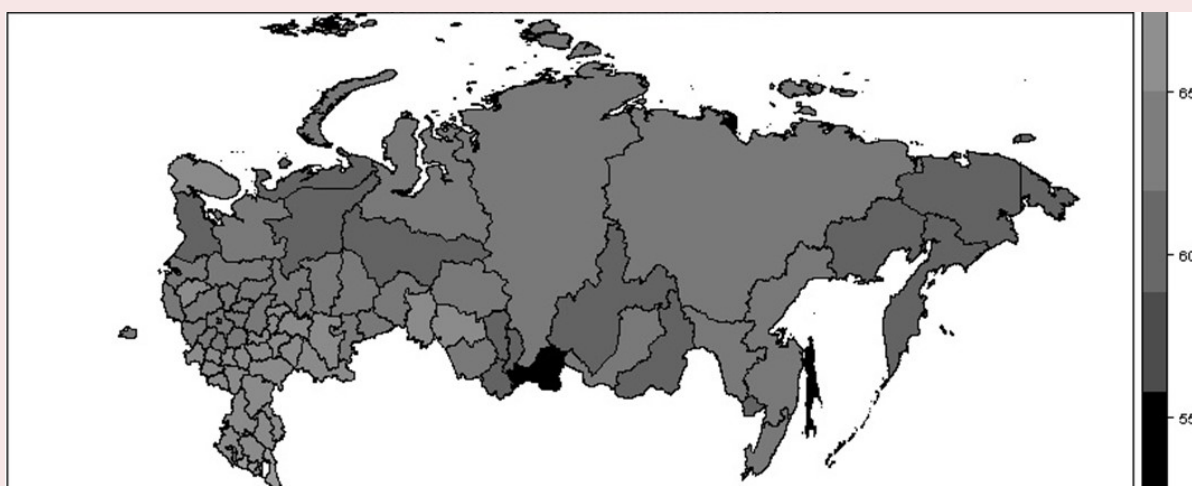
Гипотеза исследования заключается в том, что тенденция изменения ОПЖ в выделенных кластерах неодинаково связана с динамикой благосостояния, организации здравоохранения, урбанизации, потребления продуктов питания, условиями проживания.

Результаты

На основе данных Росстата построены карты ожидаемой продолжительности жизни при рождении в субъектах Российской Федерации в 1995 и 2017 гг. В рассматриваемый период ожидаемая продолжительность жизни при рождении имела тенденцию к росту (рис. 1, 2).

Средняя продолжительность жизни населения оказалась наибольшей (более 73 лет) в Северо-Кавказском федеральном округе, а именно в Республиках Дагестан и Ингушетия. Наименьшее среднее значение продолжительности жизни (58,6 года) продемонстрировала Республика Тыва (Сибирский федеральный округ). Максимальная продолжительность жизни (81,59 года) зафиксирована в Северо-Кавказском федеральном округе, минимум (53,76 года) – в Сибирском. Распределение ожидаемой продолжительности жизни по регионам показывает наибольший разброс продол-

Рис. 1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в субъектах РФ в 1995 г.

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002: стат. сб. / Росстат. М., 2002. С. 55–56.

Рис. 2. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в субъектах РФ в 2017 г.

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. С. 79–84.

жительности жизни в регионах Северо-Западного, Уральского и Сибирского федеральных округов, относительно небольшой разброс по данному показателю имеют Южный, Приволжский и Дальневосточный федеральные округа.

Вследствие того что продолжительность жизни во всех наблюдаемых субъектах РФ за изучаемый период значительно увеличилась и имеет восходящий тренд, сформированная панель данных была проверена на стационарность. Расширенный тест Дики – Фуллера для $life_exhrecancy$ с константой и трендом выявил отсутствие стационарности для всех анализируемых регионов по показателю ожидаемой продолжительности жизни. Поэтому, кроме того, что для построения эконометрических моделей денежные переменные взяты в постоянных ценах, зависящая и объясняющие переменные взяты в разностях логарифмов (процентных приростах год к году, для всех переменных, подверженных данной процедуре, введен префикс $dlog_$ (Alam et al., 2015; Bergh, Nillson, 2010; Desbordes, 2011; Cervellati, Sunde, 2011a, 2011b; Shahbaz et al., 2019; He, Li, 2020; Gövdeli, 2019; Gürler, Özsoy, 2019; Halicioglu, 2011; Poudyal et al., 2019; Preston, 1975; Edwards, 2016; Жукова и др., 2016; Колосницына и др., 2019; Коссова, 2020), для обозначения лаговых переменных (за предыдущий год) используется суффикс $_lag1$ (Bergh, Nillson, 2010; He, Li, 2020; Gövdeli, 2019; Halicioglu, 2011; Mahyar, 2016).

Расширенный тест Дики – Фуллера для $life_exhrecancy$ с константой и трендом свидетельствует о наличии стационарности для всех анализируемых регионов по показателю разности логарифмов ожидаемой продолжительности жизни.

Изменения ожидаемой продолжительности жизни за анализируемый период в регионах имеют общую положительную динамику, но при этом темпы прироста значительно различаются. В работе проведена кластеризация временных рядов DTW по темпам прироста ожидаемой продолжительности жизни за один календарный год.

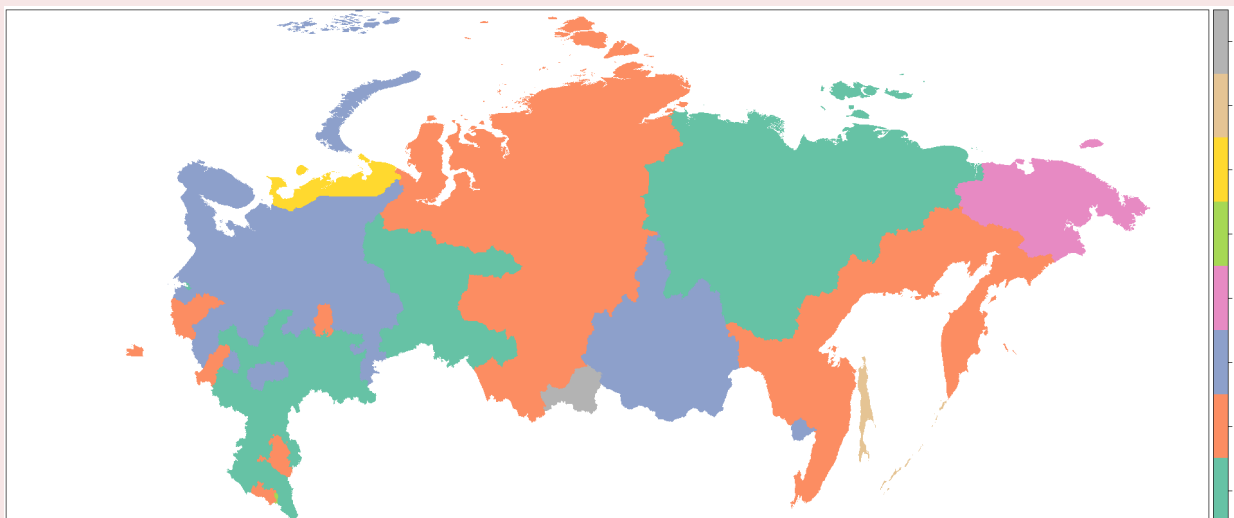
В результате проведения кластеризации выделено восемь кластеров (табл. 1, рис. 3).

В первый кластер вошли следующие регионы: Адыгея, Астраханская область, Башкортостан, Белгородская область, Чувашия, Санкт-Петербург, Дагестан, ХМАО, Краснодарский край, Курганская область, Курская область, Липецкая область, Мордовия, Москва, Московская область, Нижегородская область, Новосибирская область, Омская область, Орловская область, Оренбургская область, Ростовская область, Рязанская область, Якутия, Самарская область, Саратовская область, Ставропольский край, Татарстан, Тюменская область (без АО), Ульяновская область, Волгоградская область, Воронежская область. Для данного кластера характерен

Таблица 1. Описательная статистика темпов прироста ожидаемой продолжительности жизни в субъектах РФ за 1995–2017 гг.

Кластер	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Минимум	-2,66	-2,84	-3,97	-8,49	-2,66	-4,52	-2,08	-4,10
Максимум	4,05	5,64	4,82	6,86	5,00	7,17	12,39	4,21
Стандартное отклонение	0,87	1,17	1,34	3,35	1,91	2,90	2,84	2,05
Среднее арифметическое	0,46	0,53	0,53	0,46	0,96	0,85	1,14	0,84
Медиана	0,48	0,60	0,62	0,89	0,88	0,56	0,47	0,97
Количество регионов	32	22	24	1	1	1	1	1
Регионы	В тексте	В тексте	В тексте	Чукотский АО	Ингушетия	Ненецкий АО	Сахалинская область	Тува
Доля населения РФ в 2017 г., %	59,72	15,97	23,35	0,03	0,34	0,03	0,34	0,22
Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002–2019: стат. сб. / Росстат. М., 2002–2019.								

Рис. 3. Кластеризация субъектов РФ по темпам прироста ожидаемой продолжительности жизни при рождении

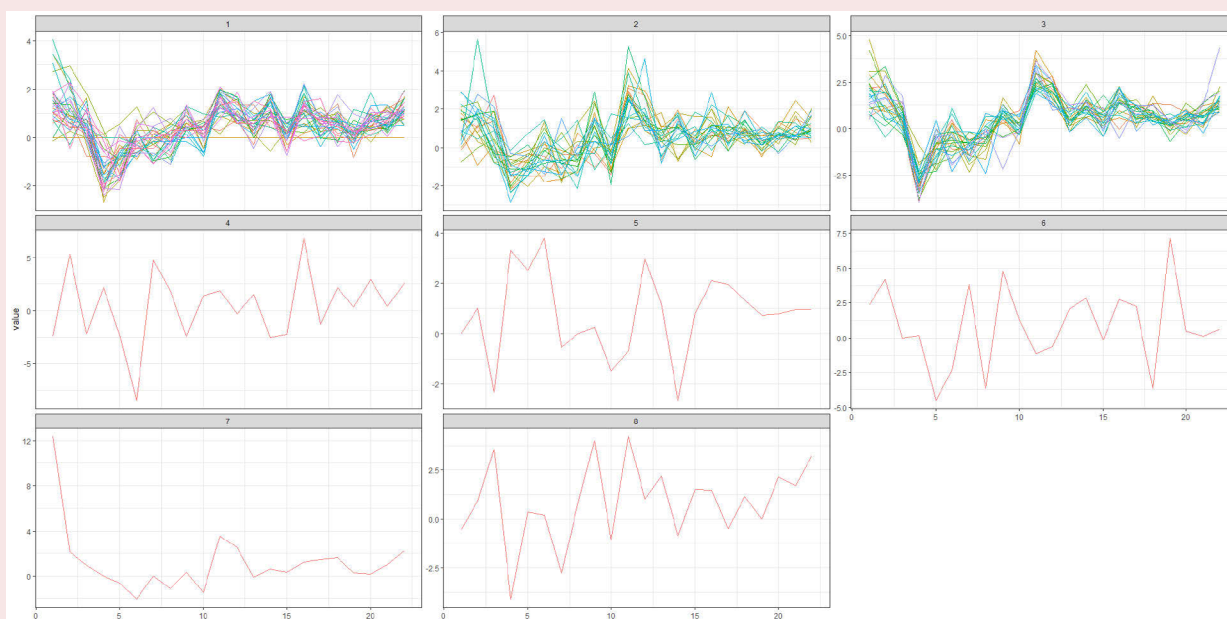

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002–2019: стат. сб. / Росстат. М., 2002–2019.

низкий средний ежегодный прирост ожидаемой продолжительности жизни, самая низкая дисперсия, то есть изменения год от года наименее волатильны по сравнению с другими кластерами (рис. 4).

Второй кластер: Алтайский край, Амурская область, Брянская область, Горный Алтай, Кабардино-Балкария, Калининградская область, Калмыкия, Калужская область, Камчатский край, Карачаево-Черкесия, Кемеровская

Рис. 4. Динамика прироста ожидаемой продолжительности жизни при рождении по кластерам

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002–2019: стат. сб. / Росстат. М., 2002–2019.

область, Хабаровский край, Хакасия, Красноярский край, Магаданская область, Северная Осетия, Новгородская область, Приморский край, Псковская область, Томская область, Удмуртия, ЯНАО. Для него характерен более высокий средний ежегодный прирост ожидаемой продолжительности жизни, при этом наблюдается бóльшая дисперсия, то есть изменения год от года по сравнению с первым кластером.

В третий кластер вошли следующие регионы: Архангельская область, Бурятия, Челябинская область, Иркутская область, Ивановская область, Карелия, Кировская область, Коми, Костромская область, Ленинградская область, Марий Эл, Мурманская область, Пензенская область, Пермский край, Смоленская область, Свердловская область, Тамбовская область, Тульская область, Тверская область, Владимирская область, Вологодская область, Ярославская область, Еврейская АО, Забайкальский край. Для данного кластера характерен пример-

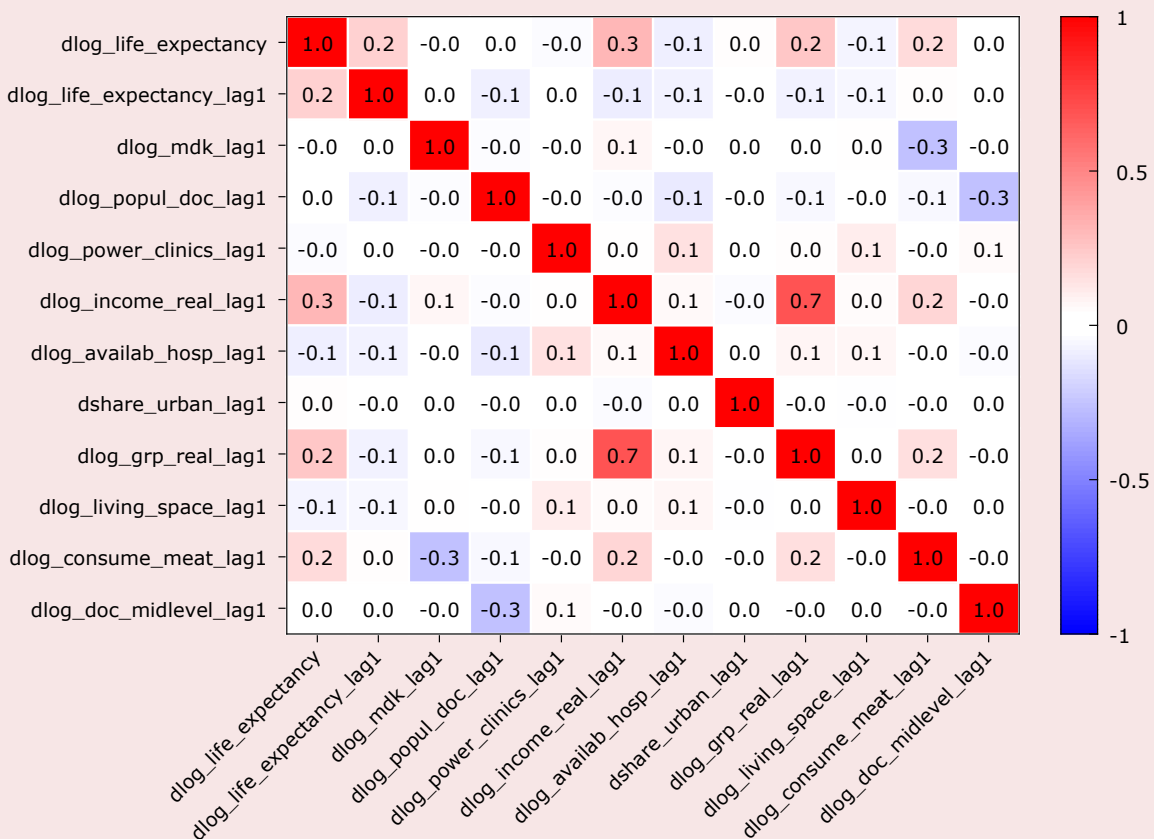
но такой же средний ежегодный прирост ожидаемой продолжительности жизни, как у второго кластера, при этом наблюдается ещё бóльшая дисперсия, то есть изменения год от года по сравнению с первым кластером.

Четвёртый, пятый, шестой, седьмой и восьмой кластеры состоят каждый из одного региона. Они являются аутлайерами (динамика анализируемого показателя в данных регионах-кластерах сильно отличается от всех других кластеров). Далее их анализ проводиться не будет.

Для отбора параметров была построена корреляционная матрица ожидаемой продолжительности жизни при рождении и факторов-регрессоров (рис. 5).

Коэффициенты корреляции относительно невысоки, факторы с околонулевыми коэффициентами корреляции были исключены из дальнейшего анализа. В результате исследования построены панельные векторные авто-

Рис. 5. Корреляционная матрица ожидаемой продолжительности жизни при рождении и факторов-регрессоров

регрессии (Sigmund, Ferstl, 2021) ОПЖ при рождении: зависимая переменная – изменение ожидаемой продолжительности жизни в первых разностях логарифмов ($dlog_life_expectancy$), регрессоры – изменение ожидаемой продолжительности жизни ($dlog_life_expectancy_lag1$), изменение численности населения на одного врача ($dlog_popul_doc_lag1$), изменение мощности врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений на 10000 человек населения ($dlog_power_clinics_lag1$), изменение обеспеченности больничными койками на 10000 человек населения ($dlog_availab_hosp_lag1$), изменение реального валового регионального продукта на душу населения ($dlog_grp_real_lag1$), изменение среднедушевых реальных денежных доходов ($dlog_income_real_lag1$), изменение потребления мяса и мясопродуктов (включая субпродукты II категории и жир-сырец) на душу населения ($dlog_consume_meat_lag1$). Во всех построенных моделях используется 11277 инструментов. Все регрессоры представлены в первых разностях логарифмов, значения за предыдущий год. Исследование ожидаемой продолжительности жизни проводилось для каждого кластера (табл. 2).

Обсуждение

Эмпирические исследования характера влияния факторов на ОПЖ демонстрируют порой противоречивые результаты на региональном уровне. Традиционно повышение уровня ОПЖ связывают с ростом уровня благосостояния региона и населения, а также с организацией системы здравоохранения. В работе была предпринята попытка раскрыть существующие взаимосвязи на региональном уровне на основе панельных данных Росстата.

На мезоуровне наблюдается положительная ОПЖ во всех субъектах РФ за изучаемый период, однако темпы прироста в регионах сильно различаются. Кластеризация субъектов РФ по темпам прироста ОПЖ выявила региональную специфичность формирования ОПЖ. Для первого кластера характерен низкий средний ежегодный прирост ожидаемой продолжительности жизни, при этом наблюдается самая низкая дисперсия, то есть изменения год от года наименее волатильные по сравнению с другими кластерами. Второй кластер отличается более высоким средним ежегодным приростом ОПЖ и большей дисперсией по сравнению с первым кластером. Третий кластер имеет аналогичный

Таблица 2. Панельные векторные авторегрессии прироста ожидаемой продолжительности жизни в субъектах Российской Федерации, 1995–2017 гг.

Показатель	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3
$dlog_life_expectancy_lag1$	0,3136 *** (0,0284)	0,1903 *** (0,0550)	0,3907 *** (0,0214)
$dlog_popul_doc_lag1$	0,0208 ** (0,0073)	0,0224 * (0,0114)	0,0061 (0,0138)
$dlog_power_clinics_lag1$	0,0068 (0,0064)	0,0090 (0,0096)	0,0033 (0,0123)
$dlog_availab_hosp_lag1$	-0,0221 ** (0,0082)	-0,0257 * (0,0119)	-0,0334 * (0,0131)
$dlog_grp_real_lag1$	0,0105 ** (0,0040)	0,0039 (0,0035)	0,0102 (0,0053)
$dlog_income_real_lag1$	0,0128 *** (0,0028)	0,0190 *** (0,0041)	0,0332 *** (0,0054)
$dlog_consume_meat_lag1$	0,0142 *** (0,0045)	0,0105 (0,0065)	0,0111 (0,0081)
Const	0,0010 *** (0,0003)	0,0023 *** (0,0005)	-0,0001 (0,0004)
Количество наблюдений	600	420	480
Количество групп	32	22	24
Наблюдений на группу	20	20	20
Количество инструментов	11277	11277	11277
*** $p < 0.001$; ** $p < 0.01$; * $p < 0.05$.			

второму средний ежегодный прирост ожидаемой продолжительности жизни и еще больший разброс значений.

В результате дальнейшего анализа на основе моделей авторегрессии в разрезе сформированных кластеров значимое влияние с положительным вектором продемонстрировало повышение реального среднедушевого дохода и ВРП на душу населения в предшествующем году. Влияние изменения среднедушевого дохода на прирост ОПЖ проявляется по-разному. В кластерах с меньшим разбросом колебаний темпов прироста ОПЖ сила воздействия фактора снижения, по сравнению с кластерами с существенным разбросом. Такой эффект может быть объяснен ростом дифференциации доходов населения в регионах, наиболее ярко проявляющимся в третьем кластере, когда люди с большим достатком могут позволить более качественное медицинское обслуживание и продукты питания. Значимым фактором прироста ОПЖ для регионов первого кластера является потребление животного белка на душу населения, что опосредованно связано с более стабильными среднедушевыми доходами населения и уровнем благосостояния регионов.

ВРП на душу населения оказал наиболее значимое влияние в первом кластере, куда вошли регионы, где проживает 59,72% населения РФ. Это более привлекательные территории с позитивной динамикой развития. Положительный вектор воздействия данного фактора обусловлен доступностью объектов инфраструктуры, в том числе учреждений здравоохранения.

В ходе исследования выявлено положительное влияние прироста численности населения на одного врача, то есть наблюдаются опережающие темпы роста населения по сравнению с динамикой численности врачей. Это можно объяснить интенсификацией труда врача, связанной со стандартизацией оказания медицинских услуг, направленной на оказание максимальной помощи за одно посещение, сокращение непроизводительных затрат времени на повторные посещения за счет внедрения бережливых технологий, являющихся составной частью системы менеджмента качества в медицинских организациях.

Влияние фактора «обеспеченность больничными койками на 10000 человек населения» (*avail_hosp*) на целевую переменную имеет от-

рицательный знак. Такой эффект демонстрирует, что на рост ОПЖ более значимо влияет качество оказания медицинских услуг, а не количество больничных коек. При условии сохранения сопоставимых затрат на здравоохранение и снижения количества больничных коек на 10000 человек населения повышается качество услуг, возможность оказывать высококвалифицированную и высокотехнологичную медицинскую помощь. Таким образом проявляются позитивные результаты стандартизации оказания медицинских услуг.

Важно отметить, что обеспеченность больничными койками на 10000 человек населения во всех кластерах показала отрицательное воздействие при одновременном устойчивом положительном влиянии мощности врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений на 10000 человек на зависимую переменную, что объясняет тенденцию сокращения терапевтических больничных коек в стационаре при одновременном увеличении объема амбулаторно-поликлинической помощи. Стационарная помощь предусматривает круглосуточное медицинское наблюдение и оказывается в основном при тяжелых либо экстренных заболеваниях. Охват стационарной помощи в разы меньше, чем объемы амбулаторно-поликлинической помощи. Медицинская помощь, оказываемая в стационаре, не подразумевает массового длительного пребывания. Все это подтверждает важность усиления амбулаторно-поликлинического звена в части ранней диагностики заболеваний, а также последующего своевременного и эффективного лечения, что должно приводить к повышению ожидаемой продолжительности жизни.

Заключение

Таким образом, результаты моделирования демонстрируют, что на увеличение ОПЖ в большей степени оказывает влияние инерция — прирост ОПЖ в предыдущем году. Это может означать, что текущее состояние ОПЖ в регионах России является совокупным результатом изменения прочих латентных факторов, в их числе могут быть факторы социального самочувствия, общественного доверия и защищенности, приверженности здоровому образу жизни и т. п. На увеличение ОПЖ во всех кластерах оказывают влияние положительная динамика развития регионов и рост среднедушевых доходов населения.

Факторы здравоохранения, имея запаздывающий, кумулятивный характер воздействия на человека, как правило, накапливаются и проявляются в средне- и долгосрочной перспективе. Векторы их влияния подтверждают сложившиеся тенденции реформирования здравоохранения, связанные с интенсификацией труда врачей, обусловленной внедрением системы менеджмента качества в медицинских организациях, в том числе за счет стандартизации оказания медицинских услуг, применения бережливых технологий. На состояние общественного здоровья, в том числе ОПЖ, воздействует и социальная среда: качество социальных отношений, образ жизни населения, социальный стресс, менталитет,

урбанизация, что также требует дополнительного исследования.

Полученные результаты могут быть полезны государственным органам при разработке стратегии управления качеством жизни населения, в частности для совершенствования программ и моделирования сценариев развития российских регионов. Выводы позволяют лучше понять диспропорции формирования продолжительности жизни в группах регионов РФ со схожими характеристиками ОПЖ. В перспективе исследование ОПЖ будет продолжено с позиции влияния на нее гендерных различий, уровня образования и занятости населения, приверженности здоровому образу жизни, факторов экологического характера.

Литература

- Андреев Е.М., Школьников В.М. (2018). Связь между уровнями смертности и экономического развития в России и ее регионах // Демографическое обозрение. Т. 5. № 1. С. 6–24. URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/7707/8548> (дата обращения 25.09.2021).
- Жукова А.К., Силаев А.М., Силаева М.В. (2016). Анализ ожидаемой продолжительности жизни с учетом пространственной зависимости по регионам России // Пространственная экономика. № 4–5. С. 112–128. DOI: 10.14530/se.2016.4.112-128
- Колосницына М.Г., Коссова Т.В., Шелунцова М.А. (2019). Факторы роста ожидаемой продолжительности жизни: кластерный анализ по странам мира // Демографическое обозрение. Т. 6. № 1. С. 124–150. URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/9784/10974> (дата обращения 25.09.2021).
- Коссова Т.В. (2020). Факторы роста ожидаемой продолжительности жизни в современной России // Вопросы статистики. Т. 27. № 5. С. 76–86. DOI: 10.34023/2313-6383-2020-27-5-76-86
- Коссова Т.В., Коссова Е.В., Шелунцова М.А. (2017). Влияние потребления алкоголя на смертность и ожидаемую продолжительность жизни в регионах России // Экономическая политика. Т. 12. № 1. С. 58–83. URL: https://ecpolicy.ru/oldart/stories/2017_1/kossova.pdf (дата обращения 25.09.2021).
- Костромина Е.В. (2017). Применение одноконтурного демоэкономического моделирования для прогнозирования динамики экономического роста в Приволжском федеральном округе // Интеллект. Инновации. Инвестиции. № 9. С. 20–25. URL: http://intellekt-izdanie.osu.ru/arch/9_2017_postranichno.pdf (дата обращения 25.09.2021).
- Лавриненко П.А., Рыбакова Д.А. (2015). Сравнительный анализ региональных различий в сферах здоровья населения, экологии и здравоохранения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 5 (41). С. 198–210. DOI: 10.15838/esc/2015.5.41.14
- Локосов В.В., Рюмина Е.В., Ульянов В.В. (2018). Качество населения и региональная экономика: прямые и обратные связи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 1. С. 32–42. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.2
- Мау В.А. (2013). Человеческий капитал: вызовы для России / РАНХиГС. М.: Дело. 32 с. URL: <https://www.iер.ru/files/RePEc/gai/wpaper/125Mau.pdf> (дата обращения 22.09.2021).
- Прохоров Б.Б. (2011). Регионы России на пути в медико-демографическое будущее // Проблемы прогнозирования. № 1 (124). С. 115–135.
- Чистик О.Ф., Блинова С.В. (2018). Компонентный статистический факторный анализ ожидаемой продолжительности жизни при внедрении информационных технологий // Вестник Самарского государственного экономического университета. № 6 (164). С. 62–69.

- Шабунова А.А., Калашников К.Н., Калачикова О.Н., Короленко А.В. (2017). Российское здравоохранение: проблемы управления и эффективность / под общ. ред. А.А. Шабуновой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН. 244 с. URL: <https://znanium.com/catalog/document?id=339276> (дата обращения 20.06.2021).
- Школьников В.М., Андреев Е.М., Макки М., Леон Д.А. (2014). Рост продолжительности жизни в России 2000-х годов // Демографическое обозрение. Т. 1. № 2. С. 5–37. URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/1815/2538> (дата обращения 25.09.2021).
- Abrigo M.R., Love I. (2016). Estimation of panel vector autoregression in Stata. *The Stata Journal: Promoting Communications on Statistics and Stata*, 16(3), 778–804. DOI: 10.1177/1536867x1601600314
- Acemoglu D., Johnson S. (2007). Disease and development: The effect of life expectancy on economic growth. *Journal of Political Economy*, 115(6), 925–985. DOI: 10.1086/529000
- Alam M.S., Shahbaz M., Paramati S.R. (2015). The role of financial development and economic misery on life expectancy: Evidence from post financial reforms in India. *Social Indicators Research*, 128(2), 481–497. DOI: 10.1007/s11205-015-1040-4
- Anderson T.W., Hsiao C. (1982). Formulation and estimation of dynamic models using panel data. *Journal of Econometrics*, 18(1), 47–82. DOI: 10.1016/0304-4076(82)90095-1
- Arellano M., Bond S. (1991). Some tests of specification for panel data: Monte Carlo evidence and an application to employment equations. *The Review of Economic Studies*, 58(2), 277–297. DOI: 10.2307/2297968
- Bergh A., Nilsson T. (2010). Good for living? On the relationship between globalization and life expectancy. *World Development*, 38(9), 1191–1203. DOI: 10.1016/j.worlddev.2010.02.020
- Biyase M., Malesa M. (2019). Life expectancy and economic growth: Evidence from the Southern African development community. *International Economics*, 72(3), 351–366.
- Blundell R., Bond S. Initial conditions and moment restrictions in dynamic panel data models. *Journal of Econometrics*, 1998, 87(1), 115–143. DOI: 10.1016/s0304-4076(98)00009-8
- Cervellati M., Sunde U. (2011). Disease and development: The role of life expectancy reconsidered. *Economics Letters*, 113(3), 269–272. DOI: 10.1016/j.econlet.2011.08.008
- Cervellati M., Sunde U. (2011a). Life expectancy and economic growth: The role of the demographic transition. *Journal of Economic Growth*, 16(2), 99–133. DOI: 10.1007/s10887-011-9065-2
- Desbordes R. (2011b). The non-linear effects of life expectancy on economic growth. *Economics Letters*, 112(1), 116–118. DOI: 10.1016/j.econlet.2011.03.027
- Edwards R.B. (2016). Mining away the Preston curve. *World Development*, 78, 22–36. DOI: 10.1016/j.worlddev.2015.10.013
- Gövdeli T. (2019). Life expectancy, direct foreign investments, trade openness and economic growth in E7 countries: Heterogeneous panel analysis. *Third Sector Social Economic Review*, 54(2), 731–743. DOI: 10.15659/3.sektor-sosyal-ekonomi.19.05.1130
- Gürler M., Özsoy Ö. (2019). Exploring the relationship between life expectancy at birth and economic growth in 56 developing countries. *Journal of Global Health Reports*, 3. DOI: 10.29392/joghr.3.e2019001
- Halicioğlu F. (2011). Modeling life expectancy in Turkey. *Economic Modelling*, 28, 2075–2082. DOI: 10.1016/j.econmod.2011.05.002
- Hansen L.P. (1982). Large sample properties of generalized method of moments estimators. *Econometrica*, 50(4), 1029–1054. DOI: 10.2307/1912775
- He L., Li N. (2020). The linkages between life expectancy and economic growth: Some new evidence. *Empirical Economics*, 58, 2381–2402. DOI: 10.1007/s00181-018-1612-7
- Holtz-Eakin D., Newey W., Rosen H.S. (1988). Estimating vector autoregressions with panel data. *Econometrica*, 56(6), 1371–1395. DOI: 10.2307/1913103
- Klasen S., Schüler, D. (2011). Reforming the Gender-Related Development Index and the Gender Empowerment Measure: Implementing some specific proposals. *Feminist Economics*, 17(1), 1–30. DOI: 10.1080/13545701.2010.541860
- Love I., Zicchino, L. (2006). Financial development and dynamic investment behavior: Evidence from panel VAR. *The Quarterly Review of Economics and Finance*, 46(2), 190–210. DOI: 10.1016/j.qref.2005.11.007
- Mahyar H. (2016). Economic growth and life expectancy: The case of Iran. *Studies in Business and Economics*, 11(1). DOI: 10.1515/sbe-2016-0007

- Marmot M. (2005). Social determinants of health inequalities. *The Lancet*, 365, 1099–1104. DOI: 10.1016/s0140-6736(05)71146-6
- Merson M., Black R.E., Mills A. (2006). *International Public Health: Diseases, Programs, Systems and Policies*. Sudbury, Massachusetts: Jones & Bartlett Learning.
- Morris M.D. (1980). The Physical Quality of Life Index (PQLI). *Dev Dig*, 18, 95–109.
- Poudyal N.C., Hodges D.G., Bowker J.M., Cordell H.K. (2019). Evaluating natural resource amenities in a human life expectancy production function. *Forest Policy and Economics*, 11(4), 253–259. DOI: 10.1016/j.forpol.2009.04.007
- Nickell S. (1981). Biases in dynamic models with fixed effects. *Econometrica*, 49(6), 1417–1426. DOI: 10.2307/1911408
- Pandey M.D., Nathwani J.S. (1996). Measurement of socio-economic inequality using the Life-Quality Index. *Social Indicators Research*, 39, 187–202. DOI:10.1007/bf00286973
- Preston S.H. (1975). The changing relation between mortality and level of economic development. *Population Studies*, 29(2), 231–248. DOI: 10.2307/2173509
- Romashkina G.F., Skipin D.L., Yukhtanova Y.A., Dolgikh A.I. (2020). Development of human capital in the Arctic regions of Russia. In: *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 539(1). DOI: 10.1088/1755-1315/539/1/012111
- Shahbaz M., Shafiullah M., Mahalik M.K. (2019). The dynamics of financial development, globalization, economic growth and life expectancy in sub-Saharan Africa. *Australian Economic Papers*, 58(4), 444–479. DOI: 10.1111/1467-8454.12163
- Sigmund M., Ferstl R. (2021). Panel vector autoregression in R with the package panelvar. *The Quarterly Review of Economics and Finance*, 80, 693–720. DOI: 10.1016/j.qref.2019.01.001
- Sirag A., Nor N.M., Law S. (2020). Does higher longevity harm economic growth? *Panoeconomicus*, 67(1), 51–68. DOI: 10.2298/PAN150816015S
- Stanton E. (2007). *The Human Development Index: A History*. Available at https://scholarworks.umass.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1101&context=peri_workingpapers
- Wilkins R., Adams O.B. (1983). Health expectancy in Canada, late 1970s: Demographic, regional, and social dimensions. *American Journal of Public Health*, 73(9), 1073–1080. DOI: 10.2105/ajph.73.9.1073
- Wilson B., Drefahl S., Sasson I., Henery P.M., Ugglä C. (2020). Regional trajectories in life expectancy and lifespan variation: Persistent inequality in two Nordic welfare states. *Population, Space and Place*, 26(8). DOI: 10.1002/psp.2378

Сведения об авторах

Дмитрий Леонидович Скипин — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой, Тюменский государственный университет (625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: dskipin@mail.ru)

Юлия Александровна Юхтанова — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры, Тюменский государственный университет (625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: gaudi21@mail.ru)

Олег Андреевич Крыжановский — кандидат экономических наук, доцент кафедры, Тюменский государственный университет (625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: o.a.kryzhanovskij@yandex.ru)

Елена Геннадьевна Токмакова — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры, Тюменский государственный университет (625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: tokmake@mail.ru)

Skipin D.L., Yukhtanova Yu.A.,
Kryzhanovskii O.A., Tokmakova E.G.

Life Expectancy in Russia's Regions

Abstract. Life expectancy at birth is used as a comprehensive indicator of public health and socio-economic development. The impact of the quality of healthcare, regional economic development and people's welfare on life expectancy at birth in Russia requires more detailed and system-wide scientific substantiation at the level of RF constituent entities. The novelty of the study consists in identifying the impact of various factors on the increase in life expectancy by constructing panel vector autoregressions in groups of Russian regions identified with the help of clustering and showing similar rates of increase in life expectancy. The results of the obtained models in the context of the formed clusters demonstrate that the increase in life expectancy in all clusters correlates with the positive dynamics of economic development in the region and the increase in average per capita income. Factors contributing to the organization of the healthcare system in the regional context are poorly related to life expectancy indicators due to the underfunding of this area, orientation toward a decrease in the provision of beds in hospitals due to the optimization of the healthcare system and the cumulative nature of the impact. The conclusions obtained in the course of our study can be used in the practice of managing the quality of life and socio-economic development in Russia's regions.

Key words: life expectancy, factors, region.

Information about the Authors

Dmitrii L. Skipin – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, head of department, University of Tyumen (6, Volodarsky Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: dskipin@mail.ru)

Yuliya A. Yukhtanova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, associate professor of department, University of Tyumen (6, Volodarsky Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: gaudi21@mail.ru)

Oleg A. Kryzhanovskii – Candidate of Sciences (Economics), associate professor of department, University of Tyumen (6, Volodarsky Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: o.a.kryzhanovskij@yandex.ru)

Elena G. Tokmakova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, associate professor of department, University of Tyumen (6, Volodarsky Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: tokmake@mail.ru)

Статья поступила 27.10.2021.

DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.11

УДК 314.375+316.356.2, ББК 60.561.51

© Короленко А.В., Калачикова О.Н.

Репродуктивные установки молодых семей: факторы и условия реализации (по материалам углубленных интервью)

**Александра Владимировна
КОРОЛЕНКО**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: coretra@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7699-0181; ResearcherID: I-8201-2016

**Ольга Николаевна
КАЛАЧИКОВА**

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: onk82@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4681-4344; ResearcherID: I-9562-2016

Аннотация. Задача обеспечения воспроизводства населения — одна из ключевых с точки зрения обеспечения национальной безопасности. В условиях старения материнства важнейшим объектом демографической политики становится молодая семья, поскольку именно благополучная полная детная семья является главным ресурсом не только количественных, но и качественных параметров человеческого капитала. В статье проведен анализ репродуктивных установок молодых семей и факторов их реализации. Выявлено, что в среднем молодые люди ориентированы на создание семьи и малодетность. Фиксируемая нереализация репродуктивных намерений (желаемое число детей больше ожидаемого) обусловлена материально-экономическим положением семьи, неопределенностью (рискогенностью) будущего, внутрисемейных отношений. Форми-

Для цитирования: Короленко А.В., Калачикова О.Н. (2022). Репродуктивные установки молодых семей: факторы и условия реализации (по материалам углубленных интервью) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 2. С. 172–189. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.11

For citation: Korolenko A.V., Kalachikova O.N. (2022). Reproductive attitudes of young families: Driving forces and implementation conditions (on the basis of in-depth interviews). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(2), 172–189. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.11

рование репродуктивных установок молодежи существенно зависит от примера родительской семьи, качества детско-родительских отношений и ближайшего окружения. С большой вероятностью малодетность воспроизводит малодетность, а у детей из средне- и многодетных семей могут быть разные ориентации на детность. Репродуктивные установки увязаны с брачными. Как правило, ориентация на легитимный счастливый брак подкрепляется желанием иметь детей. Вариант детоцентристских мотивов представлен у девушек, проявляется в желании «иметь большую семью, много детей», что несколько смещает фокус приоритетности внутрисемейных отношений. Значимость жилищного вопроса, обеспечения себе и детям достойного уровня жизни определяется тем, что нерешенность этих проблем детерминирует рождение первенца, сокращая шансы даже желательной средне- и многодетности. Необходима государственная поддержка молодых семей, несмотря на различия в оценках ее эффективности. Разница кроется в определении наиболее желательных механизмов – это либо прямая поддержка в виде пособий, льгот и т. д., либо создание условий для воспитания детей (доступная качественная социальная инфраструктура) и возможность достойного заработка. На сегодняшний день молодая семья нуждается в государственном участии, и, несомненно, ее потребности должны учитываться в демографической политике страны.

Ключевые слова: молодая семья, репродуктивные установки.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России».

Введение

В 2020 году естественная убыль населения России превысила 700 тыс. человек и оказалась почти в два раза больше, чем в 2019 году (317,2 тыс. человек), приблизившись к масштабам естественной убыли в начале 2000-х гг. По сравнению с 2014 годом, когда были отмечены самые высокие за предшествующие ему два десятилетия показатели рождаемости, в 2020 году общее число рождений в стране сократилось более чем на 500 тыс., а суммарный коэффициент рождаемости снизился с 1,8 до 1,5 ребенка на 1 женщину репродуктивного возраста. При этом наблюдается тенденция старения материнства: средний возраст матери при рождении ребенка в России вырос с 25,8 года в 2000 году до 28,8 года в 2020 году (Шабунова и др., 2021).

Важным «демографическим резервом» с точки зрения решения демографических проблем (Чернова, 2010) признаётся молодая семья. Так, в рамках *Концепции государственной политики в отношении молодой семьи*, утвержденной Минобрнауки России в 2007 году, молодая семья была выделена в качестве особого типа семьи, по отношению к которому

должна проводиться политика государства¹. Оказание государственной помощи молодым семьям в дальнейшем было включено в перечень задач *Концепции государственной семейной политики на период до 2025 года*, утверждённой в 2014 году², и направлений реализации молодежной политики, отраженных в *Федеральном законе РФ «О молодежной политике в Российской Федерации»*, принятом в 2020 году³.

Среди специфических особенностей молодой семьи исследователи выделяют нестабильность внутрисемейных отношений (высокий уровень разводов), освоение новых социальных ролей (супругов, родителей), наличие специфических проблем – финансовых и жилищных, повышенные финансовые потребности в связи

¹ О Концепции государственной политики в отношении молодой семьи: Письмо Минобрнауки РФ от 08.05.2007 № АФ163/06.

² Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: утв. расп. Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р.

³ О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон РФ. Принят Государственной Думой 23 декабря 2020 года. Одобрен Советом Федерации 25 декабря 2020 года.

со становлением семейной жизни, в том числе с необходимостью приобретения собственного жилья и обустройства быта (Чернова, 2010; Ростовская, 2014). Уязвимое положение молодой семьи как с точки зрения материального положения, так и с позиции стабильности брака, с одной стороны, и её высокий демографический потенциал, с другой стороны, обуславливают востребованность и актуальность изучения установок молодых семей в отношении деторождения и определяющих их факторов.

Цель нашего исследования заключалась в изучении репродуктивных установок молодых семей, выявлении их факторов и условий реализации по результатам серии углублённых личных интервью с представителями данной категории семей. Обозначенный вид качественного социологического исследования позволяет не только оценить репродуктивные установки и планы молодых семей, но и выявить их глубинные факторы и предпосылки, в том числе жизненный опыт родительской семьи, объяснить «истоки» формирования репродуктивного поведения (Ростовская и др., 2021с).

Теоретические аспекты исследования

Подходы к трактовке понятия «молодая семья». Как отмечает Ж.В. Чернова, в западной социологической литературе в качестве самостоятельной категории понятие «молодая семья» не используется. Анализ социально-психологических, экономических проблем, с которыми сталкиваются супруги в первые годы семейной жизни, как правило, осуществляется в рамках исследований этапов жизненного цикла семьи (family life cycle) или «семейного жизненного курса» (family life course). Разные модели социальной политики западных стран также не оперируют данной категорией, не рассматривают молодую семью (пару, где возраст супругов не превышает 30 лет) в качестве особого объекта социальной и семейной политики (Чернова, 2010). Именно поэтому мы обратимся к отечественному опыту выделения критериев определения молодой семьи.

Категорией «молодая семья» чаще всего оперируют в рамках исследований в области социологии семьи и демографии, социальной

психологии и педагогики, а также в стратегических, программных и иных нормативно-правовых документах, регламентирующих вопросы социально-демографической, семейной и молодёжной политики. Общими критериями для всех сложившихся подходов к интерпретации молодой семьи являются **факт официальной регистрации брака и возраст супругов (табл. 1)**. Чаще всего верхним возрастным порогом для членов молодой семьи выступает возраст 30 лет, однако для участников жилищных программ он выше и достигает 35 лет (Ростовская, 2014).

В работах ряда исследователей-демографов, социологов и педагогов, в некоторых государственных документах, отражающих задачи молодёжной политики, например в «Основных направлениях государственной молодёжной политики в РФ» от 1993 г., в качестве обязательного критерия молодой семьи обозначается **стаж совместной жизни супругов**. В трудах отечественных социологов Е.М. Зуйковой и Н.В. Кузнецовой, а также в направлениях государственной молодёжной политики в РФ продолжительность совместной жизни молодых супругов ограничивается тремя годами. Однако в семьях, где есть дети, продолжительность брака не учитывается. Остальные исследователи определяют длительность совместной жизни супругов в молодой семье до 5 лет.

Часть ученых к критериям определения молодой семьи относят **очередность брака**, а именно тот факт, что **у обоих молодых супругов брак является первым** (Т.К. Ростовская, Т.А. Гурко, М.С. Мацковский, И.В. Гребенников, Л.В. Ковинько, Е.М. Зуйкова, Н.В. Кузнецова, И.П. Каткова).

Примечательно, что в концептуальных и иных нормативно-правовых документах дополнительно оговариваются критерии **состава молодой семьи по наличию в ней супружеской пары** (полные/неполные) и **наличия в семье детей**, что, вероятно, связано с определением статуса нуждающихся в поддержке.

В нашем исследовании под молодой семьёй понимается **семья, в которой оба супруга в возрасте до 35 лет состоят в первом официально зарегистрированном браке, имеют ребенка (детей) или планируют их рождение**.

Таблица 1. Подходы к определению молодой семьи

Критерии	Определение молодой семьи	Автор(ы), источники
- Зарегистрированный брак	Супружеские отношения молодых людей в первые 5 лет совместной жизни	Б.Ц. Урланис
- Возраст супругов - Стаж совместной жизни	Семья со стажем брака до 5 лет и возрастом супругов не выше 30 лет	А.И. Антонов
- Зарегистрированный брак - Возраст супругов - Очередность брака (первый брак)	Семья, где супруги состоят в первом зарегистрированном браке, возраст каждого из супругов либо одного родителя в неполной семье не превышает 30 лет (для участников жилищных программ поддержки молодых семей возраст супругов увеличивается до 35 лет)	Т.К. Ростовская
- Зарегистрированный брак - Возраст супругов	Семья со стажем совместной жизни до 5 лет включительно, в которой супругам не более 30 лет, и они состоят в первом браке	Т.А. Гурко, М.С. Мацковский, И.В. Гребенников, Л.В. Ковинько
- Стаж совместной жизни - Очередность брака (первый брак)	Семьи со стажем совместной жизни до 3 лет, где оба супруга состоят в первом браке и не достигли 30-летнего возраста	Е.М. Зуйкова, Н.В. Кузнецова
	Семьи, в которых оба супруга не старше 29 лет, длительность брака не более 5 лет, оба супруга состоят в первом браке	И.П. Каткова
- Зарегистрированный брак (если есть оба супруга) - Возраст одного из супругов - Стаж совместной жизни (при отсутствии детей) - Наличие супружеской пары (полная/неполная) - Наличие детей (есть/нет)	Семьи в первые три года после брака (в случае рождения детей – без ограничения продолжительности брака) при условии, что один из супругов не достиг 30-летнего возраста, а также неполные семьи с детьми, в которых мать или отец не достигли возраста 30 лет	Основные направления государственной молодежной политики в Российской Федерации (утратили силу с 10 января 2021 г.)*
	Полная семья, возраст каждого из супругов в которой не превышает 30 лет, или неполная семья, состоящая из одного молодого родителя, возраст которого не превышает 30 лет, и одного и более детей	Концепция государственной политики в отношении молодой семьи**
- Зарегистрированный брак - Возраст супругов - Наличие супружеской пары (полная/неполная) - Наличие детей (есть/нет)	Молодая семья, в т. ч. молодая семья, имеющая одного ребенка и более, где возраст каждого из супругов либо одного родителя в неполной семье не превышает 35 лет	Федеральная целевая программа «Жилище». Подпрограмма «Обеспечение жильём молодых семей»***
	Лица, состоящие в заключенном в установленном законодательством Российской Федерации порядке браке, в том числе воспитывающие ребенка (детей), либо лицо, являющееся единственным родителем (усыновителем) ребенка (детей), в возрасте до 35 лет включительно	ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»****
	Семья, в которой оба супруга моложе 30 лет, а также неполная семья с детьми, в которой мать или отец не достигли 30-летнего возраста	С.Б. Денисов

* Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации: Пост. Верховного Совета Российской Федерации от 3 июня 1993 года № 5090-1.

** О Концепции государственной политики в отношении молодой семьи: Письмо Минобрнауки РФ от 08.05.2007 № АФ-163/06.

*** Федеральная целевая программа «Жилище» на 2015–2020 годы: утв. Постановлением Правительства РФ от 17 декабря 2010 г. № 1050.

**** О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон РФ. Принят Государственной Думой 23 декабря 2020 года. Одобрен Советом Федерации 25 декабря 2020 года.

Составлено по: (Молодая семья (1977) / редкол.: Д.И. Валентей, Д.Л. Бронер, Л.Е. Дарский. М.: Статистика. Вып. 18. 96 с.; Мацковский, Гурко, 1986а; Зуйкова, Кузнецова 1994; Денисов, 2000; Ростовская, 2014).

Исследования репродуктивных установок молодых семей. В западных странах исследования репродуктивных установок ведутся в рамках *теории планируемого поведения*, основы которой заложили в своих трудах Айзен и Фишбеин (Ajzen, Fishbein, 1980). При этом установки населения в отношении деторождения (или так называемые репродуктивные намерения) зачастую рассматриваются в неразрывной взаимосвязи с фактической рождаемостью и фертильностью (Coombs, 1979; Westoff, 1990; Bongaarts, 2001; Morgan, 2001; Morgan, Rackin, 2010; Testa et al., 2011; Philipov, 2009).

Основным подходом к исследованию репродуктивных установок в отечественной социологии и социальной демографии выступает *концепция потребности семьи в детях*⁴ (Борисов, 1976; Дарский, 1972; Дарский, 1979; Синельников, 1989; Архангельский, 2006). Под репродуктивными установками в рамках этого подхода понимаются психические состояния личности, обуславливающие взаимную согласованность разного рода действий, характеризующихся положительным или отрицательным отношением к рождению определенного числа детей⁵. Потребность в детях численно выражается через систему трех показателей — идеальное, желаемое и ожидаемое число детей. Идеальное число детей — когнитивная компонента репродуктивной установки (ориентация на социальные нормы), желаемое — когнитивно-эмоциональная компонента, ожидаемое — практическая компонента (установка действия) (Борисов, 1976). В зарубежной практике исследования репродуктивных намерений применяются аналогичные показатели, однако первый подвергается наибольшей критике. Так, например, по мнению нидерландского демографа Д. Ван де Каа, идеальное число детей носит более абстрактный характер, поэтому слабо связано с фактическим опытом деторождения (Van de Kaa, 2001). Показатель желаемого числа рождений лучше всего отражает индивидуальную потребность в детях, однако признается слабым предиктором реальной рождаемости, поскольку

предпочтения в отношении желаемого числа детей могут меняться в течение жизни (Van Peer, Rabušić, 2008; Heiland et al., 2008). В странах с низкой рождаемостью желаемое число детей всегда будет больше фактического при незначительных колебаниях разницы между ними (Тындик, 2012). Показатель ожидаемого числа рождений признается более стабильным и надежным как зарубежными исследователями (Philipov, 2009), так и отечественными учеными (Андреев, Бондарская, 2000). Как отмечает А.О. Тындик, репродуктивные установки, измеренные через желаемое и ожидаемое число детей, в странах с рождаемостью ниже уровня простого воспроизводства населения (к которому относится Россия) задают верхнюю планку фактической рождаемости (Тындик, 2012).

Репродуктивные установки молодых семей в рамках отечественной демографической науки в разное время изучались А.Г. Волковым (Волков, 1986), В.А. Беловой и Л.Е. Дарским (Белова, Дарский, 1972; Белова, 1975; Дарский, 1979), В.А. Борисовым (Борисов, 1976), А.Г. Вишневым⁶, В.Н. Архангельским (Архангельский, 2006), А.О. Тындик (Тындик, 2012) и др., в рамках социологии семьи — А.Г. Харчевым (Харчев, 1979), С.И. Голод (Голод, 1998), М.С. Мацковским и Т.А. Гурко (Гурко, 1985; Мацковский, Гурко, 1986а; Мацковский, Гурко, 1986б), А.И. Антоновым и В.М. Медковым⁷, В. Зотиным (Зотин, Мытиль, 1987), И.Ф. Деметьевой (Деметьева, 1991), И.П. Мокеровым и А.И. Кузьминым (Кузьмин, 1986а; Кузьмин, 1986б; Мокеров, Кузьмин, 1990; Кузьмин, 1993), А.В. Поймаловым⁸ и др.

Факторы репродуктивных установок молодых семей. Анализ российских исследований, посвященных детерминации репродуктивных установок молодых семей, позволил объединить выделяемые в них факторы репродуктивных предпочтений в пять групп (*табл. 2*).

⁶ Демографическая модернизация России, 1900–2000 (2006) / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое издательство. 608 с.

⁷ Антонов А.И., Медков В.М. (1996). Социология семьи: уч. пособие. М.: Изд-во МГУ: Изд-во Международного университета бизнеса и управления. 304 с.

⁸ Поймалов А.В. (2010). Репродуктивное поведение молодой семьи: социологический анализ: дис. ... канд. социол. наук. Пенза. 25 с.

⁴ Антонов А.И., Медков В.М. (1996). Социология семьи: уч. пособие. М.: Изд-во МГУ: Изд-во Международного университета бизнеса и управления. 304 с.

⁵ Социология семьи (2005): учеб. / под ред. А.И. Антонова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М. 640 с.

Таблица 2. Факторы репродуктивных установок молодых семей в отечественных исследованиях

Группа факторов	Фактор	Исследователи
Брачно-семейные характеристики родительской семьи	Пример родительской семьи, в частности число детей в родительской семье	Т.Е. Сафонова, И.Ю. Родзинская, О.В. Гришина, И. Осипова
	Характер взаимоотношений членов семьи, общие семейные ценности	А.И. Кузьмин, А.И. Антонов, А.В. Жаворонков и С.И. Малявин, Т.В. Кузьменко
Ценностные ориентации супругов	Ценности семьи и брака, детей и детного образа жизни (в т. ч. соотношение семейных ценностей (брак, дети) с внесемейными ценностями – саморазвития (образование, карьера), досуга, материального благополучия, личной свободы)	А.И. Антонов, А.Б. Синельников, В.М. Карпова и др., В.Н. Архангельский, Н.В. Зверева, С.Н. Варламова, А.В. Носкова, Н.Н. Седова
Социально-демографические характеристики молодой семьи (супругов, детей)	Территория проживания (городская/сельская местность)	В.М. Медков, В.А. Белова, Л.Е. Дарский, В.Н. Архангельский, И. Осипова, В. Зотин и А. Мытиль, Г.Ф. Кравцова, М.В. Плешакова, В.Н. Архангельский, А.О. Тындик
	Возраст супругов (разница в возрасте)	
	Уровень образования супругов	
	Этническая принадлежность супругов	
	Религиозная принадлежность	
Матримониальное поведение и стабильность семьи	Характер взаимоотношения супругов и удовлетворенность браком, стабильность семьи	А.И. Кузьмин, В.Н. Архангельский, М.С. Мацковский, Т.А. Гурко
	Возраст вступления в брак	И.П. Каткова, В.А. Белова, Л.Е. Дарский, В.Л. Красненков, Н.А. Фролова, В.Н. Архангельский
	Отношение к регистрации брака	
Социально-экономическое положение семьи	Уровень жизни семьи	И.П. Каткова, А.И. Кузьмин, Г.Ф. Кравцова, М.В. Плешакова, Е.М. Андреев, Г.А. Бондарская и Т.Л. Харьковская, В.Н. Архангельский, Т.К. Ростовская, Е.Н. Васильева
	Жилищные условия семьи	В.М. Добровольская, И.П. Каткова, В.Н. Архангельский
	Государственная социально-демографическая и семейная политика в отношении молодых семей	В.Н. Архангельский, Н.Г. Джанаева, Т.К. Ростовская, О.В. Кучмаева, Т. Малева, А. Макаренцева, Е. Третьякова, А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова, И. Осипова, Е. Бороздина, Е. Здравомыслова, А. Темкина
Составлено по: (Сафонова, 1982; Родзинская, 1986; Гришина, 2008; Осипова, 2020; Кузьмин, 1986а; Антонов и др., 2005; Кузьменко, 2010; Архангельский, 1987; Архангельский; 2006; Архангельский и др., 2005; Варламова и др., 2006; Медков, 1986; Белова, Дарский, 1972; Зотин, Мытиль, 1987; Кравцова, Плешакова, 1991; Тындик, 2012; Кузьмин, 1986б; Кузьмин, 1993; Гурко, 1985; Мацковский, Гурко, 1986б; Каткова, 1971; Каткова, 1973; Красненков, Фролова, 1984; Кравцова, Плешакова, 1991; Андреев и др., 1998; Архангельский и др., 2021; Добровольская, 1974; Архангельский, Джанаева, 2014; Ростовская и др., 2021а; Малева и др., 2017; Шабунова, Калачикова, 2013; Бороздина и др., 2012); Сходство и различие ценностных ориентаций мужей и жён по результатам одновременного опроса супругов (2021) / под. ред. А.И. Антонова. М.: Перо. 240 с.		

Фактором репродуктивных установок российского населения, требующим отдельного осмысления, выступила пандемия новой коронавирусной инфекции. Несмотря на новизну данного вопроса и неполную его изученность, имеющиеся отечественные исследования подтверждают факт негативного воздействия пандемии COVID-19 на репродуктивные планы россиян, выражающегося, в частности, в откладывании рождений мо-

лодым населением (в возрасте до 35 лет), что грозит сокращением показателей итоговой рождаемости (Макаренцева, 2020). Это подтверждает и мнение Н.Е. Русановой о том, что социально-экономическая неопределенность в период пандемии заставляет супружеские пары отложить любые долгосрочные инвестиции, ярким примером которых являются дети, и тем самым еще больше снизить рождаемость (Русанова, 2020).

Методологические аспекты исследования

Исследования репродуктивных установок населения осуществляются количественными и качественными социологическими методами. Количественные применяются, например, в рамках переписей населения (Микроперепись населения 2015⁹) и выборочных обследований Росстата (например, выборочные наблюдения репродуктивных планов населения 2012 г.¹⁰ и 2017 г.¹¹, выборочное наблюдение «Семья и рождаемость» 2009 г.¹²), однократных и многолетних (мониторинговых) социологических опросов населения (например, «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ) НИУ ВШЭ¹³). Имеется и ряд качественных методов исследования репродуктивных установок и их факторов, такие как фокус-групповые исследования (Гудкова, 2019) и глубинные интервью (Шабунова, Калачикова, 2008; Ипатова, Тындык, 2015; Жук, 2016).

По итогам первой волны Всероссийского социологического опроса «Демографическое самочувствие регионов России», проведённого методом массового анкетного опроса в конце 2019 – начале 2020 года (общий объём выборочной совокупности составил 5616 человек), были изучены репродуктивные установки населения страны, в том числе его разных социально-демографических групп (Ростовская и др., 2021d).

В статье представлены результаты второго этапа Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие

регионов России», проведенного в 2021 году в рамках реализации проекта № 20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России» при поддержке РФФ.

Метод исследования – глубинное личное интервью (метод отбора информантов – целенаправленный, метод «снежного кома»). *Проектирование выборки (целенаправленный метод отбора)* осуществлялось посредством рекрутинга информантов через социальные сети (как личные социальные связи, так и интернет-сообщества в социальных сетях) (Ростовская и др., 2021b). В выборку включены представители молодых семей, в которых оба супруга в возрасте до 35 лет, состоят в браке и планируют рождение детей. В ходе интервью опрошено 17 информантов в республиках Башкортостан и Татарстан, Волгоградской, Вологодской, Ивановской, Московской, Свердловской, Нижегородской областях, Ставропольском крае.

Все информанты из материально благополучных семей, независимо от принадлежности к социальному и профессиональному слою (уровень материального благополучия информантов – медианный по региону). Анализ проводился в логике **исследовательских вопросов**, отраженных в гайдах для данной группы информантов с параллельным поиском вероятных региональных различий.

Основные результаты и их обсуждение

Согласно данным первой волны Всероссийского социологического опроса «Демографическое самочувствие регионов России», среди состоящих в браке молодых респондентов (17–29 лет) как в отношении желаемого (т. е. при наличии всех необходимых условий), так и ожидаемого (реально планируемого) числа детей преобладают установки на рождение двоих детей (*рисунок*). Однако если при наличии всех необходимых условий каждый третий семейный респондент в возрасте 17–29 лет выразил желание завести трёх и более детей (34%), то реально планируют быть многодетными лишь 23% представителей данной категории, что свидетельствует о серьёзных барьерах на пути реализации потребности в многодетности. В то время как удельный вес планирующих малодетность на 9 п. п. выше, чем в случае желающих родить 1–2 детей даже при наличии необходимых условий (63% против 54%).

⁹ Итоги микропереписи населения 2015 / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html

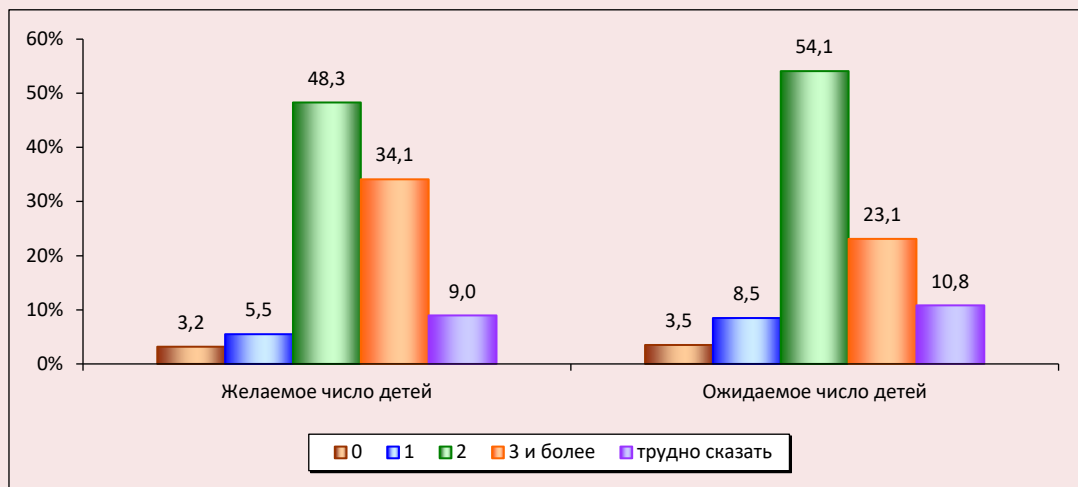
¹⁰ Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2012 году / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html

¹¹ Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2017 году / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html

¹² Семья и рождаемость. Основные результаты выборочного обследования. 2009 год (2010). М.: ИИЦ «Статистика России». 112 с.

¹³ Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе (РидМиЖ) / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: https://www.hse.ru/org/hse/4432173/mathbase/databases/db_11

Распределение ответов молодых респондентов (17–29 лет), состоящих в официальном браке, о желаемом и ожидаемом числе детей, %

Источник: данные Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России», 2020 год (N = 351).

Согласно данным углублённых интервью, среди молодых семейных респондентов встречается два типа репродуктивных установок (планов): малодетные (рождение 1–2 детей) и многодетные (рождение 3 и более детей).

Часть информантов, планирующих рождение небольшого числа детей (1–2 ребёнка), признаются, что **при наличии всех необходимых условий (желаемое число детей) хотели бы иметь большее количество детей в семье**, что свидетельствует об изначальной потребности в многодетности:

– «Планируем 2 детей. Но если возможности позволяют – больше, если нет показаний по здоровью. Я думаю, что не один. Потому что, если будет один, возможно, он вырастет эгоистом...» (муж., 22 года, женат, детей нет (ждут ребёнка), 2 детей в родит. семье, студент вуза, Ивановская обл.);

– «Идеальное для нас количество детей – это двое. Если бы у нас было все необходимое, то мы хотели бы иметь троих детей» (жен., 22 года, замужем, детей нет, 4 детей в родит. семье, студентка вуза, Московская обл.);

– «Ну, двоих хотелось бы, конечно. Желание есть, но по возможности уже там будем смотреть дальше. Трое детей, да, хотели бы (прим. – «если бы больше зарабатывали и имели

трехкомнатную квартиру») (муж., 32 года, женат, детей нет, 2 детей в родит. семье, незак. в/о, Респ. Татарстан).

Другая же часть информантов с малодетными установками **не готовы изменить планы в отношении числа детей даже при наличии всех необходимых условий**:

– «Если бы у нас было все необходимое, мы бы хотели иметь как минимум двоих детей. Для того чтобы детям дать все, нужны все равно материальные возможности, соответственно, чтобы детей не ограничивать ни в чем, двое детей – это было бы идеальное решение» (жен., 30 лет, замужем, детей нет, единственный ребёнок в родит. семье, в/о, Вологодская обл.);

– «Ну, опять же, мне кажется, надо хотя бы одного родить и посмотреть, как ты себя... вообще, хватает ли тебе сил на одного ребёнка. Если есть опять же состояние здоровья рожать больше, то почему нет. А образ идеальной семьи – это вот реклама «моя семья» – мальчик, девочка и всё» (жен., 26 лет, замужем, детей нет, единственный ребёнок в родит. семье, в/о, Нижегородская обл.).

Анализ результатов углублённых интервью позволил обнаружить взаимосвязь репродуктивных установок представителей молодых семей со следующими факторами: примером

родительской семьи, в т. ч. числом детей в родительской семье, матримониальным поведением супругов и их отношением к браку, отношением к сочетанию карьеры и родительства, мерами государственной социально-демографической политики, жилищными и финансовыми условиями, а также пандемией COVID-19. Остановимся подробнее на каждом из них.

Матримониальное поведение и отношение к браку

Примечательно, что те информанты, которые *изначально (с детства) мечтали о браке и семье, чаще имеют многодетные репродуктивные установки и не откладывают сроки появления детей:*

— «Ну, я мечтала, как и все девочки маленькие, что у меня будет семья хорошая... <...> Ну как получится, конечно, но хотим где-то два-три ребёнка» (*жен., 21 год, замужем, детей нет, 3 детей в родит. семье (сводные брат и сестра), студентка вуза, Респ. Башкортостан*);

— «Да, с самого детства мечтала выйти замуж в белом красивом платье... <...> Насчёт детей — в планах 2–3 в зависимости от того, как будет с работой, какой будет заработок, финансовое положение... Я очень люблю детей. Хочу много детей и надеюсь, это удастся» (*жен., 21 год, замужем, детей нет, 2 детей в родит. семье, студентка вуза, Ивановская обл.*);

— «Я мечтал о супружестве... Нам хотелось и сейчас хочется иметь двух-трех детей» (*муж., 22 года, женат, детей нет, 2 детей в родит. семье, в/о, Московская обл.*).

Однако по ответам других опрошенных прослеживается *детоцентризм*. Так, изначальные установки на семью и многодетность не обязательно сочетаются с установками на заключение брака:

— «...о замужестве как таковом я не мечтала. У меня не было такой прямо конкретной цели скорее выйти замуж... У меня с детства было очень трепетное отношение к детям. Я всегда очень умилялась детишкам, нянчила племянников, братьев, сестер, кого только можно. Всегда хотела большую семью сама. Мы с мужем планируем трех детей как минимум» (*жен., 22 года, замужем, 1 ребёнок, 2 детей в родит. семье, в/о, Ставропольский край*);

— «На самом деле у меня не было такого, что с самого раннего возраста я мечтала о белом

платье, о принце на белом коне. Нет, такого не было... Ну, конечно, очень хочется детей. Это не предугадаешь, но хотелось бы троих детей. Я считаю, что каждая женщина должна стать матерью, продолжить свой род. Я очень положительно к этому отношусь и считаю это долгом каждого» (*жен., 24 года, замужем, детей нет, 2 детей в родит. семье, в/о, Волгоградская обл.*).

Пример родительской семьи

Большое значение в формировании брачно-семейных и репродуктивных установок у молодых супругов имеют *взаимоотношения в родительской семье и положительный образ брака родителей, а также ближайших родственников (бабушек/дедушек)*. Даже разведённые родители в отношениях могли показывать пример благополучной семьи и прививать детям семейные ценности:

— «Мои родители развелись. Не сошлись характерами... <...> В понятие счастья вкладывали любовь, семейные ценности, семейное благополучие... <...> Заботились о нас хорошо. Проводили с нами время вместе, смотрели фильмы вместе, ходили на природу гулять, ездили по морям» (*жен., 21 год, замужем, детей нет, 2 детей в родит. семье, студентка вуза, Ивановская обл.*).

При построении собственной семьи, в том числе при планировании рождения детей, респонденты ориентируются на *позитивную модель брачно-семейного поведения родителей и близких родственников:*

— «Мы привыкли жить в дружной обстановке, где большое количество людей. И семью тоже хотели бы большую. И примерно лет с 16-ти запланировали, что хотим шестерых детей. Мой дедушка был первым ребенком в семье, в которой было 9 детей. Бабушка жены тоже из семьи, в которой было 9 детей, но не все из них дожили до взрослого возраста. В семье моего дедушки все до взрослого возраста дожили» (*муж., 20 лет, женат, детей нет, 2 детей в родит. семье, студент вуза, Респ. Башкортостан*);

— «Я мечтал о супружестве. Скорее по клише моей родительской семьи. Скорее всего, так и вышло. Мы счастливы и ориентированы на рождение детей. Надеюсь, брак будет крепким и благополучным» (*муж., 22 года, женат, детей нет, 2 детей в родит. семье, в/о, Московская обл.*);

— «Всегда хотела большую семью сама. Мы с мужем планируем трех детей как минимум... Конечно, я, как любая другая мама, всегда мечтала быть хорошей мамой своим детям. Для меня пример — это моя мама, которая воспитывала нас с братом. Очень много я перенимаю от нее, вспоминаю то, как мы росли в семье, то, как с нами обходились родители, стараюсь по максимуму дать ребенку самое лучшее, не без помощи мужа, конечно» (*жен., 22 года, замужем, 1 ребёнок, 2 детей в родит. семье, в/о, Ставропольский край*).

Число детей в родительской семье

Как показали данные углублённых интервью, единственные в семье дети чаще имеют малолетние репродуктивные установки (1–2 ребёнка) и более ориентированы на откладывание рождений:

— «Да, обсуждали (*прим. — сколько детей хотят и когда они появятся*). Вместе решили, что пока еще рановато. Супруга меня в этом мнении поддерживает, мы единомышленны на этот счет... <...> Мы бы хотели иметь одного или максимум двух детей, я считаю, что это оптимальное количество» (*муж., 23 года, женат, детей нет, единственный ребёнок в родит. семье, в/о, Вологодская обл.*);

— «Да, мы разговаривали, и мы сошлись, что сначала нужно свою жизнь наладить, качество жизни более-менее прилично, а потом уже смотреть по детям. Ну и понятно, что хотя бы одного надо родить, а там уже посмотреть. Как можно, допустим, хотеть сразу двоих или троих, может, ты родишь, тебе не понравится... Мне сейчас 26, лет в 28 я, наверное, буду думать. Если до 30 всё будет грустно, с квартирой, с ремонтом, мы ничего не успеем, или что-то пойдёт не так, наверное, надо будет уже... Ну, вообще, надо смотреть по здоровью. Кто-то и в 35 первого рождает хорошо, кто-то в 20 не очень» (*жен., 26 лет, замужем, детей нет, единственный ребёнок в родит. семье, в/о, Нижегородская обл.*).

Условия реализации репродуктивных установок

Главными условиями, необходимыми для рождения детей, в ответах практически всех молодых семейных респондентов, особенно мужчин, выступают **финансовое благополучие и наличие жилья**:

— «Я бы хотел достаточно зарабатывать, я составляю свои планы, как этого достичь. Чтобы всего хватало. Улучшить свое финансовое состояние, чтобы можно было позволить купить себе самостоятельно коляску, например, которая стоит 25 000 руб.» (*муж., 20 лет, женат, детей нет, 2 детей в родит. семье, студент вуза, Респ. Башкортостан*);

— «Основное условие — это материальный достаток, чтобы была возможность обеспечить ребенка всем необходимым, медицинская помощь, обучение, развитие, отдых, поскольку большинство из этих услуг сейчас платные. Важно, конечно, и собственное жилье, чтобы не переезжать с ребенком на съемные квартиры...» (*муж., 23 года, женат, детей нет, единственный ребёнок в родит. семье, в/о, Вологодская обл.*);

— «Первое условие — это собственное жилье, также финансовое положение» (*жен., 21 год, замужем, детей нет, 2 детей в родит. семье, студентка вуза, Ивановская обл.*);

— «Всё сводится к одному — я бы хотел нормально зарабатывать. Чтобы был хороший дом, хорошая машина, чтобы дать хорошее образование. Все сводится к одному — финансам» (*муж., 22 года, женат, детей нет (ждут ребёнка), 2 детей в родит. семье, студент вуза, Ивановская обл.*).

При этом в ответах некоторых представителей молодых семей **жилищный фактор признавался решающим в принятии решения о рождении ребёнка**:

— «Сейчас пока живем на квартире съёмной, так сказать. У нас своей нет, в планах приобрести сначала жилье собственное, чтобы дать ребенку свою крышу» (*муж., 32 года, женат, детей нет, 2 детей в родит. семье, незак. в/о, Респ. Татарстан*).

Кроме того, в некоторых случаях главным условием реализации рождений становится **определенность с местом жительства семьи**. В основном главным ограничивающим фактором здесь выступает род трудовой деятельности супруга, связанный с частой сменой места жительства (либо разъездной характер работы, либо военнотрудовой):

— «Да, мы планируем детей, хотим, но в силу работы супруга и того, что Вологда — это не конечный наш пункт, мы пока не знаем, как

получится... <...> Хотелось бы окончательно определиться с местом проживания, поскольку рождение детей – это определенная привязка к детскому саду, к школе, обустройство дома для детей, хотелось бы определиться в конечном итоге, где и когда мы остановимся» (*жен., 30 лет, замужем, детей нет, единственный ребёнок в родит. семье, в/о, Вологодская обл.*).

Помимо прочего в качестве условий рождения детей молодыми супругами назывались **внутрисемейные факторы** – состояние своего здоровья, психологическая готовность к рождению, моральный облик родителей (ответственность, отсутствие девиаций), характер взаимоотношений (взаимопонимание):

– «Кроме этого, наверное, состояние здоровья, чтоб было хорошее, чтобы возможность нормально выносить ребенка, ну и психологическая зрелость, пока еще я чувствую, что я еще не готова к детям» (*жен., 21 год, замужем, детей нет, 3 детей в родит. семье (сводные брат и сестра), студентка вуза, Респ. Башкортостан*);

– «...моральная адекватность родителей. Понимание ответственности за каждого ребёнка в частности и за всю семью в общем. Отсутствие каких-нибудь факторов, исключающих социальную безответственность, для того чтобы воспроизводить потомство, то есть алкоголизм, наркомания, зависимость, азартные истории» (*муж., 25 лет, женат, детей нет, 2 детей в родит. семье, в/о, Нижегородская обл.*).

Значимыми условиями реализации рождений у молодых семей также выступают **внешние факторы** – доступность медицинских учреждений, хорошая экологическая обстановка, помощь от родителей (не только материальная), кризисные явления в стране:

– «Хотелось бы иметь жилье рядом с лесом, чтобы был чистый воздух, и рядом с медицинскими учреждениями... Конечно, еще потребуется помощь родителей. У нас ведь опыта нет. Они смогут передать свой опыт» (*жен., 21 год, замужем, детей нет, 2 детей в родит. семье, студентка вуза, Ивановская обл.*);

– «...но, возможно, такие коллапсы человечества, общества и конкретно России в будущем – да, могут (прим. – повлиять на принятие решения о рождении ребенка)» (*муж., 23 года, женат, детей нет, 2 детей в родит. семье (сводный брат), студент вуза, Свердловская обл.*).

Кроме того, некоторые информанты отмечали **влияние пандемии COVID-19 на их репродуктивные установки** и выражали готовность пересмотреть свои планы на рождение детей из-за ухудшения ситуации или уже отложили беременность из-за рисков для здоровья ребёнка, страха заболеть самим, а также по причине приостановления плановой медицинской помощи в период локдауна и самоизоляции:

– «Пандемия повлияла только в том плане, что есть риски заболеть. А при болезни не известно, как скажется на ребенке, поэтому мы ждем все-таки, когда закончится вся эта волна, к этому моменту мы переедем» (*жен., 30 лет, замужем, детей нет, единственный ребёнок в родит. семье, в/о, Вологодская обл.*);

– «Пока нет, хотя не известно, что будет дальше (прим. – про влияние пандемии). Я думаю, что нас это не коснётся. Но если будет продолжаться такая ситуация, придется подальше откладывать, потому что страшно» (*жен., 21 год, замужем, детей нет, 2 детей в родит. семье, студентка вуза, Ивановская обл.*).

Государственная социально-демографическая политика

В отношении мер государственной социально-демографической политики у информантов сложились разные мнения, которые можно разбить на три группы. **Первая группа** – молодые семьи, не рассчитывающие на государственную помощь, надеющиеся только на собственные силы:

– «Все-таки мы стараемся рассчитывать на свои силы, потому что законы меняются очень часто и возможно такое, что вот сейчас платят даже за первого ребенка материнский капитал, а когда мы будем рожать, этого уже не будет, то есть мы к этому готовы, у нас нет такого, что надо быстрее рожать, пока дают материнский капитал. Мы все-таки стараемся больше на себя надеяться» (*жен., 21 год, замужем, детей нет, 3 детей в родит. семье (сводные брат и сестра), студентка вуза, Респ. Башкортостан*);

– «Я думаю, что на помощь государства рассчитывать не стоит. Конечно, хорошо, если будет помощь и поддержка со стороны властей, но нужно надеяться, прежде всего, на себя, поэтому мы и не спешим пока заводить ребенка» (*муж., 23 года, женат, детей нет, единственный ребёнок в родит. семье, в/о, Вологодская обл.*).

Вторая группа — молодые семьи, рассчитывающие на государственную помощь, но её меры не влияют на принятие решения о рождении детей, а являются лишь «бонусом»:

— «На мой взгляд, родители должны рожать детей для себя. Соответственно, не важно, какие меры государственной поддержки будут вам предложены, если у вас есть желание родить ребенка, если вы готовы его содержать. Да, это, конечно, неплохой бонус при рождении детей, потому что материальное требуется в любом случае, но это не самое главное» (*жен., 30 лет, замужем, детей нет, единственный ребёнок в родит. семье, в/о, Вологодская обл.*);

— «На материнский капитал рассчитываю. Нет, никак не влияют (*прим. — про то, повлияют ли меры государственной/региональной поддержки на решение завести детей*)» (*жен., 24 года, замужем, детей нет, 2 детей в родит. семье, в/о, Свердловская обл.*).

Третья группа — молодые семьи, рассчитывающие на государственную помощь и признающие влияние мер на принятие решения о рождении детей:

— «Ну, я знаю о некоторых льготах и выплатах со стороны государства и подразумевал, что, когда я приближусь к тому, что у меня будет ребенок, я углублюсь в этот момент и буду на это рассчитывать. Да, я думаю, любые подвиги и помощь государства в этом вопросе способствуют тому, чтобы завести ребенка» (*муж., 23 года, женат, детей нет, 2 детей в родит. семье (сводный брат), студент вуза, Свердловская обл.*);

— «Да, если будут какие-то выплаты молодым семьям, молодым родителям — мы бы не отказались. Думаю, они повлияют, легче будет в финансовом плане. Считаю, что если государство будет поддерживать, то можно будет ещё завести детей» (*жен., 21 год, замужем, детей нет, 2 детей в родит. семье, студентка вуза, Ивановская обл.*).

Наиболее известной мерой государственной поддержки среди молодых семейных респондентов является материнский капитал — о нём (в т. ч. об условиях его предоставления) информированы практически все опрошенные. Главными направлениями применения материнского капитала, по мнению информантов, выступают **улучшение жилищных условий**, в частности внесение его средств в качестве

первоначального взноса за ипотеку, а также **образование детей**:

— «Материнский капитал — это в любом случае вложение в будущее детей, часть погашения ипотечных кредитов или образование детей» (*жен., 30 лет, замужем, детей нет, единственный ребёнок в родит. семье, в/о, Вологодская обл.*).

Отношение к сочетанию карьеры и родительства

В отношении к сочетанию карьеры и родительства у представителей молодых семей наблюдаются **две позиции. Одни считают, что дети — не помеха карьере**:

— «Ну, как бы я хотела развивать свою карьеру. Скорее всего получить какое-то другое образование, возможно, открыть какой-то бизнес, либо же, как сказать, остаться в военной сфере, что ли... Ребенок в карьере не помеха, если есть кому помогать, допустим, те же самые родители, бабушки, дедушки, может быть, на какое-то время может прерваться, но во время беременности, можно себя развивать в принципе, ну, в общем, беременности, дети этому не помеха» (*жен., 22 года, замужем, детей нет, 2 детей в родит. семье, студентка вуза + работает, Ставропольский край*).

Другие же информанты **признают влияние рождения детей на развитие карьеры**: «Да, это просто оттягивает (*прим. — развитие карьеры*) ... влияет, соответственно, только во временном факторе. Один ребёнок оттягивает на 2 года твои карьерные возможности. В плане ... если мужчина сидит с ребёнком, то у мужчины, если женщина, то у женщины» (*муж., 25 лет, женат, детей нет, 2 детей в родит. семье, в/о, Нижегородская обл.*). При этом во время построения карьеры некоторые информанты большие надежды возлагают на **помощь в воспитании детей со стороны семьи (родителей)**: «В планах работать и развиваться как специалист, покорять новые рынки, новые высоты в своей сфере и зарабатывать еще больше, такие у меня профессиональные планы. Рассчитываю, конечно же, на помощь родителей, то есть на свою маму, на маму супруги, с тем что они будут помогать ей в уходе и воспитании ребенка, и сам надеюсь, что буду находить и прикладывать время в этом вопросе» (*муж., 23 года, женат, детей нет, 2 детей в родит. семье (сводный брат), студент вуза, Свердловская обл.*).

Обсуждение

Результаты исследования во многом согласуются с полученными ранее. Так, о связи брачных и репродуктивных установок говорит, например, опрос не состоящей в браке молодёжи в Новгородской области. Его результаты свидетельствуют, что у придерживающихся мнения о целесообразности откладывания регистрации брака на год-два и желаемое, и ожидаемое число детей ниже. Существенно большее в среднем ожидаемое число детей оказалось у девушек, полагающих, что регистрация брака должна предшествовать началу супружеских отношений (Архангельский, 2006). В ходе других исследований доказывается ослабление роли официально зарегистрированного брака в рождении детей (Митрофанова, 2011).

К выводу о положительном влиянии на репродуктивные ориентации добрых взаимоотношений в родительской семье и привития семейных ценностей приходят А.И. Кузьмин (Кузьмин, 1986а), А.И. Антонов, А.В. Жаворонков и С.И. Малявин (Антонов и др., 2005), Т.В. Кузьменко (Кузьменко, 2010). Многие отечественные исследования также показывают, что при большем числе детей в родительской семье у респондентов имеют место относительно более высокие репродуктивные ориентации (Сафонова, 1982; Родзинская, 1986; Гришина, 2008; Осипова, 2020). Вместе с тем результаты опроса в Новгородской области продемонстрировали, что даже при наличии всех необходимых условий дети хотели бы в среднем иметь меньше детей, чем собираются иметь и имеют их родители (Архангельский, 2006).

О неоднозначности связи детности родительской семьи с репродуктивными ориентациями молодежи говорит В.Н. Архангельский в ходе анализа данных первой волны Всероссийского мониторинга «Демографическое самочувствие населения регионов России»: у респондентов, в родительской семье которых было двое, трое или четверо детей, нет существенных различий ни по желаемому, ни по ожидаемому числу детей (Ростовская и др., 2021а).

Результаты углублённых интервью с представителями молодых семей соотносятся с данными первой волны Всероссийского социологического опроса «Демографическое самочувствие регионов России» и по значимости мер демографической политики, а именно в части

решения жилищного вопроса: 60% семейных (состоящих в браке) респондентов в возрасте 17–29 лет оценили содействие в получении жилья наиболее высоко. Значимость материнского капитала для улучшения жилищных условий молодых семей подтверждалась в ряде российских исследований (Бороздина и др., 2012; Осипова, 2020).

Однако жилищные условия и уровень жизни влияют, прежде всего, на реализацию потребности в детях, именно она дифференцирует ожидаемое число детей. Так, например, по данным опросов в Москве и Самарской области, о наличии прямой связи между оценкой уровня жизни и жилищных условий и ожидаемым числом детей в первую очередь следует говорить применительно к тем, кто при наиболее благоприятных условиях хотел бы иметь троих и более детей (Архангельский, 2006).

Недооценка роли демографической политики может быть связана с мнением людей о том, что решения в своей жизни они принимают независимо от каких-либо внешних обстоятельств (Архангельский, Джанаева, 2014). Принимая решение, заводить ребенка или нет, люди руководствуются личными мотивами (Осипова, 2020).

Молодые люди сильнее среагировали на риски пандемии. Как показало исследование А.О. Макаренцевой, доля молодых респондентов, предпочитающих откладывать деторождение по материальным причинам, в период пандемии (весной 2020 г.) по сравнению с 2017 годом выросла сильнее, чем среди респондентов старше 35 лет: 15% (с 46 до 61%) у 20–34-летних против 5% (с 43 до 48%) у 35–44-летних (Макаренцева, 2020).

Что касается совмещения карьеры и родительства, оно достигается малодетностью и при поддержке близких, а также возможностью нанять няню (Жук, 2016).

Заключение

Таким образом, согласно полученным в ходе углублённых интервью результатам, большинство молодых семей ориентировано на традиционную полную семью и рождение детей. Во многом их репродуктивные установки зависят от примера семьи родителей и близких родственников, в частности от характера взаимоотношения супругов в них, от привития детям семейных ценностей.

В отношении к роли официально зарегистрированного брачного союза в деторождении среди представителей молодых семей наблюдаются две модели поведения. Для одних брак продолжает оставаться важным условием создания семьи и рождения детей (традиционная последовательность «брак – семья – дети»), для других же роль собственно брака менее значима на фоне желания иметь «большую семью, много детей». Как правило, это женская модель детоцентризма, впрочем, не отрицающего важность мужа – отца детей.

Результаты проведенных интервью подтвердили тот факт, что большое значение для реализации репродуктивных намерений молодых семей имеет материальное благополучие, главным образом наличие собственного жилья. Примечательно, что в отношении мер государственной социально-демографической политики и их влияния на деторождение среди молодых семейных информантов наблюдается три позиции: первая – не рассчитывающие на государственную помощь и не признающие её влияние на рождение детей, вторая – рассчитывающие на государственную помощь, но не признающие её влияние на реализацию рождений, третья – рассчитывающие на государственную помощь и признающие её влияние на деторождение. При этом первая позиция оказалась наиболее распространенной, что свидетельствует, с одной стороны, о социально-экономической самодостаточности современных молодых семей, с другой стороны, о необходимости поиска новых инструментов стимулирования репродуктивных установок у данной категории населения, в частности

повышения потребности в детях. Тем не менее практически все информанты признают существенную роль материнского капитала в решении жилищной проблемы, что говорит о его значимости и популярности среди молодых семей.

Молодые семейные респонденты в целом не видят проблем в сочетании карьеры и родительства, однако, по сути, проблема существует и опосредуется через популярность мнения о том, что в первую очередь необходимо «встать на ноги» в профессиональном плане и только затем обзаводиться потомством. Кроме того, большие надежды возлагаются на помощь старших поколений.

Что касается пандемии COVID-19, то на многие молодые семьи она не оказала существенного влияния в репродуктивном плане, а именно не изменила их планы в отношении рождения детей. Однако часть информантов из числа молодых супругов отложили рождение ребенка «до лучших времён». Это само по себе служит фактором снижения рождаемости и требует серьезного научного осмысления.

Вышеперечисленное свидетельствует о том, что категория «молодая семья» достаточно неоднородна как по характеру репродуктивных установок, так и по определяющим их факторам: влиянию родительской семьи, матримониальному поведению и отношению к браку, отношению к мерам государственной социально-демографической политики, а также влиянию пандемии COVID-19, что необходимо учитывать в рамках государственной социально-демографической, молодежной и семейной политики.

Литература

- Андреев Е., Бондарская Г., Харьковская Т. (1998). Падение рождаемости в России: гипотезы и факты // Вопросы статистики. № 10. С. 82–93.
- Андреев Е.М., Бондарская Г.А. (2000). Можно ли использовать данные об ожидаемом числе детей в прогнозе численности населения? // Вопросы статистики. № 11. С. 56–62.
- Антонов А.И., Жаворонков А.В., Малявин С.И. (2005). Репродуктивные ориентации сельской семьи: изучение степени совпадения мнений отца-матери подростка в 20 регионах России // Политика народонаселения: настоящее и будущее. IV Валентеевские чтения: сб. докладов / ред. В.В. Елизаров, В.Н. Архангельский. М.: МАКС Пресс. С. 71–74.
- Архангельский В.Н. (1987). Установки детности в системе ценностной ориентации городской семьи // Демографические аспекты ускорения социально-экономического развития. Ч. II. Киев: ИЭ АН УССР. С. 29–31.

- Архангельский В.Н. (2006). Факторы рождаемости. М.: ТЕИС. 399 с.
- Архангельский В.Н., Джанаева Н.Г. (2014). Региональные особенности динамики рождаемости и демографическая политика // Уровень жизни населения регионов России. № 1 (191). С. 73–82.
- Архангельский В.Н., Елизаров В.В., Зверева Н.В., Иванова Л.Ю. (2005). Демографическое поведение и его детерминация. М.: ТЕИС. 352 с.
- Архангельский В.Н., Ростовская Т.К., Васильева Е.Н. (2021). Влияние уровня жизни на репродуктивное поведение россиян: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. С. 3–24. DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.1
- Белова В.А. (1975). Число детей в семье. М.: Статистика. 176 с.
- Белова В.А., Дарский Л.Е. (1972). Статистика мнений в изучении рождаемости. М.: Статистика. 144 с.
- Борисов В.А. (1976). Перспективы рождаемости. М.: Статистика. 248 с.
- Бороздина Е., Здравомыслова Е., Темкина А. (2012). Материнский капитал: социальная политика и стратегии семей // Демоскоп Weekly. № 495–496. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0495/analit03.php>
- Варламова С.Н., Носкова А.В., Седова Н.Н. (2006). Семья и дети в жизненных установках россиян // Социологические исследования. № 10. С. 61–73.
- Волков А.Г. (1986). Семья – объект демографии. М.: Мысль. 271 с.
- Голод С.И. (1998). Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис. 272 с.
- Гришина О.В. (2008). Репродуктивное поведение родителей и их детей в России // Вестник Московского университета. Серия б. Экономика. № 6. С. 29–41.
- Гудкова Т.Б. (2019). Репродуктивные намерения россиян: мотивация и сдерживающие факторы // Демографическое обозрение. № 6 (4). С. 83–103. DOI: 10.17323/demreview.v6i4.10428
- Гурко Т.А. (1985). Молодая семья в крупном городе // Молодожены: сб. статей. М.: Мысль. С. 30–42.
- Дарский Л.Е. (1972). Статистика мнений в изучении рождаемости. М.: Статистика. 144 с.
- Дарский Л.Е. (1979). Рождаемость и репродуктивная функция семьи // Демографическое развитие семьи / под ред. А.Г. Волкова. М.: Статистика. С. 85–125.
- Дементьева И.Ф. (1991). Первые годы брака: Проблемы становления молодой семьи. М.: Наука. 109 с.
- Денисов С.Б. (2000). Проблема определения понятия «молодая семья» в теории и практике социальной работы // Вестник Мордовского ун-та. № 3. С. 47–53.
- Добровольская В.М. (1974). Жилищные условия и демографическое поведение // Семья и жилая ячейка: сб. науч. трудов. М. С. 60–65.
- Жук Е.И. (2016). Репродуктивные установки москвичей молодого и среднего возраста // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 1. С. 156–174. DOI: 10.14515/monitoring.2016.1.06
- Зотин В., Мытиль А. (1987). Представления молодоженов о числе детей в семье // Городская и сельская семья / редкол.: Д.И. Валентей (пред.) и др. М.: Мысль. С. 45–72.
- Зуйкова Е.М., Кузнецова Н.В. (1994). Молодая семья. М.: Союз. 36 с.
- Ипатов А.А., Тындик А.О. (2015). Репродуктивный возраст: 30-летний рубеж в предпочтениях и биографиях // Мир России. Социология. Этнология. № 24 (4). С. 123–148.
- Каткова И.П. (1971). Рождаемость в молодых семьях. М.: Медицина. 112 с.
- Каткова И.П. (1973). Некоторые социально-гигиенические особенности регулирования рождаемости в молодых семьях // Комплексное изучение состояния здоровья населения Тамбовской области в связи с Всесоюзной переписью населения 1970 г. Тамбов. С. 50–58.
- Кравцова Г.Ф., Плешакова М.В. (1991). Формирование семьи в дальневосточном городе. Хабаровск: ДВО АН СССР. 37 с.
- Красненков В.Л., Фролова Н.А. (1984). Социально-гигиенические аспекты регулирования рождаемости в молодых семьях, проживающих в сельской местности // Семья и общество. М. С. 24–25.
- Кузьменко Т.В. (2010). Репродуктивные планы молодых супругов: влияние старшего поколения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 4 (20). С. 60–67.
- Кузьмин А.И. (1986а). Влияние взаимоотношений с родителями на демографическое поведение молодой семьи // Развитие и стабилизация молодой семьи. Свердловск. С. 56–64.

- Кузьмин А.И. (1986b). Региональные особенности рождаемости // Особенности воспроизводства и миграции населения на Урале: сб. науч. тр. Свердловск: УНЦ АН СССР. 101 с.
- Кузьмин А.И. (1990). Роль молодой семьи в воспроизводстве населения региона // Молодая семья и реализация активной социальной политики в регионе: сб. науч. тр. Свердловск. С. 28–43.
- Кузьмин А.И. (1993). Семья на Урале: Демогр. аспекты выбора жизн. пути. Екатеринбург: Наука: Урал. изд. фирма. 235 с.
- Макаренцева А.О. (2020). Влияние эпидемиологической ситуации на репродуктивные намерения населения // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. № 17 (119). URL: <https://www.iep.ru/upload/iblock/2f2/3.pdf> (дата обращения 15.02.2022)
- Малева Т., Макаренцева А., Третьякова Е. (2017). Пронаталистская демографическая политика глазами населения: десять лет спустя // Экономическая политика. Т. 12. № 6. С. 124–147.
- Мацковский М.С., Гурко Т.А. (1986a). Молодая семья в большом городе. М.: Знание. 48 с.
- Мацковский М.С., Гурко Т.А. (1986b). Успешность функционирования молодой семьи в крупном городе // Программа социологических исследований молодой семьи (программы и методики исследований брака и семьи) / отв. ред. М.С. Мацковский. М. С. 16–21.
- Медков В.М. (1986). Социально-демографические характеристики супругов и их установки на детность // Детность семьи: вчера, сегодня, завтра / редкол.: Л. Л. Рыбаковский и др. М.: Мысль. С. 94–103.
- Митрофанова Е.С. (2011). Браки, партнерства и рождаемость поколений россиян // Демоскоп Weekly. № 477–478. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0477/tema01.php> (дата обращения 15.02.2022).
- Мокеров И.П., Кузьмин А.И. (1990). Экономико-демографическое развитие семьи / отв. ред. Б.С. Павлов. М.: Наука. 100 с.
- Осипова И. (2020). Репродуктивные установки россиян и отношение к государственным мерам поддержки рождаемости // Демографическое обозрение. № 7 (2). С. 97–120. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11143
- Родзинская И.Ю. (1986). Факторы, влияющие на репродуктивные установки супругов // Детность семьи: вчера, сегодня, завтра. М.: Мысль. С. 78–79.
- Ростовская Т.К. (2014). Статус молодой семьи в современном российском обществе // Человек в мире культуры. № 3. С. 74–80.
- Ростовская Т.К., Архангельский В.Н., Иванова А.Е., Кучмаева О.В., Семенова В.Г. (2021a). Семья и демографические процессы в современной России: монография / под ред. Т.К. Ростовской; ФНИСЦ РАН. М.: Экон-Информ. 257 с.
- Ростовская Т.К., Васильева Е.Н., Князькова Е.А. (2021b). Инструментарий для проведения глубинного интервью с целью исследования внутренней мотивации репродуктивного, матримониального, самосохранительного и миграционного поведения // Вопросы управления. № 1 (68). С. 103–117. DOI: 10.22394/2304-3369-2021-1-103-117
- Ростовская Т.К., Шабунова А.А. [и др.]. (2021c). Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад-2021 / отв. ред. Т.К. Ростовская, А.А. Шабунова; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН. 138 с.
- Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Архангельский В.Н. [и др.] (2021d). Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад-2020 / отв. ред. Т.К. Ростовская, А.А. Шабунова; ФНИСЦ РАН. М.: Перспектива. 214 с.
- Русанова Н.Е. (2020). Рождаемость после пандемии: «бэби-бум» или «демографическая яма»? // Вестник Московского финансово-юридического университета. № 4. С. 152–159.
- Сафонова Т.Е. (1982). Число детей в родительской семье и репродуктивные ориентации // Семья и дети: тезисы докладов всесоюзной конференции. С. 16–20.
- Синельников А.Б. (1989). Брачность и рождаемость в СССР / отв. ред. В.А. Борисов. М.: Наука. 101 с.
- Тындик А.О. (2012). Репродуктивные установки и их реализация в современной России // Журнал исследований социальной политики. Т. 10. № 3. С. 361–376.
- Харчев А.Г. (1979). Брак и семья в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Мысль. 367 с.
- Чернова Ж.В. (2010). «Демографический резерв»: молодая семья как объект государственной политики // Женщина в российском обществе. № 2 (55). С. 26–38.
- Шабунова А.А., Калачикова О.Н. (2008). Репродуктивный выбор современной семьи // Проблемы развития территории. Вып. 41. С. 62–67.

- Шабунова А.А., Калачикова О.Н. (2013). О причинах роста рождаемости населения в период активизации демографической политики России (на примере Вологодской области) // Проблемы прогнозирования. № 5 (140). С. 129–136.
- Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Короленко А.В. (2021). Демографическая ситуация и социально-демографическая политика Вологодской области в условиях пандемии COVID-19: II региональный демографический доклад /; под ред. А.А. Шабуновой. Вологда: ВолНИЦ РАН. 89 с.
- Ajzen I., Fishbein M. (1980). *Understanding Attitudes and Predicting Behaviour*. Engelwood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- Bongaarts J. (2001). Fertility and reproductive preferences in post-transitional societies. *Population and Development Review*, 27, 260–281.
- Coombs L.C. (1979). Reproductive goals and achieved fertility: A fifteen-year perspective. *Demography*, 16(4), 523–534.
- Heiland F., Prskawetz A., Sanderson W.C. (2008). Are individuals' desired family sizes stable? Evidence from West German panel data. *European Journal of Population*, 24(2), 129–156.
- Morgan S.P. (2001). Should fertility intentions inform fertility forecasts. In: *Proceedings of U.S. Census Bureau Conference: The Direction of Fertility in the United States*. Washington, DC: U.S. Census Bureau.
- Morgan S.P., Rackin H. (2010). The correspondence between fertility intentions and behavior in the United States. *Population and Development Review*, 36(1), 91–118.
- Philipov D. (2009). Fertility intentions and outcomes: the role of policies to close the gap. *European Journal of Population*, 25(4), article number 355. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10680-009-9202-1>
- Testa M.R., Sobotka T., Morgan P.S. (2011). Reproductive decision-making: Towards improved theoretical, methodological and empirical approaches. *Vienna Yearbook of Population Research*, 9, 1–9.
- Van de Kaa D.J. (2001). Postmodern fertility preferences: From changing value orientation to new behavior. *Population and Development Review*, 27, 290–331.
- Van Peer C., Rabušić L. (2008). Will we witness an upturn in European fertility in the near future? In: *People, Population Change and Policies*. Springer, Dordrecht.
- Westoff C.F. (1990). Reproductive intentions and fertility rates. *International Family Planning Perspectives*, 16(3), 84–96.

Сведения об авторах

Александра Владимировна Короленко – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Гоголя, д. 56а; e-mail: coretra@yandex.ru)

Ольга Николаевна Калачикова – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1); заместитель директора по научной работе, заведующий отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького д. 56а; e-mail: onk82@yandex.ru)

Korolenko A.V., Kalachikova O.N.

Reproductive Attitudes of Young Families: Driving Forces and Implementation Conditions (on the Basis of In-Depth Interviews)

Abstract. Promoting population reproduction is one of the key tasks from the standpoint of ensuring national security. In the conditions of aging motherhood, the young family becomes the most important object of demographic policy, since it is a prosperous two-parent family with children that is the main resource of quantitative and qualitative parameters of human capital. The article analyzes reproductive attitudes of young families and the drivers of their implementation. We reveal that, on average, young people are focused on creating a family and having few children. The registered failure to fulfill reproductive

intentions (the desired number of children is more than their expected number) is due to the financial and economic situation of the family, the uncertainty (possible risks) of the future, and intra-family relations. The formation of young people's reproductive attitudes largely depends on their parents' example, the quality of child-parent relations and the immediate environment. With a high probability, those raised in a family with few children or those who have no siblings at all may not want to have many children or have children at all. As for children from medium and large families, they may have different views on having children. Reproductive attitudes are linked to marital ones. As a rule, the orientation toward a legitimate happy marriage is reinforced by the desire to have children. A variant of child-centered motives is observed in girls and manifested in the desire "to have a big family and many children", which somewhat shifts the focus of the priority of intra-family relations. The importance of the housing issue and ensuring a decent standard of living for oneself and one's children is determined by the fact that the unresolved nature of these problems influences the intention to have the first child and reduces the chances of having a few and many children even if they are desirable. State support for young families is needed, despite differences in the estimates of its effectiveness. The difference lies in determining the most desirable mechanisms – it is either direct support in the form of allowances, benefits, etc., or the creation of conditions for raising children (affordable quality social infrastructure) and the possibility of decent earnings for parents. Today, a young family needs state support, and, undoubtedly, the needs of young families should be taken into account in the national demographic policy.

Key words: young family, reproductive attitudes.

Information about the Authors

Aleksandra V. Korolenko – Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: coretra@yandex.ru)

Ol'ga N. Kalachikova – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation), deputy director for science, head of department, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: onk82@yandex.ru)

Статья поступила 28.02.2022.

Влияние супруга на репродуктивные установки и мотивы

Флора Булатовна

БУРХАНОВА

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Уфа, Российская Федерация

e-mail: burhanova.flura@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7342-3974; ResearcherID: AAV-2747-2020

Гузель Римовна

БАЙМУРЗИНА

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Уфа, Российская Федерация

e-mail: guzrim@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1844-2689; ResearcherID: G-4824-2017

Аннотация. Среди факторов микроуровня на репродуктивные намерения, мотивы и решения в супружеских парах оказывает влияние второй супруг. В статье рассматриваются только два направления влияния из возможного спектра, а именно воздействие характера супружеских отношений и позиции второго супруга по вопросам рождения детей. Эмпирической базой является опрос населения «Демографическое самочувствие России», проведенный в 2020 году в 10 регионах, в том числе г. Москве. Результаты относятся к респондентам в возрасте до 49 лет включительно, которые состоят в официальном и незарегистрированном браке (2776 человек). Согласно оценкам отношений по критериям «сплоченность», «конфликтность», «крупные ссоры и скандалы» опрошенные разделились на три группы: с наихудшими (12–16%), средними (29–36%) и наилучшими (42–53%) оценками. Самые благоприятные отношения характерны для семей с

Для цитирования: Бурханова Ф.Б., Баймурзина Г.Р. (2022). Влияние супруга на репродуктивные установки и мотивы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 2. С. 190–204. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.12

For citation: Burkhanova F.B., Baimurzina G.R. (2022). Influence of the spouse on reproductive attitudes and motives. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(2), 190–204. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.12

традиционным распределением власти (муж – глава семьи), совместным управлением доходов (муж и жена вместе принимают решения), лучшими условиями жизни, более молодых. Обнаружено, что улучшение оценок отношений сопровождается увеличением доли намеревающихся иметь ребенка, а ухудшение – снижением. В группах с самыми сплоченными, бесконфликтными отношениями наиболее высока вероятность рождения ребенка в ближайшие годы, и она повышается, если будут введены новые меры поддержки семьи. В откладывании рождения детей разной очередности, а также планировании их рождения позиция второго супруга (желание подождать с рождением или родить ребенка) является одним из самых значимых мотивов репродуктивного поведения. При этом значимость мотивов обуславливается как благоприятными, так и неблагоприятными отношениями в семьях. Результаты исследования актуализируют одно из направлений государственной социально-демографической и семейной политики – деятельность по гармонизации супружеских и семейных отношений, а также снижению влияния комплекса осложняющих эти отношения факторов, что может положительно сказаться на принятии решений о рождении детей.

Ключевые слова: репродуктивные установки, репродуктивные намерения, репродуктивные мотивы, репродуктивные решения, брак, супружеские отношения, супружеские конфликты, неблагоприятные отношения, благоприятные отношения.

Благодарность

Статья выполнена в рамках гранта РФФИ № 20-18-00256.

Введение

Вопросы репродуктивного поведения являются успешно развивающимся направлением исследований как в зарубежной, так и в российской науке. Основным фактором, актуализирующим исследования, выступают реальные процессы рождаемости, характеризующиеся низким уровнем, не обеспечивающим простое воспроизводство населения, снижением детности семьи, а также увеличением числа людей, которые отказываются от рождения детей.

Главное направление исследований составляет поиск факторов, влияющих на репродуктивное поведение населения и рождаемость, действующих на различных социальных уровнях. В работах ученых показано, как на микроуровне пол, возраст, образование, брачное состояние, место жительства, доходы, жилищные условия и уровень жизни, этническая принадлежность, религиозность, жизненные ценности, работа и некоторые другие характеристики индивидов обуславливают их установки на детей, мотивы рождения и откладывания рождения детей (Архангельский, 2006; Архангельский и др., 2021; Архангельский и др., 2020; Ростовская и др., 2021; Макаренцева и др., 2021; Назарова, Зеленская, 2017; Тындик, 2012; Чурилова, Захаров, 2019).

Среди факторов микроуровня на репродуктивные намерения, мотивы и решения в супружеских парах влияние оказывает второй супруг. Индивидуальные репродуктивные намерения относительно рождения первого или последующего ребенка корректируются не только уровнем жизни, доходами, жилищными условиями, состоянием здоровья, другими жизненными обстоятельствами семьи, но и желанием или нежеланием второго супруга иметь детей вообще, иметь их определенное число. Откладывание рождения ребенка тоже может обуславливаться оценкой вторым супругом текущей ситуации как неблагоприятной для рождения ребенка, желанием второго супруга подождать с рождением. Супруги могут транслировать свои установки в совместной семейной жизни, в результате чего формируется реальное репродуктивное поведение супружеской пары. Значим и может оказывать влияние характер отношений между супругами, их восприятие как благоприятных или неблагоприятных для рождения детей. Конфликты, ссоры с супругом являются негативным фоном для жизни всей семьи, рождения и воспитания детей. Уверенность в прочности брака или, наоборот, неуверенность могут корректировать намерения, решения и поведение.

С учетом того, что один из супругов влияет на репродуктивные представления, планы и решения относительно рождения детей другого супруга, а в конечном итоге на реальное репродуктивное поведение пары, актуальной задачей становится анализ этого влияния и необходимость принимать его во внимание при построении прогнозов и разработке мер стимулирования рождаемости.

Первые отечественные исследования влияния второго супруга на репродуктивные установки и поведение начали проводиться еще в 70-х гг. XX века. Обзор исследований до начала 2000-х годов, осуществленный В.Н. Архангельским, позволил сформулировать вывод о том, что «большинство из них показали наличие положительного влияния стабильности брака, успешной супружеской жизни на установки детности, показатели рождаемости» (Архангельский, 2006, с. 180). Однако встречались работы, где связь с удовлетворенностью браком и мыслями о разводе как показателем устойчивости и благополучности брака отсутствовала или же была обратной. Ситуация менялась, когда проводился анализ связи удовлетворенности не с общим ожидаемым числом детей, включая имеющихся, а с намерением иметь еще ребенка. В таком случае более высокая оценка брака сопровождалась большим ожидаемым еще числом детей (Архангельский, 2006, с. 186).

В исследованиях последнего времени тоже ставятся вопросы относительно влияния второго супруга. Показана связь между репродуктивным поведением и брачным статусом (зарегистрированный или незарегистрированный брак), очередностью браков (первые и повторные). Откладывание рождения ребенка из-за неуверенности в прочности брака намного чаще фиксируется в незарегистрированных супружеских союзах, чем в зарегистрированных (Синельников, 2019). Отмечается постоянно увеличивающийся вклад повторных союзов в рождаемость, особенно вторых и третьих детей. Вступление в повторный союз позволяет компенсировать дефицит рождений, который образуется у индивидов, пребывающих в предразводном или послеразводном состоянии. При этом вероятность иметь двоих и более детей для женщины повышает возможность вступления как в повторный зарегистрированный, так и незарегистрированный союз (Захаров и др., 2016).

В ходе изучения, как сочетание в паре национальностей супругов влияет на репродуктивные установки одного из них, выявлено следующее: за счет того, что башкирам в целом присущи более высокие установки по сравнению с другими этносами, «башкирская компонента» в межнациональной супружеской паре «работает» на повышение ориентаций на рождение детей (Бурханова, Мухамадиева, 2020).

На качественных данных выделено три модели, которым следуют мужчины и женщины при вступлении в брак и решении вопроса о числе детей в семье. В первой модели они ориентируются на собственную идеальную модель и не учитывают ориентаций партнера, что может создавать риски при обнаружении различий. Во второй — договариваются о модели брака и количестве детей в процессе развития семейных отношений, уступая друг другу. Третья модель: будущие супруги до вступления в брак имеют совпадающие представления или же договариваются о том, как будут построены отношения и сколько будет детей в семье. Авторы сделали предположение, что женщины более мужчин склонны формировать идеал семьи до вступления в брак и стремятся его реализовать, когда выходят замуж (Баймурзина, Васильева, 2021, с. 6–7).

Другой аспект влияния второго супруга изучался в ходе опроса женщин-матерей. Установлено, что и нормативные (состоящие в первом браке), и сводные (состоящие в повторных браках) супружеские пары несколько чаще планируют иметь второго ребенка, если высок показатель «вовлеченности отцов» в воспитание уже имеющегося ребенка¹. В нормативных семьях супруги также чаще планируют рождение второго ребенка, если первый ребенок был ожидаем, а муж был рад его появлению. Кроме того, обнаружена положительная корреляция планов относительно рождения второго ребенка с ощущением «счастья-несчастья» опрошенных матерей. Поскольку ощущение во многом определяется качеством супружеских отношений, связь может быть интерпретирована как их влияние на репродуктивные намерения (Гурко, 2014, с. 82).

¹ Вовлеченность оценивалась на основе проявления инициативы отцов и частоты занятий с ребенком по восьми видам совместных занятий, оценок матерью времени, которое отец проводит с ребенком.

Исследование, проведенное под руководством А.И. Антонова на основе опроса обоих супругов, позволило обнаружить у значительной части пар различающиеся установки на число детей (идеальное число детей совпадает у 52,7% пар, желаемое – 43,8%, ожидаемое – 72,2%), выявить социально-демографические факторы, способствующие близости и различиям репродуктивных установок (в первом случае – увеличение продолжительности брака и одинаковость религиозных предпочтений, во втором – увеличение разницы в возрасте между супругами и наличие официального брака). Кроме того, авторы показали, что близость установок на число детей положительно связана с удовлетворенностью браком².

На данных исследования «Репродуктивные планы населения-2017» (Гудкова, 2019, с. 90, 95) выявлена значимость позиции мужа/жены, его/ее желания в системе мотивов рождения второго и третьего ребенка. Его/ее желание занимает второе-третье места в общей иерархии репродуктивных мотивов. При рождении второго ребенка мотив значим для 61,5% мужчин и 58% женщин, а при рождении третьего ребенка – для 48,5 и 48,4% соответственно. Почти у половины мужчин и женщин (44,4–49,9%) желание родить ребенка обусловлено стремлением укрепить семью. Не столь масштабно влияние сдерживающих рождение детей факторов – стремления мужа/жены подождать с рождением ребенка, а также неуверенности в прочности брака. Но все же они значимы (35,5% женщин и 41,8% мужчин; 32,2% женщин и 27,1% мужчин).

Развернутый обзор зарубежных исследований о факторах рождаемости на микроуровне приведен в работе (Бальбо и др., 2017, с. 137–140). Авторы показали, что большое внимание уделено изучению влияния в супружеской паре репродуктивных намерений партнера, характера брачно-партнерских отношений, гендерного разделения труда, а также повторных союзов.

Наиболее известными работами, в которых описываются модели принятия решений о рож-

дении ребенка (детей) в парах, являются исследования в США (Miller et al., 2004), Швеции (Thomson, Ноем, 1998), Италии (Testa et al., 2012) и др. Американские авторы на основе результатов серии исследований предложили расчетную модель, учитывающую степень принятия человеком желаний партнера и то, как интегрируются собственные и воспринимаемые желания партнера при формировании намерений, как намерения обоих партнеров реализуются в репродуктивном поведении. Ценность работ в Швеции и Италии заключается в реализации лонгитюдных исследований достаточно большого числа пар, а также тестировании влияния на решение о рождении ребенка похожего набора факторов: характера распределения семейных обязанностей, переговорной силы между партнерами. Особое место во всех этих исследованиях отводилось оценке влияния несогласия второго партнера на рождение ребенка.

Установлено, что при наличии в паре разногласий по поводу ожидаемого рождения ребенка шансы реализовать репродуктивные намерения одного из партнеров уменьшаются. Так, согласно интерпретации М.Р. Тесты и ее коллег, люди не желают иметь ребенка без согласия второго партнера, поскольку деторождение имеет долгосрочные последствия для обоих партнеров.

В отношении влияния на деторождение стабильности/нестабильности союза и/или низкого качества партнерских отношений отмечаются два противоположных направления. В одних исследованиях обнаруживается отрицательная связь между ними: пары, которые имеют неустойчивые отношения, обладают меньшими шансами родить ребенка (Myers, 1997; Thomson, Ноем, 1998, с. 316). Вывод других состоит в том, что нестабильный союз приводит к более раннему деторождению, так как дети рассматриваются в качестве фактора уменьшения неопределенности и способа укрепления брака.

Относительно влияния гендерного разделения труда также имеются различные результаты. Общее в них состоит в том, что неравенство распределения домашней работы в пользу женщин отрицательным образом сказывается на репродуктивных намерениях и решениях.

² Сходство и различие ценностных ориентаций мужей и жён по результатам одновременного опроса супругов / под ред. А.И. Антонова. М.: Перо, 2021. 240 с. С. 31–33, 54, 74–75, 80–81.

Исследования показывают, что партнеры, уже имеющие детей от предыдущих союзов, с большей вероятностью хотят общего ребенка и заводят его (Thomson, Ноем, 1998). По данным некоторых работ, в повторных союзах наблюдается даже более высокий уровень рождаемости, чем в полных семьях с биологическими детьми, поскольку: 1) вновь созданные пары более мотивированы иметь общих биологических детей в целях укрепления новых отношений (Vikat et al., 1999); 2) число повторных союзов имеет тенденцию к росту (Guzzo, 2014). Вместе с тем, вероятность рождения детей в новых союзах существенно снижается, если у женщины уже имеется двое или более детей (Thomson et al., 2014, с. 502).

Таким образом, зарубежные исследователи в целом солидарны в том, что на реализацию репродуктивных установок пары значимое влияние могут оказывать партнеры (как женщины, так и мужчины), а также другие члены семьи. Однако в разных странах и в различные периоды это влияние может проявляться по-разному.

Методика исследования

Теоретическая модель влияния и задача исследования. Взаимное влияние супругов на репродуктивные установки и мотивы, а также решения о рождении детей может осуществляться, прежде всего, через брачный статус супружеской пары. Официально оформленный брак и незарегистрированные отношения, первый брак и повторный брак создают разные контексты и мотивы для рождения детей. Влияние возможно и через присущие супругам демографические и социальные характеристики. Образование, происхождение, проживание в городе или на селе, этническая идентичность, вероисповедание (уровень религиозности) являются значимыми факторами, влияющими на индивидуальные установки и намерения. В паре важны не они сами по себе, а их сочетания у супругов. Сочетание уровней образования мужа и жены, национальности, социального происхождения и места жительства до брака, возможно, могут корректировать установки каждого и принимаемые совместные решения в отношении рождения детей. Третье направление влияния зависит от сложившихся в паре супружеских отношений: устойчивость брака и характер отношений (благоприятные/небла-

гоприятные, уровень конфликтности, удовлетворенность браком и др.). Четвертое направление влияния может быть связано с разделением домохозяйственного и воспитательного труда в паре, в первую очередь со степенью вовлеченности мужа в домашнюю работу, процесс воспитания уже имеющихся детей. Властный порядок в паре, распределение власти (кто является главой семьи, принимает основные решения и управляет доходами), гипотетически, тоже оказывает воздействие.

Следует говорить и о системе жизненных ценностей, присущей супругам, в которую вписаны ценность детей и репродуктивные планы. Их несовпадение может становиться почвой для переговоров и согласования с возможностью разных исходов, включая распад супружеского союза. Мнение второго супруга по вопросам числа детей в семье, рождения, откладывания или отказа от рождения ребенка (репродуктивная позиция) способно быть как побудителем, так и ограничителем репродуктивного поведения.

Второй супруг может оказывать прямое влияние на репродуктивные установки и мотивы через свою позицию (например, «муж/жена хотел(а)/не хотел(а) ребенка», «муж/жена хотел(а)/не хотел(а) подождать с рождением ребенка») и косвенное влияние, осуществляющееся через сложившиеся отношения, гендерный порядок власти, домохозяйственного и социализационно-воспитательного труда. В нашей статье ставится задача акцентировать внимание на некоторых направлениях влияния из возможного спектра, а именно выявить воздействие характера супружеских отношений (вернее, их оценок) и позиции второго супруга (в интерпретации этой позиции первым супругом).

Выборка и метод сбора данных. Представленный ниже анализ основан на данных, полученных в 2020 году в ходе опроса населения России, проведенного в рамках исследования «Демографическое самочувствие России», охватившего 10 регионов (г. Москва, Вологодская, Волгоградская, Ивановская, Московская, Нижегородская, Свердловская области, Ставропольский край, Республика Башкортостан, Республика Татарстан). В сборе информации использовались анкетирование и

личное интервью. Описание методики исследования, полученной выборки и основных результатов содержится в работе (Ростовская и др., 2021).

Общая выборка опроса составляет 5616 человек. Анализ, представленный в статье, относится к респондентам в возрасте до 49 лет включительно, которые состоят в супружеских отношениях. В выборке их 2776 человек, из них 86,5% находятся в официальном браке и 13,5% — в незарегистрированных отношениях. Мужчины составляют 48,6%, женщины — 51,4%. Состоят в первом браке 85,2%, в повторном — 14,8%. Проживают в городских населенных пунктах — 77,5%, в сельских — 22,5%. Имеют одного ребенка — 32,1%, двоих — 40,5%, троих и более — 10,7%, не имеют детей — 16,6%. Родили детей в нынешнем браке 86,2% опрошенных, 13,8% имеют детей от разных браков. Среднее число детей, приходящихся на одного опрошенного, составляет 1,48. Возраст на момент опроса: до 25 лет включительно — 8,0%, 26–35 лет — 36,7%, 36–45 лет — 41,6% и 46–49 лет — 13,7%. Считают себя верующими 61,1%, не считают 18,0%, затруднились ответить на вопрос о вере 20,9%.

Методика измерений и анализа. В супружеской паре опрашивался только один супруг. В анкете содержались вопросы, которые давали информацию о характере отношений в семье. Это вопрос-оценка супружеских отношений по критерию «сплоченность/разобщенность» по пятибалльной шкале (1 — разобщенность, 5 — сплоченность); вопрос о наличии проблемы конфликтных отношений с супругом(ой) (1 — «проблема не имеет практически никакого значения», 5 — «имеет очень большое значение»); вопрос о том, бывают ли в семье крупные ссоры и скандалы (с номинальной шкалой, преобразованной в ходе анализа в пятибалльную, где 1 — нет ссор и скандалов, 5 — бывают часто). С целью анализа по группам, имеющим разный характер отношений, пятибалльные шкалы преобразовывались в шкалы с тремя позициями.

Репродуктивные установки на число детей измерялись с помощью вопросов о желаемом и ожидаемом (планируемом) числе детей.

Влияние второго супруга на репродуктивные установки отслеживалось путем анализа связи их показателей с описанными выше по-

казателями супружеских (семейных) отношений (описательные статистики: частотные таблицы, средние); на репродуктивные мотивы — на основе субъективных оценок опрошенного супруга относительно этого влияния. Эмпирические индикаторы, отражающие влияние (желание/нежелание второго супруга родить ребенка; желание укрепить брак, семью), были включены в перечни ответов на пять вопросов³: о причинах несовпадения между желаемым и ожидаемым числом детей (задавался респондентам, которые хотят иметь большее число детей, чем планируют); о причинах откладывания рождения первенца или ребенка последующей очередности (задавался респондентам, которые сообщили, что собираются иметь ребенка, но откладывают его рождение); о мотивах рождения второго ребенка (для респондентов, которые уже имеют или собираются иметь второго ребенка); о мотивах рождения третьего ребенка (для респондентов, которые уже имеют или собираются иметь третьего ребенка). Обратим внимание, что вопросы формулировались так, что давали возможность отслеживать мотивы как уже принятых решений относительно рождения ребенка, так и решений, которые предстоит принять.

Основные гипотезы:

1) восприятие людьми своих супружеских отношений как неблагоприятных (конфликтных, разобщенных, со ссорами) снижает ориентации на число детей, намерение иметь еще ребенка, а также вероятность его рождения;

2) в мотивации рождения детей степень значимости позиции второго супруга по вопросу рождения детей (нежелание и/или желание рождения ребенка, желание отложить его рождение) обуславливается как благоприятными, так и неблагоприятными отношениями.

Материал представлен в следующем порядке: сначала рассматриваются оценки характера супружеских отношений, затем репродуктивные установки на число детей в группах с разным характером отношений, далее анализируется, какое место занимают мотивы рождения детей, связанные с позицией супруга, в общей системе мотивов и в группах с разным типом супружеских отношений.

³ Формулировки вопросов приведены в примечаниях к таблицам.

Результаты и обсуждение

Характер супружеских отношений по оценкам респондентов. Около половины опрошенных оценивают свои супружеские (семейные) отношения как благоприятные (табл. 1). Очень сплоченными отношения с мужем (женой) считают 52,8%, совершенно бесконфликтными – 42,0%, и 47,8% указывают, что в их семье практически никогда не бывает крупных ссор и скандалов. Группа с неблагоприятными отношениями составляет от 12,2% (по оценкам

конфликтности) до 16,4% (по оценкам наличия крупных ссор и скандалов). Доля средней группы, в которой отношения между супругами отчасти сплоченные, отчасти бесконфликтные и редко, но случаются ссоры и скандалы, варьирует от 29,1% (сплоченность) до 35,8% (ссоры и скандалы).

Женщины в социально-демографических группах оценили супружеские отношения в среднем лучше по критериям сплоченности и конфликтности (табл. 2). Молодые группы

Таблица 1. Распределение опрошенных по всей подвыборке по оценкам супружеских отношений

Сплоченность/разобщенность взаимоотношений с супругом (ой)*		Конфликтность отношений с супругом (ой)**		Наличие крупных ссор и скандалов в семье***	
Группы	%	Группы	%	Группы	%
Разобщенные (1–3 балла)	13,6	Конфликтные (4–5 баллов)	12,2	Часто и время от времени (ответы 1, 2)	16,4
Отчасти сплоченные (4 балла)	29,1	Отчасти конфликтные (2–3 балла)	31,4	Редко (ответ 3)	35,8
Очень сплоченные (5 баллов)	52,8	Бесконфликтные (1 балл)	42,0	Нет ссор и скандалов (ответы 4, 5)	47,8
Затруднились ответить	4,5	Затруднились ответить	14,5	Затруднились ответить	0,0
Всего	100	Всего	100	Всего	100
Средний балл	4,36	Средний балл	2,02	Средний балл****	2,29

* Формулировка вопроса: «Постарайтесь оценить свои взаимоотношения с супругом(ой) по пятибалльной шкале, где 1 означает разобщенность, а 5 – сплоченность».

** Формулировка вопроса: «Приходится ли Вам и Вашей семье сталкиваться со следующими проблемами: конфликтные отношения с супругом (ой)?» (Оцените по пятибалльной шкале, где 1 – «она практически не имеет никакого значения», а 5 – «имеет очень большое значение»)

*** Формулировка вопроса: «Бывают ли в Вашей семье крупные ссоры и скандалы?» (ответы: 1 – «часто», 2 – «время от времени», 3 – «редко», 4 – «практически никогда», 5 – «раньше были, теперь нет»). Нельзя признать данную шкалу хорошей в полной мере, поскольку в смысловом отношении плохо различаются варианты «редко» и «время от времени». Кроме того, варианты ответов сформированы не на единой основе. Вариант «раньше были, теперь нет» оценивает наличие/отсутствие конфликтов во времени, на протяжении супружеской жизни, а остальные варианты ответов относятся к настоящему времени.

**** Для расчета среднего балла номинальная шкала переведена в пятибалльную прямую шкалу: «да, часто» – 5 баллов; «да, время от времени» – 4 балла; «редко» – 3 балла; «раньше были, сейчас нет» – 2 балла; «практически никогда не бывает» – 1 балл. Источник: исследование «Демографическое самочувствие России», 2020.

Таблица 2. Оценки супружеских/семейных отношений в социально-демографических группах, средний балл по пятибалльной шкале

Критерии оценок отношений	По всей подвыборке	Пол		Возраст, лет				Образование*			Место жительства	
		муж.	жен.	до 25	26–35	36–45	46–49	1 гр.	2 гр.	3 гр.	город	село
Сплоченность/разобщенность	4,36	4,23	4,31	4,43	4,31	4,24	2,22	4,34	4,21	4,27	4,24	4,37
Конфликты	2,02	2,10	2,03	2,02	2,00	2,02	2,17	2,14	2,14	2,02	2,08	2,13
Крупные ссоры и скандалы	2,29	2,29	2,28	2,23	2,16	2,41	2,38	2,32	2,36	2,27	2,31	2,34

* 1 группа – начальное профессиональное и ниже; 2 группа – среднее специальное; 3 группа – высшее и незаконченное высшее образование.
Источник: исследование «Демографическое самочувствие России», 2020.

лучше оценивают свои отношения, с возрастом оценки сплоченности, конфликтности, ссор и скандалов ухудшаются. Не прослеживается четкой прямой зависимости оценок от уровня образования, но все же респонденты с незаконченным высшим и высшим образованием реже указывали на наличие в семье крупных ссор и скандалов, конфликтов с супругом. Сельские жители имеют в среднем более сплоченные отношения, но чаще сообщают о конфликтах в супружеских отношениях, крупных семейных ссорах и скандалах. Различий в оценках у верующих и неверующих не обнаружено.

В ходе анализа оценок отношений в семьях с разным типом власти выявлено, что семьи с традиционным распределением власти (глава – муж) более сплоченные, наименее конфликтные, в них меньше случаев крупных ссор и скандалов (табл. 3). В парах, где главой становится жена, наиболее высока конфликтность отношений и хуже обстоят дела по кри-

терию «наличие крупных ссор и скандалов». Возможно, такие данные могут объясняться через связь с выполнением мужем роли основного кормильца и экономическим положением семьи. В парах, где муж эффективно выполняет традиционную роль и удовлетворяются запросы на доходы, признается его позиция главы семьи и лучше складываются семейные отношения.

Отчасти это подтверждают связи двух переменных – оценок отношений и оценок условий жизни семьи (табл. 4). Группа с очень хорошими условиями жизни (оценены в 8–10 баллов) выделяется и лучшими оценками супружеских отношений (сплоченность/разобщенность – 4,61 балла; конфликты – 1,86 балла; ссоры и скандалы – 2,08 балла). В двух других группах, с плохими (1–4 балла) и средними условиями жизни (5–7 баллов) средние оценки отношений ниже, имеется прямая положительная зависимость со всеми переменными отношений.

Таблица 3. Оценки супружеских отношений в семьях с разным распределением власти, средний балл по пятибалльной шкале

Ответы на вопрос «Кто является главой семьи?»*	По всей подвыборке, %	Оценки супружеских отношений		
		Сплоченность/разобщенность супругов	Конфликты с супругом/ой	Крупные ссоры и скандалы в семье
Муж	55,0	4,47	1,99	2,21
Жена	12,6	4,20	2,15	2,48
Главы семьи нет	16,5	4,27	2,02	2,32
Всего**	100	4,36	2,02	2,29

* Также были представлены варианты «другой член семьи» и «кто-то другой» (3,3%), «затрудняюсь ответить» (12,6%).
 ** С учетом приведенных в предыдущем пункте вариантов.
 Источник: исследование «Демографическое самочувствие России», 2020.

Таблица 4. Оценки супружеских отношений в зависимости от оценок условий жизни, средний балл по пятибалльной шкале

Оценки супружеских отношений	По всей подвыборке	Оценки условий жизни семьи*		
		Низкие оценки (1–4 балла)	Средние оценки (5–7 баллов)	Высокие оценки (8–10 баллов)
Сплоченность/разобщенность	4,36	3,84	4,23	4,61
Конфликты	2,02	2,58	2,00	1,86
Крупные ссоры и скандалы	2,29	2,76	2,35	2,08
Доля групп, %	100	10,01	45,8	44,1

* Формулировка вопроса: «Если использовать шкалу оценки условий жизни Вашей семьи в целом от 1 до 10 баллов, то оцените, пожалуйста, ваши условия жизни».
 Источник: исследование «Демографическое самочувствие России», 2020.

Аналогичные тенденции распределения средних оценок обнаруживаются в семьях с разной моделью управления бюджетом семьи (табл. 5). В исследованных парах наиболее распространено совместное управление бюджетом (более двух третей семей). Реже практикуется управление только одним супругом, женой или мужем (суммарно – каждая пятая-шестая пара). Еще реже имеется так называемое раздельное управление (каждая одиннадцатая пара), когда муж и жена самостоятельно распоряжаются своими собственными доходами, но могут объединять их для осуществления крупных семейных трат или договариваться, за какие общесемейные расходы отвечает каждый из супругов.

В супружеских парах, где семейным бюджетом оба супруга управляют совместно, наиболее сплоченные отношения, самая низкая конфликтность и почти не возникают ссоры и скандалы. Для пар с раздельным управлением бюджетом характерны самые разобщенные отношения, для женского управления – самые конфликтные, а для мужского – крупные ссоры и скандалы в семье.

Оценки характера отношений с супругом/супругой и репродуктивные установки на число детей и намерение иметь ребенка. Анализ связи установок на число детей и оценок отношений между супругами по шкале «сплоченные/разобщенные» показал, что фактор, который мы обозначаем как «характер супружеских отношений», отчасти оказывает влияние на формирование желания иметь детей и планы по их рождению (табл. 6). В группе, в которой супруги охарактеризовали свои отношения как очень сплоченные, самые высокие показатели желаемого и ожидаемого числа детей, в двух других группах, с худшими оценками отношений, число детей ниже. Зависимость среднего желаемого и ожидаемого чисел детей от оценок конфликтности не столь очевидна: нельзя сказать, что ухудшение оценок последовательно ведет к их снижению и наоборот.

Отчасти неожиданные данные получены в супружеских парах, различающихся по критерию «ссоры и скандалы». В группе, где их нет – самые низкие установки на детей, в группе, где ссоры и скандалы редкое явление, – самые

Таблица 5. Оценки супружеских отношений в семьях с разными моделями распределения бюджета, средний балл по пятибалльной шкале

Ответы на вопрос «Кто управляет доходами и расходами семьи?»	Во всей подвыборке, %	Оценки супружеских отношений		
		Сплоченность/разобщенность супругов	Конфликты с супругом/ой	Крупные ссоры и скандалы в семье
Совместно	73,0	4,48	1,93	2,20
Муж	9,5	4,09	2,21	2,57
Жена	7,9	4,13	2,33	2,55
Раздельно	9,0	3,95	2,14	2,52
Всего	100*	4,36	2,02	2,29

* Сумма составляет 100% с учетом других ответов (0,6%).
Источник: исследование «Демографическое самочувствие России», 2020.

Таблица 6. Среднее желаемое и ожидаемое число детей в зависимости от оценок супружеских отношений

	Все	Разобщенность/сплоченность*			Конфликтность супружеских отношений**			Ссоры и скандалы в семье***		
		1 гр.	2 гр.	3 гр.	1 гр.	2 гр.	3 гр.	1 гр.	2 гр.	3 гр.
Желаемое	2,47	2,43	2,50	2,52	2,50	2,46	2,48	2,46	2,56	2,40
Ожидаемое	2,06	2,02	1,98	2,13	2,05	2,06	2,06	2,06	2,10	2,00

Примечание: Первые группы – с наихудшими оценками, вторые группы – со средними оценками, третьи группы – с наилучшими оценками.
* 1 группа – «разобщенные», 2 группа – «отчасти сплоченные»; 3 группа – «очень сплоченные».
** 1 группа – «конфликтные», 2 группа – «отчасти конфликтные», 3 группа – «бесконфликтные».
*** 1 группа – «часто и время от времени», 2 группа – «редко», 3 группа – «нет ссор и скандалов».
Источник: исследование «Демографическое самочувствие России», 2020.

высокие установки, группа, где ссоры и скандалы случаются часто, занимает промежуточное положение по показателям (см. табл. 6). Объяснение, возможно, кроется в формулировке вопроса. Согласно ей, респондент должен был оценивать отношения в семье в целом, а не супружеские отношения. Субъектами острых конфликтов в семье являются не только мужья и жены, но и дети, представители расширенной семьи. А возможно и другое объяснение: это свидетельство того, что пары с неблагоприятной обстановкой в семье рассматривают рождение ребенка как способ ее стабилизации, улучшения.

Ранее исследователями были получены неожиданные и близкие к описанным выше данные о связи некоторых показателей супружеских отношений с желаемым и ожидаемым числом детей (Архангельский, 2006, с. 182–186), был сделан вывод о том, что «нынешняя оценка брака, вероятно, в большей степени влияет не на общее (включая имеющихся) ожидаемое число детей, а на то, сколько человек еще собирается иметь детей в дальнейшем». Поэтому нами были проверены связи оценок отношений с намерениями иметь не *все* детей, а *еще* ребенка (любой очередности: первого, если нет детей, или еще одного, если есть ребенок или дети). В этом случае обнаружилась прямая положительная связь: ухудшение оценок отношений по всем критериям влечет снижение доли намеревающихся иметь ребенка, а улучшение оценок сопровождается ее увеличением (табл. 7). Все это говорит в пользу того, что именно негативная семейная атмосфера со ссорами и скандалами, разобщен-

ными, конфликтными отношениями супругов является определяющей или, по крайней мере, находится в числе определяющих причин отказа от рождения ребенка.

Намерение иметь еще ребенка больше проявляется в семьях, в которых главой выступает муж (собираются – 31,4%, не собираются – 42,9%, затруднились с ответом – 19,4%), и в парах, где нет главы (собираются – 27,4%, не собираются – 50,7%, затруднились с ответом – 21,9%). Пары с женским главенством сильно уступают этим двум группам (собираются – 17,9%, не собираются – 58,7%, затруднились – 23,5%).

Влияние позиции второго супруга по вопросам рождения детей на репродуктивные мотивы. Как было отмечено выше, опрос показал наличие разницы между желаемым и ожидаемым числом детей: в среднем респонденты планируют родить меньше детей, чем хотелось бы. Основными причинами этого, имеющими высокую степень значимости (5 баллов), являются социально-экономические: неуверенность в завтрашнем дне, материальные трудности, жилищные трудности, отсутствие работы и невозможность присмотра за родившимся ребенком при выходе на работу женщины. Указанные причины в общей выборке имеют значение («очень мешают» и «мешают» планировать родить желаемое число детей) практически для каждого второго опрошенного. Фактор влияния второго супруга, оказался в самом конце списка: только 6,9% указали на нежелание мужа/жены иметь столько детей, сколько хотелось бы респонденту (табл. 8).

Таблица 7. Намерение иметь первого и/или еще ребенка* в зависимости от оценок супружеских отношений, %

Вариант ответа	Все	Разобщенность/сплоченность			Конфликтность супружеских отношений			Ссоры и скандалы в семье		
		1 гр.	2 гр.	3 гр.	1 гр.	2 гр.	3 гр.	1 гр.	2 гр.	3 гр.
Да	28,4	21,0	25,2	32,5	25,1	30,4	38,0	20,3	28,1	31,2
Нет	49,7	54,3	52,8	46,5	57,9	50,9	44,6	61,4	49,9	47,0
Трудно сказать	21,9	24,7	22,0	21,0	17,0	18,7	24,6	18,3	22,5	21,8
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

* Формулировка вопроса: «Собираетесь ли Вы иметь ребенка, первого, если у Вас нет детей, или еще одного?» Первые группы – с наихудшими оценками, вторые группы – со средними оценками и третьи группы – с наилучшими оценками. Подробное обозначение групп см. в примечании к табл. 6.
Источник: исследование «Демографическое самочувствие России», 2020.

Таблица 8. Ответы о влиянии позиции второго супруга на принятие решений о рождении детей, по всей подвыборке

Вариант ответа	Среднее по пятибалльной шкале	Место в иерархии всех ответов по среднему баллу	% выборов 5 баллов
Если бы Вы хотели иметь большее число детей, чем собираетесь, то что и в какой степени мешает лично Вам иметь желаемое число детей?*			
Нежелание мужа/жены	2,10	16	6,9
В какой степени Ваше желание отложить рождение ребенка связано со следующими причинами? **			
Муж (жена) пока хочет подождать с рождением ребенка	2,93	5	19,5
В какой степени рождение Вашего второго ребенка было или может быть (если его пока нет, но Вы собираетесь его иметь) обусловлено следующими причинами? ***			
Сильное желание супруга(и) иметь второго ребенка	3,18	3	30,0
В какой степени рождение Вашего третьего ребенка было или может быть (если его пока нет, но Вы собираетесь его иметь) обусловлено следующими причинами? ****			
Сильное желание супруга(и) иметь третьего ребенка	2,45	6	17,5
* Вопрос предусматривал оценку значимости для респондента 20 причин. ** Вопрос предусматривал оценку значимости 18 мотивов. *** Вопрос предусматривал оценку значимости 14 мотивов. **** Вопрос предусматривал оценку значимости 13 мотивов. Источник: исследование «Демографическое самочувствие России», 2020.			

Гораздо более сильно позиция второго супруга влияет на мотивацию откладывания рождения ребенка и мотивацию рождения вторых и третьих детей. Ответ «муж/жена пока хочет подождать с рождением ребенка» вошел в пять наиболее значимых причин откладывания рождения (2,93 балла, 19,5% выборов 5 баллов) наряду с такими причинами, как необходимость вложений в рожденного ребенка («воспитание ребенка является достаточно трудным делом, требует много сил и времени»); оценка имеющейся работы как недостаточно оплачиваемой, чтобы иметь ребенка («необходимо найти более оплачиваемую работу»); желание пожить свободно, без забот о ребенке («хочется хоть какое-то время пожить для себя»); недостаточность материальных условий для рождения и воспитания ребенка («пока не позволяют материальные возможности»).

Среди мотивов рождения второго ребенка ответ «сильное желание супруга(и)» оказался в числе первых пяти значимых (среднее – 3,18 балла, 3 место, 30,0% выборов 5 баллов) наряду с желанием дать уже имеющемуся ребенку брата/сестру («чтобы имеющийся ребенок не чувствовал себя одиноким»), желанием иметь ребенка другого пола, иметь снова маленького ребенка и укрепить семью. Сильное желание

супруга(и) находится и среди шести наиболее значимых мотивов рождения третьего ребенка (среднее – 2,45 балла, 6 место, 17,5% выборов 5 баллов).

Таким образом, состоявшиеся рождения вторых и третьих детей (реализованные репродуктивные решения), а также планы на будущее относительно их рождения во многом обусловлены позицией второго супруга.

Для того чтобы понять, насколько важна и учитывается позиция второго супруга по вопросу рождения ребенка в парах с благоприятными и неблагоприятными отношениями, проводился расчет средних оценок значимости мотивов откладывания рождения ребенка и мотивов рождения второго и третьего ребенка в группах с различающимися характеристиками супружеских отношений. Получены интересные результаты, подтверждающие проверяемую гипотезу о влиянии характера супружеских отношений на репродуктивные мотивы. Мотив «муж/жена хочет подождать с рождением ребенка» наиболее значим у респондентов, которые оценивают отношения с супругом как сплоченные, без крупных ссор и скандалов, что свидетельствует в пользу стремления супругов в таких парах учитывать мнение другого партнера и принимать согласованные решения. Такой мотив имеет

наиболее высокую значимость и для тех, кто проблему конфликтов с мужем/женой оценил как очень важную для своей пары (по сравнению с теми, кто говорит о ней как отчасти важной и совершенно не важной). В этом случае откладывание рождения ребенка явно обусловлено не очень благоприятными отношениями.

Сильное желание супруга иметь второго ребенка как мотив рождения наиболее значим для респондентов со средними и низкими оценками конфликтности супружеских отношений, для очень сплоченных супругов, а также семей, в которых крупные ссоры и скандалы случаются редко или их вообще не бывает. В обосновании рождения третьего ребенка мотив «сильное желание супруга/и» аналогичным образом связан с фактором «характер супружеских отношений» по двум критериям («супружеские конфликты», «крупные ссоры и скандалы»). Самую высокую значимость данного мотива демонстрируют разобщенные супруги. Возможно, последнее свидетельствует о том, что третьего ребенка часто рассматривают как призванного укреплять брак⁴.

В ходе опроса респондентам предлагалось оценить вероятность рождения первого или еще одного ребенка в ближайшие 3–4 года в двух ситуациях: если не будут введены новые дополнительные государственные меры поддержки семьи и если такие меры будут введе-

ны. По ответам на вопрос можно составить прогноз рождаемости в краткосрочной перспективе. Вероятность рождения в отсутствие каких-либо новых мер поддержки очень низкая – 2,91 балла из 10 (табл. 9). Каждый второй (50,2%) оценил вероятность как нулевую, только каждый десятый (10,6%) совершенно уверен (10 баллов), что ребенок родится. В ситуации введения новых мер вероятность рождения детей тоже низкая, но она составляет уже 3,83 балла. При этом нулевую вероятность имеют 43,4%, а 17,6% совершенно уверены (10 баллов), что ребенок родится обязательно.

На фоне крайне низких общих оценок вероятности рождения детей при отсутствии новых государственных мер поддержки семьи все же заметна тенденция к росту вероятности с улучшением оценок отношений по всем критериям. Еще более явный рост вероятности наблюдается в ответах на вопрос о возможности рождения ребенка при условии введения новых мер поддержки семьи. Особенно последовательно он происходит в зависимости от оценок сплоченности/разобщенности (3,32, 3,82 и 4,05 балла) и конфликтности супружеских отношений (3,72, 3,92 и 4,10 балла). Таким образом, в ближайшей перспективе наиболее вероятно, что именно семьи с более благоприятными супружескими и семейными отношениями могут принять решение о рождении детей.

Таблица 9. Оценки вероятности рождения ребенка в ближайшие 3–4 года* в зависимости от оценок супружеских отношений, средний балл по 10-балльной шкале

Государственные меры помощи семьям	Все	Разобщенность/сплоченность			Конфликтность супружеских отношений			Ссоры и скандалы в семье		
		1 гр.	2 гр.	3 гр.	1 гр.	2 гр.	3 гр.	1 гр.	2 гр.	3 гр.
Без новых мер	2,91	2,24	2,49	3,29	2,98	3,04	2,97	2,12	2,94	3,04
С новыми мерами	3,83	3,32	3,82	4,05	3,72	3,92	4,10	2,93	4,05	3,97

*Формулировка вопроса: «Оцените для себя вероятность рождения ребенка в ближайшие 3–4 года (первого, если у вас нет детей, или еще одного), если: а) не будет новых дополнительных мер помощи семьям; б) если будут какие-нибудь дополнительные к ныне действующим меры помощи семьям». Оценка давалась по 10-балльной шкале, где 0 означает, что «рождения ребенка не будет», 10 – «рождение случится почти наверняка».

Первые группы – с наихудшими оценками, вторые группы – со средними оценками, третьи группы – с наилучшими оценками.

Подробное обозначение групп см. в примечании к табл. 6.

Источник: исследование «Демографическое самочувствие России», 2020.

⁴ В перечень ответов на вопрос о мотивах рождения третьего ребенка не был включен вариант ответа «желание укрепить брак, семью». Данный мотив был включен в перечень 14 вариантов ответа на вопрос о мотивах рождения второго ребенка. Как отмечалось выше, он оказался в числе пяти наиболее значимых мотивов.

Выводы и направления исследований

Изучение различных аспектов влияния второго супруга на репродуктивное поведение супружеской пары является актуальной задачей. Оно нацеливает рассматривать репродуктивное поведение людей, состоящих в супружеских отношениях, как групповое поведение. Большинство имеющихся данных говорит о том, что такое влияние имеется. Однако есть и результаты, указывающие на то, что связи не столь однозначны, не всегда обнаруживается прямая положительная зависимость. Остается еще много вопросов, которые необходимо поставить в будущих исследованиях, включая вопросы методики, касающиеся измерений и выбора адекватных переменных.

В ходе предпринятого нами анализа были проверены две гипотезы о взаимосвязи оценок характера супружеских отношений с репродуктивными установками, намерениями и мотивами. Первая гипотеза частично подтвердилась. Сплоченные пары, без конфликтов, чаще общаются о намерениях родить ребенка, чаще дают положительный прогноз на рождение ребенка в ближайшие 3–4 года, особенно если будут введены новые меры помощи семьям с детьми. Наиболее вероятно, что семьи с более благоприятными отношениями могут принять решение о рождении детей. Разобщенность, конфликтность влекут за собой снижение показателей, пары с такими отношениями хуже оценивают свои перспективы в ближайшие годы родить ребенка и намного реже других намереваются родить еще одного ребенка.

Относительно второй гипотезы отметим, что не доказана однозначная и прямая зависимость между позицией второго супруга по

вопросам рождения детей и характером супружеских отношений. Полученные данные также свидетельствуют, что традиционная властная модель супружеских отношений (муж — глава семьи) не только остается распространенной (по крайней мере, на уровне утверждений о том, что мужчина выполняет такую роль), но и положительно сопряжена с репродуктивными намерениями.

Наши возможности ограничены отсутствием в инструментарии других переменных, позволяющих отследить влияние второго супруга в иных аспектах. Переменные, говорящие о гендерном разделении домашних хозяйственных труда, вовлеченности мужей в домашнюю работу и особенно в воспитание детей, социально-демографических характеристиках мужа и жены, новые индикаторы характера супружеских отношений, которые использовались ранее (например, мысли о разводе) и не использовались (например, индикаторы насилия в семье, эмоционально-психологических и поведенческих реакций на рождение детей), сбор информации от обоих или об обоих супругах помогли бы дать всестороннюю оценку. Именно в этих направлениях возможен дальнейший анализ, который принесет новые результаты и возможность их сравнения с имеющимися.

Полученные выводы свидетельствуют в пользу значимости деятельности, направленной на гармонизацию супружеских и семейных отношений (например, по развитию консультационных психологических услуг для супружеских пар), снижение влияния социальных и социально-экономических факторов откладывания рождения детей и дальнейшее развитие мер социально-демографической политики.

Литература

- Архангельский В.Н. (2006). Факторы рождаемости. М.: ТЕИС. 399 с.
- Архангельский В.Н., Ростовская Т.К., Васильева Е.Н. (2021). Влияние уровня жизни на репродуктивное поведение россиян: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. Спец. вып. С. 3–24. DOI: 10.21064/WinRS.2021.0
- Архангельский В.Н., Шульгин С.Г., Зинькина Ю.В. (2020). Репродуктивное поведение российских женщин в зависимости от образовательного статуса // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 20. № 3. С. 546–559.
- Баймурзина Г.Р., Васильева Е.Н. (2021). Современная российская семья: факторы формирования моделей репродуктивного и брачного поведения // Социальное пространство. Т. 4. № 4. DOI: 10.15838/sa.2021.4.31

- Бальбо Н., Биллари К.Ф., Милс М. (2017). Рождаемость в развитых странах: обзор исследований // Демографическое обозрение. Т. 4. № 2. С. 133–195.
- Бурханова Ф.Б., Мухамадиева Р.Р. (2020). Установки на число детей у башкир, состоящих в мононациональных и межнациональных браках // Демографические чтения (Вызовы и тенденции демографического развития России и ее регионов): сб. статей Всерос. науч.-практ. конф. (Уфа, 22 мая 2020 г.) / под ред. Г.Ф. Хилажевой, Р.Н. Комлевой. Уфа: Гилем, Башк. энцикл. С. 17–22.
- Гудкова Т. (2019). Репродуктивные намерения россиян: мотивация и сдерживающие факторы // Демографическое обозрение. Т. 6. № 4. С. 83–103.
- Гурко Т.А. (2014). Репродуктивные планы супругов // Социологические исследования. № 9. С. 77–85.
- Захаров С.В., Чурилова Е.В., Агаджанян В.С. (2016). Рождаемость в повторных союзах в России: позволяет ли вступление в новый супружеский союз достичь идеала двухдетной семьи? // Демографическое обозрение. Т. 3. № 1. С. 35–51.
- Макаренцева А.О., Галиева Н.И., Рогозин Д.М. (2021). (Не) желание иметь детей в зеркале опросов населения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 4. С. 492–515. DOI: 10.14515/monitoring.2021.4.1871
- Назарова И.Б., Зеленская М.П. (2017). Исследование репродуктивных установок студенческой молодежи: ценностный аспект (обзорная статья) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Т. 17. № 4. С. 555–567. DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-555-567
- Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Архангельский В.Н. [и др.] (2021). Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2020 / отв. ред. Т.К. Ростовская, А.А. Шабунова; ФНИСЦ РАН. М.: Перспектива. 214 с. DOI: 10.38085/978-5-905790-49-2-2020-1-210
- Синельников А.Б. Трансформация брака и рождаемость в России (2019) // Народонаселение. № 2. С. 27–39. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00013
- Тындик А.О. (2012). Репродуктивные установки и их реализация в современной России // Журнал исследований социальной политики. № 10 (3). С. 361–376.
- Чурилова Е., Захаров С. (2019). Репродуктивные установки населения России: есть ли повод для оптимизма? // Вестник общественного мнения. № 2 (129). С. 69–89.
- Guzzo K.B. (2014). New partners, more kids: Multiple-partner fertility in the United States. *Ann Am Acad Pol Soc Sci*, 654(1), 66–86. DOI: 10.1177/0002716214525571
- Miller W.B., Severy L.J., Pasta D.J. (2004). A framework for modelling fertility motivation in couples. *Population Studies*, 58(2), 193–205.
- Myers S.M. (1997). Marital uncertainty and childbearing. *Social Forces*, 75(4), 1271–1289. DOI: 10.2307/2580671
- Testa M.R., Cavalli L., Rosina A. (2012). The decision of whether to have a child: Does couple disagreement matter? *Vienna Institute of Demography Working Papers*, No. 7/2012. Available at: <http://hdl.handle.net/10419/96990>
- Thomson E., Hoem J.M. (1998). Couple childbearing plans and births in Sweden. *Demography*, 35(3), 315–322.
- Thomson E., Lappegard T., Carlson M., Evans A., Gray E. (2014). Childbearing across partnerships in Australia, the United States, Norway, and Sweden. *Demography*, 51, 485–508. DOI: 10.1007/s13524-013-0273-6
- Vikat A., Thomson E., Hoem J.M. (1999). Stepfamily fertility in contemporary Sweden: The impact of childbearing before the current union. *Population Studies*, 53(2), 211–225.

Сведения об авторах

Флюра Булатовна Бурханова – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Лаборатория региональных исследований качества жизни, Институт социологии ФНИСЦ РАН (450005, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. 50-летия Октября, д. 20/1; e-mail: burhanova.flura@mail.ru)

Гузель Римовна Баймурзина – кандидат экономических наук, руководитель, Лаборатория региональных исследований качества жизни, Институт социологии ФНИСЦ РАН (450005, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. 50-летия Октября, д. 20/1; e-mail: guzrim@mail.ru)

Burkhanova F.B., Baimurzina G.R.

Influence of the Spouse on Reproductive Attitudes and Motives

Abstract. As a micro-level factor, the spouses or partners influence each other's reproductive intentions, motives, and decisions. This article examines only two areas of influence from a possible spectrum, namely the impact of the nature of the relationship and the other spouse's position on having children. The empirical basis is the opinion poll "Demographic well-being of Russia", conducted in 2020 in 10 regions, including Moscow. Respondents, both officially married and being in cohabiting relationship, aged up to 49 years old inclusive (2,776 people) participated in the survey. According to the evaluations of relationships using the criteria of "cohesion", "conflicts", and "big quarrels and scandals", respondents were divided into three groups: the worst (12–16%), average (29–36%), and best (42–53%) evaluations. The most favorable relations are typical of families with a traditional power structure (husband is head of the family), joint management of income (husband and wife make decisions together), better living conditions, and younger age of the spouses. We found that an improvement in relationship estimates was accompanied by an increase in the proportion of those intending to have a child, while a deterioration in the estimates was accompanied by a decrease in the proportion of those intending to have a child. The groups with the most cohesive, conflict-free relationships are the most likely to have children in the coming years, and it increases if new family support measures are introduced. In postponing the birth of children of different order, as well as in planning their birth, the position of the other spouse or partner (the desire to postpone having a child or the intention to have one) is one of the most significant motives of reproductive behavior. The importance of motives is conditioned by both favorable and unfavorable relations in families. The results of the study actualize one of the directions of state socio-demographic and family policy – activities to harmonize marital and family relationships and to reduce the influence of a range of factors complicating these relationships, which can have a positive impact on the decision to have children.

Key words: reproductive attitudes, reproductive intentions, reproductive motives, reproductive decisions, marriage, marital relationships, marital conflicts, adverse relationships, favorable relationships.

Information about the Authors

Flyura B. Burkhanova – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Chief Researcher, Laboratory for Regional Studies of the Quality of Life, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (20/1, 50-th Anniversary of October Street, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450005, Russian Federation; e-mail: burhanova.flura@mail.ru)

Guzel' R. Baimurzina – Candidate of Sciences (Economics), head, Laboratory for Regional Studies of the Quality of Life, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (20/1, 50th Anniversary of October Street, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450005, Russian Federation; e-mail: guzrim@mail.ru)

Статья поступила 20.12.2021.

Интересы Китая в индустриализации Южного Кавказа: сравнительный анализ производительности труда в обрабатывающей отрасли

Ибрахим НИФТИЕВ

Сегедский университет

Сегед, Венгрия

Азербайджанский государственный экономический университет

Баку, Азербайджан

e-mail: ibrahimniftiyev@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3437-9824; ResearcherID: AAW-3843-2021

Аннотация. Благодаря стратегическому расположению и относительно развитой экономике три страны Южного Кавказа, а именно Азербайджан, Армения и Грузия, сотрудничают с Китаем с 2015 года в целях повышения экономического роста. Китай инвестировал значительные средства, чтобы повысить производственный потенциал и интегрировать их в глобальные цепочки создания стоимости с его участием. Однако готовы ли эти страны начать сотрудничество с такими развитыми экономическими державами, как Китай? Для ответа на указанный вопрос в данной работе объединяются общие тенденции в совокупной и отраслевой производительности для оценки готовности Южного Кавказа к новому этапу индустриализации с использованием китайских инвестиций и проектов как новых и важных изменений в экономической жизни региона. В целом результаты исследования свидетельствуют о тенденции к снижению добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности стран Южного Кавказа. Хотя динамика развития вызывает опасения, прямые иностранные инвестиции Китая в инфраструктуру могут решить проблемы, связанные с недостаточной реализацией производственного потенциала на Южном Кавказе. В отличие от существующих работ, посвященных экономическому присутствию Китая на Южном Кавказе, в статье Азербайджан, Армения и Грузия рассматриваются как с внутрирегиональной, так и с межрегиональной точки зрения, в сравнении с Вишеградской группой и государствами Балтии. Такой подход позволяет рассматривать страны Южного

Для цитирования: Нифтиев И. (2022). Интересы Китая в индустриализации Южного Кавказа: сравнительный анализ производительности труда в обрабатывающей отрасли // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 2. С. 205–222. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.13

For citation: Niftiyev I. (2022). China's interests in the industrialization of the South Caucasus: Comparative analysis of labor productivity in the manufacturing sector. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(2), 205–222. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.13

Кавказа в контексте притока китайских прямых иностранных инвестиций, поскольку Южный Кавказ имеет схожие со странами Балтии и Вишеграда историю и перспективы. Результаты одновыборочного *t*-критерия показывают, что в среднем углубление капитала и совокупная производительность труда выше на Южном Кавказе, чем в Вишеградском и Балтийском регионах. Однако производительность труда в обрабатывающей промышленности на Южном Кавказе значительно ниже. Более того, оцененные размеры эффектов на уровне секторов, измеренные с помощью *eta*-квадрата, показали силу полученных различий. Результаты свидетельствуют о необходимости совершенствования экономических реформ и политики, для того чтобы не отставать от регионов, успешно интегрировавшихся в глобальные цепочки создания стоимости с помощью прямых иностранных инвестиций. В противном случае экономическое развитие при поддержке Китая может не справиться с задачей индустриализации Южного Кавказа, обманув тем самым убеждения и ожидания обеих сторон. Таким образом, необходимы дальнейшие исследования наряду с разработкой стратегий отраслевой политики для документирования проблем, связанных с ростом китайских проектов и прямых иностранных инвестиций на Южном Кавказе, с учетом специфики страны или региона.

Ключевые слова: Южный Кавказ, экономика Азербайджана, экономика Армении, экономика Грузии, производительность труда в обрабатывающей промышленности, индустриализация Южного Кавказа, стратегия «Один пояс – один путь».

Введение

Китай успешно интегрировался в мировую экономику путем проведения постепенных рыночных реформ, которые позволили ему преодолеть недостатки социалистической системы и шоковой терапии с конца 1980-х годов (Weber, 2021). Кроме того, как и другие развитые промышленные страны, Китай переключил свой экспорт с трудоемкой продукции на высокотехнологичную, став ценной частью глобальных производственных сетей (Athukorala, 2017). Будучи одной из самых быстрорастущих экономик, Китай тратит накопленные средства на инвестиции. Одним из направлений прямых иностранных инвестиций (ПИИ) Китая является регион Южного Кавказа, где такие проекты, как «Новый шелковый путь» (НШП) и инициатива «Один пояс – один путь» (ОПОП), направлены на расширение торговли и развитие инфраструктуры. Однако стоит ли инвестировать в Южный Кавказ?

Основной причиной интереса Китая к Южному Кавказу является тот факт, что коридор между Центральной Азией и Западной Азией проходит через такие страны, как Азербайджан и Грузия (Ismailov, Parava, 2018). Китай предлагает им значительные инвестиции в обмен на их сотрудничество; в свою очередь, страны Южного Кавказа рассматривают Китай как надежного экономического партнера. Действительно, китайские инвестиции могут быть очень выгод-

ными. Zhai зафиксировал эти преимущества в рамках инициативы «Один пояс – один путь» и за ее пределами (1,6 триллиона долларов США мирового прироста благосостояния составляет 1,3% мирового ВВП); однако страны, не входящие в ОПОП, в меньшей степени продемонстрировали успехи в двусторонней торговле (Zhai, 2018). Кроме того, Jain утверждает, что рост торговли Китая со странами, расположенными вдоль маршрутов ОПОП, свидетельствует о том, что Китай ищет альтернативных торговых партнеров в связи с недавней торговой войной с США (Jain, 2020). Такие изменения в мировой экономике из-за китайских экономических проектов побуждают регулярно изучать связанные с Китаем проекты на уровне страны и региона. Однако качественных работ по-прежнему мало, несмотря на постоянное увеличение количества статей, конференций и книг об ОПОП (Blanchard, 2021).

Вопросы, касающиеся производительности труда в обрабатывающей промышленности на Южном Кавказе, в международной литературе освещены недостаточно. Этот аспект экономики региона становится более значимым, когда такой иностранный партнер, как Китай, строит планы экспортно-ориентированного промышленного производства, связанного с Южным Кавказом. Таким образом, основные вопросы, исследуемые в настоящей работе, заключают-

ся в следующем: как страны Южного Кавказа, а именно Азербайджан, Грузия и Армения, могут извлечь выгоду из китайских проектов, направленных на повышение уровня индустриализации? Демонстрируют ли страны Южного Кавказа статистически значимую разницу с сопоставимыми регионами (т. е. странами Вишеградской группы и балтийскими государствами) по совокупной и производственной производительности? Насколько нам известно, в литературе пока не существует исследовательских работ, посвященных производительности труда в обрабатывающей промышленности на Южном Кавказе. Сравнительная перспектива для определения экономического потенциала региона в условиях роста объема китайских инвестиций и числа проектов повышает актуальность темы. Следовательно, цель исследования – описать экономические инициативы Китая на Южном Кавказе, оценить тенденции производительности труда и сравнить их с ситуацией в других постсоветских и постсоциалистических регионах, для того чтобы концептуализировать перспективы региона в условиях растущего участия Китая.

Для ответа на вышеупомянутые исследовательские вопросы в работе изучаются тенденции и закономерности в промышленной деятельности и совокупной и отраслевой производительности в производственном секторе стран Южного Кавказа. Кроме того, для проведения внутрирегиональных и межрегиональных сравнений анализируется статистика. Наконец, одновыборочный t-критерий предоставляет предварительные статистические доказательства существования различий между Южным Кавказом и европейскими регионами, такими как вишеградские и балтийские страны.

Установлено, что Азербайджан может извлечь выгоду из китайских инвестиций для стимулирования своего увядающего несырьевого производственного сектора. Грузия фокусируется на развитии транспорта и логистики для удовлетворения потребностей Китая в сотрудничестве между Востоком и Западом. Между тем Армения, из-за своего сложного географического положения, может быть косвенно вовлечена в такие проекты, как ОПОП. Более того, совокупная производительность труда на Южном Кавказе значительно ниже, чем в странах Вишеградской группы, но выше, чем в

государствах Прибалтики. Однако отраслевая производительность труда в производственном секторе на Южном Кавказе значительно ниже, чем в других регионах. Таким образом, Южному Кавказу есть чему поучиться у вишеградских стран – реципиентов ПИИ и стран Балтийского региона, где рост происходит за счет сферы услуг.

Хотя в ряде работ предпринимались попытки проанализировать экономику Южного Кавказа как в целом, так и по отдельным странам, сравнительного статистического анализа производительности труда на Южном Кавказе не проводилось. Такой анализ стал бы существенным вкладом в современное понимание региона, поскольку он всегда является горячей точкой геополитических, политических и экономических событий. Растущее участие Китая усиливает необходимость дальнейшего изучения экономики Южного Кавказа. Таким образом, работа вносит вклад в немногочисленную литературу по данной теме, а также выявляет значительные различия в производстве Южного Кавказа с точки зрения производительности труда с помощью такого инструмента статистического исследования, как одновыборочный t-критерий.

Интересы Китая на Южном Кавказе

После распада Советского Союза в 1991 году Южный Кавказ состоял из трех независимых стран: Азербайджан, Армения и Грузия. В первой половине 1990-х годов регион стал политически нестабильным, экономически и институционально неблагополучным и изобилует межэтническими конфликтами (Nixeu, 2010). Кроме того, в начале 1990-х годов отсутствие экономической и политической целостности препятствовало решению проблем хронической бедности, изоляции, большинства и меньшинств (Waal, 2012). Однако Южный Кавказ преодолел бедность в начале переходного периода до конца 2010 года (Aristei, Perugini, 2012).

Такие экономические проекты, как нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан и газопровод Баку – Тбилиси – Эрзурум, объединили Азербайджан, Грузию и Турцию, что позволило в короткие сроки наладить поток иностранной валюты (Cornell, Ismailzade, 2005). Хотя все эти события происходили стремительно, все же Южный Кавказ после переходного периода сумел противостоять экономическим вызовам

(например, низким доходам и деиндустриализации), а рост под руководством Китая обещает хорошие результаты после неудачных попыток экономического догоняющего развития стран региона. Благодаря своему оптимальному положению в качестве транзитного узла между Востоком, Западом и Ближним Востоком, Южный Кавказ обладает привлекательными экономическими возможностями. Таким образом, интерес Китая к Южному Кавказу объясняется наличием в регионе инфраструктуры, способствующей развитию экспорта, оптимальным местоположением и политической склонностью местных элит к диверсификации международных торговых партнеров.

С позиции Китая одним из главных инструментов интеграции с Западом является ОПОП. Данная стратегия включает в себя два проекта: «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) и «Морской Шелковый путь XXI века» (МШП) (Ge, 2016). Поскольку ОПОП охватывает Европу, Центральную Азию и Азиатско-Тихоокеанский регион, возрождение древних торговых путей в форме современной экономической интеграции и глубокого многостороннего партнерства открывает новые горизонты для стран-участниц, особенно для постпереходных и постсоветских развивающихся экономик (Ge, 2016). Приток китайских ПИИ послужил сигналом для развития инфраструктуры в развивающихся постсоветских странах, что позволит им снизить зависимость от России и других крупных мировых держав (например, США и стран Европейского союза). Однако существовали опасения, что эти страны попадут в новую зависимость, став сателлитами Китая для обеспечения его потребностей в сырье и транспорте. С одной стороны, китайские инвестиции в добычу природных ресурсов, сельское хозяйство, транспорт и коммуникации заполнили пробелы в экономике стран-реципиентов; с другой стороны, постсоветские государства были включены в планы развития, ориентированные на Китай, через такие проекты, как ОПОП и МШП.

Китай вложил значительные средства в инфраструктуру и упрощение процедур торговли, чтобы стимулировать внутреннюю сплоченность и развитие стран – участниц ОПОП. По мнению Schneider, основной причиной стало стремление подражать ранним стадиям раз-

вития крупных капиталистических держав (Schneider, 2021). Подобно тому, как телеграфные линии, железные дороги и каналы изменили современную мировую экономику, Китай стремился повторить этот план экспансии в западном стиле гораздо более современным способом. Страны Южного Кавказа уже развили свой инфраструктурный потенциал для поддержки необходимой внутренней и международной экономической деятельности, поэтому первые шаги Китая в рассматриваемом регионе носят ознакомительный характер. Однако предстоящие инвестиции могут иметь больший масштаб и более значительные амбиции в сфере развития ОПОП.

Чтобы получить максимальную выгоду от ОПОП, страны-партнеры должны сотрудничать друг с другом и с Китаем для преодоления таких проблем, как отсутствие инфраструктуры, институциональные пробелы, нехватка человеческого капитала и острая потребность в финансировании (Zhai, 2018). Более того, нынешний потенциал каждой страны может оказаться препятствием на пути превращения региона в интегрированный центр ПИИ, для того чтобы регион мог стать ценным, функциональным и надежным пунктом отправления китайского экспорта. В следующих разделах кратко рассматриваются контекстуальные события, связанные с расширением участия Китая на Южном Кавказе.

На страновом уровне интересы Китая в Азербайджане, Грузии и Армении различны. Эти различия могут пролить свет на настоящее и будущее состояние партнерства между Китаем и странами Южного Кавказа. Более того, все три государства имеют схожие проблемы в плане промышленной активности и производительности.

Азербайджан

Существует множество причин, по которым иностранные государства, включая Китай, стремятся расширить сотрудничество с Азербайджаном. В частности, инфраструктура Азербайджана представляет собой богатый набор логистических возможностей для партнерства между Востоком и Западом, поскольку в стране расположены шесть международных аэропортов, Бакинский грузовой терминал, Алятский торговый порт, Каспийская флотилия и железная дорога Баку – Тбилиси – Карс (Babayev,

Ismailzade, 2020). Кроме того, как утверждает Mammadova, Бакинский международный морской порт представляется привлекательным для китайских компаний, желающих еще больше увеличить объем международной торговли Китая¹.

Китай тоже проявляет повышенный интерес к международным проектам, инициированным Азербайджаном. Например, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) Китая инвестировал 600 миллионов долларов США в Трансанатолийский газопровод и обещал десятки миллионов долларов США Государственной нефтяной компании Азербайджанской Республики (Rolland, 2018).

Растущее участие Китая на территории Южного Кавказа в качестве основного источника ПИИ, которые дают финансовый импульс для развития промышленного потенциала, также широко обсуждалось в местных аналитических центрах². Например, недавние нефтяные инвестиции в Азербайджане были направлены на промышленный порт в Аляте (1,5 миллиарда долларов США), интегрированный сталелитейный завод в Гяндже (1,17 миллиарда долларов США) и шинный завод в Сумгаите (300 миллионов долларов США). Между тем, с 2017 года Азербайджан также инвестировал в Китай 1,7 млрд долларов США. Фактически интерес Азербайджана к китайским рынкам привел к созданию в 2017 году первого торгового дома, что позволило напрямую продвигать товары и анализировать возможности продаж. Приток китайских ПИИ в Азербайджан оценивается как новая возможность диверсифицировать нефтяное промышленное производство страны³.

Хотя в плане сотрудничества между Азербайджаном и Китаем многого уже удалось достигнуть, маршруты ОПОП и НШП также должны быть интегрированы с «Транскаспий-

ским международным транспортным маршрутом» для расширения перевозок между Востоком и Западом. С этой целью Азербайджан должен расширить партнерство с Китаем путем формирования межстрановых рабочих групп для увеличения предельных экономических выгод от будущего сотрудничества (Babayev, Ismailzade, 2020). Кроме того, избыток неиспользуемого капитала (Hasanli et al., 2021), низкая производительность (Onder, 2013) и недиверсифицированная структура экономики (Ahmadova et al., 2021; Guliyev, 2020) являются препятствиями для экономического благополучия и устойчивого развития.

Грузия

Благодаря своему выгодному географическому положению и реформированной экономике, Грузия является еще одной южнокавказской страной, привлекательной для иностранных инвесторов. Грузия предлагает дружественную бизнес-среду с низким уровнем коррупции, либеральной внешней торговлей, экономической свободой и стратегическим положением между Азией и Европой (Gigauri, Damenia, 2019).

Грузинские авторы воспринимают китайское участие на Южном Кавказе как позитивное развитие и новую экономическую перспективу. Ожидается, что ОПОП и НШП принесут новые возможности бедным регионам за счет создания рабочих мест, привлечения инвестиций, создания новых промышленных баз и улучшения транспортного сообщения (Gigauri, Damenia, 2019). Gigauri и Damenia рассматривают китайские инвестиции как возможность модернизации нынешнего промышленного потенциала региона Южного Кавказа путем импорта передовых технологий для повышения конкурентных преимуществ (Gigauri, Damenia, 2019).

Однако Gambino более пессимистичен в отношении того, как китайские инвестиции повлияют на баланс сил в Грузии (Gambino, 2019). Утверждение, что Грузия находится в центре геополитической конкуренции между Россией, Турцией, Китаем и Европейским союзом из-за своих транспортных возможностей, также поддерживают Van Dijk и Martens (Van Dijk, Martens, 2016). Kharaisvili et al. отметили низкий технический потенциал грузинских транспортных компаний, слабую законодатель-

¹ Mammadova L. (2019). Chinese CNEEC to build tire plant in Azerbaijan. Available at: <https://www.azernews.az/business/150089.html> (accessed: June 14, 2021).

² Mammadov M. Azerbaijan's membership in the EAEU: The Devil is in details. 2021. Available at: <https://top-center.org/en/reports/3112/azerbajjans-membership-in-the-eaeu-the-devil-is-in-details> (accessed: June 13, 2021).

³ Dilek Ş. Demirden İpek Yolu: Bakü-Tiflis-Kars demiryolu hattı [Silk Way out of Iron: Baku-Tbilisi-Kars Railroad]. 2017. URL: <https://www.setav.org/demirden-ipek-yolu-baku-tifliskars-demiryolu-hatti/> (accessed: June 14, 2021).

ную базу, медленное институциональное регулирование и высокие тарифы на перевозки (Kharaihvili et al., 2021). Более того, отсутствие государственной стратегии в области транспорта препятствует цифровизации и инновациям в инфраструктуре грузоперевозок.

Исследователи выражают особую озабоченность по поводу производительности труда в грузинской экономике. Например, Gambino упоминает о рисках, на которые пошла Грузия, согласившись участвовать в китайских экономических проектах (Gambino, 2019). Эти риски включают низкую производительность труда, наличие неквалифицированной и незанятой рабочей силы, недифференцированный экспорт и отстающую внутреннюю инфраструктуру; в результате устойчивость ставится под угрозу в пользу удовлетворения больших ожиданий как Китая, так и других стран – партнеров по ОПОП. Кроме того, промышленная политика в Грузии не претерпела достаточных изменений для достижения желаемых результатов (Diakonidze, 2016). После распада Советского Союза рынки труда и новые правила были введены вновь без существенных улучшений (Diakonidze, 2016).

Армения

Ввиду того, что Армения не имеет выхода к морю и имеет закрытые границы с Азербайджаном и Турцией, интересы Китая в этой стране скорее геополитические, чем экономические. Поэтому участие Армении в ОПОП может происходить в основном через инфраструктуру и торговлю, а не производство. Хотя это существенно ограничивает вклад Армении в китайские проекты, такие как ОПОП и МШП, она все еще может участвовать в них через быстрорастущий сектор информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), унаследованный со времен СССР (Gigauri, Damenia, 2019). ИКТ являются важнейшей частью современного производства, и быстрое превращение Армении в оживленный центр ИКТ становится перспективным для интеграции китайских проектов в глобальные цепочки добавленной стоимости (ГЦСС).

В Армении созданы свободные экономические зоны (СЭЗ), такие как Мегри, которые могут получить выгоду от инвестиций по линии ОПОП, наряду с автотрассой Мегри – Ереван – Бавра и планируемой железной дорогой по тому

же маршруту. Однако, как отметил Gambino, развитие автомобильных и железных дорог сопряжено с рядом логистических проблем (Gambino, 2019). Китайские компании, например Synohidro, уже приняли участие в завершении армянских инфраструктурных проектов, что свидетельствует о том, что внутренние возможности Армении по завершению стратегических проектов весьма ограничены.

Экономика Армении, как и Азербайджана и Грузии, страдает от низкого уровня производительности, неэффективности и нерационального распределения экономической деятельности (Nakobjanyan, Yeghiazaryan, 2016). Низкая производительность ограничивает основные усилия страны по развитию промышленной деятельности и улучшению ситуации с безработицей и бедностью (Valerio et al., 2015). Таким образом, есть все основания ожидать низкий вклад китайских инвестиций в общий процесс индустриализации в Армении, поскольку существуют естественные ограничения, обусловленные как национальной экономикой, так и географическим положением страны.

Данные и методология

Оценка прошлых тенденций для определения готовности к индустриализации под руководством Китая и предстоящей динамики совокупной и отраслевой производительности труда требует систематического, критического и сравнительного анализа стран Южного Кавказа. Аналитическая часть работы включает изучение объяснительных тенденций посредством систематического и сравнительного анализа динамики производства, в частности производительности труда на Южном Кавказе.

Основной источник информации для настоящего исследования включает совокупные и отраслевые данные о производительности труда (обрабатывающая промышленность) из отчета Всемирного банка о глобальной производительности, который был отредактирован Dieppe et al. (Dieppe et al., 2020). Набор данных охватывает совокупные и отраслевые уровни производительности труда по широкому кругу регионов и стран.

Однако Всемирный банк не имеет данных о производительности труда в Армении, как в реальном выражении, так и по паритету покупательной способности (ППС). Для получения соответствующих данных временно-

го ряда сначала была собрана информация о номинальной добавленной стоимости в производственном секторе из статистических ежегодников, опубликованных Статистическим комитетом Республики Армения⁴. Затем номинальная добавленная стоимость производственного сектора была конвертирована в текущие доллары США (обменный курс составлял 1 армянский драм за 0,0020 доллара США, на основании данных, предоставленных Центральным банком Армении на 16 июля 2021 года)⁵. Для приведения номинальных значений к реальным в расчеты введен индекс потребительских цен (ИПЦ; 2010 = 100%), предоставленный Всемирным банком⁶, с помощью уравнения (1). Наконец, была получена реальная производительность труда в Армении в период с 2001 по 2017 год, что позволило вычислить среднее региональное значение.

$$\begin{aligned} & \text{Реальная добавленная стоимость} \\ & \text{в обрабатывающей промышленности} = \\ & \frac{\text{Номинальная добавленная стоимость} \\ & \text{в обрабатывающей промышленности}}{\text{ИПЦ} / 100} \quad (1) \end{aligned}$$

В работе также приводится сравнение производительности труда на Южном Кавказе и в Вишеградском и Балтийском регионах, чтобы осветить возможные различия между постсоциалистическими и постсоветскими странами. Вишеградская группа (в основном она служит ориентиром) включает такие страны, как Венгрия, Польша, Чешская Республика и Словакия. Вишеградский регион способствовал притоку ПИИ, что сделало его одним из крупнейших реципиентов инвестиций (Éltető, Antalóczy, 2017), с которыми может столкнуться Южный Кавказ. Балтийский регион включает Латвию, Литву и Эстонию. Страны Балтии

также были частью Советского Союза и в настоящее время придерживаются экономической структуры, ориентированной на сферу услуг (Maksimtsev et al., 2017), что схоже с ситуацией на Южном Кавказе. Наконец, в анализе производительности труда по ППС использовался средний показатель по региону Южного Кавказа; он преимущественно основан на данных по Азербайджану и Грузии из-за ограниченной доступности данных по Армении.

Рассчитанные скользящие средние (СС) представляют собой средние значения за последние три года с 1997 по 2017 год. Например, СС, указанная в 2000 году, содержит средние значения 1997, 1998 и 1999 годов, а 2001 год включает 1998, 1999 и 2000 годы. Применение СС позволяет динамически сравнивать регионы друг с другом, а не использовать статический подход. Однако в наборе данных, касающихся реальной производительности труда (РПТ) и производительности труда (ПТ) по ППС за 2001 и 2002 годы, отсутствовали значения по Грузии. Они были заполнены с помощью функции Trend в Google Sheets (инструмент для работы с электронными таблицами), которая предсказала недостающие значения линейным способом на основе метода наименьших квадратов (т. е. линейной интерполяции).

Для анализа различий в совокупной и отраслевой производительности в странах Южного Кавказа, Вишеградской группы и Балтии применялся одновыборочный t-критерий. В *таблице 1* представлены описательная статистика и результаты теста на нормальность (Шапиро-Уилка) переменных (основной выборки или зависимой переменной), использованных в одновыборочном t-критерии. Основная выборка в статистическом анализе была протестирована на интересующие переменные. Затем выборка проверялась на соответствие конкретным тестовым значениям. Значения теста получены путем усреднения искомым переменных (например, углубление капитала и темпы роста производительности труда) либо для Вишеградского региона, либо для Балтийского региона. Использовалось программное обеспечение SPSS Statistics, версия 23.0.0.0 для операционной системы Mac (Mac OS).

⁴ Статистический комитет Республики Армения. URL: <https://armstat.am/en/> (дата обращения 01.07.2021).

⁵ Центральный банк Армении. Архив обменных курсов. URL: <https://www.cba.am/EN/SitePages/ExchangeArchive.aspx/> (дата обращения 16.07.2021).

⁶ Индекс потребительских цен (2010 = 100) – Армения. Всемирный банк. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/FP.CPI.TOTL?locations=AM> (дата обращения 16.07.2021).

Таблица 1. Описательная статистика для искомым переменных, использованных в одновыборочном t-критерии

Название переменной	Мин.	Макс.	Среднее	Ср. кв. откл.	Тест на нормальность Шапиро-Уилка
Углубление капитала, % вклада	-2,84	13,92	2,24	2,90	0,974
Производительность труда (ПТ), ВВП на одного занятого, в долларах США, цены и обменные курсы 2010 года	1799,41	12796,77	6468,28	3435,91	0,806***
Темпы роста производительности труда, %	-38,36	32,86	3,67	11,56	0,874***
Общая производительность факторов производства в логарифмической разнице, %	-51,54	24,13	0,50	12,08	0,800***
Реальная производительность труда, постоянные цены 2010 года, в тысячах (местная валюта)	5,17	29,36	12,89	7,06	0,958
Производительность труда, 2011 г. международный обменный курс по паритету покупательной способности (ППС), в тысячах долларов США	10,12	45,81	28,81	9,74	0,968

Примечание: Для краткости цифры были округлены до второго десятичного знака. Символы *, ** и *** указывают на статистическую значимость на 10%, 5% и 1% уровнях соответственно. Нулевая гипотеза для теста Шапиро-Уилка охватывает нормальное распределение переменных. Согласно визуализации графиков для данных (не приводятся здесь, но предоставляются по запросу), общая производительность факторов производства имеет шесть выпадающих значений, а темпы роста производительности труда – пять выпадающих значений.
Источник: составлено автором.

Однако следует отметить, что только углубление капитала, реальная производительность труда и производительность труда по ППС соответствовали основным предположениям одновыборочного t-критерия (табл. 2). Тем не менее

результаты для других переменных также были представлены, поэтому любые окончательные выводы относительно установления региональных расхождений на основе одновыборочного t-критерия должны быть тщательно проработаны.

Таблица 2. Сравнение результатов с основными предположениями для одновыборочного t-критерия

Название переменной	Уровень интервала или соотношения	Независимость	Значительные отклонения	Нормальное распределение
Углубление капитала, % вклада	Да	Да	Нет	Да
Производительность труда, валовой внутренний продукт на одного занятого, в долларах США, цены и обменные курсы 2010 года	Да	Да	Нет	Нет
Темпы роста производительности труда, %	Да	Да	Нет	Нет
Общая производительность факторов производства в логарифмической разнице, %	Да	Да	Да	Нет
Реальная производительность труда, постоянные цены 2010 года, в тысячах (местная валюта)	Да	Да	Да	Да
Производительность труда, 2011 г. международный обменный курс по паритету покупательной способности, в тысячах долларов США	Да	Да	Нет	Да

Источник: составлено автором на основе общих руководств по статистике IBM® SPSS®.

Наконец, как утверждает Pallant, для более убедительной и значимой интерпретации необходимо определить размер эффекта вычисленных различий (Pallant, 2010). Размер эффекта — это стандартизированная и объективная мера наблюдаемого эффекта (Gerald, 2018). Хотя существуют различные методы оценки размера эффекта (например, индекс d-Козна, коэффициент корреляции Пирсона и отношение шансов), более практичным является ета-квадрат (η^2), который можно рассчитать по следующей формуле (He, Lyles, 2008):

$$\eta^2 = \frac{1}{1 + \frac{n-1}{t^2}}, \quad (2)$$

где n — размер выборки, а t — расчетное значение t-критерия зависимой выборки (Gerald, 2018). Размер эффекта может быть небольшим (0,01), умеренным (0,06) или большим (0,14). В целом он колеблется между 0 и 1.

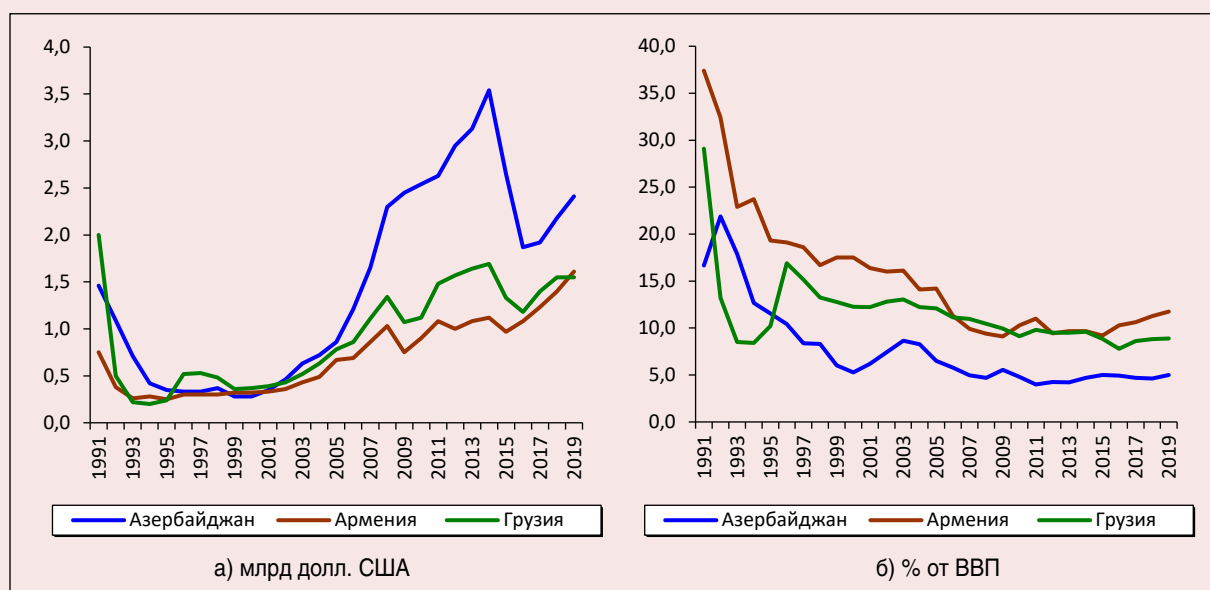
Результаты

Чтобы рассмотреть общее состояние производственного сектора на Южном Кавказе, полезно проанализировать динамику добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности. Хотя в Азербайджане и Грузии в пере-

ходный период (1991–2005 гг.) наблюдалась тенденция роста добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности, измеряемой в миллиардах долларов США (рис. 1а), общая доля добавленной стоимости обрабатывающей промышленности в ВВП ослабла после обретения независимости (рис. 1б). В Азербайджане доля добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности снизилась с 21,88% в 1992 году до 3,99% в 2011 году; в Грузии — с 16,9% в 1996 году до 7,79% в 2016 году. Между тем, данные по Армении показывают, что с 2016 года добавленная стоимость в обрабатывающей промышленности выросла как в текущих ценах, так и в доле ВВП; однако до этого момента Армения демонстрировала ту же динамику, что и Грузия и Азербайджан.

В таблице 3 представлены совокупные показатели производительности для Южного Кавказа в период с 1980 по 2018 год. Что касается углубления капитала, то в странах произошли заметные улучшения, в основном в 2005–2009 гг. Однако в Азербайджане в период с 2000 по 2004 год наблюдался более высокий уровень углубления капитала. Тем не менее общий средний показатель по региону снизился с 2010 года (до 1,70% с максимумов в 3,70% и 2,99%), с небольшим подъемом с 2015 по 2018 год (1,97%).

Рис. 1. Добавленная стоимость в обрабатывающей промышленности на Южном Кавказе, 1991–2019 гг.

Источники: *Economic structure, The Global Economy* (2021); *World Data Atlas, Knoema* (2021).

Таблица 3. Совокупные показатели производительности труда на Южном Кавказе, 1980–2018 гг.

		1980–1989	1990–1999	2000–2004	2005–2009	2010–2014	2015–2018
Углубление капитала, % вклада	<i>АЗЕР.</i>	1,72	0,63	8,70	2,36	3,18	1,83
	<i>АРМ.</i>	1,13	1,35	2,12	4,55	1,56	1,48
	<i>ГРУЗ.</i>	2,07	1,87	0,27	2,07	0,63	2,59
	<i>Ср.</i>	1,64	1,28	3,70	2,99	1,79	1,97
Производительность труда (ПТ), валовой внутренний продукт (ВВП) на одного занятого, в долларах США, цены и обменные курсы 2010 года	<i>АЗЕР.</i>	н.д.	3618,45	4117,16	7764,34	12226,62	12004,67
	<i>АРМ.</i>	н.д.	2505,40	4412,83	9395,68	8791,89	11786,58
	<i>ГРУЗ.</i>	7610,30	3750,48	4140,45	6529,44	8135,39	9390,43
	<i>Ср.</i>	н.д.	3291,44	4223,48	7896,49	9717,97	11060,56
Темпы роста производительности труда, %	<i>АЗЕР.</i>	н.д.	-6,00 ^а	9,07	20,09	1,28	-1,46
	<i>АРМ.</i>	н.д.	-0,94 ^а	14,95	6,43	4,85	6,88
	<i>ГРУЗ.</i>	0,83	-5,49	5,30	7,77	4,52	3,92
	<i>Ср.</i>	н.д.	-3,73 ^а	9,78	11,43	3,55	3,11
Общая производительность факторов производства в логарифмической разнице, %	<i>АЗЕР.</i>	н.д.	-7,43 ^а	-0,61	13,21	3,09	-2,94
	<i>АРМ.</i>	н.д.	-4,31 ^а	11,54	3,40	-2,27	4,74
	<i>ГРУЗ.</i>	н.д.	-7,30 ^а	4,21	4,40	3,38	1,14
	<i>Ср.</i>	н.д.	-6,35 ^а	5,05	7,00	1,40	0,98

Примечание: АЗЕР. – Азербайджан, АРМ. – Армения, ГРУЗ. – Грузия. «н.д.» – нет данных, «а» означает, что среднее значение за период берется с 1991 года. Для краткости цифры были округлены до второго десятичного знака. «Ср.» – среднее значение выбранных периодических показателей для Южного Кавказа, рассчитывалось только при наличии данных по всем трем странам. Источник: (Dièrpe et al., 2020).

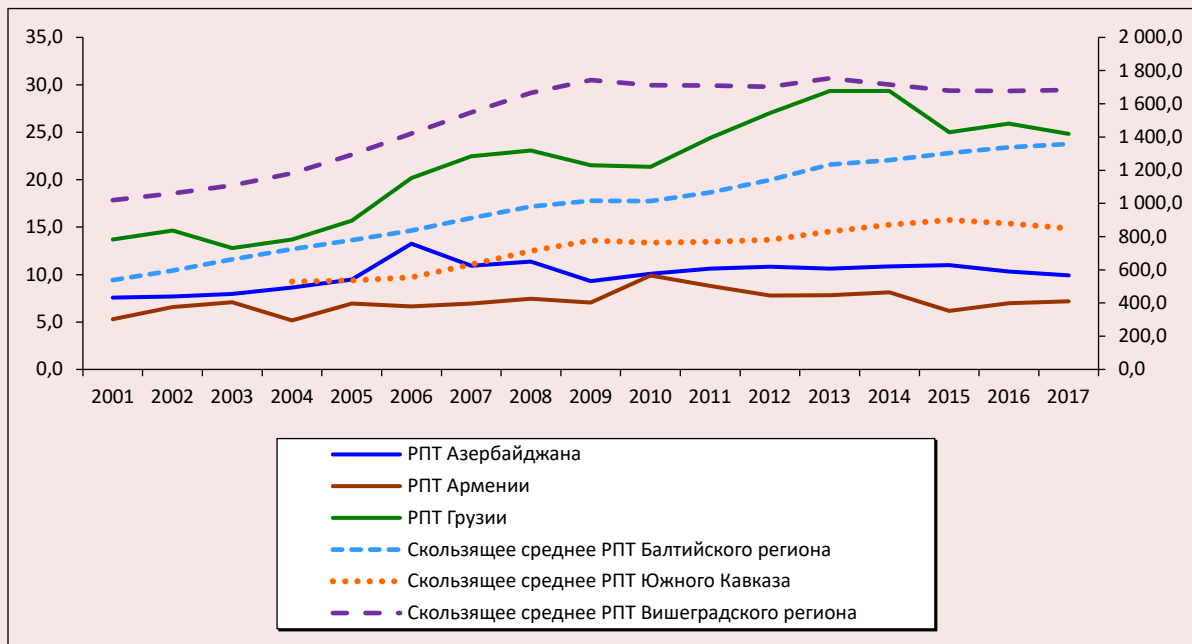
Производительность труда на Южном Кавказе, измеряемая как ВВП на одного занятого в постоянных ценах 2010 года, в 2015–2018 гг. достигла 11 060,56 долларов США, что на 65,9% выше среднего показателя за 1990–1999 гг. и на 40,1% выше среднего показателя за 2005–2009 гг. (см. табл. 3). Однако между странами наблюдались различия. Например, Азербайджан – единственная страна, в которой производительность труда снизилась с 2015 по 2018 год по сравнению с предыдущими периодами, в то время как показатели в Армении и Грузии были более устойчивыми. В Азербайджане темпы роста производительности труда в этот период были отрицательными (-1,46%), в Грузии они замедлились, а в Армении – восстановились на 6,88%.

Наконец, хотя общая факторная производительность (ОФП) на Южном Кавказе восстановилась после серьезного ущерба 1990-х годов

(-6,35%) и выросла до 5,05 и 7% в период с 2000 по 2004 и с 2005 по 2009 год соответственно, в период с 2015 по 2018 год наблюдалось самое низкое с 1990-х гг. значение ОФП (0,98%). На уровне стран ОФП Азербайджана и Грузии снизилась (с 3,09% до -2,94% в случае Азербайджана и с 3,38 до -1,13% в случае Грузии), а Армении выросла (с -2,27 до 4,74%) в период с 2015 по 2018 год.

Данные Всемирного банка указывают на то, что Грузия является ведущей страной на Южном Кавказе по показателю реальной производительности труда в обрабатывающей промышленности (рис. 2). Грузия также превышает СС Южного Кавказа и Балтии в период с 2001 по 2017 год. Тогда как в Азербайджане, несмотря на то что РПТ резко вырос в 2006 году и достиг 13,25 тыс. азербайджанских манатов (AZN), с тех пор он не превышал СС Южного Кавказа. Азербайджан также показал значительно

Рис. 2. Реальная производительность труда в секторе обрабатывающей промышленности на Южном Кавказе, 2001–2017 гг.

Источник: (Diepre et al., 2020).

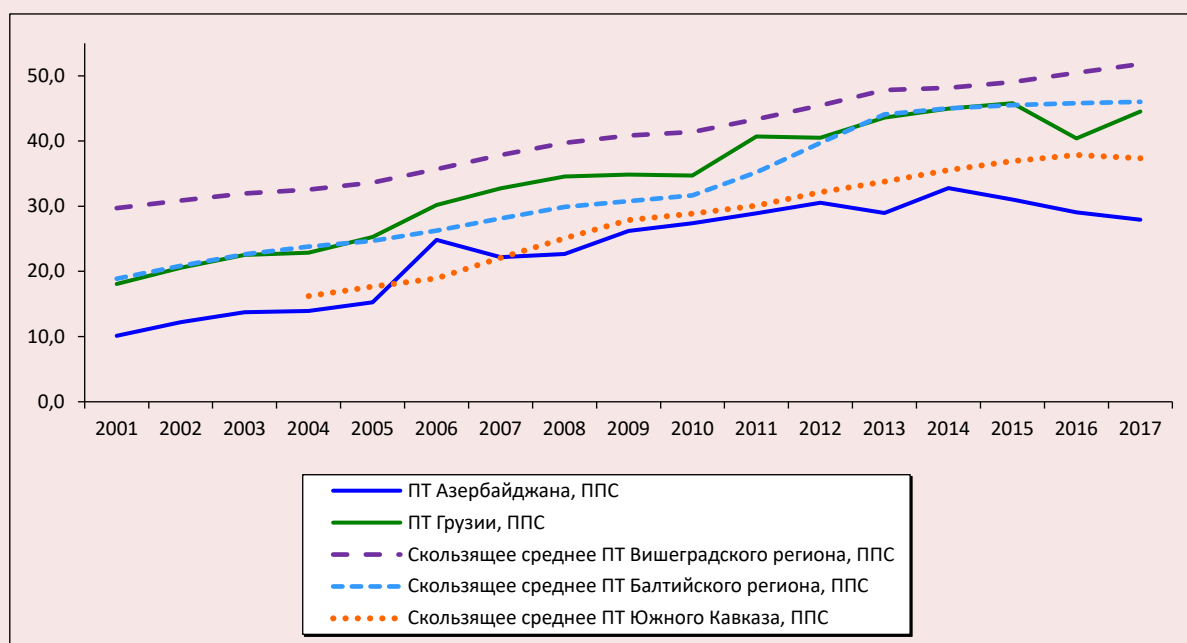
худшие результаты, чем страны Вишеградской группы и Балтии. Между тем среднегодовой показатель Армении в размере 7,17 тыс. армянских драмов (AMD) с 2001 по 2017 год был самым низким среди государств Южного Кавказа, Вишеградского и Балтийского регионов. Более того, с 2010 года тенденция РПТ в производственном секторе в Армении оказалась в основном отрицательной.

С точки зрения паритета покупательной способности, ПТ Азербайджана в производственном секторе ниже, чем у Грузии, стран Вишеградской группы и Балтии (рис. 3). С 2015 года ПТ Грузии по ППС превысила показатель Балтийского региона и приблизилась к среднему показателю Вишеградского региона. В 2016 году показатель несколько ухудшился, что выразилось в снижении с 45,52 до 44,51 тысячи долларов США (2015 год). В целом основная тенденция ПТ в обрабатывающей промышленности по ППС была положительной как в Азербайджане, так и в Грузии, до 2014 и 2015 гг. соответственно. После 2014–2015 гг.

только Грузия продемонстрировала восстановление ПТ, которое потенциально может соответствовать значениям стран Вишеградского и Балтийского регионов.

Конечно, не только производительность труда определяет интерес иностранцев к инвестированию в ту или иную страну. Историческое направление общего потока ПИИ может дать информацию о привлекательности экономики. В таблице 4 представлены коэффициенты корреляции, основанные на методике тау-b Кендалла (из-за небольшого размера выборки и риска ненормального распределения тау-b Кендалла дает более надежные результаты по сравнению с коэффициентом корреляции Пирсона или коэффициентом ранговой корреляции Спирмана). В то время как в странах Южного Кавказа не было статистически значимой корреляции в отношении их ПИИ, ПИИ Армении и РПТ Армении, а также ПИИ Грузии и РПТ Грузии статистически значимы и положительно коррелируют. Интересно, что ПИИ и РПТ Азербайджана не являются статистически зна-

Рис. 3. Производительность труда в производственном секторе на Южном Кавказе по паритету покупательной способности, 2001–2017 гг.

Источник: (Diepre et al., 2020).

Таблица 4. Коэффициенты корреляции тау-b между ПИИ и РПТ Кендалла для стран Южного Кавказа, 2001–2017 гг.

	ПИИ Азербайджана	ПИИ Армении	ПИИ Грузии	РПТ Азербайджана	РПТ Армении	РПТ Грузии
ПИИ Азербайджана	1,00	0,25	0,25	0,31	-0,04	0,13
ПИИ Армении	0,25	1,00	0,29	0,50***	0,41**	0,29
ПИИ Грузии	0,25	0,29	1,00	0,59***	0,18	0,53***

Примечание: ПИИ – прямые иностранные инвестиции; РПТ – реальная производительность труда; символы ** и *** указывают на статистическую значимость на 5% и 1% уровнях соответственно.

чимыми. Эти результаты показывают, что на Южном Кавказе ключевым фактором, определяющим дальнейшие ПИИ, помимо производительности труда выступает общий объем ПИИ, включая возможный экономический интерес Китая в ближайшем будущем.

Результаты одновыборочного t-критерия свидетельствуют, что Южный Кавказ демонстрирует статистически значимые различия по показателям ПТ на работника, РПТ и ПТ по ППС с Висegradским и Балтийским регионами (табл. 5). Однако, что касается углубле-

ния капитала, статистически значимая разница наблюдалась только между Южным Кавказом и Висegradским регионом (средняя разница 0,68%, p-значение < 0,05). Более того, результаты по темпам роста ПТ (среднее различие между Южным Кавказом и Висegradским и Балтийским регионами составило 1,11 и 1,04% соответственно) и ОФП (среднее различие между Южным Кавказом и Висegradским и Балтийским регионами составило -0,34 и 0,47% соответственно) не были статистически значимыми.

Таблица 5. Различия в результатах одновыборочного t-критерия между Южным Кавказом и Вишеградским и Балтийским регионами

	Одновыборочная статистика				Одновыборочный t-критерий		
	N	Среднее	Ср. кв. откл.	Ст. ошиб.	t	df	Средняя разница
Углубление капитала (УК), % вклада							
Вишеградский регион	84	2.44	2.90	0.32	2.16	83	0.68**
Балтийский регион					1.30		0.41
Производительность труда (ПТ), валовой внутренний продукт на одного занятого, в долларах США, цены и обменные курсы 2010 года							
Вишеградский регион	84	6468.28	3435.91	374.89	-65.36	83	-24503.63***
Балтийский регион					10.45		3918.90***
Темпы роста производительности труда (ТРПТ), %							
Вишеградский регион	84	3.67	11.56	1.26	0.88	83	1.11
Балтийский регион					0.82		1.04
Общая факторная производительность (ОФП) в логарифмической разнице, %							
Вишеградский регион	84	0.50	12.08	1.32	-0.34	83	-0.34
Балтийский регион					0.36		0.47
Реальная производительность труда (РПТ) в обрабатывающей промышленности, постоянные цены 2010 года, в тысячах (местная валюта)							
Вишеградский регион	51	12.89	7.06	0.99	-1479.72	50	-1462.49***
Балтийский регион					-6.14		-6.07***
Производительность труда (ПТ) в обрабатывающей промышленности, 2011 год, международный обменный курс по паритету покупательной способности (ППС), в тысячах							
Вишеградский регион	34	28.81	9.74	1.67	-8.64	33	-14.42***
Балтийский регион					-4.36		-7.28***
Примечание: Для краткости цифры были округлены до второго десятичного знака. Символы *, ** и *** указывают на статистическую значимость на 10%, 5% и 1% уровнях соответственно. Тестовые значения следующие: УК (Вишеград) = 1,56%; УК (Балтия) = 1,83%; ПТ, ВВП на работника (Вишеград) = 30971,91 долларов США; ВВП на работника (Балтия) = 2549,38 долларов США; ТРПТ (Вишеград) = 2,56%; ТРПТ (Балтия) = 2,63%; ОФП (Вишеград) = 0,84%; СФП (Балтия) = 0,03%; РПТ (Вишеград) = 1475,38; РПТ (Балтия) = 18,96; ПТ ППС (Вишеград) = 43,23 доллара США; ПТ ППС (Балтия) = 36,09 доллара США. Для совокупных показателей производительности охватывается период 1991–2018 гг. Для отраслевых показателей производительности охватывается период 2001–2017 гг. Источник: составлено автором.							

На Южном Кавказе РПТ в обрабатывающем секторе ниже, чем в Вишеградском (средняя разница -1462,49, р-значение < 0,01) и Балтийском (средняя разница -6,07, р-значение < 0,01) регионах; эти результаты оказались статистически значимыми⁷.

⁷ Поскольку исходный набор данных выражал РПТ в местных валютах, полученная средняя разница не имеет конечной валюты. Поэтому существует ограничение на результат t-критерия, учитывающего РПТ; тем не менее t-критерий показывает разницу в отраслевой производительности стран Южного Кавказа, рассчитанную по их средним значениям.

Что касается ПТ по ППС, результаты одновыборочного t-критерия были аналогичны РПТ. Другими словами, Южный Кавказ имел более низкий отраслевой показатель ПТ, чем Вишеградский (средняя разница в долларах США -14,42, р-значение < 0,01) и Балтийский (средняя разница в долларах США -7,28, р-значение < 0,01) регионы.

Наконец, величина эффекта, измеряемая eta-квадратом (η^2), была небольшой в случае углубления капитала на Южном Кавказе по сравнению с Вишеградским (0,01) и (0,02) Балтийским регионами. Однако РПТ и ПТ относи-

Таблица 6. Размер эффекта оцененных одновыборочных средних различий

Показатель	Балтийский регион	Вишеградский регион
Углубление капитала, % вклада	0,02	0,01
Реальная производительность труда (РПТ), постоянные цены 2010 года, в тысячах (местная валюта)	0,43	0,99
Производительность труда (ПТ), 2011 год, международный обменный курс по паритету покупательной способности (ППС), в тысячах	0,37	0,70
Примечание: Представлены только те переменные, которые полностью соответствуют предположениям одновыборочного t-критерия. Источник: составлено автором.		

тельно ППС продемонстрировали большие размеры эффекта (Балтийский регион: РПТ – 0,43, ПТ относительно ППС – 0,37; Вишеградский регион: РПТ – 0,99, ПТ относительно ППС – 0,70; табл. 6).

Заключительные замечания и последствия для политики

Страны Южного Кавказа, судя по всему, восприимчивы к китайским инвестициям, которые пришли в регион с 2015 года в рамках различных экономических проектов. Хотя китайские проекты обещают новые возможности трудоустройства, расширение международной торговли и новые источники дохода, инвестирование в экономику с низкой производительностью может быть рискованным для Китая. Кроме того, поскольку страны Южного Кавказа активно продвигают свои национальные экономики на рынок, через пару лет они могут оказаться в шатком положении, если фактические экономические результаты не будут соответствовать их ожиданиям. Китай продолжает расширять партнерство с этими странами благодаря их оптимальному географическому положению, имеющейся инфраструктуре и политической склонности к сотрудничеству. Хотя растущий объем ПИИ может обещать экономическое развитие стран Южного Кавказа, реальность оказывается более сложной, когда проверяется готовность государств к индустриализации на основе ПИИ.

Наше исследование посвящено совокупной и отраслевой производительности труда в производственном секторе Южного Кавказа. Также в данной работе проводится комплексное и сравнительное исследование производительности труда в обрабатывающей промышленности на фоне роста объема китайских ПИИ на Южном Кавказе. Новизна исследования заключается в использовании одновыборочного

t-критерия для выявления статистически значимых различий между Южным Кавказом, Вишеградским и Балтийским регионами. Такой подход позволяет достоверно оценить межрегиональные различия, чтобы правительства могли скорректировать экономику в соответствии с ПИИ и ожиданиями. Также новизна состоит в возможности проанализировать и оценить Южный Кавказ как регион в сравнении с другими постсоветскими и посткоммунистическими регионами с точки зрения производительности труда в обрабатывающей промышленности.

В денежном выражении показатель добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности Южного Кавказа демонстрировал нестабильное поведение. Однако анализ тенденций говорит о том, что добавленная стоимость в обрабатывающей промышленности, как доля ВВП, снижалась в период с 1991 по 2019 год, с последующим ростом в 2016–2019 гг. Совокупная производительность замедлилась с переходного периода. В реальном выражении и по ППС производительность труда в обрабатывающей промышленности на Южном Кавказе ниже, чем в Вишеградском и Балтийском регионах. Кроме того, с точки зрения рейтинга стран экономика Армении является наименее производительной, если судить по показателю РПТ в производственном секторе; Грузия выступает в качестве лидера, а Азербайджан занимает второе место. Кроме того, в ходе анализа ПТ по ППС выявлено, что Грузия более продуктивна, чем Азербайджан; она находится на одном уровне со средним показателем в Балтийском регионе и превышает средний показатель на Южном Кавказе, но ниже среднего в странах Вишеградской группы.

Кроме того, согласно результатам одновыборочного t-критерия, существуют статистически значимые различия в РПТ и ПТ по ППС

между странами Южного Кавказа и Вишеградского и Балтийского регионов. Другими словами, на Южном Кавказе более низкий уровень производительности, что нельзя игнорировать. Последствия различий важны и дают понять, что по мере того как Китай становится новым экономическим партнером, страны Южного Кавказа должны быть озабочены производительностью труда, чтобы не отставать от запросов на конкурентоспособное производство в обрабатывающем секторе. Одновыборочный t-критерий также показал статистически значимое и большее углубление капитала на Южном Кавказе, что можно рассматривать как возможность использования особых финансовых ресурсов для преодоления проблем производительности труда с помощью уже накопленного капитала.

Учитывая эти выводы, страны Южного Кавказа должны проанализировать определенные политические последствия, для того чтобы повысить уровень производительности труда и справиться со своим новым экономическим партнером. Степень экономического успеха на Южном Кавказе, который является неотъемлемой частью проекта ОПОП, зависит от роста производительности труда и может быть отражена в производственном секторе, поскольку Китай стремится интегрировать регион в ГЦСС. На самом деле предыдущие исследования установили положительную связь между реальным ВВП принимающих стран и китайским расширением внешних ПИИ (He, Lyles, 2008; Cheng, Ma, 2010). Более того, нынешняя низкая производительность трудовых ресурсов на Южном Кавказе в сочетании со снижением добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности создает неопределенность и может серьезно повлиять на будущий экономический потенциал. Таким образом, каждая страна должна разработать свою страновую и отраслевую политику для решения проблем производительности труда.

В частности, Азербайджан может воспользоваться предстоящими транзитными платежами и китайскими ПИИ в нефтяных секторах, тем самым диверсифицируя свою экономику. Однако рискованный аспект этой сделки связан с тем, что соглашения заключаются в основном между азербайджанскими и китайскими государственными компаниями, а не в частном секторе, что ограничивает механизмы свободного рынка (Babayev, Ismailzade, 2020). Будучи крупнейшим получателем китайских ПИИ и держателем нефтяных богатств, Азербайджан должен сосредоточиться на инновационном производственном потенциале в обрабатывающей промышленности, чтобы не отставать от ГЦСС и конкурировать на потребительских рынках. Политика стимулирования должна включать в себя возрождение производственного сектора с учетом рыночных механизмов и подпитываться китайскими ПИИ, что в свою очередь снизит зависимость от нефти – главную проблему Азербайджана в сфере экономического роста и развития.

В то время как участие Армении в экономических проектах под эгидой Китая ограничено географическими и политическими проблемами, Грузии следует значительно улучшить свои логистические возможности для удовлетворения будущих потребностей сотрудничества с Китаем. Однако Kharaishvili et al. подчеркнули важную роль политики в случае Грузии (Kharaishvili et al., 2021). Грузия должна нарастить инвестиции в транспортировку и логистику, параллельно со стандартизацией и гармонизацией правил совместно с другими странами для управления поставками продовольствия. Интеграция в глобальные системы и обеспечение безопасности международных и региональных транспортных систем также позволят создать эффективную инфраструктуру для перевозок (Schneider, 2021). Фактически, Китай тесно сотрудничает с правительством Грузии, чтобы заполнить эти пробелы.

Литература

- Ahmadova E., Hamidova L., Hajiyeva L. (2021). Diversification of the economy in the context of globalization (Case of Azerbaijan). *Proceedings of Globalization and its Socio-Economic Consequences*, 92(07002) 1–9. DOI: 10.1051/shsconf/20219207002
- Aristei D., Perugini C. (2012). Inequality and reforms in transition countries. *Economic Systems*, 36(1), 2–10. DOI: 10.1016/j.ecosys.2011.09.001

- Athukorala P. (2017). China's evolving role in global production networks: Implications for Trump's trade war. In: Song L., Garnaut R., Fang C., Johnston L. (Eds.). *China's New Sources of Economic Growth: Human Capital, Innovation and Technological Change. Volume 2*. China Update Book Series, Australian National University Press. DOI: 10.22459/CNSEG.07.2017.16
- Babayev B., Ismailzade F. (2020). Azerbaijan's contribution to the Chinese Belt & Road Initiative. In: *Policy Outputs, University of Kent No. 100415 GCRF COMPASS Policy Brief*. Available at: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/100415/> (accessed: June 17, 2021).
- Blanchard J.M.F. (2021). Belt and Road Initiative (BRI) blues: Powering BRI research back on track to avoid choppy seas. *Journal of Chinese Political Science*, 26, 235–255. DOI: 10.1007/s11366-020-09717-0
- Cheng L.K., Ma Z. (2010). China's outward foreign direct investment. In: Feenstra R.C., Wei S.J. (Eds.). *China's Growing Role in World Trade*. Chicago: University of Chicago Press. DOI: 10.7208/9780226239729
- Cornell S.E., Ismailzade F. (2005). The Baku – Tbilisi – Ceyhan pipeline: Implications for Azerbaijan. In: Starr S.F., Cornell S.E. (Eds.). *The Baku – Tbilisi – Ceyhan Pipeline: Oil Window to the West*. Uppsala: The Silk Road Studies Program, Uppsala University.
- Diakonidze A. (2016). Superficial institutions and challenges of re-regulation in the republic of Georgia. *Caucasus Survey*, 4(2), 149–164. DOI: 10.1080/23761199.2016.1188489
- Dieppe A., Kilic Celik S., Kindberg-Hanlon G. (2020). Global productivity trends. In: Dieppe A. (Ed.). *Global Productivity: Trends, Drivers, and Policies*. Washington, DC: World Bank. DOI: 10.1596/978-1-4648-1608-6
- Éltető A., Antalóczy K. (2017). FDI promotion of the Visegrád countries in the era of Global Value Chains. *Centre for Economic and Regional Studies, HAS Institute of World Economics. Working paper*, 229, 1–37. Available at: http://real.mtak.hu/54728/1/WP_229_Elteto_Antaloczy_u.pdf (accessed: July 10, 2021)
- Field A. (2013). *Discovering Statistics Using IBM SPSS Statistics*. 4th edition. London: SAGE Publications Ltd.
- Gambino E. (2019). Georgia, the South Caucasus and the BRI: A situated view. China's "Belt and Road" Initiative and the South Caucasus. *Caucasus Analytical Digest*, 111, 10–13. DOI: 10.3929/ethz-b-000368298
- Ge S. (2016). The Belt and Road Initiative in global perspectives. *China Int'l Stud*, 57(5), 5–27.
- Gerald B. (2018). A brief review of independent, dependent and one sample t-test. *International Journal of Applied Mathematics and Theoretical Physics*, 4(50), 50–54. DOI: 10.11648/j.ijamtp.20180402.13
- Gigauri I., Damenia N. (2019). Economic expectations of the Belt and Road Initiative for the South Caucasus, with emphasis on Georgia. *Business and Economic Research*, 9(1), 173–199. DOI: 10.5296/ber.v9i1.14438
- Guliyev M. (2020). Accelerating economic diversification in Azerbaijan: Challenges, shaping prospects. In: Ribeiro H.N.R., Costa M.A. da S., Cehok I. (Eds.) *Proceedings of 56th International Scientific Conference on Economic and Social Development*.
- Hakobjanyan A., Yeghiazaryan M. (2016). Interrelations between structural changes of economy and labor market developments in the republic of Armenia. In: *Proceedings of aktualnie roblem obespecheniya ustoychivogo i socialnogo razvitiya regionov* [Actual Problems of Ensuring Sustainable Development of the Regions].
- Hasanli Y., Musayev T., Rahimli G., Ismayilova S. (2021). Assessment of CES function parameters in oil-rich CIS countries. *Universal Journal of Accounting and Finance*, 9, 262–266. DOI: 10.13189/ujaf.2021.090216
- He W., Lyles M.A. (2008). China's outward foreign direct investment. *Business Horizons*, 51(6), 485–491. DOI: 10.1016/j.bushor.2008.06.006
- Ismailov E., Papava V. (2018). Caucasian tandem and The Belt and Road Initiative. *Central Asia and Caucasus*, 19(11), 7–17.
- Jain R. (2020). Pitfalls or windfalls in China's Belt and Road economic outreach? *Asian Survey*, 60, 685–709. DOI: 10.1525/as.2020.60.4.685
- Kharaishvili E., Gechbaia B., Erkomaishvili G. et al. (2021). Shipping policy of agri-food products and the formation of food markets in Georgia. In: *Proceedings of International Conference on Sustainable Transport System and Maritime Logistics (ISTSM 2021)*, 339(01001), 1–14. DOI: 10.1051/mateconf/202133901001
- Maksimtsev I., Mezhevich N., Koroleva A. (2017). Economic development of the Baltic and Nordic countries: Characteristics of economic models. *Baltic Region*, 9(1), 41–54. DOI: 10.5922/2079-8555-2017-1-4
- Nixey J. (2010). The South Caucasus: Drama on three stages. In: Niblett R. (Ed.). *America and a Changed World*. Oxford: Wiley-Blackwell. DOI: 10.1002/9781444391565.ch7
- Onder H. (2013). *Azerbaijan: Inclusive Growth in a Resource-Rich Economy*. Washington D.C.: World Bank Publications. DOI: 10.1596/978-0-8213-9759-6

- Pallant J. (2010). *SPSS Survival Manual: A Step by Step Guide to Data Analysis Using IBM SPSS*. 4th edition. Maidenhead: Open University Press/McGraw-Hill. DOI: 10.4324/9781003117407
- Rolland N. (2018). China's ambitions in Eastern Europe and the South Caucasus, *Russie.Nei.Visions*, 112, Ifri, 1–26.
- Schneider F. (2021). Actors and agency in china's belt and road initiative: An introduction. In: Schneider F. (Ed.). *Global Perspectives on China's Belt and Road Initiative: Asserting Agency through Regional Connectivity*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Valerio A., Herrera-Sosa K., Monroy-Taborda S., Chen D. (2015). Armenia skills toward employment and productivity, *Survey Findings (Urban Area)*, 1–22. DOI: 10.1596/25199
- Van Dijk M.P., Martens P. (2016). The silk road and Chinese interests in Central Asia and the Caucasus: the case of Georgia. *Working Paper No. 12, Maastricht School of Management*, 1–13.
- Waal T.D. (2012). A broken region: The persistent failure of integration projects in the South Caucasus. *Europe-Asia Studies*, 64(9), 1709–1723. DOI: 10.1080/09668136.2012.718416
- Weber I.M. (2021). *How China Escaped Shock Therapy: The Market Reform Debate*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9780429490125
- Zhai F. (2018). China's Belt and Road Initiative: A preliminary quantitative assessment. *Journal of Asian Economics*, 55, 84–92. DOI: 10.1016/j.asieco.2017.12.006

Сведения об авторе

Ибрахим Нифтиев – соискатель степени PhD, научный сотрудник, Сегедский университет (6722, Венгрия, г. Сегед, ул. Kálvária sgt., д. 1; e-mail: ibrahimniftiyev@gmail.com), Азербайджанский государственный экономический университет (AZ 1001, Азербайджан, г. Баку, ул. Истиглалият, д. 6)

Niftiyev I.

China's Interests in the Industrialization of the South Caucasus: Comparative Analysis of Labor Productivity in the Manufacturing Sector

Abstract. Due to their strategic location and relatively developed economies, the three countries of the South Caucasus, namely Azerbaijan, Armenia, and Georgia, have cooperated with China since 2015 to leverage their economic growth. China has significantly invested in these countries to boost their productive capacity and integrate them into China-centered global value chains. However, are these countries ready to launch into cooperation with advanced economic powers such as China? To address this question, the current paper integrates overall trends in aggregate and sectoral productivity to evaluate the readiness of the South Caucasus for a new phase of industrialization using Chinese investments and projects as new and important developments in the region's economic life. Overall, the results indicate a downward trend in manufacturing value added in the South Caucasian economies. While lagging trends raise concerns, Chinese foreign directed investment may resolve issues related to incomplete capacity utilization in the South Caucasus through infrastructure investments. In contrast to the existing literature on China's economic presence in the South Caucasus, this paper examines Azerbaijan, Armenia, and Georgia in both intraregional and interregional terms by comparing them to the Visegrad and Baltic countries, respectively. This approach enables the South Caucasian countries to be situated in the context of Chinese foreign direct investments influx, as the South Caucasus shares a similar history and prospects with the Baltic countries and the Visegrad countries, respectively. The results of a one-sample t-test indicate that, on average, capital deepening and aggregate labor productivity are higher in the South Caucasus than in the Visegrad and Baltic regions. However, manufacturing labor productivity was significantly lower in the South Caucasus than in the benchmark regions. Moreover, the estimated effect sizes at the sectoral level – as measured through eta squared – illustrated the strength of the obtained differences. These findings document the need for improved economic reforms and policies to keep pace

with the regions that are driven by foreign direct investments and that have successfully integrated into global value chains. Otherwise, China-led economic development may fail to industrialize the South Caucasus, misguiding the respective parties' beliefs and expectations. Thus, further research is needed alongside specific sectoral policy strategies to document country- or region-specific challenges related to the increase in Chinese projects and foreign direct investments in the South Caucasus.

Key words: South Caucasus, Azerbaijani economy, Armenian economy, Georgian economy, manufacturing labor productivity, South Caucasian industrialization, Belt and Road Initiative.

Information about the Author

Ibrahim Niftiyev – PhD Candidate, Researcher, University of Szeged (1, Kálvária Avenue, Szeged, 6722, Hungary; e-mail: ibrahimniftiyev@gmail.com), Azerbaijan State University of Economics (6, Istiglaliyyet Street, Baku, AZ 1001, Azerbaijan)

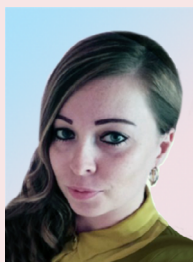
Статья поступила 13.09.2021.

Влияние инноваций на экономику замкнутого цикла

Стефан РАЙЧЕВ

Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского
Пловдив, Болгария
e-mail: stefan1@abv.bg
ORCID: 0000-0002-6539-080X

Добринка СТОЯНОВА

Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского
Пловдив, Болгария
e-mail: bini_stoyanova1@abv.bg
ORCID: 0000-0002-2395-5972

Гергана ДИМИТРОВА

Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского
Пловдив, Болгария
e-mail: gergana.gu@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2304-3372

Блага МАДЖУРОВА

Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского
Пловдив, Болгария
e-mail: bmadzhurova@yahoo.de
ORCID: 0000-0002-8769-2737

Для цитирования: Райчев С., Стоянова Д., Димитрова Г., Маджурова Б. (2022). Влияние инноваций на экономику замкнутого цикла // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 2. С. 223–238. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.14

For citation: Raychev S., Stoyanova D., Dimitrova G., Madzhurova B. (2022). Innovation impact on the circular economy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(2), 223–238. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.14

Аннотация. В статье представлены аргументы и контраргументы, использованные в научной дискуссии по вопросу о влиянии инноваций на экономику замкнутого цикла. Основная цель работы заключается в том, чтобы проанализировать, в какой степени странам Европейского союза удастся стимулировать экономику замкнутого цикла за счет инвестиций и занятости. Обзор литературных источников и подходов к решению проблемы многостороннего и двустороннего воздействия инноваций на экономику замкнутого цикла показывает, что зеленая экономика не могла бы существовать без развития инноваций, но, с другой стороны, они являются ее двигателем. Существующие практики природопользования доказывают необходимость разработки новых бизнес-моделей с учетом инновационных изменений. Исследование охватывает период с 2008 по 2018 год. Результаты анализа свидетельствуют, что меры по повышению экономической активности стран Европейского союза должны соответствовать политике привлечения инвестиций в экономику замкнутого цикла. В ходе исследования эмпирически подтверждено, что все еще существуют проблемы для полного внедрения экономики замкнутого цикла, связанные с сознательностью населения и возможностями трудоустройства в этих областях. Результаты исследования могут быть полезны для государственных учреждений, занимающихся экономикой замкнутого цикла, а также для бизнес-сектора.

Ключевые слова: зеленая экономика, зеленые инновации, рынок труда, бизнес-модели.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Департамента научной и прикладной деятельности (SAA) Пловдивского университета имени Паисия Хилендарского в рамках научного проекта No. FP21-FISN-004 «Последствия глобализации: гиперпотребление и неэкологическое устойчивое поведение».

Введение

Мир и Европа в частности изменились после погружения в масштабный кризис. Наряду со многими негативными последствиями на первый план вышла возможность экологически чистого инновационного восстановления, которое значительно повысит устойчивость экономики и общества перед лицом серьезной рецессии и усугубляющихся экологических проблем. «В то время как ряд стран сосредоточены на мерах, которые могут повысить устойчивость при одновременном стимулировании рабочих мест, доходов и роста, несколько стран предлагают меры, которые поддерживают экологически вредную деятельность»¹. Однако «зеленые» бюджетные расходы могут привести к более высокой экономической отдаче, чем традиционные (O'Callaghan, Murdock, 2021). Кроме того, исследования показывают, что хорошо продуманные зеленые расходы могут противодействовать экологическим кризисам, вызванным изменением климата, загрязнением и по-

терей биоразнообразия, обеспечивая при этом значительные социальные выгоды (Herburn et al., 2020). Традиционно основное внимание в области зеленых инноваций уделяется минимизации негативного воздействия производственной и потребительской деятельности на окружающую среду (например, технологии борьбы с загрязнением, катализаторы для транспортных средств). Однако их недостаточно для решения большинства глобальных проблем устойчивого развития. В настоящее время основное внимание уделяется зеленым инновациям с очевидными преимуществами для бизнеса, включая экономию затрат (например, за счет повышения эффективности материалов и энергоэффективности) и новых рынков (в том числе экологически чистых продуктов и бизнес-моделей, основанных на услугах). Масштаб и актуальность социальных проблем требуют сочетания различных инноваций, включая более широкое и быстрое внедрение проверенных зеленых технологий, а также новых форм гибких системных инноваций, таких как бизнес-модели экономики замкнутого цикла или комплексные подходы к мобильности.

¹ Making the Green Recovery work for jobs, income and growth. Available at: <https://doi.org/10.1787/a505f3e7-en> (accessed: May, 2021).

Экономика замкнутого цикла как модель производства и потребления, сводящая к минимуму отходы, является ключевой частью философии устойчивого развития и зеленой экономики в целом. Продвижение методов и элементов экономики замкнутого цикла жизненно важно не только для повышения экономической активности, но и в ответ на необходимость определения места и роли труда в период фундаментальных социальных и экономических изменений в контексте глобализации, Четвертой промышленной революции, изменения климата, и т. д. В 2015 году Европейская комиссия (ЕК) приняла первый план действий по созданию экономики замкнутого цикла, который включает меры по поддержке перехода Европы к экономике замкнутого цикла, повышению глобальной конкурентоспособности, содействию устойчивому экономическому росту и созданию новых рабочих мест. В 2020 году Европейская комиссия опубликовала новый План действий по экономике замкнутого цикла в поддержку Европейского зеленого курса. *«Для достижения климатической нейтральности к 2050 году, сохранения нашей природной среды и укрепления нашей экономической конкурентоспособности требуется экономика полностью замкнутого цикла»*, – сказал Франс Тиммерманс, исполнительный заместитель председателя Европейской комиссии, отвечающий за надзор над реализацией Европейского зеленого курса².

Результаты анализа приоритетного плана показывают, что европейская экономика в значительной степени все еще линейна, поскольку только 12% материалов перерабатывается и возвращается в экономику. Одна из причин заключается в том, что большинство продуктов предназначены только для одноразового использования и их переработка невозможна.

Такая ситуация требует переосмыслить способ производства продуктов, что поставлено в качестве цели в Новом плане действий ЕК по экономике замкнутого цикла³.

² The European Green Deal and Just Transition Mechanism Explained. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/qanda_20_24 (accessed: May, 2021).

³ Changing how We Produce and Consume: New Circular Economy Action Plan Shows the Way to a Climate-Neutral, Competitive Economy of Empowered Consumers. Press Release. Brussels. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_420 (accessed: June, 2021).

Все сказанное подчеркивает важность инноваций (зеленых инноваций в частности) и предпринимательства (экологическое, био- и зеленое предпринимательство).

Вклад результатов исследования в науку заключается в предлагаемой методологии определения связи между политикой содействия к переходу к экономике замкнутого цикла и уровнем инвестиций (валовые инвестиции в % от ВВП) и зеленой занятостью (количество занятых в % от общей занятости).

Практические аспекты вклада могут быть изложены в контексте апробации предлагаемой методологии (на примере Европейского союза и рассмотренных трех секторов экономики замкнутого цикла). Из этого формируются тенденции, барьеры и вызовы, на основе которых можно оценить проблемные области, препятствующие переходу к экономике замкнутого цикла.

Теоретический обзор

Влияние предпринимательства на экономический рост, конкурентоспособность и достижение устойчивого развития национальных экономик неоспоримо, а его потенциал реализуется посредством создания, разработки и внедрения (коммерциализации) инноваций. Й. Шумпетер рассматривает инновацию как новшество, преобразующее реальность, и вводит термин «творческое разрушение», при котором существующие продукты и методы производства разрушаются и заменяются новыми (Schumpeter, 1934).

Инновационная деятельность наций является одним из ведущих приоритетов ЕС, который превращает развитие исследований и разработок в свою главную стратегическую цель. В рамках программы «Европа 2020» инновациям отводится центральное место в экономическом росте, странам ЕС рекомендуется инвестировать в НИОКР, при этом инвестиции составляют 3% ВВП. На это же направлена и рамочная программа ЕС по исследованиям и инновациям «Горизонт Европа» (2021–2027)⁴.

Инновации уже рассматриваются как ведущее конкурентное преимущество (Chiou et al., 2011; Kengatharan, 2012; Yosifov, 2019) и крити-

⁴ Horizon Europe. Available at: <https://horizon2020.mon.bg/page/--26> (accessed: May, 2021).

ческий фактор успеха бизнес-организаций для достижения устойчивого экономического развития (Nacu, Avasilcâi, 2014).

Продолжающееся изменение климата, нехватка ресурсов и растущее потребление (и производство), а также возникающие современные экологические проблемы: загрязнение и охрана окружающей среды, «высокое потребление материалов, воды и энергии» (Fatoki, 2019) приводят к соответствующим социально-экономическим изменениям (Angelova, Pastarmadzhieva, 2020). Это требует их оценки, «экологизации экономической деятельности» (Taylor, Walleu, 2004) и сосредоточения внимания на «зеленом предпринимательстве» (Packiyathan, Pushpanathan, 2021), также известном как «эко-предпринимательство» (Schaper, 2002; Schaper, 2016; Chell, 2008) «био-предпринимательство»

(Angelova, Pastarmadzhieva, 2020). Оно рассматривается как вид социального предпринимательства в контексте так называемого «социального аспекта устойчивости, взаимоотношений и культурного сотрудничества» (Packiyathan, Pushpanathan, 2021).

В 2020 году был запущен Европейский зеленый курс⁵ – новая стратегия роста, направленная на интеграцию экологической устойчивости в стратегические цели устойчивого роста и конкурентоспособности стран ЕС (рис. 1). В рамках курса определены два основных приоритета роста: зеленая экономика и цифровая экономика, а также комплексный набор действий, направленных на генерирование знаний, исследования и инновации, партнерские отношения, синергию, кластеризацию, биоэкономику, цифровизацию и т. д.⁶

Рис. 1. Европейский зеленый курс

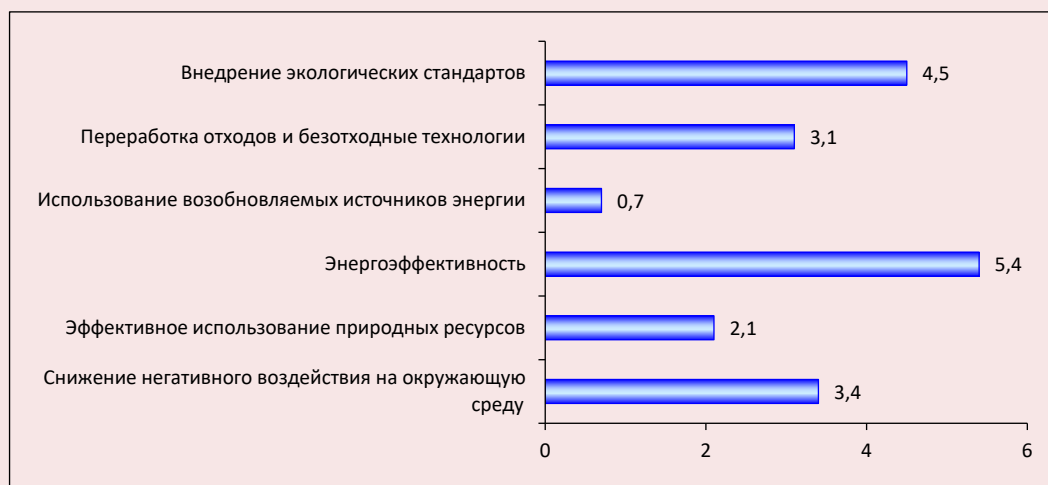

Источники: EC Europe. Available at: http://publications.europa.eu/resource/cellar/8d8026dc-d7d7-4d04-8896-e13ef636ae6b.0016.02/DOC_2 (accessed: May, 2021); European Green Deal. Available at: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/european-green-deal-communication_en.pdf (accessed: May, 2021).

⁵ The European Green Deal and Just Transition Mechanism Explained. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/qanda_20_24 (accessed: May, 2021).

⁶ Innovation.bg 2020: Economic Resilience through Innovation. Available at: <http://www.arcfund.net/arcartShow.php?id=18491> (accessed: May, 2021).

Рис. 2. Внедрение инноваций, %

Источники: Innovation.bg 2020: Economic Resilience through Innovation. Available at: <http://www.arcfund.net/arcartShow.php?id=18491> (accessed: May, 2021); Applied Research and Communications Foundation.

Для достижения стратегических целей приняты Инвестиционный план Европейского зеленого курса (EGDIP), также называемый Инвестиционным планом устойчивой Европы (SEIP), который, как ожидается, позволит мобилизовать «1 триллион евро устойчивых инвестиций» для осуществления перехода к зеленой экономике⁷.

Исследование экологических практик подчеркивает необходимость внедрения новых бизнес-моделей помимо уже существующих (Hisrich et al., 2017) и/или их трансформации с учетом важности зеленых инноваций и предоставления инновационных бизнес-решений в ответ на возникающие экологические и социальные проблемы. Растет приверженность экологической экономике (Schilirò, 2019) и созданию «более устойчивой экологической, торговой и экономической системы» (Packiyathan, Pushpanathan, 2021).

Согласно опубликованной информации⁸, Болгария «все больше интегрируется в европейскую экономику замкнутого цикла», поскольку около пятой части инновационных компаний

(12% от общего числа) внедрили «зеленые инновации» в свою деятельность (рис. 2).

Инвестиции, направленные в зеленую энергетику, сферу транспорта и на уменьшение выбросов, оказывают одно из самых сильных экономических воздействий в отношении как зеленой, так и традиционной политики стимулирования (O'Callaghan, Murdock, 2021). Они могут обеспечить долгосрочную, высококачественную занятость и возможности для управления (Dvořák et al., 2017; Lehr et al., 2012; Wei et al., 2010). Учитывая значительные интересы частного сектора, стоимость зеленой энергии особенно полезна для привлечения дополнительного частного капитала, что на практике многократно увеличивает отдачу от государственных инвестиций. Уровень расходов, предусмотренный в настоящее время в бюджете Европейского зеленого курса, значительно ниже того, что потребуется Европейскому союзу для достижения установленных целевых показателей по сокращению выбросов. ЕК оценивает бюджет в 1 триллион евро на 2021–2030 годы на все, включая инвестиции в чистую энергетику, а также программы переходного периода⁹.

⁷ EC European Green Deal Investment Plan. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/qanda_20_24 (accessed: May, 2021).

⁸ Innovation.bg 2020: Economic Resilience through Innovation. Available at: <http://www.arcfund.net/arcartShow.php?id=18491> (accessed: May, 2021).

⁹ The European Green Deal and Just Transition Mechanism Explained. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/qanda_20_24 (accessed: May, 2021).

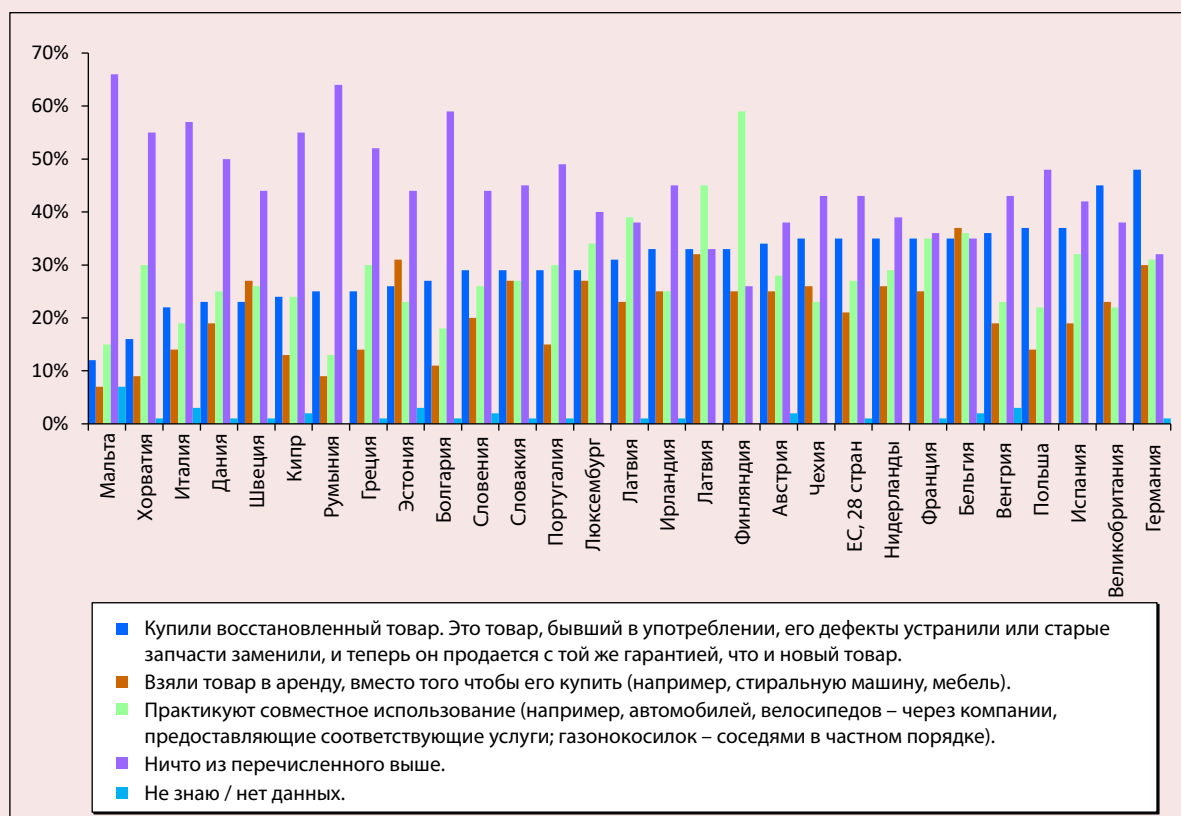
Предполагается финансирование из всех государственных и частных источников, причем около половины средств поступает из бюджета ЕС, а другая половина обеспечивается сочетанием национальных бюджетов и частных инвестиций. Этот уровень финансирования составляет в среднем около 100 миллиардов евро в год от общих расходов на период 2021–2030 гг., что эквивалентно лишь примерно 0,7% от общего ВВП ЕС в год¹⁰.

Неотъемлемой частью успеха кругового инновационного экономического перехода выступает вовлечение граждан (рис. 3), изменения в их поведении и социальных нормах. Это означает, что люди вовлекаются в новые формы потребления, повторного использования (требует изменения отношения к восстановлению и об-

новлению) и переработки (разделение потоков отходов и их сортировка). Болгария по этому показателю все еще не достигает среднего уровня по ЕС.

Несмотря на то, что Болгария занимает последнее место по эффективности экоиноваций (рис. 4), у нее есть потенциал перейти от скромного к умеренному экоиноватору. Однако это возможно только в том случае, если стране удастся заполнить структурные пробелы в системе экоиноваций и улучшить связанные системы, такие как наука и инновации, поддержка малого и среднего бизнеса и энергетической системы. Необходимы стратегические документы, включающие экоиновации и экономику замкнутого цикла, а также радикальные меры по улучшению экологических

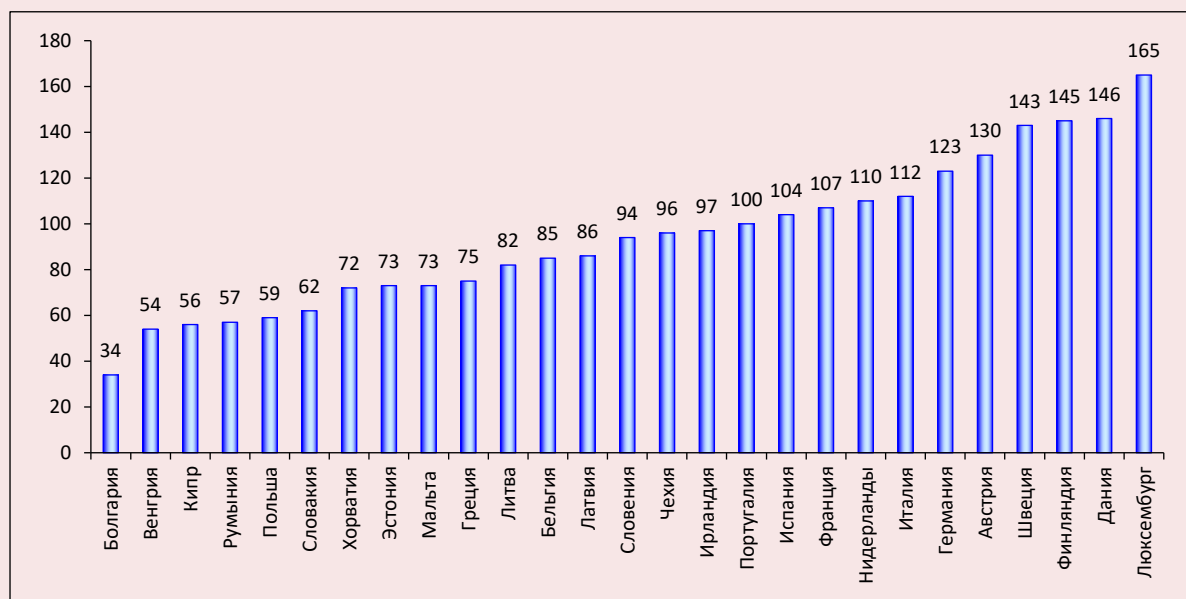
Рис. 3. Вовлечение граждан, %

Источники: Flash Eurobarometer 388; Eurostat. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/cei_cie010/default/table?lang=en (accessed: May, 2021).

¹⁰ The European Green Deal and Just Transition Mechanism Explained. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/qanda_20_24 (accessed: May, 2021).

Рис. 4. Экоинновации по странам

Источник: Eurostat. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/t2020_rt200/default/table?lang=en (accessed: May, 2021).

показателей на государственном уровне. Причины неудовлетворительных результатов кроются в менее ощутимых аспектах социального капитала, наличии вспомогательных структур и бизнес-посредников, а также в общей структуре экономики. Лишь немногие элементы экономики замкнутого цикла интегрированы в стратегические и политические приоритеты Болгарии. Потенциал новых круговых бизнес-моделей еще не изучен, несмотря на небольшой успех в некоторых потоках отходов, таких как пластиковая упаковка. Зеленые государственные закупки не играют той роли, которую они должны играть с точки зрения стимулирования поставок экологически чистых продуктов и услуг. Несмотря на относительно большое количество компаний, сертифицированных по системам экологического менеджмента, это не привело к увеличению поставок экологически чистой продукции и экоинноваций. Есть несколько многообещающих новых стартапов в области экономики совместного потребления и биоэкономики¹¹.

¹¹ Eco-Innovation Country Profiles. Available at: https://ec.europa.eu/environment/ecoap/indicators/societal-behaviours_en (accessed May, 2021).

Системные инновации включают функционально связанные инновационные изменения, в том числе продуктовые и организационные, которые представляют собой совместные синергетические процессы, возникающие между секторами с добавленной стоимостью. Следует отметить, что особое внимание ЕК уделяет роли правительства и механизмов управления в стимулировании спроса и предложения на зеленые инновации. Традиционное обоснование политической поддержки инноваций основано на провале рынка. Провал рынка проявляется в недостаточном распределении капитала для рискованных и долгосрочных инновационных проектов, несмотря на обещание будущих общественных выгод. Зеленые инновации страдают от дополнительного провала рынка, проявляющегося в неспособности цен отражать социальные и экологические издержки (Miedzinski et al., 2020). Цель состоит в том, чтобы обеспечить эффективную поддержку зеленых инноваций. Примерами могут служить как возможности для восстановления зеленого бизнеса, так и создание новых (зеленых) рабочих мест.

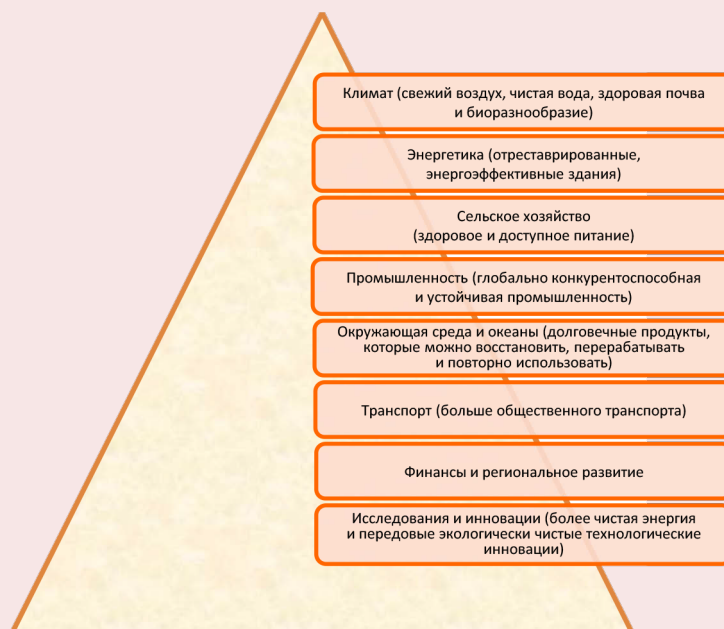
Последствия глобализации затрагивают различные сферы, в том числе экономическую и социальную. Несомненно, происходят сдвиги на рынке труда, в структуре и составе факторов экономического роста. Наряду с влиянием глобализации, последствия пандемии коронавируса создают серьезные проблемы для экономики, что делает переход к зеленой экономике и зеленым рабочим местам все более важным для экономического развития. Европейский зеленый курс является основным инструментом ЕС для восстановления экономики и повышения благосостояния общества. Главная цель зеленого перехода заключается в преобразовании экономики ЕС в современную, ресурсоэффективную и конкурентоспособную экономику путем достижения следующих подцелей: отсутствие чистых выбросов парниковых газов к 2050 году; экономический рост будет отделен от использования ресурсов; ни один человек или регион не будет проигнорирован¹².

Для реализации целей Европейского зеленого курса предусмотрены целевые действия в нескольких конкретных областях (рис. 5).

Деятельность в рамках Европейского зеленого курса направлена на создание условий для развития всех важных для экономики секторов, основанного на действиях, благоприятных для климата, и поддержке процесса декарбонизации. Другими преимуществами зеленого перехода являются:

- модернизация экономики путем создания инновационных производств и технологий;
- модернизация инфраструктуры за счет строительства энергоэффективных зданий;
- создание устойчивых сельскохозяйственных и продовольственных систем;
- внедрение чистых технологий и новых бизнес-моделей в промышленности в качестве основного катализатора экологического и цифрового перехода;
- защита биологического разнообразия и экосистем;
- устойчивая и интеллектуальная мобильность;
- создание научных исследований и инноваций, которые способствуют улучшению экономики и окружающей среды¹³.

Рис. 5. Направления деятельности в рамках Европейского зеленого курса

¹² Sustainable Products in a Circular Economy – Towards an EU Product Policy Framework contributing to the Circular Economy. European Commission, 2019 (accessed: May, 2021).

¹³ Communication from the Commission. The European Green Deal. Brussels, December 11, 2019 (accessed: June, 2021).

Развитие зеленой экономики, несомненно, влияет на тенденции рынка труда, поскольку начинают создаваться так называемые «зеленые рабочие места». Целью этого современного вида занятости является поддержка экологически чистой экономической деятельности. Любопытно, что термин «зеленая занятость» не имеет общепринятого определения, и подход к его анализу может отличаться в разных странах ЕС. Например, в Германии «зеленые рабочие места» относятся к «профессиям, которые непосредственно способствуют охране окружающей среды, сохранению ресурсов, устойчивому использованию природы, переработке отходов или аналогичным целям»¹⁴.

Согласно определению Международной организации труда, «зеленые рабочие места» – это «достойные рабочие места, которые способствуют сохранению или восстановлению окружающей среды, будь то в традиционных секторах, таких как производство и строительство, или в новых развивающихся зеленых секторах, таких как возобновляемые источники энергии и энергоэффективность» (Kapsos, 2005).

Другие авторы определяют «зеленые рабочие места» как «рабочие места, которые способствуют повышению устойчивости окружающей среды, включая сокращение выбросов углекислого газа, сохранение биоразнообразия и экосистем и адаптацию к изменению климата» (Miteva, 2017).

Несмотря на широкий спектр определений «зеленых рабочих мест», основная идея заключается в том, что эта форма занятости способствует защите окружающей среды, повышению энергоэффективности и достижению зеленого перехода в экономике.

«Зеленая занятость» также присутствует в политике занятости Болгарии, поскольку она включена в Закон о содействии занятости (SG № 59 от 31 июля 2010 года) в виде новой стимулирующей меры для создания «зеленых рабочих мест».

Активы зеленой энергетики являются долгосрочными экономическими мультипликаторами, особенно когда технологические

¹⁴ *Skills for Green Jobs: 2018 Update. European Synthesis Report*. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2019. Available at: <http://data.europa.eu/doi/10.2801/750438> (accessed: June, 2021).

компоненты производятся внутри стран (Garrett-Peltier, 2017). Следует иметь в виду, что достижение цели по нулевому уровню выбросов требует серьезных технологических инноваций. Эти «зеленые» секторы и виды деятельности открывают значительные перспективы для создания рабочих мест. По оценкам Международного агентства по возобновляемым источникам энергии (IRENA), к 2050 году в сфере возобновляемых источников энергии может быть занято более 40 миллионов человек, а общая занятость в энергетическом секторе может достичь 100 миллионов¹⁵. Энергоэффективность также открывает значительные возможности для быстрого создания рабочих мест, с потенциалом создания до 2,5 миллионов новых рабочих мест в год¹⁶. Однако существуют значительные региональные различия в создании рабочих мест в энергетическом секторе, при этом прибыль от рабочих мест в некоторых частях мира превышает потери в других. Кроме того, некоторые группы населения, в частности этнические меньшинства и женщины, не получают преимуществ от создания рабочих мест в той же степени, что и другие (Kapsos, 2005). Определение политики, которая уравнивает воздействие переходного процесса при максимизации социально-экономических возможностей, имеет большое значение для более инклюзивного переходного процесса, поддерживающего наиболее уязвимые группы общества. Должности, связанные с природой, также являются важным потенциальным источником занятости в области зеленого восстановления. Переход к более зеленой экономике требует новых навыков. Без подготовленной рабочей силы переход будет невозможен. Все домохозяйства и отдельные лица должны иметь равные возможности для адаптации и получения выгод от зеленого перехода, а инвестиции в их навыки и образование должны стать неотъемлемой частью планов восстановления¹⁷. Комплексные меры

¹⁵ OECD Employment Outlook 2020: Worker Security and the COVID-19 Crisis. DOI: 10.1787/1686c758-en (accessed: May, 2021); Making the Green Recovery work for jobs, income and growth. Available at: <https://doi.org/10.1787/a505f3e7-en> (accessed: May, 2021).

¹⁶ Making the Green Recovery work for jobs, income and growth. Available at: <https://doi.org/10.1787/a505f3e7-en> (accessed: May, 2021).

¹⁷ Там же.

по профессиональной подготовке и переподготовке могут улучшить мобильность между компаниями и секторами, тем самым повышая способность успешно перемещаться, когда это необходимо. Хотя преобразование энергетики, вероятно, окажет общее положительное влияние на занятость, миллионам работников, деятельность которых связана с ископаемым топливом, придется искать новые рабочие места. Справедливая политика переходного периода также может облегчить процесс переподготовки. Партнерские отношения между правительствами и промышленностью могут быть созданы для финансирования переподготовки и обеспечения того, чтобы содержание обучения соответствовало меняющимся потребностям сектора¹⁸.

В большинстве исследований, посвященных связи между инновациями и экономическим ростом, в показателе инноваций в основном учитываются нововведения. Особый вклад нашего исследования заключается в том, что мы расширяем анализ, разрабатывая концепцию зеленого перехода и исследуя зеленые инновации и зеленые рабочие места. По этой причине в теоретической части статьи упоминаются различные точки зрения и отмечены существующие наработки в этой сфере.

Методология и методы исследования

Предметом исследования является экономика замкнутого цикла. Для определения концепции используется мнение, преобладающее в ЕС, согласно которому экономика замкнутого цикла охватывает весь жизненный цикл продукта и направлена на поиск решений для поддержания его ценности как можно дольше, путем многократного инвестирования ресурсов и материалов в производственный цикл и минимизации отходов. Ожидаемые преимущества: интеллектуальный дизайн продукта и производственные процессы, экономия ресурсов, предотвращение неэффективного обращения с отходами, создание новых возможностей для бизнеса и многое другое¹⁹.

Цель исследования — определить, в какой степени ЕС в целом и государствам-участни-

кам удастся продвигать экономику замкнутого цикла за счет инвестиций и занятости.

Методология исследования направлена на подтверждение или опровержение гипотезы автора о том, что существует взаимосвязь между политикой содействия переходу к экономике замкнутого цикла, с одной стороны, и инвестициями и (зеленой) занятостью, с другой.

Используемые методы статистического анализа предоставляют необходимые инструменты для изучения проблем, выходящих за рамки экономической науки. В связи с зависимостью сфер как от экономической, так и от социальной системы, в частности от рынка труда, устанавливаются три основных допущения и ограничения.

Во-первых, будут использоваться инструменты прикладного анализа экономической статистики, который связан с изучением социальных и экономических проблем.

Во-вторых, инструментарий прикладной экономической статистики будет применяться в качестве ключевого элемента методологии исследования в связи с изучением экономических временных рядов.

В-третьих, будут использоваться методы статистики вывода. Все статистические выводы подтверждают цель исследования с помощью статистических допущений взаимосвязи — статистических моделей.

Задачи:

- 1) сделать некоторые теоретические замечания относительно экологической устойчивости, экоинноваций, экономики замкнутого цикла, зеленого предпринимательства и перехода к зеленой экономике — политики, инвестиций и (зеленой) занятости;
- 2) описать динамику инвестиций в секторах экономики замкнутого цикла;
- 3) проанализировать динамику занятости в секторах экономики замкнутого цикла.

Нами использовались методы обработки количественных данных, отраслевой анализ, ситуационный и сравнительный анализ, контент-анализ и графический динамический анализ.

Исследуемые показатели:

- валовые инвестиции в материальные блага в процентах от ВВП;
- рабочие места: количество сотрудников и процент от общей занятости.

¹⁸ OECD Employment Outlook 2020: Worker Security and the COVID-19 Crisis. DOI: 10.1787/1686c758-en

¹⁹ Eurostat. Circular Economy — Overview. Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/circular-economy/overview> (accessed: May, 2021).

Их анализ сосредоточен на секторах экономики замкнутого цикла.

Источниками данных являются Структурная статистика бизнеса (SBS), Статистический пакет для общественных наук (SPSS).

Результаты

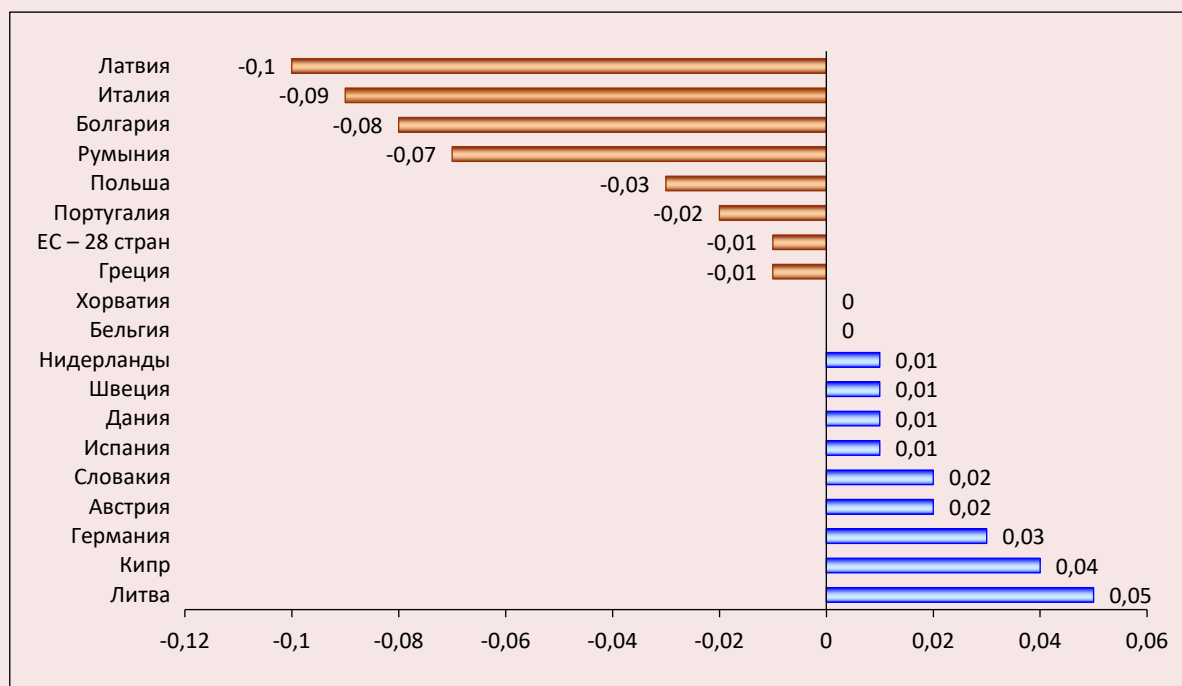
В соответствии с требованиями Регламента (ЕС) № 250/2009 Европейской комиссии показатель «Валовые инвестиции в материальные товары» в процентах от ВВП собирается в рамках Структурной статистики бизнеса (SBS). Благодаря своей динамике, связанной с сектором переработки, сектором восстановления и повторного использования и сектором аренды и лизинга, он призван отразить динамику изменения объемов инвестиций в экономику замкнутого цикла в странах ЕС (рис. 6).

Показано изменение значения в п. п. в 2018 году по сравнению с 2010 годом. В целом страны ЕС разделены на две четко разграниченные и равные по размеру группы, так что изменение является отрицательным, т. е. наблюдается снижение валовых инвестиций в процентах от

ВВП. Для стран ЕС, характеризующихся увеличением валовых инвестиций, отмечены положительные значения показателя. В первой группе (с отрицательными значениями) наибольшее падение отмечается в Латвии (-0,1 п. п.), за ней следуют Италия, Болгария и Румыния (-0,09, -0,08, -0,07 соответственно).

В большинстве стран изменение колеблется в пределах +/-0,01 п. п. Однако наибольший прирост наблюдается в Литве (+0,05), за которой следуют Кипр и Германия (+0,04, +0,03 п. п. соответственно). В целом за период исследования, средний показатель по ЕС отрицательный (-0,01). Эти данные свидетельствуют, что политика, направленная на содействие переходу от линейной экономики к экономике замкнутого цикла, сталкивается с серьезными проблемами в контексте поощрения инвестиций. Безусловно, меры, призванные повышать экономическую активность стран ЕС, должны соответствовать политике привлечения инвестиций в отрасли, связанные с экономикой замкнутого цикла.

Рис. 6. Валовые инвестиции в материальные товары, % от ВВП

Источник: Eurostat.

В таблице отражены значения показателя «рабочие места» по странам ЕС в секторах экономики замкнутого цикла.

Данные, с одной стороны, демонстрируют изменение динамического порядка занятости в странах ЕС, а с другой – уровень занятости в рассматриваемых секторах в процентах от общей занятости. Бельгия и Нидерланды имеют самые низкие результаты; уровень занятости в секторах экономики замкнутого цикла в этих странах колеблется на уровне 1,2%. Для Литвы и Латвии характерны самые высокие показатели занятости, причем в последний год исследуемого периода показатель достиг 2,7%, в некоторое периоды времени – почти 2,9%. В такие страны, как Испания, Хорватия, Венгрия, Италия, Кипр, Польша и Норвегия, уровень

занятости возрастает до 2%. С другой стороны, крупные европейские экономики (Германия, Великобритания, Дания, Австрия, Швеция) демонстрируют уровень занятости в секторах экономики замкнутого цикла от 1 до 1,5%. Болгария в 2018 году достигла значения 1,7%, что на 0,11 п. п. выше, чем в 2008 году, показатель с каждым годом продолжает снижаться по сравнению с 2012 годом.

В качестве общего вывода о динамике и значениях инвестиций и занятости в секторах экономики замкнутого цикла можно отметить, что существует серьезная трудность в достижении желаемых уровней в обоих направлениях. Более того, за последние пять лет наблюдается негативная тенденция с точки зрения занятости и валовых инвестиций.

Рабочие места в секторах экономики замкнутого цикла,
% от общей численности занятых по странам ЕС

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
ЕС – 28 стран				1,69	1,68	1,7	1,71	1,7	1,73	1,71	1,7
Бельгия		1,13	1,13		1,19	1,13	1,12	1,16	1,11	1,1	1,1
Болгария	1,59	1,61	1,73	1,79	1,83	1,82	1,75	1,72	1,76	1,72	1,7
Дания	1,52	1,24	1,24	1,3	1,32	1,29	1,37	1,38	1,36	1,36	1,4
Германия	1,15	1,32	1,41	1,43	1,42	1,38	1,47	1,43	1,47	1,49	1,5
Греция				1,4		1,24	1,5	1,34	1,51	1,42	1,5
Испания	1,6	1,61	1,67	1,67	1,75	1,9	1,94	2	2,04	2,04	2,0
Франция			1,66	1,62	1,65	1,66	1,78	1,54	1,52	1,63	
Хорватия			2,14	2,13	2,16	2,2	2,31	2,26	2,24	2,26	2,5
Италия	2,17	2,1	2,11	2,07	2,1	2,09	2,08	2,05	2,05	2,06	2,1
Кипр	1,56	1,5	1,5	1,48	1,56			1,91	1,99	1,99	2,1
Латвия	2,33	2,38	2,48	2,48	2,66	2,71	2,84	2,86	2,89	2,82	2,7
Литва	2,46	2,24	2,33	2,55	2,6	2,77	2,78	2,72	2,69	2,77	2,7
Венгрия	1,69	1,86	1,89	1,9	1,88	1,78	1,74	1,82	1,92	1,88	2,0
Нидерланды	1,17	1,17	1,22	1,22	1,23	1,18	1,16	1,17	1,18	1,19	1,2
Австрия	1,47	1,47	1,46	1,46	1,48	1,52	1,51	1,5	1,49	1,51	1,4
Польша	2,17	2,01	2,07	2,1	2,11	2,2	2,13	2,21	2,21	2,2	2,2
Португалия	1,73	1,76	1,75	1,76	1,76	1,78	1,79	1,81	1,82	1,84	1,9
Румыния	1,49	1,44	1,42	1,53	1,55	1,59	1,52	1,54	1,58	1,54	1,5
Словения	1,83	1,78	1,88	2,01	2,17	2,17		2,17	2,09	2,06	2,0
Словакия	1,16	1,07	2,13	2,08	1,83	1,81	1,74	1,78	1,76	1,78	1,8
Финляндия	1,44	1,49	1,58				1,74	1,74	1,65	1,58	
Швеция	1,61	1,53	1,53	1,6	1,59	1,56	1,56	1,58	1,56	1,58	1,5
Исландия								2,07	2,06	1,99	1,9
Норвегия	1,99	1,83	1,86	1,79	1,8	1,83	1,87	1,92	1,93	1,94	2,0
Великобритания	1,45	1,51		1,62	1,56	1,61	1,47	1,59		1,51	1,6

Источник: Eurostat. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/cei_cie010/default/table?lang=en (accessed: May, 2021).

Несмотря на усилия и широкое продвижение экономики замкнутого цикла и устойчивого развития, в настоящее время существует ряд препятствий для перехода к ней, в том числе:

- в целом политики все еще не обладают достаточными компетенциями, знаниями и навыками для эффективной интеграции всех рассмотренных аспектов экономики замкнутого цикла;

- вовлечение заинтересованных сторон в цепочку производства и потребления затруднено;

- затраты, связанные с производством этих продуктов, также могут выступать в качестве барьера для осведомленности потребителей, она растет, но на данный момент незначительна и обычно связана с нишевыми рынками (Samcho et al., 2019).

Заключение

В статье представлены теоретические заметки по экологической устойчивости, экологическим инновациям, экономике замкнутого цикла, зеленому предпринимательству и переходу к зеленой экономике – политике, инвестициям и зеленой занятости.

Была предложена методология, позволяющая установить связь между политикой, направленной на содействие переходу к экономике замкнутого цикла, и уровнем инвестиций и зеленой занятости. Разработанная методология формирует научный вклад исследования, что объясняется новизной подхода к зависимости при переходе к экономике замкнутого цикла.

Отслеживаются тенденции, барьеры и проблемы, на основе чего сделаны выводы и даны рекомендации.

Цели и преимущества, определенные в политике ЕС в отношении экономики замкнутого цикла, основаны на понимании того, что переход от линейной модели к модели замкнутого цикла позволит национальным экономикам стать более устойчивыми и конкурентоспособными. К таким преимуществам относятся бо-

лее инновационные и эффективные способы производства и потребления; защита бизнеса от нехватки ресурсов и нестабильных цен; возможности для создания рабочих мест и социальной интеграции; оптимизация управления отходами, которая стимулирует переработку и уменьшает их накопление; экономия энергии, поскольку меньшее количество производственных процессов требует меньше энергии; экологические выгоды с точки зрения климата и биоразнообразия, загрязнения воздуха, почвы и воды²⁰.

Можно утверждать, что в некоторой степени такая ситуация и динамика обусловлены низкими уровнями экономического роста, медленным восстановлением европейских экономик после глобального кризиса, евроскептицизмом последних лет, проявившимся, в частности, в выходе Великобритании из ЕС, кризисе мигрантов и т. д. Однако приверженность стран ЕС переходу к устойчивому развитию во имя глобальных перемен в контексте охраны окружающей среды, социальной стабильности и справедливости требует пересмотра мер и политики в направлении более четких и решительных действий. Переход к круговой и экологически устойчивой экономике является не только необходимостью в связи с изменением климата и глобальными экономическими и социальными сдвигами, но и обязательством перед будущими поколениями.

Выводы, сформулированные в ходе анализа, ясно показывают, что переход к зеленой экономике четко виден с точки зрения занятости в секторах, связанных с экономикой замкнутого цикла и экологической экономикой. Несмотря на различную степень зеленого перехода, занятость растет во всех странах ЕС. Положительные чистые инвестиции, вложенные в зеленые секторы за период исследования, являются основным средством усиления динамики и достижения поставленных целей устойчивого и зеленого экономического развития и роста.

²⁰ Eurostat. Circular Economy – Overview. Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/circular-economy/overview> (accessed: May, 2021).

Литература

- Angelova M., Pastarmadzhieva D. (2020). Development of bio-based economy: Entrepreneurial endeavors and innovation across Bulgarian wine industry. *Journal of International Studies*, 13, 149–162. DOI: 10.14254/2071-8330.2020/13-2/11
- Camocho D., José V., Ferreira A.M. (2019). Circular and sustainable products: From theory into practice. In: *19th European Roundtable for Sustainable Consumption and Production (ERSCP 2019)*.
- Chell E. (2008). *The Entrepreneurial Personality a Social Construction*. 2nd Edition. London: Routledge, Psychology Press. DOI: 10.4324/9780203938638
- Chiou T.-Y., Chan H., Lettice F., Chung S.-H. (2011). The influence of greening the suppliers and green innovation on environmental performance and competitive advantage in Taiwan. *Transportation Research Part E-Logistics and Transportation Review*. DOI: 10.1016/j.tre.2011.05.016
- Dvořák P., Martinát S., der Horst D.V., Frantál B., Turečková K. (2017). Renewable energy investment and job creation; a cross-sectoral assessment for the Czech Republic with reference to EU benchmarks. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 69, 360–368. DOI: 10.1016/j.rser.2016.11.158
- Fatoki O. (2019). Green entrepreneurial orientation and firm performance in South Africa. *Entrepreneurship and Sustainability*, 7, 247–262, Available at: <https://ideas.repec.org/a/ssi/jouesi/v7y2019i1p247-262.html>
- Garrett-Peltier H. (2017). Green versus brown: Comparing the employment impacts of energy efficiency, renewable energy, and fossil fuels using an input-output model. *Economic Modelling*, 61, 439–447. DOI: 10.1016/j.econmod.2016.11.012
- Hepburn C., O’Callaghan B., Stern N. et al. (2020). Will COVID-19 fiscal recovery packages accelerate or retard progress on climate change? *Oxford Review of Economic Policy*, 36(1), S359–S381. DOI: 10.1093/oxrep/graa015
- Hisrich R., Peters P., Shepherd D.A. (2017). *Entrepreneurship (10th Edition)*. New York: McGraw-Hill Education.
- Kapsos S. (2005). The employment intensity of growth: Trends and macroeconomic determinants. *Employment Strategy Papers*. Available at: www.ilo.org/public/english/employment/strat/espapers.htm (accessed: May, 2021).
- Kengatharan N. (2012). Exploring the relationship between psychological characteristics and entrepreneurial inclination: A case study from Sri Lanka. *Global Journal of Management and Business Research*, 12(21), 83–89. Available at: https://globaljournals.org/GJM BR_Volume12/10-Exploring-Relationship-between-Psychological.pdf (accessed: May, 2021).
- Lehr U., Lutz C., Edler D. (2012). Green jobs? Economic impacts of renewable energy in Germany. *Energy Policy*, 47, 358–364. Available at: 10.1016/j.enpol.2012.04.076
- Miedzinski M., Dibb G., McDowall W., Ekins P. (2020). *Innovation for a Green Recovery: Business and Government in Partnership*. London: UCL. Available at: www.ucl.ac.uk/bartlett/sustainable/research/project-directory/green-innovation-policy-commission/about-green-innovation-policy (accessed: May, 2021).
- Miteva A. (2017). Zelenite работni mesta v Bulgaria – problemi, perspektivi. *Ikonomicheski I Socialni Alternative*, 1. Available at: <https://www.unwe.bg/alternativi/bg/journalissues/article/10720> (accessed: June, 2021).
- Nacu C.M., Avasilcăi S. (2014). Technological ecopreneurship: Conceptual approaches. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 12(4), 229–235. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.02.481
- Packiyathan M., Pushpanathan A. (2021). Does Green Innovative Practices Matter? The Effect of Green Innovation on Green Entrepreneurship Sustainability. *Journal of Business Studies*, 7(1), 127–148. DOI: 10.4038/jbs.v7i1.56
- Schaper M. (2002). The essence of ecopreneurship. *Greener management international*. DOI: 10.9774/GLEAF.3062.2002.su.00004
- Schaper M. (2016). *Making Ecopreneurs: Developing Sustainable Entrepreneurship*. CRC Press. Available at: [https://books.google.bg/books?hl=bg&lr=&id=8AMfDAAAQBAJ&oi=fnd&pg=PP1&dq=Schaper,+M.++\(2016\).+Making+ecopreneurs:+Developing+sustainable+entrepreneurship.+CRC+Press.++\(Ed\).&ots=H2KFKHQtIKP&sig=14CitTiKDRLx9UNTUz-vE_Y2Ly8&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false](https://books.google.bg/books?hl=bg&lr=&id=8AMfDAAAQBAJ&oi=fnd&pg=PP1&dq=Schaper,+M.++(2016).+Making+ecopreneurs:+Developing+sustainable+entrepreneurship.+CRC+Press.++(Ed).&ots=H2KFKHQtIKP&sig=14CitTiKDRLx9UNTUz-vE_Y2Ly8&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false) (accessed: May, 2021).
- Schilirò D. (2019). Sustainability, innovation, and efficiency: A key relationship. In: Magdalena Z., Bruno S. *Financing Sustainable Development: Key Challenges and Prospects*. Available at: https://ideas.repec.org/h/pal/psifcp/978-3-030-16522-2_4.html (accessed: May, 2021).

- Schumpeter J.A. (1934). *The Theory of Economic Development*. Cambridge: Harvard University Press.
- Taylor D.W., Walley E.E. (2004). The green entrepreneur: Opportunist, maverick or visionary? *International Journal of Entrepreneurship and Small Business*, 1(1–2), 56–69. DOI: <https://doi.org/10.1504/IJESB.2004.005377>
- O’Callaghan B.J., Murdock E. (2021). *Are We Building Back Better? Evidence from 2020 and Pathways to Inclusive Green Recovery Spending*. Global Recovery Observatory.
- Yosifov T. (2019). Konkurentni predimstva pri izpolzване na biotehnologichni inovatsii. *Ikonomika*, 21(2), 100–118. Available at: https://www.researchgate.net/publication/338764947_KONKURENTNI_PREDIMSTVA_PRI_IZPOLZVANE_NA_BIOTEHNOLIGICNI_INOVACII (accessed: May, 2021).
- Wei M., Patadia S., Kammen D.M. (2010). Putting renewables and energy efficiency to work: How many jobs can the clean energy industry generate in the US? *Energy Policy*, 38(2), 919–931. DOI: 10.1016/j.enpol.2009.10.044

Сведения об авторах

Стефан Райчев – PhD (экономика), доцент, доцент кафедры, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского (4000, Болгария, г. Пловдив, ул. Tsar Asen, д. 24; e-mail: stefan1@abv.bg)

Добринка Стоянова – PhD (экономика), доцент, доцент кафедры, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского (4000, Болгария, г. Пловдив, ул. Tsar Asen, д. 24; e-mail: bini_stoyanova1@abv.bg)

Гергана Димитрова – PhD (экономика), Chief Assistant Professor, старший преподаватель, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского (4000, Болгария, г. Пловдив, ул. Tsar Asen, д. 24; e-mail: gergana.gu@gmail.com)

Блага Маджурова – PhD (экономика), Chief Assistant Professor, старший преподаватель, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского (4000, Болгария, г. Пловдив, ул. Tsar Asen, д. 24; e-mail: bmadzhurova@yahoo.de)

Raychev S., Stoyanova D., Dimitrova G., Madzhurova B.

Innovation Impact on the Circular Economy

Abstract. The paper presents the arguments and counterarguments used in the scientific discussion on the issue of how innovations affect the circular economy and whether it changes accordingly. The main purpose is to analyze the extent to which EU member states manage to boost the circular economy through investment and employment. Review of literary sources and approaches for solving the problem of the multilateral and two-way impact of innovation on the circular economy indicates that the green economy could not exist without the development of innovation, but on the other hand they are its engine. Environmental practices show that there is a need to develop new business models taking into account functionally related innovative changes. The research methods and methodology covers the period from 2008 to 2018. The paper presents the results of an empirical analysis examining the extent to which EU member states manage to boost the circular economy through investment and employment, which showed that measures to increase their economic activity should be in line with the policy of attracting of investment in the circular economy. The research empirically confirms and proves that there still exist certain problems hindering the full implementation of the circular economy; and they are due to the consciousness of the population and employment opportunities in these areas, despite the efforts of the responsible institutions. The results of the research can be useful for public institutions dealing with the circular economy, as well as for the business sector.

Key words: green economy, green innovations, labor market, business models.

Information about the Authors

Stefan Raychev – PhD in Economics, Associated Professor, associated professor of department, Plovdiv University “Paisii Hilendarski” (24, Tsar Asen Street, Plovdiv, 4000, Bulgaria; e-mail: stefan1@abv.bg)

Dobrinka Stoyanova – PhD in Economics, Associated Professor, associated professor of department, Plovdiv University “Paisii Hilendarski” (24, Tsar Asen Street, Plovdiv, 4000, Bulgaria; e-mail: bini_stoyanova1@abv.bg)

Gergana Dimitrova – PhD in Economics, Chief Assistant Professor, chief assistant professor of department, Plovdiv University “Paisii Hilendarski” (24, Tsar Asen Street, Plovdiv, 4000, Bulgaria; e-mail: gergana.gu@gmail.com)

Blaga Madzhurova – PhD in Economics, Chief Assistant Professor, chief assistant professor of department, Plovdiv University “Paisii Hilendarski” (24, Tsar Asen Street, Plovdiv, 4000, Bulgaria; e-mail: bmadzhurova@yahoo.de)

Статья поступила 18.11.2021.

Социальная политика активного долголетия в России и государствах всеобщего благосостояния Европы: опыт сравнительного анализа

Константин Александрович

ГАЛКИН

Социологический институт РАН ФНИСЦ РАН

Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: Kgalkin1989@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6403-6083; ResearcherID: A-8784-2016

Аннотация. Старение населения – глобальный процесс, характерный и для европейских стран, и для России. Одним из пропорциональных ответов на вызовы глобального старения выступает создание условий, обеспечивающих максимальную автономность и активность, а также социальную поддержку пожилых людей и возможность быть активными. Цель работы – анализ особенностей социальной политики в области активного долголетия в европейских странах всеобщего благосостояния и Российской Федерации. В ходе исследования выделены ключевые тенденции и отличия российской и европейской социальной политики, обозначены главные особенности понимания активного долголетия в Европе и России. За основу анализа взят опыт европейских государств, занимающих ведущие позиции в рейтинге государств мира по качеству жизни пожилых людей, где особое внимание уделяется пожилым гражданам и особенностям их старения и активности. Эти страны реализуют разнообразные механизмы в области активного долголетия на протяжении многих лет. В рамках статьи раскрываются особенности реализации подобной политики и приводится критический обзор сильных и слабых сторон политики активного долголетия в европейских государствах всеобщего благосостояния и России.

Ключевые слова: активное долголетие, пожилые люди, европейские государства, социальная политика, социальная активность.

Для цитирования: Галкин К.А. (2022). Социальная политика активного долголетия в России и государствах всеобщего благосостояния Европы: опыт сравнительного анализа // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 2. С. 239–252. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.15

For citation: Galkin K.A. (2022). Social policy of active aging in Russia and European welfare states: Comparative analysis. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(2), 239–252. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.15

Введение

Увеличение числа пожилых людей в общей численности населения стран называется демографическим старением. Оно связано с изменениями возрастной структуры и характера воспроизводства населения. В европейском регионе на сегодняшний день сохраняются тенденции старения населения и роста численности пожилых людей старше 60 лет (Golini, 1997; Reynaud, Miccoli, 2019). На подобную тенденцию влияет общее снижение рождаемости населения и повышение продолжительности жизни (Porova, Navicke, 2019; Sobotka, 2004). Так, к 2050 году больше четверти европейского населения будут составлять пожилые люди в возрасте 65 лет и выше¹. При этом, несмотря на неравномерные показатели роста их количества в Европе, предполагается, что число пожилых людей будет увеличиваться даже в регионах со сравнительно небольшой продолжительностью жизни, например в странах Центральной и Восточной Европы (Botev, 2012; Kashnitsky et al., 2020). Безусловно, растущая численность пожилых людей требует создания специальных норм и принципов, которые отображаются в европейской социальной политике, а также закреплены в различных национальных актах и национальных политиках стран Европы.

Рост числа пожилых людей характерен и для России. Снижение рождаемости наряду с увеличением в регионах количества граждан старше 65 лет происходит во всех субъектах страны. Разумеется, такая ситуация требует новых мер, закреплённых в социальной политике (Кузнецов, Сафронова, 2018; Бухер, 2016). При этом существуют отличия в развитии концепций социальной политики в европейских странах и России. Общим трендом выступает ориентир на здоровое старение, здоровый образ жизни, организацию досуга и комфортного проживания, реализацию планов пожилых людей и продление их трудовой деятельности (Григорьева, Богданова, 2020). Именно эти пункты становятся важнейшими аспектами в социальной политике государств².

¹ Чен М. (2015). Всемирный доклад «О старении и здоровье» // Резюме ВОЗ. № 1. С. 5–7.

² О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ // Собрание законодательства РФ. 2008. Т. 24.

Концепция здорового старения, определённая ВОЗ ООН, основана на понятиях «индивидуальная жизнеспособность» и «функциональная жизнеспособность». Данные показатели дают возможность соотнести два ключевых параметра, на которых основывается активность пожилого человека, а именно здоровье и функционирование. Первый показатель связан с совокупностью всех физических и психических состояний пожилых людей, которые они могут использовать в любые моменты времени, для того чтобы быть более активными³. Вторым показателем — условия, в рамках которых происходит старение пожилых людей, относится к среде, взаимодействиям и общению в ней, а также к особенностям социальной политики в стране, где проходит жизнь пожилых людей.

Таким образом, активность и «функциональная жизнеспособность»⁴, которая выступает важным параметром при определении и разработке политики активного долголетия, понимается, с точки зрения ВОЗ, в первую очередь как здоровое старение, связанное с физическими и психологическими факторами и вписанное в определённую среду⁵. В Европе государства — члены ВОЗ с 1980-х годов обращали внимание на то, что в деятельности регионального бюро организации особая роль должна быть отведена именно здоровому старению (Воробьев, Короткова, 2016). Здоровое старение как важная отправная точка к активному долголетию стала задачей Европейской стратегии «Здоровье для всех в XXI веке», принятой в 1998 году⁶. В рамках ряда резолюций, принятых ВОЗ, рассматривались последовательные шаги для достижения целей активного долголетия и

³ Комплексная помощь пожилым людям: рекомендации по реализации мероприятий на уровне местных сообществ для контроля снижения индивидуальной жизнеспособности [Integrated care for older people: guidelines on community-level interventions to manage declines in intrinsic capacity] // ВОЗ. 2021.

⁴ Воробьев Р.В., Короткова А.В. (2016). Аналитический обзор проблемы здорового старения в странах Европейского региона ВОЗ и Российской Федерации // Социальные аспекты здоровья населения. Т. 51. № 5. С. 3.

⁵ Health-21 (1999). The policy framework for achievement of health for all in the WHO European region. Copenhagen. WHO Regional office for Europe. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0010/98398/wa540ga199heeng.pdf (дата обращения 09.03.2022).

⁶ Там же.

здоровья пожилых людей в Европе. Отправной точкой легитимации и начала реализации политики активного долголетия послужил принятый в 2002 году в Испании Мадридский план действий, посвящённый проблеме старения и вопросам активности пожилых людей, поддержания активностей в пожилом возрасте. Вклад ВОЗ при этом состоял в разработке документа под названием «Содействие активной старости: основы политики», который призывал правительства государств при проектировании социальной политики учитывать потребности пожилых людей и создавать для них необходимые условия: функциональную жизнеспособность и комфортную среду для активного старения⁷.

Ключевой особенностью Мадридского плана как главного программного документа, в рамках которого зафиксированы принципы активного долголетия, выступает резкий поворот от старости, свободной от обязательств и трудовой деятельности, к старости, где важная роль отводится участию на рынке труда и равному доступу (включению) пожилых людей в практики потребления. Это, безусловно, делает Мадридский план неолиберальным проектом старения, направленным на переосмысление возраста, в первую очередь исходя из неолиберальных ценностей. Ключевые изменения, ознаменованные Мадридским планом, заключаются в отказе от рассмотрения биологизированного и медикализированного понимания старения как времени обязательного угасания и утрачиваемой с возрастом трудоспособности. Важными аспектами остаются поддержание физического здоровья, ориентир на здоровое старение и реализацию медицинских мер. Ключевые принципы данной стратегии используются в рамках реализации социальных политик европейских государств, а также развития социальной политики в контексте здоровья пожилых людей и принятия необходимых мер по поддержанию здоровья и осуществлению диспансеризации.

Одной из серьёзных проблем концепции активного долголетия выступает проблема институционализации, а именно вопросы, связанные с ориентиром на проведение социальной по-

литики «сверху вниз» и ответственностью государства, государственных институтов за реализацию политики активного долголетия. Как отмечено в исследованиях, нередко меры государственной политики, реализуемые «сверху вниз», оказываются неэффективными (Neu, 2004; Aspalter, 2021). Например, проблема институционализации европейской политики активного долголетия создаёт сложности с развитием локальных и индивидуальных инициатив, которые реализуются пожилыми людьми и некоммерческими организациями (НКО).

Таким образом, европейская политика активного долголетия, и в особенности институционализация европейской политики активного долголетия, — тема, которая сейчас активно обсуждается. Поиск альтернативных моделей заключается в анализе научных концепций и рассмотрении возможностей развития активностей пожилых людей.

На сегодняшний день, анализируя европейскую политику активного долголетия, возможно обозначить два ключевых момента, которые возникают при введении и реализации различных мер. Первый связан с институциональными особенностями и характером политики активного долголетия, ориентированным на неолиберальный дискурс; второй обусловлен локальным характером и важностью применения фокусированной, индивидуальной оптики к рассмотрению и анализу различных аспектов и возможностей реализации политики активного долголетия.

В статье поставлена цель провести сравнительный анализ социальной политики активного долголетия в государствах всеобщего благосостояния Европы и в России и рассмотреть перспективы развития концепции политики активного долголетия исходя из особенностей представлений об активном долголетии в рассматриваемых странах.

Осуществление сравнительного анализа политики активного долголетия в государствах всеобщего благосостояния Европы и в России позволяет выявить её преимущества и проблемы, наметить возможные варианты ее совершенствования, следовательно, обладает выраженной значимостью для развития не только данной отрасли знаний, но и концептуальных подходов к построению политики активного долголетия на национальном уровне.

⁷ Political Declaration and Madrid International Plan of Action on Aging (2002). Second World Assembly on Aging, April 8–12. Madrid, Spain.

Научная новизна исследования заключается в сравнении особенностей социальной политики активного долголетия в странах, имеющих разный опыт социальной политики в отношении пожилых людей, а также во многом различающихся принципов социальной политики. Такое сравнение позволяет определить и наметить перспективы развития политики активного долголетия с учётом различных факторов и особенностей стран, что, безусловно, ценно как при планировании дальнейших исследований по социальной политике активного долголетия, так и при рассмотрении практических особенностей реализации политики активного долголетия в государствах всеобщего благосостояния и России.

В ходе работы были реализованы следующие задачи:

- рассмотрены особенности политики активного долголетия в европейских государствах всеобщего благосостояния и в России;

- проанализированы проблемы реализации политики активного долголетия и перспективы их решения в европейских государствах всеобщего благосостояния и в России.

Эмпирической базой выступают исследования по социологии и социальной политике, а также различные нормативные акты и программы, касающиеся политики активного долголетия, в европейских странах и России. Выбор государств всеобщего благосостояния Европы обусловлен тем, что именно в европейских странах возникли и развивались идеи активного долголетия. В этом смысле европейские страны могут выступать эталоном для сравнения особенностей в рамках мер социальной политики активного долголетия. Другим немаловажным аспектом выступает относительная географическая близость европейских государств всеобщего благосостояния к России, следовательно, политика активного долголетия в России ориентируется на эталонные стандарты в этой сфере, присущие странам Европы. Также при выборе стран учитывались отличия: так, социальная политика в странах всеобщего благосостояния Европы представляет собой наиболее сформированную и слаженную систему, в то время как российская социальная политика является наследницей советской социальной политики, элемент плановости и роль государства по-прежнему остаются в ней весомыми.

Это делает важным и релевантным сравнение активного долголетия как новой, возникающей ветви социальной политики в России со сформированной системой политики активного долголетия в европейских государствах всеобщего благосостояния.

Политика активного долголетия в государствах всеобщего благосостояния Северной Европы

За последние десятилетия европейские страны всеобщего благосостояния стали государствами с довольно сложными политическими системами, включающими в себя множественные риски. Однако одной из отличительных особенностей государств всеобщего благосостояния выступает ориентир на институциональный контекст развития социальной политики (Clegg, 2018; Johnson, 2005; Taylor-Gooby, 2004). Исключением не являются и меры социальной политики, которые принимаются в этих странах относительно активного долголетия. Институциональные структуры государств всеобщего благосостояния не только формируют повестку социальной политики, но определяют участников и тех, кто может участвовать и кого можно привлечь к разработке социальной политики. При этом именно институциональные рамки ограничивают сферу применения социальной политики и способствуют централизованному контролю над вводимыми мерами политики активного долголетия (Walker, Maltby, 2012; De Vroom, Øverbye, 2017). Пути реализации институционального контекста политики активного долголетия отличаются. Северные государства всеобщего благосостояния традиционно ориентированы на различные льготы для пожилых людей, медицинскую помощь и диспансеризацию, а также на «возвращение» пожилых людей на рынки труда и развитие их активного участия в трудовой деятельности. Качество оказываемых социальных услуг в северных странах подразумевает, что не все пожилые могут получать льготы в течение продолжительного времени, следовательно, важным фактором становится их привлечение в трудовую сферу. Таким образом, социальная политика северных государств сосредоточена на интеграции пожилых в социальную жизнь⁸.

⁸ Christensen D.A., Ervik R. (2003). Active ageing in Europe: Methods, policies, and institutions – Norwegian country report. Vienna: ICCR.

Ключевые компоненты этой политической стратегии определены созданием институционального потенциала для реализации политики активного долголетия, то есть формированием различных государственных и негосударственных организаций и программ, координирующих политику, и развитием индивидуального потенциала пожилых людей (обучение, переобучение, карьерные консультации и консультации по выбору или смене профессии и сферы деятельности). Основной идеей социальной политики стран Северной Европы выступает активизация ресурсов пожилых людей и их включение в трудовую деятельность. Это связано с тем, что неактивные и не участвующие в трудовой деятельности пожилые работники создают трудности для экономики, вызванные необходимостью платить пенсии и многочисленные пособия (Casado-Díaz et al., 2004; Walker, 2005). Партнёры, государственные и негосударственные организации не только участвуют во всех этапах принятия решений, но и интенсивно сотрудничают с различными министерствами, например министерством труда, министерством здравоохранения, развивают программы, наиболее комфортные и адаптивные для нужд пожилых людей. Программы по трудоустройству пожилых людей в странах Северной Европы пользуются весомой исследовательской поддержкой, осуществляется мониторинг оценки эффективности программы и применяемых мер (Gould, Saurama, 2017).

Политика активного долголетия в странах Северной Европы сосредоточена вокруг интеграции пожилых людей на рынок труда и формирования их профессиональных навыков, а также развития различных специализированных программ, способствующих трудоустройству пожилых людей (Esping-Andersen, 1990; Gould, Saurama, 2017). Относительно политики активностей и физического здоровья в странах Северной Европы действуют программы, институционально связанные с государством и развивающиеся «сверху вниз». Подобные программы мотивируют большое число пожилых людей к выполнению упражнений и различной физической активности, однако одной из проблем выступает их сравнительно незначительный региональный и локальный охват. К примеру, реализуемая национальным прави-

тельством Финляндии с 2005 года программа по активному образу жизни среди пожилых людей на сегодняшний день пользуется довольно высоким рейтингом. Оценка результатов программы, реализуемой в 13 пилотных регионах Финляндии, выявила трёхкратное увеличение числа пожилых, регулярно посещающих мероприятия, связанные с физической активностью (Karvinen et al., 2014; Колосницина, Хоркина, 2016). При этом специфика программы ориентирована именно на неолиберальное понимание возраста и рассмотрение государства как агента, создающего специальные комфортные условия для пожилых. Подобная программа способствует долголетию пожилых людей, а также их развитию, вовлечению в различные активности. Занимаясь спортом, пожилые люди вовлекаются в общение, тем самым преодолевают эксклюзию.

Особенности политики активного долголетия в государствах всеобщего благосостояния в континентальной Европе

В континентальной Европе учреждения социального страхования позиционируют старение как вопрос, связанный с обеспечением политики финансовой устойчивости для пожилых людей. Одной из мер стимулирования пожилых людей к занятости выступают законодательные инициативы по повышению пенсионного возраста. Во Франции, Австрии и Германии активно применяются корректировки и изменения в периодах трудоспособности (Häusermann, 2010; Ebbinghaus, 2006). В Германии и Польше изменения в пенсионных системах привели к переходу от системы пенсий с установленными выплатами к системе с установленными взносами и повышению страховой части пенсии, в которую вкладываются сами пожилые люди. Также одной из особенностей социальной политики континентальных стран Европы выступает стимулирование частичного выхода на пенсию. Подобная политика применяется в Австрии, где концепция частичного выхода на пенсию используется работодателями для стимулирования занятости и найма пожилых людей (Ney, 2004).

Особенность социальной политики в сфере активного долголетия либеральных государств — это ориентир на трудоустройство и переобучение по специальным программам, связанным

с интеграцией пожилых на рынки труда⁹ (Zaidi et al., 2017). Дебаты относительно социальной политики в сфере активного долголетия в либеральных государствах всеобщего благосостояния строятся вокруг обсуждения возрастной дискриминации, а именно обсуждения физических, психологических и возрастных барьеров, которые создают пожилым людям препятствия для участия в социальной жизни, интеграции в социум. Активное долголетие в таком случае становится институциональным проектом по устранению барьеров для интеграции пожилых людей на рынки труда, для развития их потенциала.

Например, политика Великобритании сосредоточена на расширении и развитии прав пожилых людей, привлечении пожилых на рынки труда. Чтобы обеспечить им свободный доступ к занятости, власти Великобритании используют инструменты прямой политики, направленные на минимизацию и сокращение препятствий для пожилых работников в трудоустройстве. Также в Великобритании применяются инструменты саморегулирования социальной политики: фирмы, сообщества и отдельные локации-регионы создают свои кодексы и своё законодательство, ориентированное на наём пожилых работников (Walker, 2018). В плане физической активности ориентир государств всеобщего благосостояния континентальной Европы сосредоточен вокруг создания государственных программ физической активности для пожилых людей и формирования для них комфортной среды¹⁰.

Таким образом, ключевые меры социальной политики активного долголетия в государствах всеобщего благосостояния континентальной Европы ориентированы на возвращение пожилых работников на рынки труда, создание различных институциональных условий для развития и расширения возможностей интеграции на рынки труда пожилых сотрудников. Социальная политика активного долголетия в государствах всеобщего благосостояния развивается преимущественно по принципам нелибераль-

ного подхода к старению, когда активности, в частности трудовая, становятся основой для интеграции пожилых людей в социум.

Особенности и дилеммы европейской политики активного долголетия

Одной из главных проблем для европейских государств всеобщего благосостояния выступает институциональный взгляд на политику активного долголетия, а также проблемы отсутствия возможных путей решения и изменения, отхода от институционального фокуса политики активного долголетия (Walker, 2018). Как отмечают исследователи, европейские политики, одержимые соотношением иждивенцев, ростом взносов на социальное страхование или увеличением расходов на здравоохранение, забывают реальную проблему, а именно «уровень экономической активности и, в частности, безработицу среди пожилых людей» (Walker, 2002; Walker, Maltby, 2012). Однако для решения этой проблемы потребуется обратиться к социальным проблемам, присутствующим в европейской политике, и учесть особенности социальных проблем, таких как эйджизм, неравенство и социальная изоляция.

Таким образом, эйджизм и дискриминация по возрасту в широком спектре социальных сфер являются основной причиной проблем, связанных с демографическим старением в государствах всеобщего благосостояния. При этом существует расслоение между мигрантским пожилым населением и коренными европейцами. Также есть отличия, которые можно рассматривать относительно бедности пожилых людей в зависимости от различных локаций и различных стран. На европейских рынках труда практика трудоустройства и профессиональной подготовки на уровне фирм гарантирует, что пожилые работники с большей вероятностью будут сокращены и, став безработными, с меньшей вероятностью вернутся на рынок труда¹¹ (Walker, 2002). Несмотря на структурные различия, все европейские государства всеобщего благосостояния усугубляют возрастные барьеры. Из-за повышения пенсионного возраста, поощрения раннего выхода на пенсию и санкционирования любой занятости во время вы-

⁹ Mayhew L. (2003). Active ageing in Europe: Methods, policies, and institutions – UK country report. Vienna: ICCR.

¹⁰ Mayhew L. (2003). Active ageing in Europe: Methods, policies, and institutions – UK country report. Vienna: ICCR; OECD (2004). Ageing and employment policies: United Kingdom. OECD publishing. 152 p.

¹¹ Piekola H. (2003). Active ageing in Europe: Methods, policies, and institutions – Finnish country report. Vienna: ICCR.

хода на пенсию возникает институциональная дилемма, связанная с тем, что пенсионные системы в странах всеобщего благосостояния сначала приводят пожилых людей к бездействию, а затем институционально создают условия и специальные программы, через регулирование пенсионных выплат (Walker, 2018).

В секторе здравоохранения реализуемая на сегодняшний день институциональная политика европейских государств, по сути, определяет важность не профилактики, а лечения заболеваний у пожилых людей, что создаёт дополнительные затраты на лечение (Walker, 2018). Также стоимость лечения пожилых людей в европейских странах постоянно возрастает, и причиной подобного роста является, в том числе, отсутствие профилактических мероприятий и медицины, ориентированной на диспансеризацию и профилактику.

Ещё одним проблемным аспектом европейской политики активного долголетия выступает отсутствие политической активности и политической вовлечённости граждан. Исследователи отмечают отсутствие реального политического влияния пожилых граждан, а также реальных инициатив пожилых (Walker, 2018). При этом вовлечение пожилых людей в политическую активность является важным маркером создания активностей, а также способствует деинституционализации политики и созданию различных возможных инициатив по совершенствованию политики для пожилых людей.

По мнению исследователей, важно развивать новые подходы в понимании и определении старения, необходимо прекратить рассматривать возраст исключительно с позиций государства всеобщего благосостояния (Walker, 2018; Boudiny, 2013; Stenner et al., 2011). Речь идёт о создании институциональных, комфортных условий для пожилых людей, но при этом налицо отсутствие альтернатив, рефлексии относительно того, насколько возможна реализация различных видов активностей для пожилых людей, и прекращения привязанности активности исключительно к позициям занятости и медицины, поддержания здоровья. Таким образом, основной особенностью европейской политики активного долголетия должен стать планомерный переход от государства всеобщего благосостояния и институционализации ак-

тивностей, применяемых мер в отношении старения к пониманию и рассмотрению процесса старения с позиций многомерности особенностей возраста и критическому осмыслению различных потребностей пожилых людей.

Исследователи отмечают, что координационный центр разработки новых мер и способов реализации политики активного долголетия для пожилых людей должен быть смещён с национального и институционального уровня на уровень локальный и муниципальный (Foster et al., 2015; Schulmann et al., 2019; Leichsenring, 2020). Также подчёркивается особая значимость и роль местных муниципалитетов и НКО в контексте реализации политики активного долголетия. Следует обозначить центральные проблемные темы, связанные с модернизацией европейской политики активного долголетия:

- преодоление эйджизма в трудовой сфере; развитие в будущем нескольких источников дохода для пожилых людей, различных видов и типов занятости, а также совмещение различных работ, самостоятельный выбор работ;

- создание новых пенсионных механизмов, поощряющих возможности для трудоустройства и работы неполный рабочий день, развитие подобных пенсионных механизмов; снижение налогов при выходе на пенсию, отказ от обязательной мотивирующей политики поиска рабочих мест при выходе на пенсию и обязательного продолжения занятости для пожилых людей;

- развитие системы диспансеризации, ориентир на предотвращение невирусных заболеваний среди пожилых людей, выявление заболеваний на ранних стадиях, последовательная профилактика. Для того чтобы избежать стремительного роста расходов на здравоохранение в будущем, необходимо разорвать связь между плохим здоровьем и занятостью (Walker, 2002). Европейские системы здравоохранения в государствах всеобщего благосостояния должны предотвращать плохое здоровье, а не лечить болезни с большими затратами. Кроме того, необходимы активность и участие общества в жизни немощных людей, требующих эффективного долгосрочного ухода, число которых значительно возрастет в ближайшие десятилетия;

— развитие гражданства пожилых людей: возможность развития новой концепции, которая заключается в том, что активность пожилых людей не создаётся институционально через развитие государственной политики активного долголетия и развитие активного участия, в том числе в политической жизни (Walker, 2002; Walker, 2018). Важным выступает критическое осмысление и понимание возраста, и в целом для политики гражданства важны участие самих пожилых людей и локальный уровень, создание благоприятной и комфортной среды (Del Barrio et al., 2018; Eggers et al., 2019).

Политика активного долголетия в России

Государственная политика и социальные программы для поддержки старших возрастных групп в России до недавнего времени были в основном ориентированы на решение задач медицинского обеспечения и проблем, связанных с естественным старением населения. Была создана государственная гериатрическая служба, одна из задач которой — создание и развитие сети гериатрических госпиталей и больниц, а также системы реабилитационных учреждений для пожилых людей (Шабалин, 2009).

В работу гериатрической помощи в России включена как стационарная помощь старшим возрастным группам, так и помощь на дому. Однако аспект здоровья пожилых в данном случае выходит на первый план, и в рамках деятельности службы отсутствует возможность оказания пожилым людям психологической и медицинской поддержки (Егоров, 2007).

Концепция демографической политики Российской Федерации до 2025 года акцентирует внимание на необходимости специальных мер для пожилых людей, а также на внедрении и развитии специальной политики. В тексте говорится о важности достижения к 2025 году ожидаемой продолжительности жизни в 75 лет и принятии мер, направленных на поддержание и развитие политики активного долголетия в России. Среди мер, которые указываются в тексте документа, также приводится необходимость создания специальных гериатрических центров, развитие активного долголетия и инклюзии пожилых людей в социум¹².

¹² Концепция демографической политики Российской Федерации в период до 2025 года (2020). URL: <https://base.garant.ru/191961/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4d4b4c33/> (дата обращения 09.03.2022).

В сфере трудовой деятельности граждан в Российской Федерации в настоящее время существует множество препятствий, среди которых — отсутствие заинтересованности у работодателей в пожилых работниках, дискриминация пожилых людей по возрасту на рынке труда. В исследованиях, посвященных изучению особенностей поведения пожилых людей на рынке труда, отмечается, что наиболее толерантны к пожилым людям старшего возраста частный сектор, консервативные сферы занятости, а также бюджетный сектор, в том числе медицина, образование и наука (Сизова, Орлова, 2021; Смолькин, 2014). В то же время представители коммерческого сектора в большей степени склонны рассматривать пожилых людей в качестве специалистов, которые выполняют низкоквалифицированные задачи: охранников, уборщиков и представителей сферы коммерциализированного ухода.

В отечественной науке, преимущественно в исследованиях по социальной политике, на данном этапе появляются работы, которые строятся главным образом на анализе активного долголетия в России и специфики социальной политики активного долголетия. При этом ключевая роль в обеспечении условий для активного долголетия в России и создания специальных мер в рамках социальной политики отводится государству. Российские исследователи активного долголетия отмечают, что именно государство должно обеспечивать и стимулировать максимальное включение и интеграцию пожилых людей в активную жизнь, через здравоохранение и профилактику лечения заболеваний стимулировать здоровый и активный образ жизни, максимальное включение пожилых людей в социальную жизнь и минимизацию бедности и социальной эксклюзии пожилых¹³ (Григорьева, Богданова, 2020; Черешнев, Чистова, 2017; Косьмина, Косьмин, 2016; Доброхлеб, 2012). Такой подход переносит задачи государства на адресную помощь пожилым людям, которые подвергаются проблемам эксклюзии и испытывают различные трудности, и их активное включение в социальную жизнь.

¹³ Старшее поколение как ресурс социально-экономической модернизации России (2014) / под науч. ред. чл.-корр. РАН Н.М. Римашевской. М.: Экономическое образование, 2014. 212 с.

Как отмечают российские исследователи активного долголетия, в России важным при планировании социальной политики в сфере активного долголетия выступает именно планирование необходимой инфраструктуры, в частности создание комфортной и удобной медицинской инфраструктуры и условий для активного долголетия с точки зрения поддержания необходимого уровня здоровья. При этом такие меры, как интеграция пожилых людей на рынок труда и продолжение занятости, как правило, не учитываются в рамках социальной политики активного долголетия (Григорьева, Богданова, 2020; Евсева, Язова, 2020; Кустова и др., 2021; Барсуков, 2016; Калачикова и др., 2016).

Другая группа российских исследователей рассматривает особенности активного долголетия с точки зрения социологических аспектов и социальной эксклюзии пожилых людей. В таких качественных социологических исследованиях особая роль отводится изучению проблем бедности пожилых людей, анализу необходимости продолжения трудовой деятельности из-за невозможности обеспечить себя на пенсию, а также рассмотрению особой роли семьи, которая часто выступает единственной альтернативой в обеспечении необходимых активностей для пожилых людей (Ткач и др., 2012; Смолькин, 2014; Темаев, Мельникова, 2010). В этих работах ключевым фокусом выступают всевозможные неравенства, в том числе городские и сельские неравенства, которые ограничивают возможности пожилых людей, их доступ к различным активностям и инфраструктуре.

Ещё одна группа исследований рассматривает активное долголетие в России с позиций переноса (или подмены) понятия «активное долголетие» на «здоровое старение», в связи с чем возникают дебаты вокруг изучения проблематики активного долголетия в контексте именно различных медицинских и оздоровительных мер. Активное долголетие с такой точки зрения понимается преимущественно как сохранение, поддержание здоровья пожилых людей, при этом возможность самих активностей пожилых людей видится в наличии хорошего уровня здоровья (Шабалин, 2009; Первова, Келасьев, 2017). Эти работы в большинстве своём представлены медицинскими исследова-

ниями и анализируют специфику и возможности здорового старения пожилых людей с учётом развития медицины в России.

Таким образом, при анализе отечественного опыта рассмотрения особенностей активного долголетия следует отметить, что в исследованиях, посвящённых теме активного долголетия в России, внимание уделяется преимущественно аспектам социальной политики, изучению особенностей социальной политики активного долголетия. Также немаловажным выступает рассмотрение медицинских особенностей активного долголетия, а вот социологический аспект в подобных работах представлен и обозначен довольно слабо. Следует отметить, что внимание уделяется, главным образом, институциональным и процессуальным аспектам активного долголетия, анализу законодательных актов и выработке необходимых решений по совершенствованию социальной политики в сфере активного долголетия.

Важным концептуальным документом выступает «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации». Пожилые люди в России определены в стратегии «старшим поколением» «без привычных рассуждений об их нужде и слабости»¹⁴. Пожилой возраст (в Стратегии — с 60 лет) становится хронологическим состоянием, но не медицинским определением, связанным с телесной немощностью и плохим самочувствием. При этом, согласно пенсионной реформе, подобная возрастная граница отодвинется в России к 2028 году, что противоречит принятой в стратегии возрастной границе в 60 лет. Также существует и ряд противоречий Стратегии с другими документами.

Основной идеей Стратегии в интересах граждан пожилого возраста выступает их активная интеграция в трудовую деятельность. Именно проблематика трудовой деятельности в отношении пожилых людей видится наиболее сложной для создания их активностей. Согласно тексту документа, основными и важными

¹⁴ Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 № 164-р; О плане мероприятий на 2016–2020 годы по реализации первого этапа Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 г.: Распоряжение Правительства РФ от 05.11.2016 № 2539-р.

пунктами являются вовлечение пожилых людей в общественную и трудовую деятельность, развитие активной интеграции в трудовую деятельность. В связи с этим одной из актуальных форм активности, обозначенной в тексте, становится волонтерство. Волонтерские практики могут позволить пожилым людям участвовать в общественной деятельности и активно включаться в коммуникацию и взаимодействия¹⁵.

Основной целью национального проекта «Демография» выступает увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни населения до 67 лет¹⁶.

В рамках национального проекта «Демография» отмечены ключевые критерии развития пожилых людей в России: (1) снижение смертности населения старшего трудоспособного возраста до 361 человека на 10 тысяч человек населения соответствующего возраста; (2) повышение доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, до 55,0%¹⁷. При этом остаётся неясным, как данные показатели могут быть достигнуты, а в текстах обоих документов не говорится об измерениях показателей и возможностях их достижения. Скорее, эти показатели приводятся просто как цели для достижения и измерения эффективности принятых стратегий.

За увеличение качества жизни в рамках национального проекта «Демография» отвечает входящий в него федеральный проект «Старшее поколение», задачами которого выступают разработка и реализация программы и специальных мер поддержки по качеству жизни пожилых людей в России¹⁸. Ключевым параметром,

¹⁵ Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 № 164-р; О плане мероприятий на 2016–2020 годы по реализации первого этапа Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 г.: Распоряжение Правительства РФ от 05.11.2016 № 2539-р.

¹⁶ Паспорт Национального проекта «Демография». URL: <http://government.ru/info/35559/> (дата обращения 14.03.2022).

¹⁷ Национальный проект «Демография». Паспорт. URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения 09.03.2022).

¹⁸ Федеральный проект «Старшее поколение»: перспективы реализации (2021) // Эффективная фармако-терапия. Учредитель: Синичкин Александр Анатольевич. Т. 17. № 36. С. 38–41.

призванным показать эффективность проекта «Старшее поколение», является расчет средней продолжительности здоровой жизни (ОПЗЖ). Особенность ОПЗЖ состоит в учете как объективных критериев состояния здоровья (параметров дожития), так и субъективных оценок (самооценок), что усиливает конкурентные преимущества данного показателя, обеспечивает его комплексность. Проблемой в реализации ОПЗЖ выступает его сравнительная функция, а именно невозможность сопоставления ОПЗЖ разных возрастов дожития (ОПЗЖ при рождении в сопоставлении с ОПЗЖ в возрасте 60 лет).

Другим проблемным аспектом в ходе реализации проекта «Старшее поколение» в России стала его институциональная перегруженность и, следовательно, ориентировка на институциональную поддержку пожилых людей, а также на необходимость разработки эффективных мер социальной политики для пожилых людей в работе всех институтов. Однако такая система во многом не рассматривает локальные и региональные инициативы по интеграции пожилых людей в активность и сохранение здоровья, не предусматривает создание таких инициатив снизу (самими пожилыми людьми) и в рамках различных локальных инициатив.

Слабой стороной проекта «Старшее поколение» выступает и отсутствие финансирования и развития системы долговременного ухода (СДУ), которая позволяет поддерживать здоровье пожилых людей в перспективе и обеспечивать необходимую социальную помощь для нуждающихся пожилых людей, их социальную поддержку. В европейские концепции активного долголетия достаточно давно интегрированы необходимые нормы по поддержанию системы долговременного ухода, а также необходимые условия для оказания социальной и психологической помощи пожилым людям. Несмотря на это, проект «Старшее поколение» открывает для развития пожилых людей множество перспектив, а также создаёт возможности для обеспечения активностей пожилых людей именно в контексте здоровья, для поддержания на основании здоровья активного долголетия. Следовательно, развитие этого проекта задаёт возможности для реализации целей активного долголетия в России.

Следует отметить, что за поддержание активности, в основном за поддержание здоровья, в России отвечает гериатрическая служба, целями которой выступают развитие медико-социальной помощи пожилым людям, осуществление необходимого амбулаторного лечения (Шабалин, 2009). Территориальное распределение учреждений гериатрической службы довольно неравномерно: оно охватывает преимущественно крупные города и города федерального значения, но не сельскую местность и малые города, где медико-социальные проблемы пожилых людей часто остаются без внимания (Егоров, 2007). Гериатрическая служба России имеет не вполне удовлетворительную правовую базу, не располагает вертикальными управленческими связями. Также существуют сложности с профессией врача-гериатра, которая есть лишь в крупных медицинских учреждениях и не включена в штатное расписание поликлиник и гериатрических центров (Ткачёва, 2016).

Все эти недостатки создают сложности и напряжение в медико-социальном обслуживании пожилых людей. Следует отметить, что, несмотря на разрозненность и отсутствие единой системы учреждений гериатрической службы, она имеет широкую сеть ведомственных учреждений, которые обеспечивают работу преимущественно со старшими возрастными группами, поддерживая здоровье их представителей.

В Указе Президента «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹⁹ указываются цели, ориентированные на развитие качества жизни пожилых людей и отказ от дискриминационной политики в их отношении: 1) повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 г. — до 80 лет); 2) обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, а также роста уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции.

Однако обозначенные в документах идеи не вносят ясности, как подобные показатели могут быть достигнуты, принимая во внимание то обстоятельство, что снижение смертности и здоровая жизнь есть высокоинерционные процессы. И одна из немаловажных проблем, которая

не способствует достижению подобных показателей, — это нестабильность в сфере занятости, а также дискриминация в отношении пожилых людей, которая присутствует на рынке труда. Таким образом, остаётся не вполне понятным, несмотря на явную динамику, как будут достигнуты цели активного долголетия и включения пожилых людей в социальную жизнь в Российской Федерации.

Заключение

Резюмируя полученные результаты анализа документов и стратегий социальной политики европейских стран всеобщего благосостояния и Российской Федерации в области активного долголетия, следует отметить различия и сходства.

Социальная политика европейских государств всеобщего благосостояния связана с институциональным контекстом и важностью создания различных программ для реализации принципов активного долголетия, которые включают преимущественно два вектора политики: 1) развитие занятости пожилых людей, создание программ занятости для пожилых людей, развитие физической активности; 2) ориентир на здоровье и важность поддержания здоровья для пожилых людей. Политики активного долголетия и в европейских государствах всеобщего благосостояния, и в России имеют схожий характер, а именно превалирование идеи «сверху» и доминирование и создание различных концепций и специальных программ для пожилых людей. Однако данные программы не учитывают критический компонент и не способствуют осмыслению важности индивидуальных потребностей пожилых людей при реализации политики активного долголетия.

Отличия европейской политики от российской связаны с тем, что европейская политика в большей степени ориентирована на поиск пожилыми людьми занятости и развитие их гражданства, переход к критическому пониманию и осмыслению возраста, основанному на важности локальных представлений и взглядов пожилых людей на смыслы старения, а также на его особенности, которые встроены в локальную среду. Однако сквозным вопросом модернизации и развития политики активного долголетия в европейских государствах всеобщего благосостояния и России должен стать ориентир на индивидуальность и важность создания мер, спо-

¹⁹ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения 09.03.2021).

собствующих активному вовлечению пожилых людей в политическую активность, формирования комфортной для них среды.

Таким образом, политика активного долголетия как в государствах всеобщего благосостояния в Европе, так и в России должна учитывать реальные проблемы пожилых людей, среди которых немаловажными выступают борьба с различными неравенствами, созданными институционально, и переход к индивидуальной доступности выбора пожилым человеком предпочтительной модели/моделей старения. Рас-

смотренные в исследовании инициативы в сфере социальной политики активного долголетия свидетельствуют о том, что на данном этапе активное долголетие и в государствах всеобщего благосостояния, и в России входит в сферу активных трансформаций, которая во многом связана с переходом от неолиберального дискурса, отрицающего старение и стимулирующего создание различных государственных программ, формирующих возможности для пожилых людей, к критическому осмыслению необходимых потребностей пожилых людей.

Литература

- Барсуков В.Н. (2016). Трудовая активность населения пенсионного возраста как фактор социально-экономического развития территории // Экономические и социальные перемены, факты, тенденции прогноз. № 1 (43). С. 195–213. DOI: 10.15838/esc/2016.1.43.13
- Бухер С. (2016). Современные тенденции старения населения России // Вестник Российской академии наук. Т. 86. № 3. С. 215–223. DOI: 10.7868/S0869587316030051
- Воробьев Р.В., Короткова А.В. (2016). Аналитический обзор проблемы здорового старения в странах Европейского региона ВОЗ и Российской Федерации // Социальные аспекты здоровья населения. Т. 51. № 5. С. 1–20. DOI: 10.21045/2071-5021-2016-51-5-3
- Григорьева И., Богданова Е. (2020). Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // Laboratorium: журнал социальных исследований. № 2. С. 187–211. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211
- Доброхлеб В.Г. (2012). Активное долголетие как проблема современной молодежи // Народонаселение. № 4 (58). С. 87–91.
- Евсеева Я.В., Ядова М.А. (2020). Успешное старение сквозь призму социальной геронтологии и социологии старения: предисловие // Успешное старение: Социологические и социogerонтологические концепции. С. 9–14.
- Егоров В.В. (2007). Гериатрическая служба России. Основные тенденции развития // Клиническая геронтология. Т. 13. № 3. С. 67–72.
- Калачикова О.Н., Барсуков В.Н., Короленко А.В., Шулёпов Е.Б. (2016). Факторы активного долголетия: итоги обследования вологодских долгожителей // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 5. С. 76–94. DOI: 10.15838/esc/2016.5.47.4
- Колосницына М.Г., Хоркина Н.А. (2016). Государственная политика активного долголетия: о чем свидетельствует мировой опыт // Демографическое обозрение. Т. 3. № 4. С. 27–42.
- Космина Е.А., Космин А.Д. (2016). О релевантной проблеме активного старения // Креативная экономика. Т. 10. № 5. С. 529–542. DOI: 10.18334/ce.10.5.35185
- Кузнецов В.В., Сафронова Л.Е. (2018). Народонаселение России: анализ состояния и стратегия развития // Ученые записки. № 2. С. 29–33.
- Кустова Н.А., Дмитриева И.С., Копылов С.И. (2021). Направления предотвращения исключения людей преклонного возраста из жизни социума // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 4–1. С. 116–120. DOI: 10.23672/r4575-9259-0553-b
- Первова И.Л., Келасьев В.Н. (2017). Пожилые и государство: специфика взаимоотношений в современной России на примере пожилых жителей Санкт-Петербурга // Успехи геронтологии. Т. 30. № 6. С. 794–801.
- Сизова И.Л., Орлова Н.С. (2021). Противоречия и напряженности в занятости лиц старших возрастов в современной России // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. № 1. С. 107–119. DOI: doi.org/10.33581/2521-6821-2021-1-107-119
- Смолькин А.А. (2014). Трудовой потенциал пожилых людей // Социологические исследования. № 5. С. 97–103.

- Темаев Т.В., Мельникова О.А. (2010). Роль семьи в социальной адаптации пожилого осужденного // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 13. № 2. С. 138–151.
- Ткачёва О.Н. (2016). Современная концепция развития гериатрической помощи в Российской Федерации // Вестник Росздравнадзора. № 4. С. 31–35.
- Черешнев В.А., Чистова Е.В. (2017). Выявление региональных особенностей старения населения России // Экономический анализ: теория и практика. Т. 16. № 12 (471). С. 2206–2223. DOI: 10.24891/ea.16.12.2206
- Шабалин В.Н. (2009). Медико-социальные проблемы физиологического старения населения России // Альманах клинической медицины. № 21. С. 11–17.
- Шабалин В.Н., Шатохина С.Н. (2018). Влияние социальной среды на формирование психического здоровья пожилого человека // Ульяновский медико-биологический журнал. № 3. С. 124–132. DOI: 10.23648/UMBJ.2018.31.17223
- Aspalter C. (2021). *Developmental Social Policy and Active Aging with High Quality of Life. Handbook of Active Ageing and Quality of Life*. Cham: Springer. DOI: 10.1007/978-3-030-58031-5_9
- Botev N. (2012). Population ageing in Central and Eastern Europe and its demographic and social context. *European Journal of Ageing*, 1, 69–79. DOI: 10.1007/s10433-012-0217-9
- Boudiny K. (2013). ‘Active ageing’: From empty rhetoric to effective policy tool. *Ageing & Society*, 6, 1077–1098. DOI: 10.1017/S0144686X1200030X
- Casado-Díaz M.A., Kaiser C., Warnes A.M. (2004). Northern European retired residents in nine southern European areas: Characteristics, motivations and adjustment. *Ageing & Society*, 3, 353–381. DOI: 10.1017/S0144686X04001898
- Clegg D. (2018). Central European welfare states. In: *Routledge Handbook of the Welfare State*. Routledge.
- De Vroom B., Øverbye E. (2017). *Ageing and the Transition to Retirement: A Comparative Analysis of European Welfare States*. Taylor & Francis.
- Del Barrio E. et al. (2018). From active aging to active citizenship: The role of (age) friendliness. *Social Sciences*, 7, 134. DOI: 10.3390/socsci7080134
- Ebbinghaus B. (2006). *Reforming Early Retirement in Europe, Japan and the USA*. Oxford: Oxford University Press.
- Eggers T., Grages C., Pfau-Effinger B. (2019). Self-responsibility of the “active social citizen”: Different types of the policy concept of “active social citizenship” in different types of welfare states. *American Behavioral Scientist*, 63(1), 43–64. DOI: 10.1177/0002764218816803
- Esping-Andersen G. (1990). *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity Press.
- Golini A. (1997). *Demographic Trends and Ageing in Europe. Prospects, Problems and Policies*. Atlanta: Genus.
- Gould R., Saurama L. (2017). From early exit culture to the policy of active ageing: The case of Finland. In: *Ageing and the Transition to Retirement*. Routledge.
- Häusermann S. (2010). *The Politics of Welfare State Reform in Continental Europe: Modernization in Hard Times*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Johnson A. (2005). *European Welfare States and Supranational Governance of Social Policy*. New York: Palgrave Macmillan.
- Kashnitsky I., De Beer J., Van Wissen L. (2020). Economic convergence in ageing Europe. *Tijdschrift voor economische en sociale geografie*, 111(1), 28–44. DOI: 10.1111/tesg.12357
- Leichsenring K. (2020). Applying ideal types in long-term care analysis. In: *Ideal Types in Comparative Social Policy*. Routledge.
- Popova D., Navicke J. (2019). The probability of poverty for mothers after childbirth and divorce in Europe: The role of social stratification and tax-benefit policies. *Social Science Research*, 78, 57–70. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2018.10.007
- Reynaud C., Miccoli S. (2019). Population ageing in Italy after the 2008 economic crisis: A demographic approach. *Futures*, 105, 17–26. DOI: 10.1016/j.futures.2018.07.011
- Schulmann K., Reichert M., Leichsenring K. (2019). Social support and long-term care for older people: The potential for social innovation and active ageing. In: *The Future of Ageing in Europe*. Singapore: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-981-13-1417-9_9
- Sobotka T. (2004). Is lowest-low fertility in Europe explained by the postponement of childbearing? *Population and Development Review*, 2, 195–220. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2004.010_1.x

- Stenner P., McFarquhar T., Bowling A. (2011). Older people and 'active ageing': Subjective aspects of ageing actively. *Journal of Health Psychology*, 16(3), 467–477. DOI: 10.1177/1359105310384298
- Taylor-Gooby P. (2004). *New Risks, New Welfare: the Transformation of the European Welfare State*. Oxford: Oxford University Press.
- Walker A. (2002). Strategy for active ageing. *International Social Security Review*, 55(1), 121–139. DOI: 10.1111/1468-246X.00118
- Walker A. (2005). The emergence of age management in Europe. *International Journal of Organizational Behaviour*, 10(1), 685–697.
- Walker A. (2018). Why the UK needs a social policy on ageing. *Journal of Social Policy*, 47(2), 253–273. DOI: 10.1017/S0047279417000320
- Walker A., Maltby T. (2012). Active ageing: A strategic policy solution to demographic ageing in the European Union. *International Journal of Social Welfare*, 21, 117–130. DOI: 10.1111/j.1468-2397.2012.00871.x
- Zaidi A. et al. (2017). Measuring active and healthy ageing in Europe. *Journal of European Social Policy*, 27(2), 138–157. DOI: 10.1177/0958928716676550

Сведения об авторе

Константин Александрович Галкин — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН, ФНИСЦ РАН (190005, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14; e-mail: Kgalkin1989@mail.ru)

Galkin K.A.

Social Policy of Active Aging in Russia and European Welfare States: Comparative Analysis

Abstract. Population aging is a global process that characterizes both European countries and Russia. One proportionate response to the challenges of global aging is to create conditions that maximize autonomy and activity, as well as social support for older people and the opportunity to be active. The purpose of the work is to analyze the features of social policy in the field of active longevity in the European welfare countries and the Russian Federation. The study highlights key trends and differences between Russian and European social policies, and identifies the main features of understanding active longevity in Europe and Russia. The analysis is based on the experience of European countries, which occupy the leading positions in the world quality of life ranking for the elderly, where special attention is paid to elderly citizens and the features of their aging and activity. These countries have been implementing a variety of mechanisms in the field of active longevity for many years. The article reveals the features of implementation of such a policy and provides a critical review of the strengths and weaknesses of active aging policies in European welfare states and Russia.

Key words: active longevity, the elderly, European states, social policy, social activity.

Information about the Author

Konstantin A. Galkin — Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher, RAS Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (25/14, 7th Krasnoarmeyskaya Street, Saint Petersburg, 190005, Russian Federation; e-mail: Kgalkin1989@mail.ru)

Статья поступила 24.01.2022.

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (апрель 2022 г.), а также за период с июня 2021 по апрель 2022 г. (последние 6 опросов, то есть почти год).

Даётся сопоставление результатов исследований со среднегодовыми данными за 2000 (первый год I президентского срока В.В. Путина), 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2011 (последний год президентства Д.А. Медведева) и 2012 (первый год III президентского срока В.В. Путина) годы.

Представлена годовая динамика данных за 2018–2021 гг.²

За период с февраля по апрель 2022 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ возрос на 8 п. п. (с 48 до 56%). Доля жителей области, положительно оценивающих работу Председателя Правительства РФ, увеличилась на 6 п. п. (с 38 до 44%); Губернатора Вологодской области – на 4 п. п. (с 34 до 38%).

За последние 6 опросов (с июня 2021 по апрель 2022 г.) уровень одобрения деятельности главы государства возрос на 3 п. п. (с 53 до 56%); Председателя Правительства РФ и губернатора региона – существенно не изменился (43 и 38% соответственно)³.

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vsgc.ac.ru>.

² В 2020 г. было проведено четыре «волны» мониторинга. Опросы в апреле и июне 2020 г. не проводились в связи с карантинными ограничениями в период распространения COVID-19.

³ Здесь и далее по тексту в рамке выделены результаты сравнительного анализа данных опроса, проведенного в апреле 2022 г., с результатами «волны» мониторинга, осуществленной в июне 2021 г.

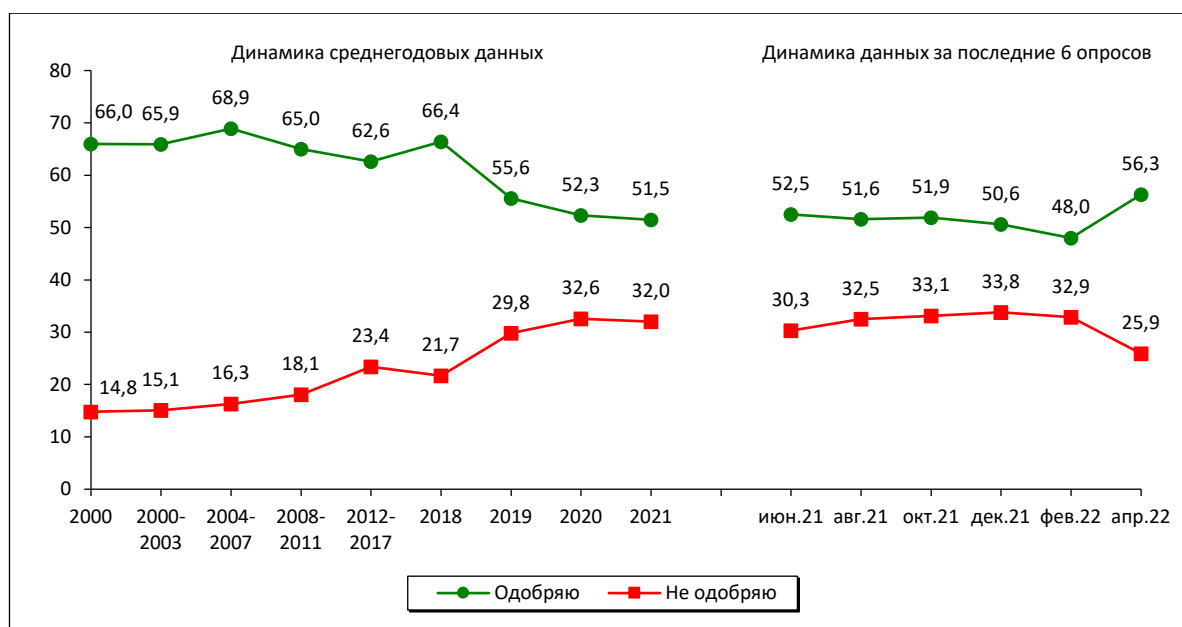
Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Динамика среднегодовых данных								Динамика данных за последние 6 опросов						Изменение (+/-), апр. 2022 к	
	2000	2007	2011	2012	2018	2019	2020	2021	Июнь 2021	Авг. 2021	Окт. 2021	Дек. 2021	Фев. 2022	Апр. 2022	июню 2021	фев. 2022
Президент РФ																
Одобрю	66,0	75,3	58,7	51,7	66,4	55,6	52,3	51,5	52,5	51,6	51,9	50,6	48,0	56,3	+4	+8
Не одобряю	14,8	11,5	25,5	32,6	21,7	29,8	32,6	32,0	30,3	32,5	33,1	33,8	32,9	25,9	-4	-7
Председатель Правительства РФ																
Одобрю	-*	-*	59,3	49,6	48,0	41,1	38,7	39,9	42,2	42,7	39,7	38,3	37,6	43,6	+1	+6
Не одобряю	-	-	24,7	33,3	31,6	38,4	40,4	37,6	35,1	36,0	38,3	38,9	37,7	32,5	-3	-5
Губернатор области																
Одобрю	56,1	55,8	45,7	41,9	38,4	35,7	35,0	36,7	37,8	38,6	37,5	35,9	33,9	38,2	0	+4
Не одобряю	19,3	22,2	30,5	33,3	37,6	40,2	42,5	40,5	38,4	38,5	40,7	41,9	41,6	37,3	-1	-4

Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?». Согласно методике проведения исследования ошибка выборки не превышает 3%, поэтому здесь и далее изменения с разницей в 2 п. п. не учитываются или считаются незначительными; в таблицах они выделены синим цветом. Позитивные изменения выделены зеленым цветом, негативные – красным.

* Вопрос задается с 2008 года.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных, данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

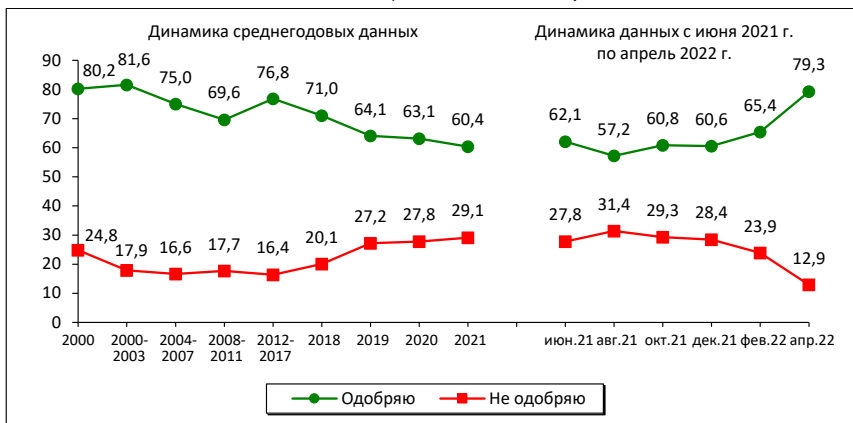
Здесь и далее во всех графиках представлены среднегодовые данные за 2000, 2018, 2019, 2020, 2021 гг., а также среднегодовые данные за периоды 2000–2003, 2004–2007, 2008–2011, 2012–2017 гг., соответствующие периодам президентских сроков.

Для справки:

По данным ВЦИОМ уровень одобрения деятельности Президента РФ за последние два месяца увеличился на 14 п. п. (с 65 до 79%). Доля негативных оценок уменьшилась на 11 п. п. (с 24 до 13%).

По сравнению с июнем 2021 г. в апреле 2022 г. наблюдаются позитивные изменения: доля положительных оценок деятельности главы государства увеличилась на 17 п. п. (с 62 до 79%), отрицательных – уменьшилась на 15 п. п. (с 28 до 13%).

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных; данные ВЦИОМ)

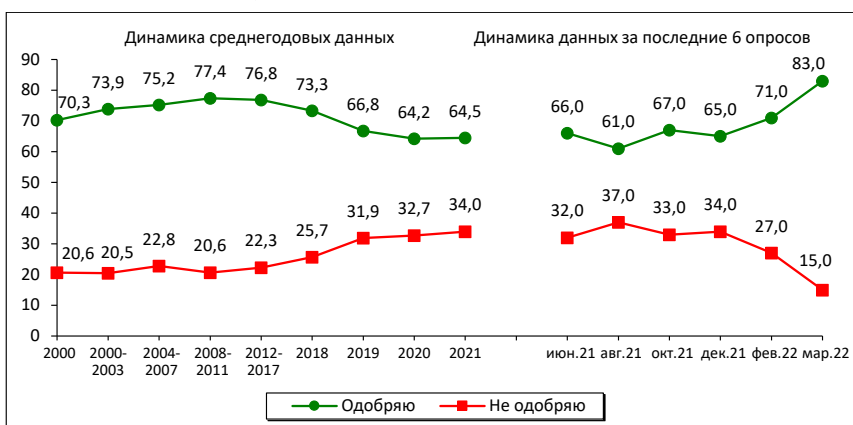
Изменение (+/-), апрель 2022 г. к		
Вариант ответа	июню 2021 г.	февралю 2022 г.
Одобрению	+17	+14
Не одобряю	-15	-11

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?».
Данные за апрель 2022 г. – среднее за два опроса: от 03.04.2022 и 10.04.2022.
Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/>

По данным Левада-Центра* удельный вес позитивных оценок деятельности Президента РФ в период с февраля по апрель 2022 г. возрос на 12 п. п. (с 71 до 83%), доля отрицательных характеристик уменьшилась на 12 п. п. (с 27 до 15%).

По сравнению с июнем 2021 г. уровень одобрения деятельности главы государства возрос на 17 п. п. (с 66 до 83%); удельный вес негативных отзывов снизился на 17 п. п. (с 32 до 15%).

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России?
(в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра*)

Изменение (+/-), март 2022 г. к		
Вариант ответа	июню 2021 г.	февралю 2022 г.
Одобрению	+17	+12
Не одобряю	-17	-12

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России?».
Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru>

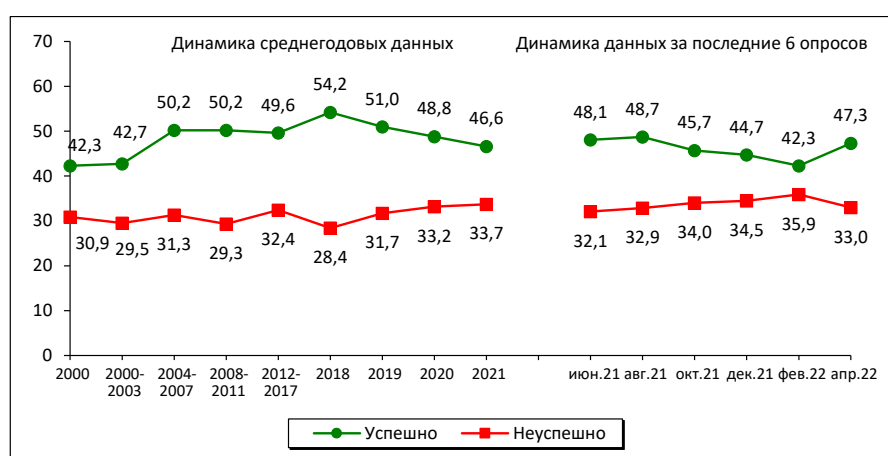
* Внесен в реестр иностранных агентов.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

За последние 2 месяца ощутимо увеличилась доля людей, считающих успешными действия Президента РФ по укреплению международных позиций России (на 5 п. п., с 42 до 47%). Удельный вес тех, кто придерживается противоположной точки зрения, снизился на 3 п. п. (с 36 до 33%).

По сравнению с июнем 2021 г. в оценках успешности решения Президентом РФ проблемы укрепления международных позиций России существенных изменений не произошло.

Укрепление международных позиций России

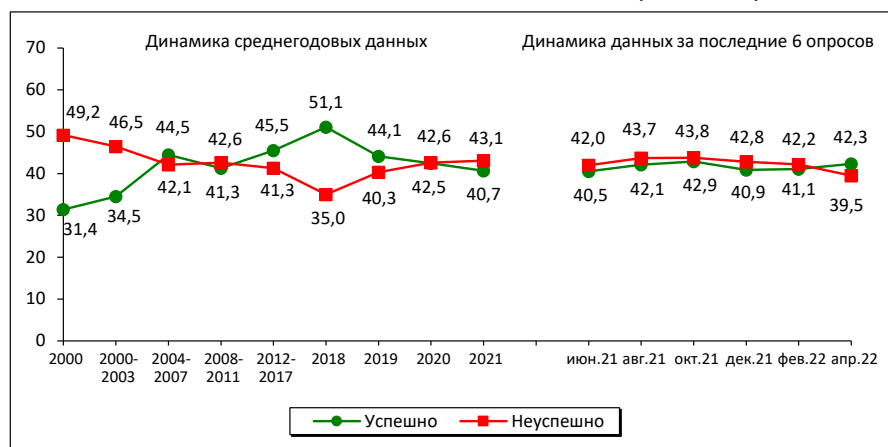

Изменение (+/-), апрель 2022 г. к		
Вариант ответа	июню 2021 г.	февралю 2022 г.
Успешно	-1	+5
Неуспешно	+1	-3

В феврале – апреле 2022 г. доля жителей области, положительно оценивающих работу главы государства по наведению порядка в стране, существенно не изменилась и составила 41–42%.

То же самое можно сказать о сравнении результатов опроса, проведенного в апреле 2022 г., с итогами «волны» мониторинга, реализованной в июне 2021 г.

Наведение порядка в стране

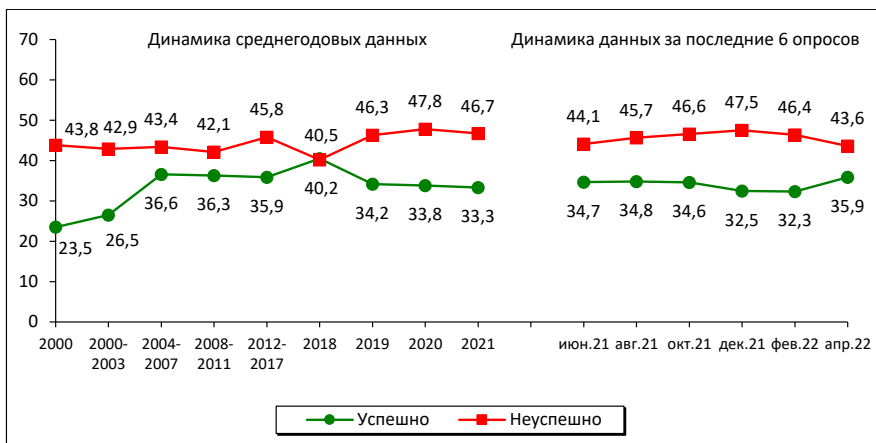

Изменение (+/-), апрель 2022 г. к		
Вариант ответа	июню 2021 г.	февралю 2022 г.
Успешно	+2	+1
Неуспешно	-3	-3

Положительные изменения за последние два месяца отмечаются в динамике оценки успешности решения Президентом РФ проблемы защиты демократии и укрепления свобод граждан. За этот период доля положительных суждений увеличилась на 4 п. п. (с 32 до 36%), а удельный вес отрицательных характеристик снизился на 2 п. п. (с 46 до 44%).

За последние 6 опросов (с июня 2021 по апрель 2022 г.) существенных изменений в оценках населения не произошло.

Защита демократии и укрепление свобод граждан

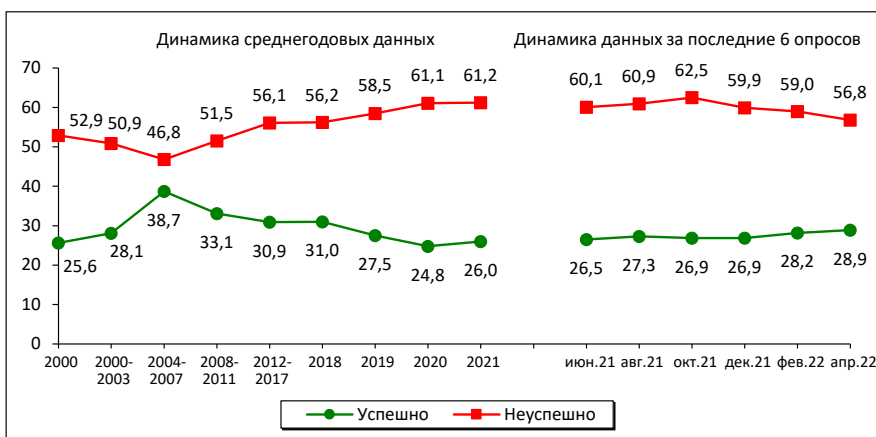

Изменение (+/-), апрель 2022 г. к		
Вариант ответа	июню 2021 г.	февралю 2022 г.
Успешно	+1	+4
Неуспешно	-1	-3

Оценка успешности действий главы государства по подъему экономики и росту благосостояния граждан в феврале – апреле 2022 г. ощутимо не изменилась. Доля положительных суждений составила 28–29%, отрицательных – 57–59%.

Чуть более позитивно выглядит динамика оценок населения за последние 6 опросов. С июня 2021 по апрель 2022 г. удельный вес положительных суждений составил 27–29%, отрицательных – снизился на 3 п. п. (с 60 до 57%).

Подъем экономики, рост благосостояния граждан

Изменение (+/-), апрель 2022 г. к		
Вариант ответа	июню 2021 г.	февралю 2022 г.
Успешно	+2	+1
Неуспешно	-3	-2

В динамике партийно-политических предпочтений жителей региона за последние два месяца отмечается незначительный рост поддержки партии «Единая Россия» (на 3 п. п., с 31 до 34%).

В остальном структура партийно-политических предпочтений не изменилась. В том числе по-прежнему остается высокой доля людей, считающих, что ни одна из представленных в парламенте политических партий не выражает их интересы, или затруднившихся в выборе своих политических предпочтений (41%).

По сравнению с июнем 2021 г. доля сторонников парламентских партий не изменилась. Однако следует отметить, что за этот период ощутимо снизился удельный вес тех, кого не устраивает ни одна из политических сил, представленных в Государственной Думе (на 4 п. п., с 35 до 31%).

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Партия	Динамика среднегодовых данных											Динамика данных за последние 6 опросов						Изменение (+/-), апр. 2022 к		
	2000	2007	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2018	2019	2020	Выборы в ГД РФ 2020 г., факт	2021	Июнь 2021	Авг. 2021	Окт. 2021	Дек. 2021	Фев. 2022	Апр. 2022	июнь 2021	фев. 2022
Единая Россия	18,5	30,2	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	37,9	33,8	31,5	49,8	31,7	32,1	31,7	32,7	31,9	31,1	34,2	+2	+3
КПРФ	11,5	7,0	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	9,2	8,8	8,4	18,9	9,3	8,1	9,3	11,1	10,5	9,5	11,2	+3	+2
ЛДПР	4,8	7,5	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	9,6	9,1	9,5	7,6	9,9	8,5	9,9	11,2	9,9	9,4	7,7	-1	-2
Справедливая Россия – Патриоты – За правду	-	7,8	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	2,9	3,4	4,7	7,5	4,7	4,1	5,3	6,3	6,0	5,7	4,5	0	-1
Новые люди*	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5,3	2,3	-	-	-	2,3	1,6	1,3	-	0
Другая	0,9	1,8	1,9	-	2,1	0,3	-	0,7	0,3	0,5	-	0,2	0,1	0,2	0,5	0,2	0,7	0,3	0	0
Никакая	29,6	17,8	29,4	-	31,3	29,4	-	28,5	33,7	34,2	-	33,9	35,4	34,1	31,7	29,6	32,4	30,8	-5	-2
Затрудняюсь ответить	20,3	21,2	13,2	-	11,7	12,0	-	11,2	11,0	11,1	-	10,0	11,8	9,6	6,6	9,7	9,6	10,0	-2	0

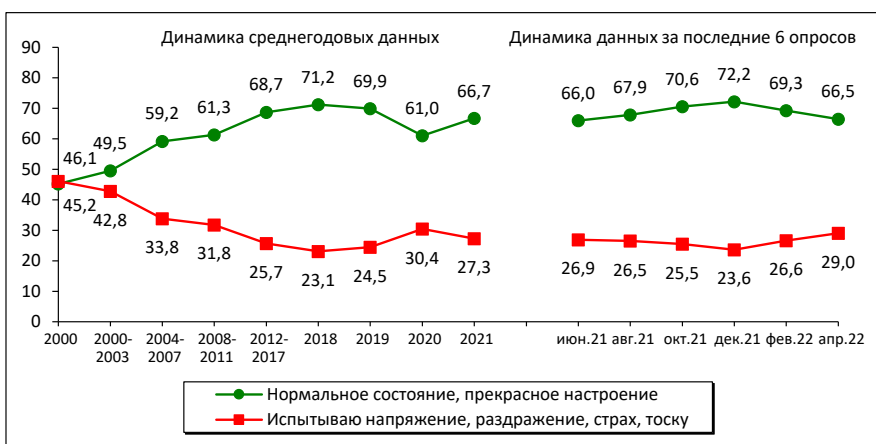
* Партия «Новые люди» впервые получила место в Государственной Думе РФ по итогам выборов, прошедших 17–19 сентября 2021 гг.

В апреле 2022 г. продолжила уменьшаться доля людей, положительно характеризующих своё эмоциональное состояние. В декабре 2021 г. она составляла 72%, в феврале 2022 г. – 69%, в апреле – 67%. Удельный вес жителей, «испытывающих напряжение, раздражение, страх, тоску», увеличился за этот же период на 5 п. п. (с 24 до 29%).

Вместе с тем оценки социального настроения пока еще соответствуют уровню июня 2021 г. За последние 6 опросов доля положительных характеристик не изменилась и составила 66–67%; отрицательных – 27–29%.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

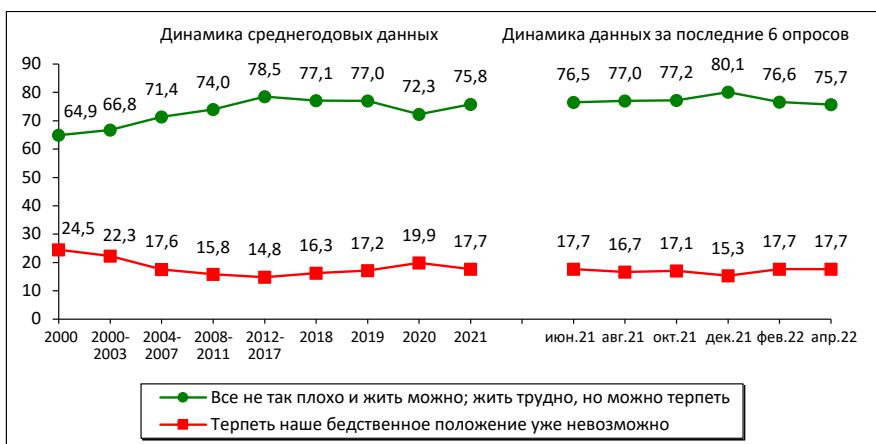
Социальное настроение

Изменение (+/-), апрель 2022 г. к		
Вариант ответа	июню 2021 г.	февралю 2022 г.
Нормальное состояние, прекрасное настроение	+1	-3
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	+2	+2

Показатели запаса терпения в апреле 2022 г. остаются стабильными по сравнению как с февралем 2022 г., так и с июнем 2021 г.: доля людей, считающих, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», составляет 76%, удельный вес тех, кто считает, что «терпеть наше бедственное положение уже невозможно», составляет 18%.

Запас терпения

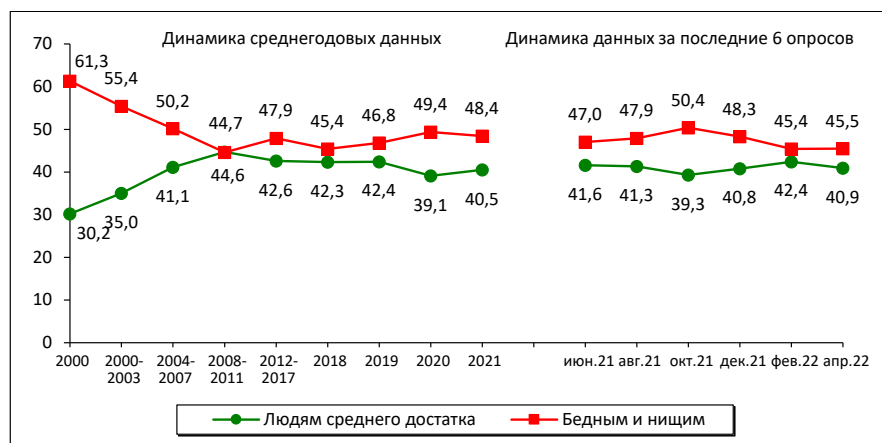

Изменение (+/-), апрель 2022 г. к		
Вариант ответа	июню 2021 г.	февралю 2022 г.
Все не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	-1	-1
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	0	0

В феврале – апреле 2022 г. доля людей, субъективно причисляющих себя к категории «бедных и нищих», не изменилась и составила 45%; это чуть больше, чем удельный вес тех, кто относит себя к категории людей «среднего достатка» (41–42%).

За последние 6 опросов (с июня 2021 по апрель 2022 г.) оценки населения существенно не изменились.

Социальная самоидентификация

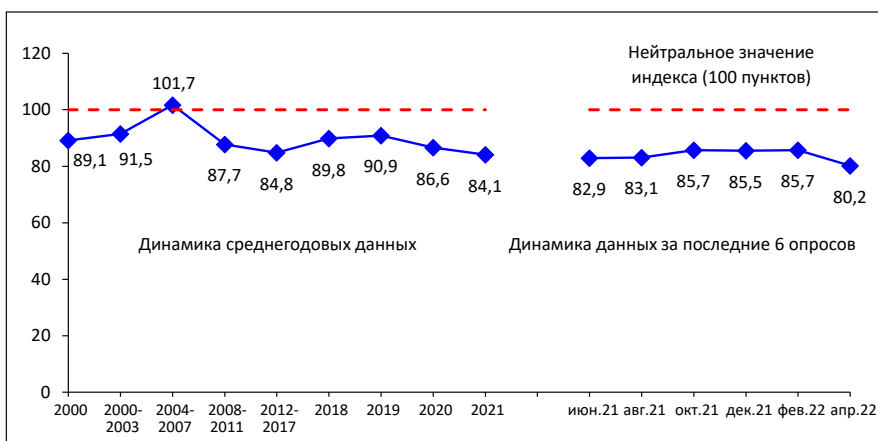
Изменение (+/-), апрель 2022 г. к		
Вариант ответа	июню 2021 г.	февралю 2022 г.
Доля считающих себя людьми среднего достатка	-1	-2
Доля считающих себя бедными и нищими	-2	0

Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?».

За последние два месяца индекс потребительских настроений значительно снизился (на 6 п. п., с 86 до 80 п.), что свидетельствует об ухудшении прогнозов населения относительно будущего экономической ситуации в стране и своего личного материального положения.

По сравнению с июнем 2021 г. ситуация изменилась в негативную сторону: индекс потребительских настроений уменьшился на 3 пункта (с 83 до 80 п.).

Индекс потребительских настроений (ИПН в пунктах; данные ФГБУН ВолНЦ РАН по Вологодской области)

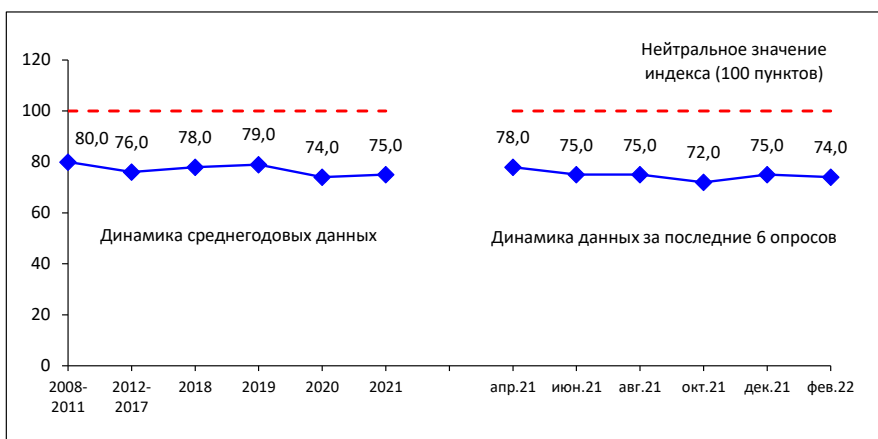

Изменение (+/-), апрель 2022 г. к		
ИПН	июню 2021 г.	февралю 2022 г.
Значение индекса, в пунктах	-3	-6

Для справки:

По последним данным Левада-Центра* (на февраль 2022 г.) индекс потребительских настроений в целом по стране составил 74 п., что примерно соответствует уровню декабря 2021 г., а также данным за июнь 2021 г.

Индекс потребительских настроений (ИПН в пунктах; данные Левада-Центра* по России)

Изменение (+/-), февраль 2022 г. к		
ИПН	июню 2021 г.	декабрю 2021 г.
Значение индекса, в пунктах	-1	-1

Индекс рассчитывается с 2008 г.

Последние данные – на февраль 2022 г. Данные за период с апреля по август 2020 г. отсутствуют.

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

* Внесен в реестр иностранных агентов.

В период с февраля по апрель 2022 г. в 8 из 14 основных социально-демографических категорий населения уменьшилась доля позитивных характеристик социального настроения. Наиболее негативные изменения отмечаются среди женщин (на 7 п. п., с 72 до 65%), а также среди лиц в возрасте старше 55 лет (на 10 п. п., с 65 до 55%).

Единственная группа, в которой за последние два месяца оценки социального настроения улучшились, – люди в возрасте до 30 лет, среди которых доля положительных оценок социального настроения увеличилась на 7 п. п. (с 75 до 82%).

За последние 6 опросов (с июня 2021 по апрель 2022 г.) в пяти социально-демографических категориях населения отмечается позитивная динамика социального настроения (особенно среди людей в возрасте до 30 лет, а также в группе 20% наименее обеспеченных жителей региона). В трех категориях доля тех, кто характеризует свое настроение как «прекрасное, нормальное, ровное», уменьшилась (лица старше 55 лет; люди с высшим и незаконченным высшим образованием; 60% среднеобеспеченных).

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных								Динамика данных за последние 6 опросов						Изменение (+/-), апр. 2022 к	
	2000	2007	2011	2012	2018	2019	2020	2021	Июнь 2021	Авг. 2021	Окт. 2021	Дек. 2021	Фев. 2022	Апр. 2022	июню 2021	фев. 2022
Пол																
Мужской	50,1	65,9	64,5	69,1	72,8	70,1	60,8	65,7	65,1	65,6	70,0	71,5	65,5	68,3	+3	+3
Женский	43,3	61,7	62,0	65,8	69,8	69,6	61,2	67,4	66,7	69,8	70,9	72,8	72,3	65,1	-2	-7
Возраст																
До 30 лет	59,1	71,3	70,0	72,3	80,0	81,1	67,6	73,5	73,0	82,3	75,3	81,9	75,3	81,8	+9	+7
30–55 лет	44,2	64,8	62,5	67,9	72,6	71,2	61,8	69,5	70,0	71,4	70,8	75,1	70,7	71,1	+1	0
Старше 55 лет	37,4	54,8	58,3	62,1	65,2	63,3	57,4	60,5	58,3	58,1	68,3	65,2	65,3	55,2	-3	-10
Образование																
Среднее и н/среднее	41,7	58,4	57,4	57,2	64,8	63,2	56,1	62,1	62,5	63,2	64,1	69,7	68,7	63,0	+1	-6
Среднее специальное	46,4	64,6	63,6	66,7	72,2	72,7	63,5	66,7	66,1	68,5	70,4	70,1	68,3	69,8	+4	+2
Высшее и н/высшее	53,3	68,6	68,3	77,0	76,8	73,4	63,3	71,5	69,7	73,0	77,1	77,6	71,5	66,9	-3	-5
Доходные группы																
20% наименее обеспеченных	28,4	51,6	45,3	51,5	57,3	53,2	43,4	54,6	54,2	55,0	60,4	64,0	60,5	61,5	+7	+1
60% средне-обеспеченных	45,5	62,9	65,3	68,7	71,9	71,4	62,6	67,3	67,0	68,9	70,9	71,1	68,8	64,2	-3	-5
20% наиболее обеспеченных	64,6	74,9	75,3	81,1	82,9	81,8	75,6	79,9	76,5	86,7	84,2	85,3	81,5	81,9	+5	0
Территории																
Вологда	49,2	63,1	67,1	73,6	71,0	68,6	60,9	60,3	59,4	59,7	64,0	65,7	63,2	60,2	+1	-3
Череповец	50,8	68,1	71,2	76,2	75,8	71,2	60,4	71,0	70,8	72,3	75,2	75,1	72,6	70,1	-1	-3
Районы	42,2	61,6	57,1	59,8	68,7	69,8	61,4	67,8	67,1	70,1	71,5	74,2	70,8	68,1	+1	-3
Область	46,2	63,6	63,1	67,3	71,2	69,9	61,0	66,6	66,0	67,9	70,5	72,2	69,3	66,5	+1	-3

РЕЗЮМЕ

Главными событиями февраля 2022 г. стали признание Россией независимости Донецкой и Луганской Народных Республик (21 февраля 2022 г.)⁴, а также начало специальной военной операции на территории Украины (24 февраля 2022 г.). Как отметил Президент РФ, ее целью является «защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима... демилитаризация и денацификация Украины, а также предание суду тех, кто совершил многочисленные кровавые преступления против мирных жителей, в том числе и граждан Российской Федерации»⁵.

Это событие оказало существенное влияние на характер геополитических процессов, международное положение и внутреннюю ситуацию в России. Резко возрос уровень международной политической напряженности (в первую очередь между Россией и странами НАТО), фактически в ежедневном режиме против нашей страны вводятся новые экономические санкции, возникла объективная необходимость в комплексной смене вектора экономической и культурной политики.

События, происходящие на мировой политической арене, и их последствия для Российской Федерации оказали существенное влияние на динамику общественного мнения.

Во-первых, на фоне напряженной политической и экономической ситуации существенно возрос уровень поддержки Президента РФ и в целом системы государственного управления (о чем свиде-

тельствует рост уровня одобрения деятельности главы государства (на 8 п. п., с 48 до 56%), Председателя Правительства РФ (на 6 п. п., с 38 до 44%), губернатора региона (на 4 п. п., с 34 до 38%), доли людей, чьи интересы выражает партия власти «Единая Россия» (на 3 п. п., с 31 до 34%), а также ощутимый рост положительных оценок относительно успешности решения Президентом РФ проблемы укрепления международных позиций России (на 5 п. п., с 42 до 47%).

Причем следует отметить, что консолидация общества вокруг президента носит комплексный характер: заметный (на 4 п. п. и более) рост уровня одобрения деятельности главы государства наблюдается почти во всех основных социально-демографических категориях населения.

Во-вторых, несмотря на то, что в целом по области за последние два месяца незначительно (на 2 п. п.) уменьшилась доля позитивных оценок социального настроения, в целом психологическое самочувствие населения остается стабильным:

- ✓ как и в начале года, 77% жителей области считают, что «все не так плохо и можно жить»;
- ✓ снижение доли позитивных оценок социального настроения в феврале – апреле 2022 г. в целом по региону нельзя назвать существенным. Так, например, в предшествующий период

Динамика уровня одобрения деятельности Президента РФ в феврале – апреле 2022 г. (в % от числа опрошенных)

Категория населения	Фев. 2022	Апр. 2022	Изменение (+/-), апр. 2022 к фев. 2022
Пол			
Мужской	45,9	51,7	+6
Женский	49,7	60,1	+10
Возраст			
До 30 лет	51,6	50,9	0
30–55 лет	44,4	55,5	+11
Старше 55 лет	51,0	59,4	+8
Образование			
Среднее и н/среднее	44,0	48,3	+4
Среднее специальное	48,5	59,2	+11
Высшее и н/высшее	54,2	63,8	+10
Доходные группы			
20% наименее обеспеченных	37,0	41,1	+4
60% среднеобеспеченных	50,4	57,6	+7
20% наиболее обеспеченных	56,5	63,4	+7
Территории			
Вологда	38,8	48,1	+9
Череповец	53,3	62,0	+9
Районы	50,1	57,7	+8
Область	48,0	56,3	+8

⁴ Указ Президента РФ о признании Донецкой Народной Республики. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202220002>; Указ Президента РФ о признании Луганской Народной Республики. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202220001>

⁵ Обращение Президента РФ к гражданам России 24 февраля 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843>

(с декабря 2021 по февраль 2022 г., то есть до начала спецоперации на Украине) доля людей, характеризующих свое настроение как «нормальное, прекрасное, ровное», уменьшилась на 3 п. п. (с 72 до 69%).

Следует отметить, что сложившаяся ситуация не могла не оказать негативного влияния на динамику социального настроения людей. Как отмечают эксперты, само начало, а также экономические и социальные последствия спецоперации «словно парализовали общество»⁶; «многие люди в России сегодня растеряны»⁷, и это вполне естественно. Возможно, именно с эмоциональной реакцией на происходящие события связан тот факт, что ухудшение оценок социального настроения отмечается в первую очередь среди женщин (на 7 п. п., с 72 до 65%) и лиц старше 55 лет (на 10 п. п., с 65 до 55%). Однако тем большую ценность, на наш взгляд, представляет собой способность государства в этот тяжелый и напряженный для страны период консолидировать общество вокруг целей реализуемой им внешней политики.

В-третьих, на фоне экономических ограничений, которые сегодня коснулись фактически всех граждан страны, особую тревогу вызывает динамика оценок населения по поводу своего текущего материального положения и перспектив его развития.

Как показывают результаты мониторинга, за последние два месяца доля людей, субъективно относящих себя к категории «бедных и нищих», фактически не изменилась (45–46%). Доля жителей области, считающих, что Президент РФ успешно справляется с задачей подъема экономики и роста благосостояния граждан, также осталась на уровне февраля 2022 г. (28–29%), а доля тех, кто разделяет противоположную точку зрения, даже незначительно уменьшилась (на 2 п. п., с 59 до 57%).

Вместе с тем, в апреле 2022 г. ошутимо снизился индекс потребительских настроений (на 6 пунктов, с 86 до 80 п.). Следовательно, в обществе растет и без того высокий уровень пессимизма людей по поводу прогнозов динамики своего материального положения и экономики страны в целом.

Это предъявляет особые требования ко всем уровням системы государственного управления (федеральному, региональному, муниципальному), поскольку, как отмечают эксперты, сегодняшняя высокая поддержка Президента и государства может иметь «краткосрочный эффект (до 3 месяцев)», а далее он «будет напрямую зависеть от быстрого успеха в военной кампании и эффективной экономической политики правительства»⁸.

Последствия мирового кризиса, с которыми уже сегодня столкнулась наша страна, носят комплексный и неизбежный характер, и в этих условиях всё зависит от способности выстроенной Президентом системы государственного управления «конвертировать» негативные факторы и риски в новые возможности экономического роста, позитивной динамики уровня и качества жизни населения, достижения и защиты полного национального суверенитета.

Материалы подготовили: М.В. Морев, И.М. Бахвалова

⁶ Разобщенное общество потеряло способность к протесту // Независимая газета. 03.04.2022. URL: https://www.ng.ru/editorial/2022-04-03/2_8407_editorial.html

⁷ Можегов В. Спецоперация России положила конец концу истории // Взгляд. 15.04.2022. URL: <https://vz.ru/opinions/2022/4/15/1153019.html>

⁸ Разобщенное общество потеряло способность к протесту // Независимая газета. 03.04.2022. URL: https://www.ng.ru/editorial/2022-04-03/2_8407_editorial.html

ПРАВИЛА
приёма статей, направляемых в редакцию научного журнала
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объёмом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объём принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (common@vscc.ac.ru).

Требования к оформлению текста статьи

1. Поля.

Правое – 1 см, остальные – по 2 см.

2. Шрифт.

Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.

3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.

4. Нумерация.

Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.

5. Оформление 1 страницы статьи.

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации.

Объём текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

Примеры хороших аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте:

<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nr1>.

7. Требования к ключевым словам.

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц.

В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS EXCEL в MS WORD:

1) в MS EXCEL выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS WORD правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок.

Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы.

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится список библиографических источников.

Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем – англоязычные).

Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹.

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

¹ Информация об измененном стандарте Harvard представлена в работе О.В. Кирилловой «Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus» (М., 2013. Ч. 1. 90 с.).

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____,

(наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов)

именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук»
Адрес (юридический и почтовый):
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а;
тел. (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
Банковские реквизиты:
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
ОКТМО 19701000
Наименование банка: Отделение Вологда
Банка России // УФК по Вологодской области
г. Вологда
р. счет 03214643000000013000
корр. счет 40102810445370000022
БИК ТОФК 011909101
Банковский (лицевой счет) л/с 20306Ц32570

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____
Домашний адрес _____

Паспорт: серия _____ номер _____
выдан _____

когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

АКТ
приёма-передачи произведения

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», составили настоящий акт о том, что Лицензиар предоставил Лицензиату Произведение _____ в печатной/электронной версии для использования в соответствии с подписанным сторонами Лицензионным договором № ____ от « ____ » _____ 20__ года.

Передал
Лицензиар:

Принял
От Лицензиата:

_____ / _____
подпись ф. и. о. полностью

_____ / _____ / _____
подпись

М. П.

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые читатели журнала!

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» одним из следующих способов:

- 1) в одном из отделений ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319);
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректор

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
Н.В. Степанова

Подписано в печать 27.04.2022.
Дата выхода в свет 29.04.2022.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 31,7. Тираж 500 экз. Заказ № 24.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru